Ж. КУРМАНКУЛОВ
С.Б. БОЛЕЛОВ
Ж.Р. УТУБАЕВ

ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ НИЗОВЬЕВ СЫРДАРЬИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ

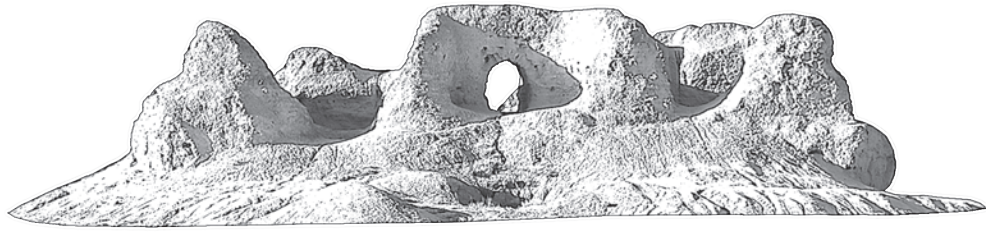
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. МАРГУЛАНА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА

ТРУДЫ
Института археологии им. А. Х. Маргулана

Издается с 2021 года

ТОМ I

Под общей редакцией
А. Онгарулы

Редакционный совет:
А. Тажекеев (ответственный редактор)
Б. Байтанаев
З. Самашев
А. Бейсенов
Д. Байтилеу
Т. Мамиров
А. Айткали
И. Мерц
Г. Джумабекова
Г. Базарбаева
А. Бисембаев
Е. Акымбек
А. Касенова
Р. Жуматаев

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. МАРГУЛАНА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА

Ж. КУРМАНКУЛОВ
С. Б. БОЛЕЛОВ
Ж. Р. УТУБАЕВ

ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ НИЗОВЬЕВ СЫРДАРЬИ

МОНОГРАФИЯ

Алматы
2021

УДК 902/904 (574)
ББК 63.4 (5Каз)
К93

Книга подготовлена и издана
в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта OR11465466

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии имени А. Х. Маргулана
Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Курманкулов Ж., Болелов С. Б., Утубаев Ж. Р.
К93 Древние земледельцы низовьев Сырдарьи. Труды Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. I. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2021. – 322 с., илл.

ISBN 978-601-7106-5-3
ISBN 978-601-7106-57-7

В этом издании, которое является первым томом Трудов Института археологии им. А. Х. Маргулана, представлены материалы Чирик-рабатской археологической экспедиции, полученные в 2007–2019 гг. на памятниках чирикрабатской культуры (Бабиш-мола 7, Баланды), расположенных в нижнем течении Сырдарьи. Книга знакомит читателя с историей изучения памятников, в ней также дается характеристика типов поселений чирикрабатской культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы из ремесленного поселения Бабиш-мола 7, а также представлены результаты анализа керамических комплексов. Авторы предприняли попытку теоретической реконструкции социально-экономической структуры раннего государственного образования, которое, по их мнению, формировалось в низовьях Сырдарьи во второй половине I тыс. до н. э. и, наряду с Хорезмом, являлось одним из центров земледельческой цивилизации Центральной Азии.

Монография рекомендуется археологам и историкам, преподавателям и студентам, учащимся средних школ, а также читателям, интересующимся историей и культурой Казахстана.

УДК 902/904 (574)
ББК 63.4 (5 каз)

ISBN 978-601-7106-5-3
ISBN 978-601-7106-57-7

© Курманкулов Ж., Болелов С. Б., Утубаев Ж. Р., 2021
© Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2021

АЛҒЫ СӨЗ

Ұсынылған монографияның негізін б.д.д. I мыңжылдықтың екінші жартысымен мерзімделетін Шығыс Арал өңіріндегі отырықшы-егіншілік мәдениетінің, нақтырақ айтқанда, шірік рабат археологиялық ескерткіштерінен алынған материалдар құрады. Арал өңірі мен Орта Азияның іргелес аймақтарындағы ежелгі егіншілік мәдениеттердің қалыптасу үдерісі негізінен Сырдария және Әмударияның гидрографиясымен тығыз байланысты. Жалпы, Сырдария өзені – қола дәуірінен бастап көшпелі бақташылық мен егіншіліктің байланыс аймағы саналатын Арал өңірінің шығыс бөлігіндегі басты артерия. Б. д. д. I мыңжылдықтың екінші жартысымен мерзімделетін Сырдарияның төменгі ағысындағы археологиялық ескерткіштерді зерттеу – Шығыс Арал өңіріндегі отырықшы-егіншілік мәдениеттің қалыптасуы мен дамуы үдерісін егжей-тегжейлі зерделеуге мүмкіндік береді. Осы ретте, Ә. Х. Марғұлан атындағы археология институты Шірік рабат археологиялық экспедициясының Сырдарияның төменгі ағысындағы шірікрабат мәдениетіне тән ескерткіштерде (б. д. д. IV–II ғғ.) жүргізген археологиялық қазба жұмыстарының монографияда қорытындылануы өзекті.

Сырдарияның төменгі ағысындағы археологиялық ескерткіштерді кешенді зерттеу алғаш рет С. П. Толстов жетекшілік еткен Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы (ХАЭЭ) тарапынан жүргізілді. Шірікрабат мәдениетінің сақ қорымдары мен қалашықтарына зерттеулер ХАЭЭ топтарымен 1957–1964 жылдар аралығында қарқынды жүрді. Өкінішке орай, ХАЭЭ-ның далалық жұмыстары негізінде алынған дереккөздердің көпшілігі әлі күнге дейін ғылыми айналымға енгізілмеген және табылған артефактілерді жүйелеуге, типология мен жіктеуге байланысты жеке зерттеулер жүргізуді талап етеді.

Мемлекеттің қолдауымен 2000-жылдары Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Шірік рабат археологиялық экспедициясы (ШРАЭ) шірікрабат мәдениетінің ескерткіштерін зерттеуді жалғастырды, бұл өз кезегінде аймақтың ежелгі тарихын теориялық қайта құрудың жаңа деңгейіне шығуға мүмкіндік берді. Бұрын белгілі болған ескерткіштерден (Шірікрабат, Бәбіш мола, Баланды) бөлек, шірік рабат археологиялық мәдениетіне тән бірнеше (Іңкәр-қала, Қарабас, Сеңгір-қала 2, Жаңа-қала, Бәбіш мола 7, Мыңарал кесенесі, Қараөткел және т.б.) жаңа ескерткіш ашылып зерттелді. Жалпы Шірік рабат археологиялық экспедициясы Шығыс Арал маңынан 200-ден аса археологиялық нысанды анықтады.

Шірікрабат мәдениетінің ескерткіштері б.д.д. IV–II ғғ. арналары толы болған Іңкәрдария мен Жаңадария қосөзен аралығындағы егіншілік пен мал шаруашылығына қолайлы жазықта орналасты. Ежелгі Сырдария сағасының оңтүстік аймағын мекендеген халықтардың тіршілік әрекеті – Оңтүстік Арал аймағындағы негізгі су артериясы саналатын Сырдария өзенінің гидрогеологиялық режимімен байланысты болды. Б.д.д. I мыңжылдықтың екінші жартысында, аталған аумақта суармалы егіншілікке негізделген кешенді егіншілік пен мал шару-

ашылығын жүргізуге қолайлы жағдай қалыптасады. Ал б.д.д. II–I ғғ. соңында Сырдарияның шығыс арнаның тартылуына байланысты, аймақ тұрғындары басқа аудандарға қоныс аударады. Осылайша, Шірік рабат археологиялық экспедициясының қазба жұмыстары нәтижесінде алынған бұл деректер, Сырдарияның төменгі ағысындағы ежелгі отырықшы-егіншілік мәдениетті зерттеуге арналған негізгі материал болып табылады. Солтүстік-Шығыс Қызылқұм шөлді аймағының ерекше климаттық жағдайлары екі мың жылға жуық уақыт бойы өзгермеуіне байланысты бірқатар археологиялық ескерткіштер мен ежелгі тарихи ландшафттың бұзылмағанын атап өткен жөн. Нәтижесінде біз жеке үй-жайларды, құрылыстарды, өндірістік кешендерді қазып қана қоймай, салыстырмалы түрде, қысқа хронологиялық кезеңде елді мекендердің немесе оазистің әлеуметтік-экономикалық құрылымын қайта құру мүмкіндігіне ие болдық.

Алынған деректер б.д.д. I мыңжылдықтың соңғы ширегіне қарай ежелгі Сырдарияның оңтүстік-шығыс бөлігінде, урбанизация үдерісінің бастапқы сатысында Қазақстан территориясындағы алғашқы мемлекеттік құрылымның қалыптасқандығы жөнінде болжам жасауға негіз береді. Баланды (Бұланды) және Бәбіш мола тәрізді шірікрабат қоныстарындағы зерттеу жұмыстарының кейбір нәтижелері, және табылған жәдігерлердің сипаттамасы ғылыми мақалаларда жарияланып, әлемдік ғылыми көпшіліктің қызығушылығын туғызды.

Шірік рабат археологиялық экспедициясының осы уақыт аралығындағы жұмыстарына жалпы басшылықты Ж. Құрманқұлов жасады. Баланды (Бұланды) және Бәбіш мола қоныстарында қазба жүргізген ғылыми топтың тұрақты жетекшісі Ж. Утубаев. Далалық зерттеулерге және ескерткіштерден табылған материалдарды өңдеуге бірқатар отандық және шетелдік ғалымдар өз үлестерін қосты. Олардың қатарында, Б. Ж. Әубекеров, С. А. Нигматова, Е. В. Переводчикова, Э. Ананьевская, Д. Гимранов; сонымен бірге, Ә. Х. Марғұлан атындағы археология институтының қызметкерлері Д. А. Байтілеу, С. К. Ишанғали, З. С. Мерц, Е. С. Қазизов, Ж. С. Қалиева, Ә. Д. Қасенова, М. Қ. Сүйіндікова, А. Ш. Аққалиева және А. Т. Несіпбай; Қызылорда қаласындағы Қорқыт ата атындағы университет жанындағы «Археология және этнография» ғылыми-зерттеу орталығының қызметкерлері Ә. Ә. Тәжекеев, Р. Т. Дарменов, фотограф Ш. Әдіқалықов, Ж. Султанжанов, Б. Шораев, Ы. Құрманиязов және К. Шарапова белсене атсалысты.

Ғылыми жобаға белсенді қатысқаны үшін авторлар оларға өз ризашылығын білдіреді. Сондай-ақ, экспедицияны әр жылдары көлік және техникалық керек-жарақпен қамтамасыз етуде көрсеткен көмектері үшін Т. Көмекбаев ауылының тұрғындары – М. Жиенбаевқа, Т. Жұмабаевқа және аспазшы О. Ұзақбаеваға алғыс айтамыз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основу представленной монографии составили материалы из археологических памятников оседло-земледельческой культуры Восточного Приаралья второй половины I тыс. до н. э., и, прежде всего, памятников чирикрабатской археологической культуры. Процесс формирования древних земледельческих культур на территории Приаралья и соседних регионов Средней Азии был связан с гидрографией двух великих рек – Сырдарьи и Амударьи. Сырдарья – одна из главных водных артерий восточной части Приаральского региона, который, начиная с эпохи бронзы, становится контактной зоной кочевников скотоводов и земледельцев. Исследование археологических памятников второй половины I тыс. до н. э. в низовьях Сырдарьи позволяет подробно изучить процессы урбанизации и становления оседло-земледельческой культуры в Восточном Приаралье.

Комплексные исследования археологических памятников низовьев Сырдарьи впервые были проведены Хорезмской археолого-этнографической экспедицией (ХАЭЭ) под руководством С. П. Толстова. Раскопки сакских могильников и городищ чирикрабатской культуры интенсивно велись археологическими отрядами ХАЭЭ с 1957 по 1964 гг. К сожалению, большая часть источников, полученных в ходе полевых работ ХАЭЭ, до сих пор не введена в научный оборот и требует проведения отдельных исследований, связанных с систематизацией, типологией и классификацией обнаруженных артефактов.

С начала 2000-х годов при поддержке государства сотрудники Чирик-рабатской археологической экспедиции (ЧРАЭ) Института археологии им. А. Х. Маргулана возобновили исследование памятников чирикрабатской культуры, это, в свою очередь, позволило выйти на новый уровень теоретических реконструкций древней истории региона. Помимо археологических объектов, обнаруженных ранее (Чирик-рабат, Бабиш-мола, Баланды), было открыто и обследовано несколько новых памятников чирик-рабатской культуры – Инкар-кала, Карабас, Сенгир-кала 2, Жана-кала, Бабиш-мола 7, мавзолей Мынарал, Караоткел и др. Всего комплексными работами ЧРАЭ на территории Восточного Приаралья выявлено более 200 археологических объектов чирикрабатской культуры.

Памятники чирикрабатской культуры расположены на равнинных территориях, благоприятных для земледелия и скотоводства, между реками Инкардарья и Жанадарья, которые были полноводны в IV–II вв. до н. э. В этот период жизнедеятельность населения к югу от древней Сырдарьинской дельты целиком и полностью зависела от гидрогеологического режима основной водной артерии – Сырдарьи. Во второй половине I тыс. до н. э. на данной территории были благоприятные условия для ведения комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, основу которого составляло ирригационное земледелие. В конце II–I вв. до н. э. водосток по восточным руслам Сырдарьи резко сокращается и люди уходят с этой террито-

рии. Полученные в ходе многолетних исследований ЧРАЭ археологические материалы легли в основу представленной монографии. Большая часть археологических источников является эталоном и во многом восполняет лакуны в изучении древнеземледельческой культуры низовий Сырдарьи. Необходимо подчеркнуть, что особые климатические условия пустынной зоны Северо-Восточных Кызылкумов на протяжении почти двух тысячелетий оставили практически нетронутыми ряд археологических памятников и древний исторический ландшафт. В результате мы имели возможность не только раскопать отдельные усадьбы, сооружения, производственные комплексы, но и реконструировать систему жизнеобеспечения и, отчасти, социально-экономическую структуру поселений или оазисов в течение сравнительно небольшого хронологического периода. Полученные данные дали основания предположить, что уже в последней трети I тыс. до н. э. в юго-восточной части древней сырдарьинской дельты, на начальной стадии урбанизационных процессов, происходит формирование раннего государственного образования – первого на территории Казахстана.

Работы Чирик-рабатской археологической экспедиции все эти годы проводились под общим руководством Ж. Курманкулова. Бессменным начальником отряда, который проводил раскопки поселений Баланды (Буланды) и Бабиш-молы, являлся Ж. Утубаев. В полевых исследованиях и обработке полученных материалов активно участвовали отечественные и иностранные ученые, среди них Б. Ж. Аубекеров, С. А. Нигматова, Е. В. Переводчикова, Э. Ананьевская, Д. Гимранов; также сотрудники Института археологии им. А. Х. Маргулана – Д. А. Байтлеу, С. К. Ишангали, З. С. Мерц, Е. С. Казизов, Ж. С. Калиева, А. Д. Касенова, М. К. Суюндикова, А. Аккалиева и А. Несипбай; сотрудники научно-исследовательского центра «Археологии и этнографии» университета им. Коркыт Ата г. Кызылорды А. А. Тажекеев, Р. Т. Дарменов, фотограф Ш. Абдикаликов, Ж. Султанжанов, Б. Шораев, Ы. Курманиязов и К. Шарапова. Авторы выражают им благодарность за активное участие в научных исследованиях.

Выражаем огромную благодарность жителям села им. Т. Комекбаева – М. Жиенбаеву, Т. Жумабаеву и повару О. Узакбаевой – за оказанную нам в разные годы неоценимую помощь в обеспечении экспедиции транспортом и техническими средствами.

INTRODUCTION

This work is based on materials from archaeological monuments of the sedentary farming culture of the East Prearalie in the second half of the Imillennium B. C., first of all, monuments of the chirikrabat archaeological culture. The process of formation of ancient agricultural cultures in the Aral Sea region and neighboring Central Asia was mainly related to the hydrography of the two great rivers – the Syrdarya and the Amudarya.The Syrdarya River is one of the main arteries of the eastern part of the Aral Sea region, the contact zone of nomadic cattle breeding and agriculture since the Bronze Age. The study of archaeological monuments from the second half of the I millennium B. C. in the lower reaches of the Syrdarya allows a more detailed study of the process of urbanization and the formation of sedentary farming culture in the eastern Aral Sea region. In thatregard, the monograph summarizes the results of many years of research on the monuments of the Chirik-Rabat archaeological culture (IV–II centuries B. C.) in the lower reaches of the Syrdarya, conducted by the Chirik-rabat archaeological expedition of the Institute of Archaeology named after A. K. Margulan Institute of Archaeology.

The Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition (KhEE), led by S. P. Tolstov, carried out the first large-scale studies of archaeological monuments in the lower reaches of the Syrdarya. Excavations of Sak burial grounds and settlements of the Chirik-Rabat culture were intensively carried out by KhEE teams from 1957 to 1964. They have not been completed and the valuable finding discovered have not been fully published to date. Sources found at the time indicate that the monuments hold many undiscovered secrets.

Now the Chirikrabat Cultural Monument, metaphorically speaking, begun a new life. Thanks to the implementation of the tasks of the state strategic project “Cultural Heritage”, under the programme “Grant financing of scientific research” and “Programme-targeted financing”, comprehensive research work on the monument of chirikrabat culture was carried out by the Institute of Archaeology named after A. K. Margulan Institute of Archaeology. In addition to previously known archaeological sites (Chirik-rabat, Babish-mola, Balandy), several new monuments (Inkar-kala, Karabas, Sengir-kala 2, Zhana-kala, Babish-mola 7, Mynaral mausoleum, Karaotkel and others), also belonging to the chirikrabat archaeological culture, were discovered and examined. In total, the Chirik-rabat Archaeological Expedition identified more than 200 archaeological sites belonging to the chirikrabat culture on the territory of the Eastern Prearalie.

The monuments of the chirikrabat culture are located in the plains, favorable for agriculture and cattle breeding, between the rivers Inkardarya and Zhanadarya, which were watered in the IV–II centuries B. C. As elsewhere in the South Prearalie, the livelihoods of the population in the southern areas of the ancient Syrdarya delta depended entirely on the hydro-geological regime of the Syrdarya river as the main waterway. In the second half of the I millennium B. C. on this territory, conditions

were created for conducting an integrated agricultural and cattle-breeding economy based on irrigation agriculture. At the end of the II–I centuries. B. C. run-off along the eastern channels of the Syrdarya sharply declined and people left this territory. Thus, the archaeological materials obtained from the excavations of the Chirik-rabat archaeological expedition, which form the basis of this study, are benchmarks for the study of the sedentary ancient farming culture in the lower reaches of the Syrdarya. In the unique natural conditions of the north-eastern Kyzylkum desert, the man-made landscape has remained virtually untouched for more than two millennia. As a result, we had the opportunity not only to excavate individual estates, structures, industrial complexes, and, as far as possible, to reconstruct the planning and partly socio-economic settlement or oasis during a relatively short chronological period. The data obtained gave grounds to suggest that in the last third of the I millennium B. C. in the south-eastern part of the ancient Syrdarya delta, at the initial stage of urbanization processes took place the formation of early state formation – the first in the territory of Kazakhstan. Some results of the research on the Chirik-rabat settlements of Balandy (Bulandy) and Babish-mola, as well as the artefacts found, have been published earlier in a series of scientific articles that are of interest to the international scientific community.

The work of the Chirik-rabat archaeological expeditionwas carried out all these years under the general leadership of Zh. Kurmankulov.The permanent leader of the team that excavated the settlements of Balandy (Bulandy) and Babish-mola was Zh. Utubayev. Domestic and foreign researchers, among them are E. V. Perevodchikova, E. Ananyevskaya, D. Gimranov, B. Zh. Aubekerov, S. A. Nigmatova; also staff members of the Institute of Archaeology named after. A. Kh. Margulan: D. A. Baitileu, S. Ishangali, Z. S. Merz, E. S. Kazizov, Zh. S. Kalieva, A. D. Kasenova, M. K. Suyundikova, A. Nesipbai and A. Akkalieva; A. A. Tazhekeyev, R. T. Darmenov, photographer Sh. Abdykalykov, Zh. Sultanzhanov, B. Shorayev, I. Kurmaniyazov and K. Sharapova from “Archaeology and Ethnography”researchcentreat Korkyt Ata University, Kyzylorda.

The authors wish to thank them for their active participation in the research project. We would also like to express our enormous gratitude for the invaluable help in providing the expedition with transport and technical means to the residents of T. Komekbayev village – M. Zhienbayeva, T. Zhumabayeva and the cook O. Uzakbayeva.

ВСТУПЛЕНИЕ

Последний полевой сезон археологических раскопок Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР на городище и могильнике Алтынасар в Джетыасарском урочище, на территории Кызылординской области, был закончен в сентябре 1991 года. Таким образом, завершился более чем сорокалетний этап изучения древностей юго-восточного Приаралья, который проводила Хорезмская экспедиция, сначала под руководством С. П. Толстова, а затем работами в Джетыасарском урочище долгое время руководила Л. М. Левина. За этот период были открыты и обследованы наиболее значимые археологические памятники региона. На некоторых из них были проведены стационарные археологические исследования (Аржанцева, Болелов, Тажекеев, 2018, с. 9–14). Впоследствии, в силу объективных причин, археологические изыскания на территории древней дельты Сырдарьи были прерваны более чем на десятилетие.

Ситуация кардинально изменилась в начале XXI в, когда в 2004 году была организована Чирик-Рабатская археологическая экспедиция Института археологии им. А. Х. Маргулана под общим руководством Ж. Курманкулова.

Еще в начале 60-х годов прошлого века Хорезмской экспедицией здесь были открыты древние памятники культуры скотоводов и поселения земледельцев. Наиболее ранние стоянки охотников и подвижных скотоводов относились к III–II тыс. до н. э. На берегах Жанадарьи и Инкардарьи отмечено наибольшее скопление курганных могильников раннего железного века (VII–V вв. до н. э.). Здесь же были открыты земледельческие поселения и наземные погребальные сооружения второй половины I тыс. до н. э. В это время в южной части дельты, прежде всего на широтных руслах Жанадарьи и на старицах Инкардарьи, создаются условия, весьма благоприятные для занятий земледелием. Климатические условия становятся более мягкими, с достаточным количеством годовых осадков. К этому периоду времени относится начальный этап формирования оседлой земледельческо-скотоводческой культуры, основой хозяйства которой было отгонное скотоводство и ирригационное земледелие. В археологической литературе, с начала 90-х годов прошлого века, эта археологическая культура получила название чирикрабатская.

В настоящее время известно более 200 памятников этой культуры: крепости, укрепленные городища, неукрепленные поселения, погребальные сооружения. Первоначально, после

первых раскопок в юго-западной части Сырдарьинской дельты, все эти памятники были объединены в так называемую кокча-тенгизскую археологическую культуру, которая, по мнению С. П. Толстова, подразделялась на два варианта: западный (северная дельта Акчадарьи) и восточный (низовья Жанадарьи и Инкардарьи). Городища и поселения восточного варианта были отнесены к позднему этапу кокча-тенгизской археологической культуры. С. П. Толстов считал, что истоки ее следует искать в культурах Южного Приаралья эпохи поздней бронзы (Толстов, 1962, с. 137). Таким образом, признавалась прямая преемственность между культурами эпохи поздней бронзы и раннего железного века, что позднее не подтвердилось. Вне всякого сомнения, чирикрабатская культура возникла на базе местной сакской культуры предшествующего периода (Вайнберг, 1999, с. 261). Прямой связи в материальной культуре эпохи поздней бронзы и сакской культуры Южного Приаралья не прослеживается. Таким образом, нет никаких оснований напрямую связывать чирикрабатскую археологическую культуру, которая является наиболее ранней культурой древних земледельцев не только на территории Нижней Сырдарьи, но и всего Казахстана, с культурой пастухов-скотоводов начала I тыс. до н. э. Вне всякого сомнения, она формировалась и развивалась под сильным влиянием древнеземледельческих культур Средней Азии, в первую очередь, Хорезма. Об этом красноречиво свидетельствуют археологические материалы, полученные в ходе раскопок Хорезмской экспедиции на городищах Чирик-рабат, Бабиш-мола, поселения и крепости Баланды, а также своеобразных погребальных памятников – наземных мавзолеев, которые известны в настоящее время только на территории древней Сырдарьинской дельты. Чирикрабатская археологическая культура представлена различными категориями археологических памятников: крупные укрепленные городища, крепости, неукрепленные поселения «хуторского» типа, производственные центры, могильники и своеобразные погребальные сооружения, так называемые «крестовины». Наиболее широкомасштабные раскопки в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века проводились на городищах Чирик-рабат и Бабиш-мола, а также на укрепленной усадьбе Баланды. Кроме того, объектами исследования стали отдельные погребальные сооружения, в том числе уникальное купольное сооружение Баланды 2.

В ходе работ Хорезмской экспедиции было установлено, что жизнь в южной части древней Сырдарьинской дельты, ввиду кардинального изменения водного режима Сырдарьи, прекратилась не позднее конца II – начала I в. до н. э. После этого люди появлялись здесь лишь эпизодически, например, в эпоху средневековья, в период частичного обводнения древних русел. Позднее осваивались территории к северу и северо-востоку от Жанадарьи, когда основной сток шел по староречьям Куандарьи, где на территории Джетыасарского урочища сформировалась и долгое время существовала джетыасарская археологическая культура.

Благодаря уникальным природным и климатическим условиям северо-восточных Кызылкумов, на территории нижнего и среднего течения Жанадарьи и Инкардарьи сохранился практически в первозданном виде древний антропогенный ландшафт второй половины I тыс.

до н. э. На современной дневной поверхности четко фиксируются развалины усадеб, крепостей, погребальных сооружений, ирригационных систем и конструкций производственного назначения (горны). Благодаря этому, в ходе работ археолого-топографического отряда под руководством Б. В. Андрианова удалось нанести на карту и частично реконструировать систему древнего искусственного орошения некоторых оазисов и ирригационных районов в этом регионе.

В ходе работ Хорезмской экспедиции раскопочными работами были затронуты наиболее крупные памятники на Жанадарье и Инкардарье. На городище Чирик-рабат полностью раскопаны два погребальных сооружения. На городище Бабиш-мола 1 частично была раскопана цитадель («донжон» и часть «Большого дома») и погребальное сооружение Бабиш-мола 2 рядом с ним. На поселении Баланды полностью раскопано уникальное купольное сооружение Баланды 2, на укрепленной усадьбе Баланды 1 был заложен разведочный шурф (Аржанцева, Болелов, Тажекеев, 2018, с. 22–27). Одним из приоритетных направлений исследований Хорезмской экспедиции было изучение уникальных погребальных сооружений чирикрабатской культуры, так называемых «крестовин». В процессе работ экспедиции было полностью раскопано несколько из них. Помимо «Круглого» и «Квадратного» мавзолеев на городище Чирик-рабат можно отметить такие памятники, как Чирик 2, Асар, Баланды 3, Баланды 7 и другие. Всего отдельной группой Хорезмской экспедиции было изучено и описано 18 погребальных сооружений. Суммарные итоги исследований Хорезмской экспедиции конца 50-х – начала 60-х годов XX века[1] на территории юго-западной части Сырдарьинской дельты были опубликованы в монографии Б. И. Вайнберг и Л. М. Левиной, вышедшей в 1993 году.

Археологические исследования в западной части бассейна Жанадарьи и Инкардарьи, как уже отмечалось выше, были возобновлены Чирик-рабатской археологической экспедицией более чем четыре десятилетия спустя.

Основным районом работ экспедиции была избрана южная часть территории древней дельты Сырдарьи, бассейн древних сырдарьинских русловых протоков Инкардарья и Жанадарья. Этот выбор был сделан не случайно.

Территория древней дельты Сырдарьи и, в первую очередь, ее юго-западная часть представляет особый интерес как зона непосредственных контактов традиционных земледельцев и скотоводов; здесь осуществлялась взаимосвязь между кочевыми и оседлыми народами Среднеазиатско-Казахстанского региона. Процессы культурогенеза в древности, особенно в эпоху раннего железного века и позднее, протекали в таких природно-экологических усло-

[1] В начале 70-х годов прошлого века основные стационарные археологические исследования были сосредоточены на территории Джетыасарского урочища и проводились под руководством Л. М. Левиной (Левина, 1998, с. 47–56). На территории распространения чирикрабатской археологической культуры Хорезмская экспедиция после 1961 года раскопок не проводила.

виях, которые способствовали развитию как земледелия, так и скотоводства. Древняя дельта Сырдарьи была промежуточной, буферной территорий между южными древнеземледельческими областями – очагами раннегородской цивилизации и миром подвижных кочевых скотоводов Евразии.

Низовья Сырдарьи – один из наиболее насыщенных археологическими памятниками историко-культурных регионов Казахстана, в полной мере это утверждение относится и к бассейну среднего и нижнего течения Жанадарьи и Инкардарьи. Прекрасная сохранность не только крупных укрепленных поселений, но и прилегающей к ним округи позволяет не просто раскопать отдельный памятник (усадьба, обжигательный горн и т. д.), но дает возможность частично реконструировать структуру поселения или оазиса как взаимосвязанную систему отдельных элементов. Уже в период работ Хорезмской экспедиции на этой территории стало ясно, что именно здесь, благодаря благоприятным природным условиям и изменениям водного режима древних сырдарьинских русел, уже в середине I тыс. до н. э. стал возможен переход от преимущественно скотоводческого способа ведения хозяйства к ирригационному земледелию. Таким образом, именно на этой территории сначала сформировалась, а затем, на протяжении, по крайней мере, двух столетий, успешно развивалась самая ранняя на территории Казахстана земледельческая культура. По этой причине уже с первых сезонов работы Чирик-рабатской экспедиции одним из приоритетных направлений исследований, помимо раскопок курганных могильников и наземных погребальных сооружений, стало целенаправленное комплексное изучение поселений земледельцев и крупных укрепленных городищ. Как представляется, только комплексный и, по возможности, междисциплинарный подход дает возможность максимально достоверно реконструировать социально-экономическую структуру селитебного пространства, будь то поселение или земледельческий оазис.

Уже в первые сезоны работ Чирик-рабатской экспедиции, параллельно со стационарными раскопками на городище Чирик-рабат, были проведены маршрутные рекогносцировочные исследования в южной части Сырдарьинской дельты на значительной территории, вдоль русел Инкардая и Жанадарья от возвышенности Кок-Сенгир на западе и средневековой крепости Бештам-кала на востоке. В ходе этих работ, помимо археологических объектов известных ранее (Чирик-рабат, Бабиш-мола, Баланды, погребальные памятники), было открыто и обследовано несколько новых археологических объектов (Инкар-кала, Карабас, Сенгир-кала 2, и др), также относящихся к чирикрабатской археологической культуре. На некоторых вновь открытых памятниках, а также на известных ранее поселениях, открытых еще Хорезмской экспедицией, были проведены небольшие рекогносцировочные исследования.

Укрепленная усадьба **Сенгир-кала** расположена в урочище Баланды, в 7 км к юго-западу от Баланды 1. Она представляет собой почти квадратный 32×31,5 м большой дом-усадьбу, ориентированный углами по сторонам света (рис. 1) Высота сохранившихся стен местами достигает 4 м. На юго-восточном углу сохранилась башня. Вход в усадьбу был с юго-восточ-

ной стороны; именно здесь образовалась большая промоина. В центре усадьбы, по всей видимости, было большое помещение или двор, размером 15×18 м. Вокруг двора по внутреннему периметру стен дома идут правильные ряды помещений; один ряд – вдоль северо-восточной и юго-восточной стен и, вероятно, два ряда – вдоль северо-западной и юго-западной стен. Рекогносцировочные раскопы велись на объекте в 1972 году. Во время раскопок вскрыто несколько жилых и хозяйственных помещений. По данным М. А. Итиной и Б. В. Андрианова, стены усадьбы и помещений внутри нее, имевшие ширину 1 м, сложены из чередующихся слоев пахсовых блоков (40–45×40–45 см) и рядов сырцовых кирпичей (размеры кирпичей 30–40×36–38×10 см) и покрыты толстым слоем глиняной штукатурки с саманом. На полах всех помещений, расположенных по внутреннему периметру стен, было уложено два ряда сырцовых кирпичей. Материалы раскопок позволяют отнести усадьбу к наиболее позднему, третьему, этапу существования чирикрабатской культуры (Итина, Вактурская, Левина, 1973, с. 449–450).

В 15 км к западу от Баланды 1 находится укрепленная усадьба **Сенгир-кала 2**. Она расположена на левом берегу широтного сухого протока, относящегося к той же гидрографической системе мелких инкардарьиньских русел, что и Баланды. Памятник был открыт в 2014 году маршрутной группой Чирик-рабатской археологической экспедиции.

Сенгир-кала 2 представляет собой прямоугольное в плане сооружение, со скругленными углами (44×24 м), ориентированное углами по странам света (рис. 2). Башни по внешней стене не прослеживаются. Стены сохранились на высоту от 0,70 до 2 м. Въезд на памятник шириной 4 м расположен на центральном участке северо-восточной стены, ближе к северному углу. На современной поверхности довольно отчетливо видна внутренняя планировка. В северо-западной части памятника, по всей видимости, было расположено небольшое (6×5 м), прямоугольное в плане, здание – жилой дом. Надо полагать, вся остальная площадь, в пределах внешних стен усадьбы, была открытым двором. На поверхности усадьбы собрана керамика и найден железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы.

С юго-востока к усадьбе примыкает открытое поселение. Усадьбы расположены рядами вдоль канала. На территории одной из них зафиксированы остатки, по всей видимости, производственной конструкции, не исключено, что это развал обжигательного горна. На поверхности такыра хорошо прослеживается пятно глины, диаметром 2 м, обожженной до красно-оранжевого цвета. По периметру пятна фиксируются сохранившиеся участки внутренней глиняной обмазки камеры (?) толщиной 15–20 см.

Укрепленная усадьба **Инкар-кала** расположена в 5 км к юго-востоку от городища Чирик-рабат. Она была центром небольшого земледельческого оазиса, который базировался на магистральном канале, выведенным от русла Жанадарьи в окрестностях возвышенности Ак-кыр. Поселение было открыто в 2006 году маршрутной группой Чирик-рабатской археологической экспедиции. В 2011 г. на памятнике были проведены небольшие рекогнос-

цировочные археологические исследования. Поселение состоит из нескольких больших домов-усадеб. Лучше всего сохранилась прямоугольная в плане усадьба на левом берегу канала (рис. 3). Это прямоугольное в плане сооружение площадью около 50×30 м, ориентированное углами по сторонам света. Внешние стены сохранились на высоту 2,2 м. Каких-либо дополнительных фортификационных сооружений и башен на внешней стене не прослеживается. Как можно предположить, в усадьбе было два входа. В северо-западной стене, на месте ворот, по всей видимости, образовалась промоина. В юго-восточной стене место входа определяется более четко, здесь его защищала выступающая фланкирующая стена длиной 9 м. По подъемному материалу, а также по археологическому комплексу, полученному в ходе раскопок, памятник относится к чирикрабатской культуре и датируется IV–II вв. до н. э.

Основные стационарные исследования поселенческих памятников, которые были предприняты Чирик-рабатской археологической экспедицией, проводились в оазисе Баланды и на поселении Бабиш-мола 7. На поселении Баланды, где раскопки велись с небольшими перерывами с 2007 по 2014 годы, основным объектом исследований была центральная укрепленная усадьба Баланды 1. Здесь были открыты остатки наземных каркасных жилых построек на территории обширного двора, а также большого монументального здания, возведенного из сырцового кирпича, которое, судя по всему, было не достроено. Кроме того, на территории поселения проводились зачистки и раскопки нескольких усадеб. Исследования на поселении Бабиш-мола 7 были начаты в 2015 году и проводятся по настоящее время. За время работ на памятнике было раскопано несколько керамических обжигательных горнов, жилищно-производственный комплекс (Мастерская № 1), а также часть крупной усадьбы в северной части поселения. Материалы и археологические данные, полученные в результате этих раскопок, легли в основу предлагаемого издания и публикуются впервые.

Несмотря на зачастую не очень хорошую сохранность отдельных объектов, прежде всего небольших усадеб на поселениях, общая планировка памятников (поселений, оазисов) сохранилась в первозданном виде. Благодаря этому, у нас появилась уникальная возможность получить не только гомогенные комплексы археологического материала из раскопок, но, и это представляется особенно ценным, реконструировать структуру поселения, выявить взаимосвязи отдельных элементов внутри этой структуры. Кроме того, учитывая то, что благодаря маршрутным исследованиям, мы достаточно полно представляем себе расположение и местонахождение различных по статусу и назначению археологических памятников на территории распространения чирикрабатской археологической культуры, можно, на наш взгляд, в определенной степени, осмыслить социально-экономическую структуру историко-культурной области в целом.

В представленном издании, которое изначально планировалось как первый том публикаций археологических исследований чирикрабатской археологической культуры, впервые в полном объеме публикуются материалы раскопок только поселений земледельцев, полу-

ченных в ходе изысканий последних лет. Как нам кажется, весьма представительные как в количественном, так и в качественном отношении археологические данные, полученные в ходе раскопок городища Чирик-рабат, а также новые материалы исследований погребальных памятников чирикрабатской культуры, безусловно, заслуживают отдельных обобщающих публикаций. В процессе работы с материалами мы использовали и постоянно обращались к опубликованным материалам наших выдающихся предшественников – сотрудников Хорезмской археологической экспедиции, прежде всего, ее основателя С. П. Толстова, а также – М. А. Итиной, Б. В. Андрианова, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левиной, Ю. А. Рапопорта, О. А. Вишневской, М. Г. Воробьевой, С. А. Трудновской, В. А. Лоховица. В то же время материалы, полученные в результате наших раскопок, значительно расширили, а в некоторых случаях, позволили по-новому осмыслить процессы становления и развития чирикрабатской археологической культуры.

Так, например, сейчас уже очевидно, что в эпоху античности низовья Сырдарьи никак нельзя рассматривать как периферию Древнего Хорезма. Это была отдельная историко-культурная область, которую можно назвать крайним северо-восточным форпостом древнеземледельческой культурной общности Среднего Востока. Также нет никаких оснований говорить о существовании в древней дельте Сырдарьи отдельной сатрапии Ахеменидского государства, скорее можно предполагать формирование здесь самостоятельного раннего государственного образования. Мы полагаем, что полученные материалы в ходе дальнейших исследований на территории нижней Сырдарьи, Бабишмолинского ирригационного района и в самом городище Бабиш-мола, позволят еще больше уточнить и расширить предположения и выводы, к которым мы пришли в ходе подготовки данного издания.

Рис. 1. Укрепленная усадьба Сенгир-кала

Рис. 2. Укрепленная усадьба Сенгир-кала 2

Рис. 3. Укрепленная усадьба Инкар-кала

ГЛАВА 1

Освоение человеком Юго-Восточного Приаралья в древности. Краткий очерк

С глубокой древности Восточное и Юго-Восточное Приаралье являлось одной из важнейших зон постоянных культурных и этнических контактов между скотоводами Великого Евразийского степного пояса и земледельцами южных областей Средней Азии. Именно в этом регионе, на «перекрестке» исторических путей передвижения народов, важных миграционных, а также торговых дорог располагались места традиционных зимовок скотоводческих и полускотоводческих племен. Благоприятные физико-географические, климатические и экологические особенности способствовали развитию в этой области различных хозяйственно-культурных типов. Именно здесь формировались условия устойчивого сосуществования различных этносов, что в полной мере отражено в археологических материалах (Левина, 1997, с. 3). Это дало основание С. П. Толстову еще в 40-е годы прошлого столетия назвать Юго-Восточное Приаралье «аральским узлом этногенеза» (Толстов, 1947, с. 308–310).

Аллювиальная равнина, примыкающая к Аральскому морю с востока и юго-востока, также как и Амударьинская дельтовая равнина, образовалась в результате деятельности одной из двух великих среднеазиатских рек – Сырдарьи. По площади сырдарьинская дельтовая равнина более чем в полтора раза превышает амударьинскую и представляет собой огромный треугольник, вытянутый в широтном направлении. С востока и северо-востока равнина ограничивается современным руслом Сырдарьи, с запада – Аральским морем. На юго-западе она смыкается с северной Акчадарьинской дельтой Амударьи. Южной границей Сырдарьинской дельты являются высокие коренные пески Кызылкумов (Вайнберг, 1997, с. 28).

В процессе обводнения многочисленных дельтовых протоков Сырдарьи аллювий накапливался на равнинных участках, вследствие чего древние русла мигрировали, и происходило периодическое осушение отдельных участков дельты (Левина, 1998, с. 42 и сл; подробно об этом см.: Яблонский, 2017, с. 57–61). До начала ирригационного земледелия Сырдарьинская

дельта представляла собой огромный район с бесчисленными озерами и болотами, среди которых извивались большие и малые русла. Воды медленно стекали на северо-запад очень широким фронтом. Дельтовая равнина плавно понижается с востока на запад – перепад абсолютных высот чуть менее пятидесяти метров (Андрианов, 1969, с. 187–188).

Основные и наиболее крупные археологические памятники в низовьях Сырдарьи были открыты в 40-х – 50-х годах прошлого столетия в ходе автомобильных, пеших и авиационных маршрутов на древних руслах Жанадарьи и Инкардарьи, также на русловых протоках Куандарьи и Эскидарьи. Большая часть объектов была зафиксирована во время авиационного маршрута осенью 1946 года (Вактурская, Воробьева, 1952, с. 631–632). В 1957–1962 гг. на территории древней Сырдарьинской дельты работал маршрутный отряд под руководством С. П. Толстова и археолого-топографический отряд под руководством Б. В. Андрианова. В1957 году были начаты раскопки двух крупнейших памятников античного периода в низовьях Сырдарьи – городищ Чирик-рабат и Бабиш-мола (Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, с. 23–61). В 1958–1961 гг. раскопки на памятниках были продолжены, кроме того, проводились исследования курганных могильников Уйгарак и Тагискен, а также поселения Баланды (Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 32–33). В 1961–62 гг. в работах Хорезмской экспедиции участвовал геоморфологический отряд под руководством А. С. Кесь. Тогда же были обследованы уже известные памятники и открыты новые, в частности крупные средневековые городища и поселения в верхнем и среднем течении Инкардарьи и Жанадарьи. В ходе этих работ были сняты топографические и глазомерные планы памятников. В 1966 году маршрутным Сырдарьинским отрядом Хорезмской экспедиции совместно с отрядом Института географии АН СССР под руководством А. С. Кесь проводились исследования памятников на средней и нижней Сырдарье. В 1968 году средневековые памятники восточной части Сырдарьинской дельты (верхнее и среднее течение Инкардарьи и Жанадарьи) изучались отдельным отрядом Хорезмской экспедиции под руководством Н. Н. Вактурской, тогда же был заложен стратиграфический шурф на городище Асанас. В 2005–2010 гг. маршрутные исследования на территории древней дельты Сырдарьи были возобновлены силами Чирик-рабатской археологической экспедиции. За несколько лет были вновь обследованы археологические памятники, открытые в 50–60 годы прошлого столетия и выявлены новые объекты.

В ходе всех этих исследований на древних руслах Сырдарьинской дельты было открыто большое количество памятников различных исторических периодов: от неолита до позднего средневековья. Полученные данные позволяют с большей или меньшей долей вероятности реконструировать историю и динамику освоения человеком просторов юго-восточного Приаралья.

В пределах древней Сырдарьинской дельты выделяются четыре системы русловых протоков: Инкардарья, Жанадарья, Куандарья и Пракуандарья (иначе Эскидарья) (рис. 1/1). Они расходятся радиально от сырдарьинского русла южнее г. Кызылорда. В результате комп-

лексных исследований установлено, что южная, инкардарьинская система русел, и самая северная – пракуандарьинская, функционировали уже в эпоху неолита и бронзы.

Наиболее ранние археологические памятники в Восточном Приаралье относятся к эпохе палеолита. Стоянки этого времени обнаружены к северу от современного сырдарьинского русла, однако они непосредственно не связаны с древними течениями Сырдарьи (Виноградов, 1981, с. 90–91). В эпоху неолита по берегам дельтовых протоков расселяются группы кельтеминарского населения, которые мигрируют в низовья Сырдарьи из дельтовых районов Амударьи. В настоящее время в районах Нижней Сырдарьи обнаружено более четырех десятков памятников каменного века. Большая часть стоянок сконцентрирована вблизи современного русла реки и в бассейне древних северных сырдарьинских протоков (рис. 1/2). Наиболее известные из них: Космола 1-6, Талас 1 в северной части Сырдарьинской дельты. Несколько стоянок, в том числе дюнных, обнаружено на берегах староречий Инкардарьи; в западной части дельты, в урочище Жалпак, зафиксировано скопление кельтеминарских стоянок, на нескольких из них: Жалпак 1, 2, 4, 6, были проведены рекогносцировочные работы, и собран подъемный материал. Подавляющее большинство каменных орудий изготовлено из кварцита, что является характерной особенностью неолитических комплексов Восточного Приаралья (Толстов, 1962, с. 79; Виноградов, 1963, с. 96; Виноградов, 1981, с. 94). Кроме того, позднекельтеминарские стоянки обнаружены на северо-восточном побережье Аральского моря, в окрестностях станции Саксаульская (Формозов, 1949). Обитатели этих стоянок были такими же рыболовами и охотниками, как и их современники, и, надо полагать, соплеменники, заселившие низовья Амударьи не позднее начала IV тыс. до н. э. Археологический комплекс, полученный в результате обследования этих стоянок, идентичен кельтеминарскому из раскопок неолитических поселений Хорезма. Можно лишь, как отличительную черту, отметить широкое использование кварцита для изготовления каменных микролитов. Наиболее интенсивное освоение староречий Сырдарьи относится к позднему этапу кельтеминарской культуры: конец III – начало II тыс. до н. э., когда группы кельтеминарцев постепенно начинают осваивать навыки отгонного скотоводства (Тажекеев, 2012, с. 102–108).

Число исследованных стоянок эпохи бронзы гораздо больше, но располагались они в основном в долинах южных древних сырдарьинских русел. Стоянки и поселения эпохи бронзы (по большей части поздней бронзы), например, Бурлы 1–3, Баян 2, 3, Еримбет, Кок-Сенгир, Марджан 1, 2, Зякет, Тас 1–3, расположены как в коренных песках Северных Кызылкумов, так и на берегах русел (рис. 1/2). Исследования последних лет показали, что наибольшее скопление стоянок, или, возможно, недолговременных поселений эпохи бронзы концентрируются в верхнем и среднем течении Инкардарьи: у подножья возвышенности Кок-Сенгир и в районе урочища Баян (Тажекеев, 2014, с. 25–28). Вместе тем, в последние годы стоянки эпохи бронзы обнаружены и на северных меридиональных русловых протоках Инкардарьи – Еримбет-Жага (Тажекеев, Дарменов, 2010, с. 438–400), а также к северо-востоку от современного устья

Сырдарьи (Тажекеев, Онгар, Шораев, 2013, с. 167–170). В подавляющем большинстве эти стоянки были пастушескими, но, вместе с тем, обнаружено несколько поселений. Так на средней Инкардарье, неподалеку от могильника Тагискен, на некоторых из них, которые явно были оседлыми, помимо керамики эпохи поздней бронзы, найдены песчаниковые терки и керамические шлаки. На одном из поселений (поиск 6, 1961, АТО ХАЭЭ) ясно прослеживаются остатки жилищ оседлого типа и слабые следы оросительной системы, отведенной от проходившего вблизи большого русла (Толстов, 1962, с. 80; Андрианов, 1969, с. 189). Пастушеские стоянки эпохи поздней бронзы в бассейне Инкардарьи связаны, по всей видимости, с продвижением групп амирабадского скотоводческого населения с территории южной Акчадарьинской дельты Амударьи, сток воды по которой резко начал сокращаться в начале I тыс. до н. э. Вследствие этого, часть полукочевых скотоводов, населявших северо-восточные окраины дельты, мигрировали на север, на территорию Сырдарьинской дельты. Здесь скот в достаточной степени был обеспечен водой и пастбищами (Итина, 1977, с. 193; Итина, 1998, с. 88–89). Очень может быть, что следы ирригации, выявленные в бассейне Инкардарьи, также связаны с продвижением амирабадского населения, часть которого, как известно, занималась примитивным земледелием на русловых протоках Амударьи (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986, с. 197).

Таким образом, заселение Сырдарьинской дельты в эпоху поздней бронзы, в первую очередь, было связано с миграцией групп скотоводческого населения амирабадской культуры из Хорезма (районы южной Акчадарьинской дельты). Это движение было вызвано постепенным усыханием русловых протоков Акчадарьинской дельты. Ее население оставалось преимущественно земледельческим в пределах дельты, но, как можно предполагать, вследствие изменения водного режима и сокращения площадей, пригодных для земледелия, из этой среды выделялись группы полукочевых скотоводов. Именно они, в поисках новых пастбищных земель, устремились за пределы уже освоенной южной Акчадарьинской дельты на север и северо-восток, на территорию низовьев Сырдарьи. Этот процесс документируется многочисленными пастушескими стоянками в северной Акчадарьинской дельте и на протоках Инкардарьи (Итина, 1998, с. 88). Скотоводам не пришлось преодолевать обширные пустынные пространства; в это время северная Акчадарьинская дельта смыкалась с широко разветвленной Инкардарьинской дельтой к востоку от возвышенности Бельтау (Андрианов, 1969, с. 187; Левина, 2000, с. 125). Следует отметить, что этот маршрут давно уже был освоен скотоводческими племенами. Восточное Приаралье с глубокой древности являлось одной из важнейших зон постоянных культурных и этнических контактов между скотоводами Великой евразийской степи и земледельцами древнейших оазисов Средней Азии. Есть все основания предполагать, что именно по этому маршруту, вдоль восточного берега Акчадарьинской дельты, в начале II тыс. до н. э., осуществлялись контакты между населением низовьев Амударьи и скотоводческим населением южного Зауралья (Итина, 1998, с. 80). В то же время, на основании данных, полученных в ходе археологических исследований как известных ранее, так и открытых

вновь стоянок и недолговременных поселений эпохи бронзы на территории дельты Сырдарьи, можно говорить, что эти процессы были, по всей видимости, более сложными. В археологических комплексах этих поселений, наряду с тазабагьябской и амирабадской керамикой, в достаточном количестве представлена керамика андроновской культуры, в большей степени – федоровского этапа, в меньшей степени – алакульская посуда (Тажекеев, Дарменов, 2010, с. 439; Байпаков, 2012, с. 114). Эти факты дают основание предполагать, что миграции были не только с запада, с территории Амударьинской дельты, но и с севера, а именно из областей Центрального и Северо-Восточного Казахстана, и, возможно, из Южного Зауралья.

Наиболее известным и изученным памятником эпохи поздней бронзы в низовьях Сырдарьи является могильник Северный Тагискен, расположенный на излучине русла Инкардарьи, в среднем ее течении. На памятнике раскопано несколько крупных погребальных сооружений-мавзолеев, датированных в пределах IX–VIII вв. до н. э. Они были построены из прямоугольного сырцового кирпича – 54×28×10-12 см; 48×32×10-11 см. В планировочной схеме мавзолеев довольно остроумно соединены квадрат и круг. По большей части, это – квадратный внешний контур, в который вписан круг, образованный квадратными в плане кирпичными колоннами, соединенными между собой обмазанными глиной каркасными стенками. В результате получался внешний круглый обводной коридор. Внутри круга была квадратная в плане центральная камера, которую также образовывали кирпичные колонны, соединенные каркасными стенками. Таким образом, была создана планировка, включающая в себя квадрат внешних стен и два кольцевых коридора, охватывающих квадратную же центральную камеру. Есть основания предполагать, что мавзолеи эти были цилиндроконическими сооружениями из сырцового кирпича и дерева, обрамленные квадратом внешней стены ограды. В погребальных камерах совершался обряд трупосожжения, во время которого горел весь мавзолей. Как полагают, этот обряд предполагал не только кремацию покойника в центральной камере, но и создание кольца огня вокруг нее. По мнению исследователей, планировочную схему тагискенских мавзолеев можно трактовать как микрокосмос – миниатюрное воспроизведение структуры Вселенной, то есть земли и неба в виде квадрата и круга с общим центром. Важнейшим компонентом погребальное обряда, по которому производились захоронения в мавзолеях Северного Тагискена, являлось сожжение не только тела умершего, но и всего погребального сооружения. Это действие, по всей видимости, на уровне микрокосмоса отражало великий мировой пожар, призванный обновить бытие, вернуть мир в конце веков к его началу (Лелеков, 1976, с. 7–17). По мнению исследователей памятника, в мавзолеях хоронили вождей. Вокруг каждого из них группировались более скромные по масштабам сооружения, представлявшие собой прямоугольные ограды, также построенные из сырцового кирпича. Внутри ограды была могильная яма. В центральной камере мавзолея, а иногда и в обводном коридоре помещался погребальный инвентарь: керамика, орудия из бронзы, бронзовые и золотые украшения. В процессе раскопок погребальных сооружений Северного Тагискена,

получен интереснейший археологический комплекс, основу которого составляет керамика. В нем сочетаются традиции культур степной бронзы (андроновский – федоровский вариант), а затем дандыбай-бегазинской археологической культуры) Центрального Казахстана и компоненты, безусловно, перекликающиеся с южной земледельческой цивилизацией (бактрийско-маргианский археологический комплекс). В коллекции присутствует значительное количество посуды, характерной для амирабадской культуры поздней бронзы. Кроме того, некоторые сосуды и орнаментальные мотивы обнаруживают параллели с керамикой замараевского типа и, в меньшей степени, с посудой карасукской культуры (Итина, Яблонский, 2001, с. 93–94). В некрополе Северный Тагискен финальная стадия эпохи бронзы на территории Сырдарьинской дельты археологически представлена наиболее ярко. Материалы могильника наглядно демонстрируют культурный синкретизм населения Нижней Сырдарьи в этот период. Смешанный типологически керамический комплекс – явление эпохальное. Причиной этому являются разнонаправленные миграции групп населения степной зоны Евразии, усилившиеся вследствие экологического кризиса, который на рубеже II–I тыс. до н. э. нанес серьезный ущерб традиционной системе хозяйствования пастушеско-земледельческих сообществ. Материалы памятников эпохи бронзы на территории Южного Приаралья, особенно могильника Северный Тагискен, как кажется, в полной мере иллюстрируют сложные этно-культурные процессы взаимодействия различных вариантов степных культур, которые проходили на территории Нижней Сырдарьи в начале I тыс. до н. э., надо полагать, не без участия древних земледельцев южных областей Средней Азии (Итина, Яблонский, 2001, с. 101–109). В свете исследований последних лет, как кажется, можно поставить вопрос о формировании в южной части древней Сырдарьинской дельты своеобразной синкретической тагискенской археологической культуры эпохи поздней бронзы. Во всяком случае, открытие на возвышенности Сенгир-там грунтовых захоронений в яме под курганной насыпью с керамикой тагискенского облика дает основание предполагать, что помимо Северного Тагискена в районе средней Инкардарьи есть другие памятники этого круга (Тажекеев, Дарменов, 2012, с. 240–247).

Во второй четверти I тыс. до н. э. в гидрографии Сырдарьинской дельты происходят существенные изменения: начинают отмирать многие участки Инкардарьи и на ее месте формируется более спрямленное русло Жанадарьи (Тажекеев, 2013, с. 65–67). В то же время сток по Сырдарьинской дельте не прекращался, и она по-прежнему была привлекательна для древних скотоводов (Итина, Яблонский, 1997, с. 82).

В эпоху раннего железного века – VII–V вв. до н. э. на территории древней Сырдарьинской дельты расселяются сакские племена. В настоящее время у нас нет никаких данных, которые могли бы свидетельствовать о прямой связи этих культур с культурами эпохи поздней бронзы Южного Приаралья. В определенной степени преемственность между саками Южного Приаралья в целом, и населением эпохи бронзы прослеживаются при анализе погребальных сооружений и погребального обряда. Особенно это проявляется в погребальном обряде мо-

гильников Южный Тагискен и Уйгарак, отчасти в могильниках сакского времени Сакар-чага на территории Присаракамышской дельты Амударьи, где обнаруживаются параллели с погребальным обрядом Северного Тагискена (Яблонский, 2004, с. 47–48). Это, по нашему мнению, объясняется какими-то общими космологическими и идеологическими воззрениями, преимущественно ираноязычного населения восточной части степной Евразии эпохи поздней бронзы и раннего железа (Яблонский, 2015, с. 157–160; там же литература по вопросу), которые уходят корнями в более раннюю эпоху индоевропейского единства. В то же время анализ погребального инвентаря говорит как раз об обратном, и ярко демонстрирует общность материальной культуры саков Южного Приаралья, в общем, никак не связанной с археологическими комплексами предыдущего периода (Степная полоса…, 1992, с. 45; Болелов, 2016, с. 17).

Как показывают археологические материалы, на территории Юго-Восточного Приаралья сосуществовали две родственные культуры сакского круга или два варианта одной культуры. Отмечая единство материальной культуры изученных памятников, исследователи приходят к заключению, что жители этих районов, саки, делились на несколько племен. Часть сакского населения сжигала своих покойников в «шлаковых курганах», часть производила кремацию на древнем горизонте, а затем над кострищем насыпался курган, какие-то группы саков хоронили своих покойников в могильных ямах. При этом не исключается, что различные погребальные обряды отражали не столько этнические различия, сколько социальные моменты жизни саков (Левина, 1979, с. 190).

В настоящее время в южной части Сырдарьинской дельты известно более 70 памятников эпохи раннего железного века (рис. 1/3). Среди них выделяются весьма своеобразные погребальные памятники, получившие в археологической литературе название «шлаковые курганы». Они фиксируются на довольно большой территории (80 км по течению Жанадарьи) от Сенгир-тама на западе до окрестностей средневекового городища Кум-кала на востоке (Тажекеев, 2007, с. 90; Тажекеев, Дарменов, 2012, с. 187). Это были округлые в плане сооружения (диаметр 8–10 м), основания которых были опоясаны кольцом из глыб гончарного шлака. Один из них – курган № 4, расположенный на восточной окраине одного из поселений на средней Инкардарье (поиск 18 АТО ХАЭЭ), был раскопан. В результате этих исследований удалось выяснить особенности конструкции погребального сооружения. Высота кургана – 1,4 м от уровня современного такыра, диаметр внутри шлаковой ограды – 10 м. Шлаковые глыбы устанавливались в предварительно выкопанный подквадратный в плане ров, глубиной 20 см и шириной 1,2 м. В центре сооружения, практически на поверхности древнего такыра, которая на 20 см была выше современной, обнаружено сильно прокаленное пятно размерами 5×4 м. Именно здесь, по всей видимости, совершалось трупосожжение. Об этом свидетельствует большое количество мелких кремированных человеческих костей, а также фрагменты небольшого лепного сосудика. После совершения обряда, пространство внутри ограды засыпалось грунтом, а над сооружением, по-видимому, насыпалась земляная насыпь (Толстов,

Жданко, Итина, 1963, с. 48–49; Левина, 1979, с. 180). По соседству с курганами были открыты поселения, которые первоначально были отнесены к тому же периоду, что и «шлаковые» курганы, и, соответственно, к той же археологической культуре. Однако в последствие, это предположение не подтвердилось. По подъемному материалу эти поселения датируются IV–II вв. до н. э., когда на этой территории была распространена чирикрабатская археологическая культура (Тажекеев, Дарменов, 2012, с. 248).

Самым многочисленным подъемным материалом на памятниках культуры «шлаковых» курганов является керамика. Подавляющее большинство ее было местного производства. Это, в основном, плоскодонные сосуды грубой ручной лепки и кострового обжига. Внешняя поверхность посуды была красного или красно-коричневого цвета, на некоторых фрагментах сохранились следы светлого ангоба обмазки. Большая часть керамики не орнаментирована. Набор форм посуды не отличается большим разнообразием; по большей части – это горшки различных размеров, полусферические чаши и сковороды. Встречаются также небольшие горшки с боковым цилиндрическим носиком-сливом. Вся эта посуда близка сакской керамике различных районов Средней Азии и, прежде всего, материалам из курганных могильников низовьев Сырдарьи (Вишневская, 1973, с. 74–80; Итина, Яблонский, 1997, с. 38–40). У исследователей культуры «шлаковых курганов» не вызывает сомнения ее сакская принадлежность, эти выводы сделаны на основании анализа инвентаря. Действительно, наконечники стрел, найденные на поселениях, с полным основанием могут быть отнесены к кругу сакских древностей, и находят себе большое количество аналогий на огромной территории от Монголии до Южного Урала (Левина, 1979, с. 181 и сл.). Однако наконечники стрел сами по себе, также как и, в данном случае, керамика, не могут служить этническим индикатором. Обращает на себя внимание отсутствие в археологическом комплексе культуры «шлаковых курганов» предметов «звериного стиля», конской узды, столь характерных для культур сакского круга Средней Азии в целом, и Южного Приаралья в частности. В то же время облик материальной культуры в целом (керамика, набор стрел, небольшое количество изделий из кварцита) близок сакской культуре низовьев Сырдарьи, известной по раскопкам могильников Южный Тагискен и Уйгарак.

В последующий период времени – вторая половина I тыс. до н. э. – вновь меняется режим обводнения южных дельтовых протоков. По всей видимости, уже в середине I тыс. до н. э. отмирают некоторые участки в среднем течении Инкардарьи, прежде всего, на южном ее русле. Часть отрезков более раннего русла Инкардарьи превращается в старицы и озера (Андрианов, 1991, с. 110; Вайнберг, Левина, 1993, с. 7–14). В это же время формируется более спрямленное широтное русло Жанадарьи. По всей видимости, сырдарьинская вода в этот период не доходила до северной Акчадаринской дельты, а сток Жанадарьи в строну Аральского моря шел по северным меридиональным руслам (Ащинансай, Дайрабай, Камектинсай), где обнаружены стоянки скотоводов и отдельные погребальные сооружения (Вайнберг, 1999, с. 54; Тажекеев, 2013, с. 65–66).

Таким образом, в южной части дельты, прежде всего, на широтных руслах Жанадарьи и на старицах Инкардарьи создаются условия, весьма благоприятные для формирования оседлой земледельческо-скотоводческой культуры, основой хозяйства которой было отгонное скотоводство и ирригационное земледелие. Материалы, полученные в результате исследования античных памятников в бассейне Средней Жанадарьи, охватывают период от конца V до II вв. до н. э., и по ряду существенных общих признаков объединяются в одну компактную группу, которая в археологической литературе в начале 90-х годов прошлого века получила название чирикрабатская археологическая культура (Вайнберг, Левина, 1991, с. 47). В настоящее время известно более 200 памятников этой культуры: крепости, укрепленные городища, неукрепленные поселения, погребальные сооружения (рис. 1/4). Вне всякого сомнения, чирик-рабатская культура возникла на базе местной сакской культуры предшествующего периода (Вайнберг, 1999, с. 261). Безусловно, формирование ее происходило под сильным влиянием древнеземледельческих культур Средней Азии, о чем красноречиво свидетельствуют археологические материалы, полученные в ходе раскопок городищ Чирик-рабат, Бабиш-мола, поселения и крепости Баланды, а также погребальных памятников (Толстов, 1962, с. 136–204; Вайнберг, Левина, 1993, с. 91–102; Курманкулов, Утубаев, 2013, с. 79–146).

Это – первая, наиболее ранняя земледельческая культура на территории Нижней Сырдарьи, о чем красноречиво свидетельствуют остатки ирригационных сооружений, выявленные в результате археологических исследований Хорезмской археологической экспедиции. Постоянное обводнение южных русел Сырдарьинской дельты прекращается во II в. до н. э. Все крепости и поселения чирикрабатской культуры к концу II в. до н. э. забрасываются, и население покидает эти районы.

Чирикрабатская археологическая культура представлена различными категориями археологических памятников: крупные укрепленные городища, крепости, неукрепленные поселения «хуторского» типа, производственные центры, могильники и своеобразные погребальные сооружения, так называемые «крестовины». В 2004 году в Институте археологии им. А. Х. Маргулана Республики Казахстан была организована Чирик-рабатская археологическая экспедиция под руководством Ж. Курманкулова, и после более чем сорокалетнего перерыва было возобновлено изучение памятников античного периода в южной части древней Сырдарьинской дельты. Основным объектом исследования в первые годы работы экспедиции стало городище Чирик-рабат – самый крупный памятник чирикрабатской культуры (рис. 1/5). В 2007 году были начаты комплексные исследования оазиса Баланды (рис. 1/7), где проводились раскопки не только поселения, но и погребальных памятников (рис. 1/8). В 2015 году одним из объектов исследований экспедиции стал оазис Бабиш-мола (рис. 1/6), где основные работы проводились на поселении гончаров Бабиш-мола 7. Публикация результатов работ на поселении Баланды и поселении Бабиш-мола 7, а также освещение вопросов, связанных со становлением оседлой земледельческой культуры в низовьях Сырдарьи, и является основной целью данной публикации.

Рис. 1/1. Карта Сырдарьинской дельты (по: Тажекеев, 2013)

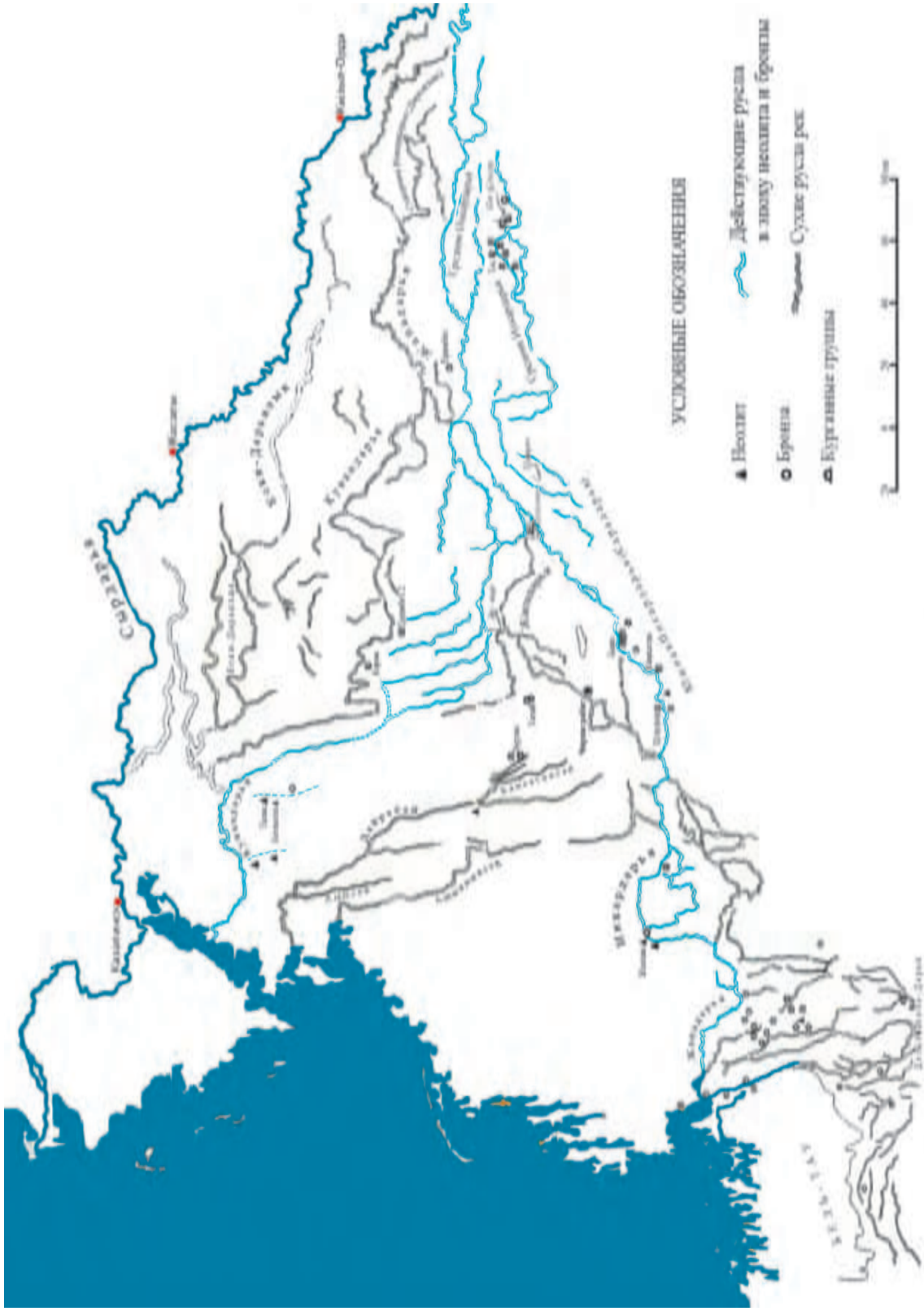

Рис. 1/2. Древняя дельта Сырдарьи. Археологические памятники эпохи неолита и бронзы (по: Тажекеев, 2013)

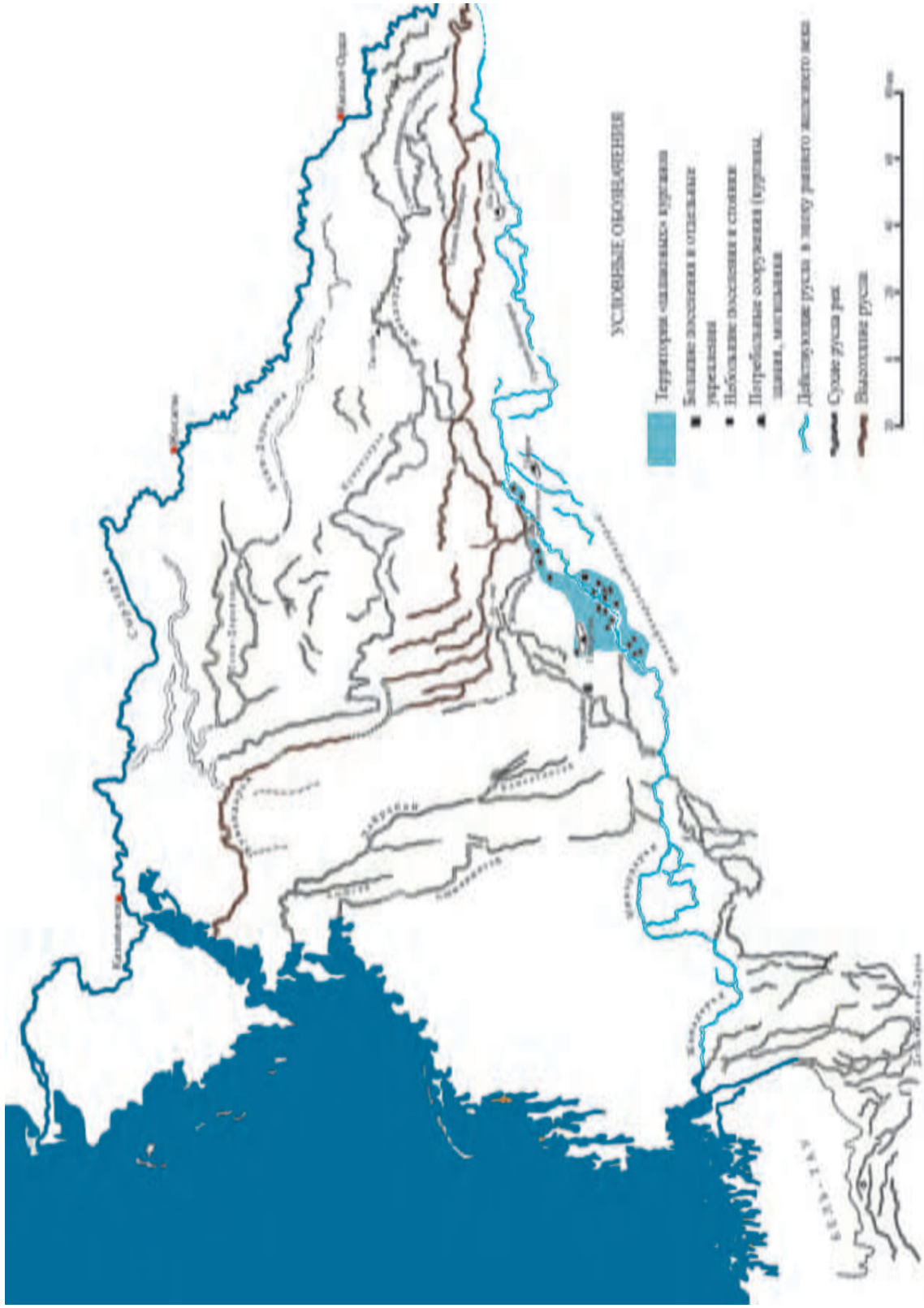

Рис. 1/3. Древняя дельта Сырдарьи. Памятники эпохи раннего железного века (вторая треть – середина I тыс. до н. э.)
(по: Тажекеев, 2013)

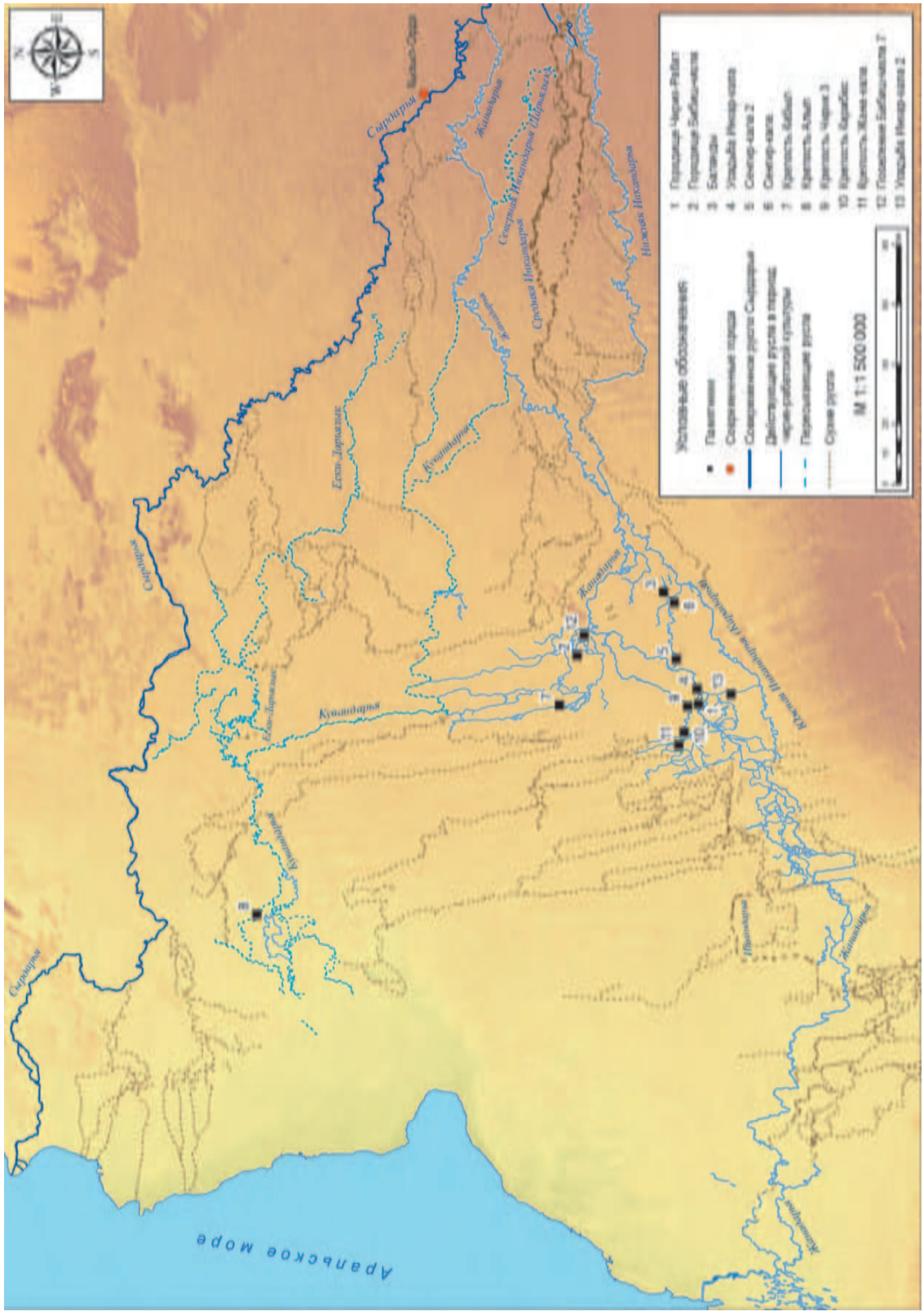
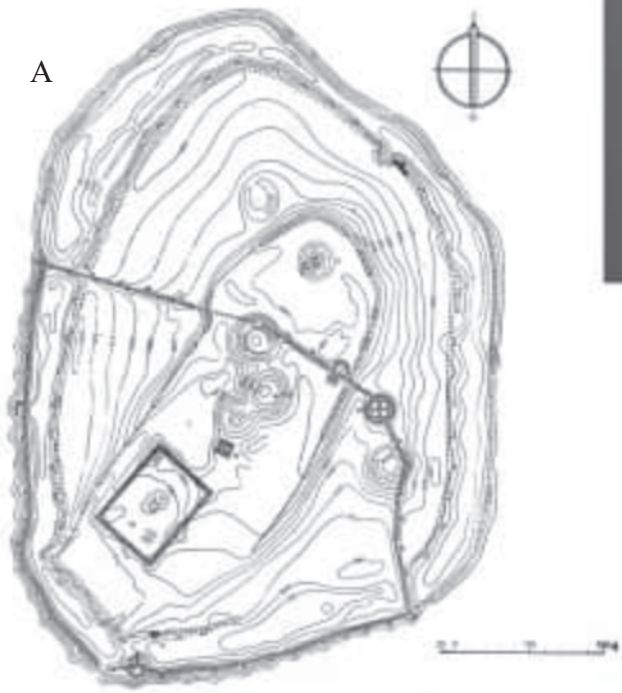

Рис. 1/4. Древняя дельта Сырдарьи. Памятники чирикрабатской археологической культуры (по: Утубаев, Казизов, 2021)

Рис. 1/5. Городище Чирик-рабат. А – план городища (по: Толстов, 1962); Б – пространственная аксонометрия памятника (исполнитель С. К. Ишангали); В – мавзолей 1; Г – аэрофото городища

А

Б

В

Г

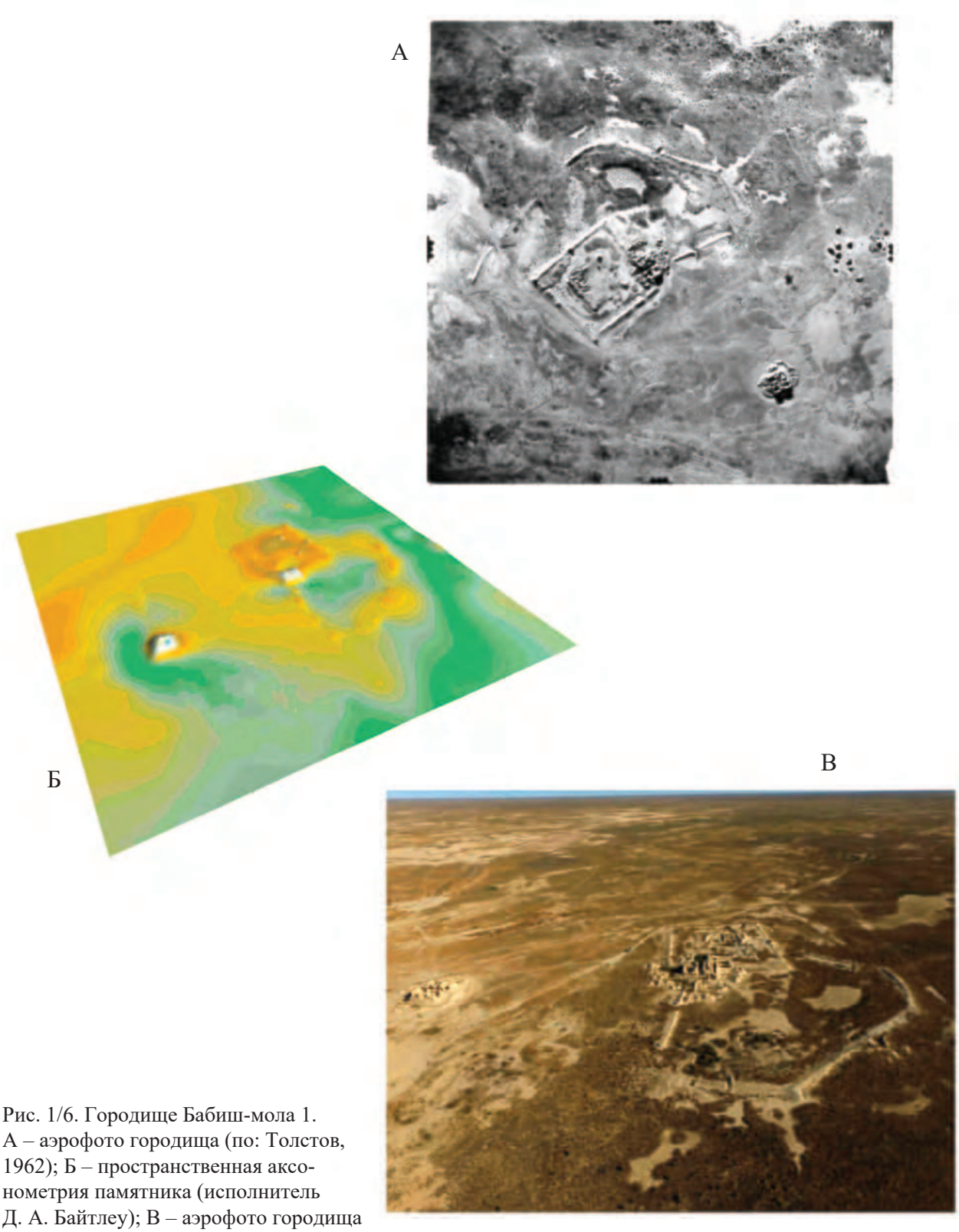

Рис. 1/6. Городище Бабиш-мола 1. А – аэрофото городища (по: Толстов, 1962); Б – пространственная аксонометрия памятника (исполнитель Д. А. Байтлеу); В – аэрофото городища

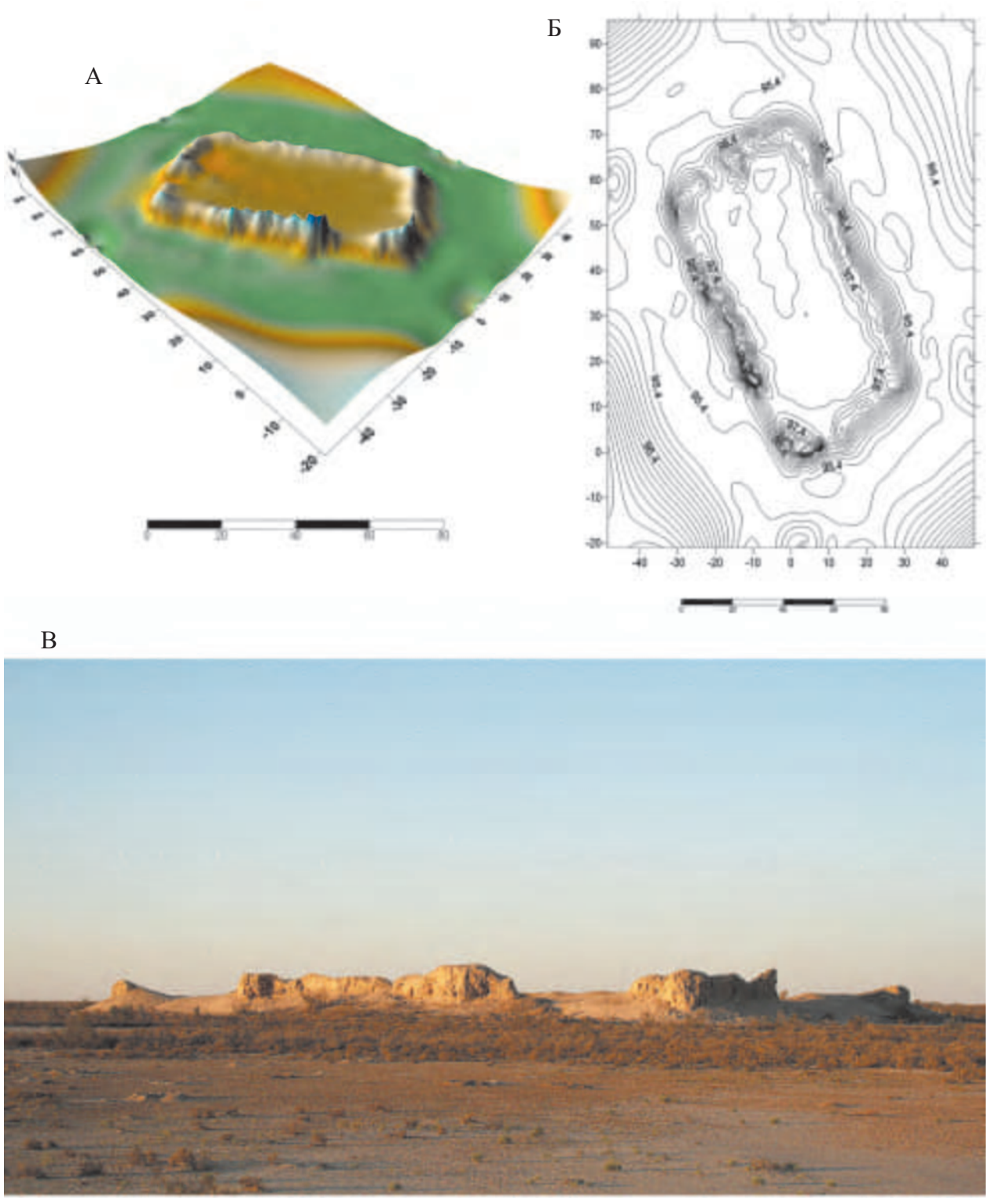

Рис. 1/7. Укрепленная усадьба Баланды. А – пространственная аксонометрия памятника; Б – план городища (исполнитель С. К. Ишангали); В – внешний вид с юго-запада

А

Б

В

Рис. 1/8. Мавзолей Мынарал. А – памятник до раскопок; Б – памятник после раскопок; В – план и разрез

ГЛАВА 2

Поселение Баланды (Буланды)

Земледельческий оазис Баланды находится в 40 км на юго-восток от городища Чирик-рабат, на правом берегу одного из русловых протоков Инкардарьи, который сохранился в настоящее время в виде глиняного вала, возвышающегося над такырами на 0,5–0,6 м. Общая площадь оазиса (предполагаемая орошаемая территория) – 150–200 га. Основной водной артерией, орошавшей оазис, являлся канал, который был отведен из вышеупомянутого дамбированного русла, в 2-х км от укрепленной усадьбы Баланды 1. Сначала, на протяжении 1 км, он следовал изгибам русла, а затем разветвлялся на несколько боковых каналов-арыков, которые подходили к населенной части оазиса с северо-востока. В верхней части канал выражен плоским валом и такырной полосой шириной 10 м, ниже по течению, на некоторых участках, прослеживаются береговые отвалы, выраженные небольшими валиками высотой не более 0,4–0,5 м, расстояние между которыми не превышало 3,5–4 м (Андрианов, 1969, с. 200; Вайнберг, Левина, 1993, с. 20).

Площадь жилой части оазиса (далее поселение) не превышало 8 га. Жилища, или небольшие, отдельно расположенные усадьбы, выражены на современной дневной поверхности небольшими всхолмлениями, усыпанными фрагментами керамики. На поверхности прослеживаются остатки стен помещений, сложенных из пахсы и сырцового кирпича. Достаточно хорошо фиксируются остатки не более 20 усадеб, но, возможно, их было и больше, о чем свидетельствуют, значительные по площади, россыпи керамики на такыре. Большая часть построек находилась на левом берегу магистрального канала, который огибал поселение с северо-запада. Основная часть усадеб расположена к северу от Баланды 1, несколько построек находятся к югу от крепости также на левом берегу магистрального канала. Кроме того, остатки нескольких усадеб прослеживаются и на правом берегу канала, к северо-западу от центральной усадьбы (рис. 2/1).

Центром поселения и всего оазиса была укрепленная усадьба-крепость Баланды 1 (рис. 2/2) (координаты – 44°09′27,3″N; 62°22′43,6″E; ALT 82) – прямоугольный в плане памятник, площадью 80×130 м, окруженный оборонительной стеной, фланкированной полукруглыми башнями, и ориентированный углами по сторонам света (Толстов, 1962, с. 172, рис. 98).

Помимо крепости и поселения, в пределах оазиса располагались культовые и погребальные сооружения. Уникальный архитектурный памятник – купольное здание Баланды 2 (Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 70–71) находится в 1 км к востоку от усадьбы Баланды 1 (рис. 2/3). Первоначально этот объект был определен как погребальное сооружение-мавзолей, одновременно являвшийся зданием культового назначения (Вайнберг, Левина, 1993, с. 21). Позднее этот памятник был интерпретирован как культовое сооружение – общинный храм, обслуживавший жителей оазиса, при этом следует отметить, что планировочная схема Баланды 2 явно восходит к планировкам мавзолеев Северного Тагискена (Дарменов, Утубаев, 2011, с. 157–161). Погребальное сооружение Баланды 3, расположенное к юго-востоку от центральной усадьбы, было связано с тем же широтным протоком, что и все поселение. Еще одно погребальное сооружение – мавзолей Мынарал (рис. 2/4) также расположен на окраине оазиса, в 7 км к западу от Баланды 1. Эти сооружения являются типичными для чирикрабатской культуры погребальными памятниками: круглая в плане постройка, возведенная на высоком цоколе, разделенная поперечными стенами на четыре сектора, или на две части (Вайнберг, Левина, 1993, с. 41–56; Утубаев, 2013, с. 28–35).

Таким образом, структура поселения Баланды выявляется довольно четко: центральная укрепленная усадьба, отдельные небольшие усадьбы на берегу магистрального канала около нее, погребальные и культовые сооружения на периферии оазиса. Следует заметить, что очень схожая, если не идентичная организация селитебного пространства, хорошо известна на территории Хорезма. Достаточно вспомнить, например, Кургашинское поселение, центром которого была прямоугольная в плане крепость Кургашин-кала (90×150 м), построенная на высоком останце – устричной банке, а небольшие отдельные усадьбы располагались по берегам магистрального канала, из которого были выведены небольшие арыки-оросители. Аналогичная структура выявлена и на более крупном Аяз-калинском поселении античного периода (Неразик, 1976, с. 35–41). Эти поселения, как и большинство других сельских поселений Хорезма эпохи античности, относятся к типу рассредоточенных, являя собой образец хуторского расселения, столь характерного для Хорезма во все времена (Неразик, 1979, с. 43; Неразик, 1987, с. 160–161). Есть все основания отнести поселение Баланды к этому типу памятников.

Памятник был открыт маршрутным отрядом Хорезмской археолого-топографической экспедиции в 1959 году. В 1960–61 гг. здесь проводились археологические исследования. Основным объектом являлся купольный мавзолей Баланды 2, который был раскопан полностью. На укрепленной усадьбе Баланды 1 были проведены рекогносцировочные раскопки. В результате этих работ частично было вскрыто несколько помещений здания, расположенного в северо-западной части памятника. В ходе раскопок было сделано несколько неординарных находок. Среди них следует упомянуть резные костяные пластины (рис. 2/5; 1), изящные бронзовые поделки в виде листьев аканта античного облика, являвшиеся, по всей видимости,

частями и украшениями шкатулки, деревянные стенки которой были покрыты тонким слоем слюды с росписью. Кроме того, здесь были найдены фрагменты стеклянных сосудов сирийского производства, украшенные росписью и позолотой, а также рельефным орнаментом в виде розеток; обломки золотых и серебряных предметов; жемчужины, которые, видимо, лежали в этой шкатулке. В этом же раскопе обнаружено крупное бронзовое зеркало с невысоким бортиком по краю. На стенах помещений были зафиксированы следы штукатурки с полихромной росписью. Особый интерес представляет собой объёмная каменная фигурка фантастического животного, вырезанная из цельного куска плотного песчаника серо-коричневого цвета (рис. 2/5; 2). С. П. Толстов определил ее как «изображение льва, подвергшееся сильному воздействию скифского звериного стиля» (Толстов, 1962, с. 174). Здесь следует заметить, что отождествление этого предмета с каким-либо конкретным видом млекопитающего весьма затруднительно. Скорее, эта фигурка относится к обширной категории явно зооморфных изображений, среди которых, в большинстве случаев, вид животного или определить довольно трудно, или он вовсе не определяется. Обращает на себя внимание статичная поза лежащего животного с поджатыми задними и передними конечностями, которая достаточно хорошо известна среди древностей скифо-сибирского звериного стиля, и в том числе на территории Юго-Восточного Приаралья (Итина, Яблонский, 1997, с. 174, рис. 78). Наиболее близкую параллель фигурка из Баланды 1 обнаруживает далеко за пределами Центральной Азии. Обращает на себя внимание фрагмент каменного блюда из окрестностей г. Шполы на Украине, у которого закраина устья сосуда, с одной стороны, была оформлена в виде фигуры лежащего животного с поджатыми передними и задними конечностями и массивной мордой, опущенной вниз, и короткими круглыми ушами (Махортых, 2019, с. 351, рис. 2). Разница между фигуркой из Баланды и украинским навершием состоит только в том, что морда животного из Казахстана поднята вверх, а голова фигурки из окрестностей г. Шпола опущена вниз.

На основании полученных данных было сделано заключение, что Баланды 1, который по археологическим материалам датирован III–II вв. до н. э. (Толстов, 1962, с. 172–174; Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 67–68), является большим укрепленным домом, где раскопано несколько парадных помещений.

Повторно поселение было обследовано маршрутной группой Чирик-рабатской археологической экспедиции. В августе 2007 года, после более чем сорокалетнего перерыва на поселении вновь были начаты стационарные археологические исследования, в ходе которых были проведены дополнительные исследования погребальных и культовых сооружений в оазисе (Курманкулов, Утубаев, 2013, с. 109–140).

Основные раскопочные работы проводились на Баланды 1 и на поселении, где было обследовано несколько усадеб.

Усадьба № 2 расположена в 97 м к северо-востоку от Баланды 1. Это было прямоугольное в плане здание размерами 36×42 м. В юго-западной части усадьбы, на площади немно-

гим менее 40 кв. м, открыто три помещения с очагами в центре (рис. 2/6). Центральную часть занимало прямоугольное в плане помещение размерами 4,20×7 м. Стены толщиной 1–1,4 м сохранились на высоту 20–25 см от уровня пола, который зафиксирован на глубине 30 см от современной дневной поверхности на отдельных участках, в виде глиняной обмазки серо-коричневого цвета толщиной не более 2–3 см. Непосредственно на уровне пола расчищены остатки камышовых циновок или мат, отмечены фрагменты площадью 30×30 см и толщиной до 10 см.

Прямоугольные в плане очаги зафиксированы во всех трех помещениях. Во всех случаях они расположены в центральной части комнаты. Кроме того, в пределах помещений обнаружены округлые в плане мусорные ямы, в заполнении которых найдены бракованные керамические изделия, детские глиняные игрушки и т. п.

В юго-восточной части усадьбы остатков сырцовых стен не выявлено. В то же время по всей площади этого участка раскопа, на расстоянии от 0,7 до 1 м друг от друга, зафиксированы столбовые ямки диаметром 18–20 см. Между этими ямками, которые, вне всякого сомнения, являются следами вертикальных деревянных стоек, прослеживается основание каркасной стены в виде невысокого глиняного валика. Он четко соответствует линии столбовых ямок. Таким образом, уверенно можно говорить, что в юго-западной части усадьбы зафиксированы контуры довольно большого помещения, или двора, окруженного каркасными стенами (Курманкулов, Утубаев, 2013, с. 117–119).

В центральной части этого помещения, или двора, открыта, как можно предполагать, нижняя часть производственной конструкции крестообразной формы. После детальной зачистки этого сооружения удалось установить, что, скорее всего, это остатки двух, относительно разновременных, обжигательных гончарных горнов, по всей видимости, нижние части топочных камер прямоугольной формы (рис. 2/6; А). Предполагаемый ранний горн был ориентирован по линии север – юг. Топка этого сооружения была прямоугольной в плане. Длина ее в нижней части – 2,32 м, ширина немногим более полуметра. Более поздний горн прорезал раннюю топку почти под прямым углом, он ориентирован почти строго по линии восток – запад. Длина топочной камеры – 3,2 м. Стенки нижних частей топочных камер были покрыты толстым слоем глиняной обмазки и прокалены до зелено-оранжевого цвета. Заполнение камер состояло из песка и надувного лесса с большим количеством кусков обожженного и ошлакованного кирпича. На отдельных участках по периметру камеры сохранились, поставленные на ребро, сильно обожженные сырцовые кирпичи. На основании этого факта можно предполагать, что стенки топки горнов были облицованы сырцовыми кирпичами, покрытыми глиняной обмазкой. Не исключено, что именно на эти кирпичи опиралось перекрытие топки, которое, по всей видимости, представляло собой два поставленных наклонно сырцовых кирпича. Таким образом, можно предполагать, что перекрытие топочной камеры имело вид стрельчатого свода. Вход в топку раннего горна был с южной стороны.

На основании полученных данных, есть все основания предполагать, что в пределах двора усадьбы № 2 довольно продолжительное время функционировало, небольшое по объему, гончарное производство. Сохранились только нижние части топочных камер, но с уверенностью можно говорить, что это были прямоугольные в плане двухъярусные обжигательные горны, конструкция которых близка, а, может быть, и полностью идентична обжигательному горну, раскопанному на территории цитадели городища Бабиш-мола, где, в пределах айвана «Большого дома», открыт двухъярусный прямоугольный гончарный горн, топочная камера которого, размерами 2×0,6 м, была обложена сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. В перекрытии топочной камеры, предположительно, было 10 продухов, которыми, параллельно расположенные жаропроводящие каналы, открывались в обжигательную камеру. Судя по заполнению топочной камеры, она имела сводчатое перекрытие: наклонно поставленные сырцовые кирпичи (Воробьева, 1961, с. 171).

Также на территории предполагаемого двора, неподалеку от описанного выше горна, выявлено четыре прямоугольных в плане углубления с сильно прокалёнными стенками. Длина этих углублений – 2,1–2,6 м, глубина – 20–30 см. Функциональное назначение этих конструкций в настоящее время определить довольно трудно. Не исключено, что они также имели какое-то отношение к гончарному производству. Может быть, это очень плохо сохранившиеся нижние части специальных обжиговых устройств – горнов?

В юго-восточной части раскопа, как можно предполагать, по периметру двора выявлены хозяйственные ямы различных размеров, но не более 1 метра в диаметре, и глубиной не более 20–30 см. Эти округлые в плане углубления были заполнены пылевидной супесью, возможно, это следы стационарно установленных хумов. Кроме того, на территории двора расчищены остатки округлых в плане углублений с обожженными стенками диаметром 50–80 см, которые, по всей видимости, следует считать остатками очагов (рис. 2/6).

На уровне пола, в помещениях юго-западной части усадьбы, залегал незначительный по мощности культурный слой. В процессе раскопок найдено более 50 фрагментов керамики. Вся глиняная посуда, во всяком случае, когда можно определить форму и тип сосуда, находит себе прямые аналогии в керамических комплексах чирикрабатской культуры. В археологическом комплексе, полученном в ходе раскопок, отметим также небольшие примитивные глиняные фигурки, очень похожие на птиц; стеклянные бусы; мелкие изделия из бронзы (серьги, браслеты?) (рис. 2/7). Особый интерес представляет небольшая полусферическая крышка с грибовидной ручкой-навершием. Предмет изготовлен из плотного камня – алевролит темно-серого, почти черного цвета. В верхней части крышка была орнаментирована двумя концентрическими параллельными линиями и заключенными между ними резными треугольниками. Надо полагать, в древности край крышки был обломан, и она была отремонтирована. Следы ремонта четко фиксируются в виде сквозных просверленных отверстий, которые были предназначены для скоб крепления обломанного фрагмента (рис. 2/7: А). Этот предмет явля-

ется, практически, полной аналогией каменным крышкам пиксид и небольших сосудов, которые известны в археологических комплексах эпохи эллинизма в южных областях Средней Азии, например, в Бактрии (Francfort, 1984, Pl. 15).

Рассматривая архитектурную конструкцию усадьбы № 2, в настоящее время можно резюмировать, что планировка и устройство юго-восточной стороны усадьбы, отличалась от всех других помещений и, по всей видимости, является хозяйственным двором, возможно, частично перекрытым легким навесом. Обращает на себя внимание тот факт, что в пределах небольшой усадьбы открыта нижняя часть обжигательного горна, или печи. Если это действительно горн, то топочная камера его была прямоугольной формы. Во всяком случае, не вызывает сомнения, что это специальное обжиговое устройство. Об этом, прежде всего, свидетельствуют сильно прокаленные стенки, как можно предполагать, топочной камеры. Любопытным фактом является то, что на усадьбе в довольно большом количестве найдены зооморфные терракотовые статуэтки.

О том, что пространство двора было перекрыто не полностью, косвенно свидетельствует тот факт, что в центре его функционировал обжигательный горн. Во всяком случае, не исключен и такой вариант: стойки поддерживали кровлю галереи вдоль стен двора, в центре которого, на открытом участке, был устроен обжигательный горн. Таким образом, есть все основания предполагать, что юго-восточная часть усадьбы была занята хозяйственными постройками и производственными конструкциями. На основании этих данных, усадьбу № 2 можно рассматривать как небольшой жилищно-производственный комплекс.

Усадьба № 3. Уровень пола одного из помещений этой усадьбы, в виде плотной глиняной обмазки светло-серого цвета, зафиксирован, практически, на уровне дневной поверхности. Непосредственно на уровне пола залегал культурный слой коричневого цвета с известковыми отложениями, толщина которого не превышала 10 см. Так как усадьба практически полностью смыта (остатки стен прослеживаются только по отпечаткам сырцовых кирпичей, да и то, только на отдельных участках), по всей видимости, этот слой был значительно большей мощности. Квадратный в плане (50×50 см) напольный очаг, в виде пятна прокаленной до желто-оранжевого цвета глины, расчищен в центре открытого помещения. Рядом с ним был еще один небольшой очаг, стенки которого были устроены из поставленных на ребро сырцовых кирпичей. По всей площади раскопа были выявлены остатки вертикальных деревянных стоек в виде столбовых ямок диаметром 20 см. Этот факт позволяет предположить, что жилище, или, во всяком случае, часть жилища, открытое на поселении, было каркасной постройкой (рис. 2/8).

Основные работы в 2007–2014 гг. были сосредоточены на центральной усадьбе Баланды 1. На памятнике заложено 3 раскопа: два из них – раскоп № 1 и раскоп № 2 – в юго-восточной части укрепленной усадьбы, а раскоп № 3 – в северном секторе, рядом с раскопом 1960–1961 гг. Кроме того, еще один раскоп, площадью 48 кв. м, был заложен в южной части памятника (рис. 2/1а; 2/2; А).

Оборонительные сооружения

Крепостные стены Баланды 1 на отдельных участках сохранились на высоту до 3 м. Вход в крепость был с северо-западной стороны и, судя по всему, никак не был укреплен. Углы были защищены полукруглыми в плане башнями, которые представляли собой сплошной монолит кирпичной кладки на основании-цоколе, сложенном из плотной глины-пахсы. Длинные стены крепости также были фланкированы полукруглыми башнями. Лучше всего сохранились две башни на юго-западной стене, которые расположены на расстоянии 20 м друг от друга по фронту стены. Еще до раскопок оборонительных сооружений было ясно, что башни не пристроены к стене, а, по сути, являются полукруглыми выступами основной стены, которые немного усилены с внешней стороны. Стены и башни-выступы были прорезаны стреловидными бойницами (рис. 2/12). Следует отметить, что такая система устройства оборонительных сооружений выявлена на городище Кюзели-Гыр в Левобережном Хорезме, где на расстоянии 30–35 м по фронту крепостной стены были полуовальные башнеобразные выступы, ничем не отгороженные от внутристенного коридора. В стенах каждого такого выступа были прорезаны три щелевидных бойницы, две из которых были развернуты в стороны, что позволяло вести фланговый обстрел (Вишневская, Рапопорт, 1997, с. 154).

В течение полевых сезонов 2007–2014 гг., в процессе исследования памятника, удалось выявить и частично реконструировать довольно сложную историю строительства оборонительных сооружений Баланды 1. Остатки оборонительных сооружений вскрыты на всех трех раскопах, а также в зачистке практически полностью разрушенного участка внешней стены в южной части памятника. Кроме того, в пределах раскопа в южном углу крепости расчищены участок крепостной стены и угловая башня.

На основании полученных данных можно выделить, по крайней мере, 2 основных периода строительства крепостных стен, которые, в свою очередь, подразделяются на этапы. История строительства оборонительных сооружений Баланды 1 детально выявлена в зачистке разрушенного участка крепостной стены на раскопе № 2.

I период. К наиболее раннему этапу строительства относится стена – стилобат шириной 1,5 м и высотой 0,7 м. По всей видимости, первоначально, на уровне материка был построен пахсовый монолит шириной 1 м, затем ширина стилобата была немного увеличена; на расстоянии 20–25 см от внутренней грани пахсовой стены была построена еще одна пахсовая стенка шириной 38–40 см в нижней части. В поперечном сечении она имела форму, близкую к треугольнику (рис. 2/9). Пространство между этими двумя стенами было заполнено плотной комковатой глиной (рис. 2/9; *слой 2*). Таким образом, общая ширина стилобата достигла 1,6 м. С внешней стороны к стилобату примыкает, надо полагать, внешняя оборонительная стена первого периода. Она была построена на основании сложенном из перемежающихся прослоек комковатого суглинка и плотной комковатой глины серо-желтого цвета. Толщина этих прослоек – 20–35 см (рис. 2/9; *слои 1,2*). На образовавшийся стилобат были положены прямо-

угольные или трапециевидные в сечении пахсовые блоки шириной от 50 см до 1 м. Таким образом, общая высота ранней внешней стены была не менее 1,7 м. Общая ширина нижней части стены I периода на этом участке крепости достигала 3,4 м. Основания внешней стены и стилобата находятся на одном уровне – на материке, который зафиксирован здесь на отметке – 3,01 от реперной точки (рис. 2/9). На раскопе в южном углу памятника внешняя стена 1-го периода была шириной не менее двух метров. Она построена из слоистой комковатой пахсы серо-коричневого цвета. Обращает на себя внимание тот факт, что с внутренней стороны она была оштукатурена. На отдельных участках слой штукатурки достигает 5–7 см. Это свидетельствует о том, что какое-то время именно эта стена была единственной оборонительной стеной поселения. По всей видимости, спустя некоторое время к ранней стене с внутренней стороны пристраивается стилобат, ширина которого на этом участке была 1,8–1,82 м, а высота – 0,8 м. Этот массив был сложен из плотной комковатой глины серо-коричневого цвета. Также как и на раскопе № 2, строительство этого стилобата можно отнести ко 2-му этапу 1-го периода. Таким образом, в первый период внешняя оборонительная стена в южном углу крепости была шириной не менее 4 м. Культурные слои, относящиеся к первому периоду жизни памятника, зафиксированы во всех частях раскопа. Видимо, эти стены возводились одновременно или с небольшим перерывом. Можно предполагать, что стена-стилобат, примыкавшая к внешней стене, была площадкой, с которой велся обстрел противника (рис. 2/10: Б; рис. 2/12: Б).

Аналогичная ситуация выявлена и в раскопе № 1, в восточной части памятника. Здесь ширина внешней стены, построенной из слоистой комковатой пахсы серо-коричневого цвета, была не менее двух метров. С внутренней стороны, также как и на юго-западном участке, к внешней стене примыкает стилобат шириной 1,8–1,82 м и высотой 0,8 м, сложенный из плотной комковатой глины серо-коричневого цвета (рис. 2/13). Во внешней стене, на расстоянии 1,4 от восточного угла крепости, обнаружен проход шириной 0,8 м, выводящий за пределы усадьбы (рис. 2/14). Можно предполагать, что это была, так называемая, «калитка»: конструктивный элемент, который довольно часто встречается в фортификационных системах раннеантичного Хорезма, например, на городище Кырк-Молла в Куня-Ургенче (Юсупов, 1998, с. 211–217) и крепости Кургашин-кала в Правобережном Хорезме (Коляков, 1991, с. 98–99). Считается, что такие «калитки» использовались для вылазок десанта обороняющихся или для незаметного отхода населения из крепости. Однако существует и другая точка зрения по поводу назначения этих калиток. Предполагается, что через эти проходы цокольной части внешних крепостных стен на территорию комплекса доставлялись строительные материалы – кирпич, который изготавливался за пределами памятника. Например, в крепостных стенах культового центра Калалы-Гыр 2 в Левобережном Хорезме такие «строительные калитки» обнаружены в северной и западной стенах. После окончания строительства эти калитки были заложены сырцовыми кирпичами на глиняном растворе (Калалы-гыр 2, 2004, с. 24). С внутренней стороны пахсовая стена, также как стены прохода, были оштукатурены. На от-

дельных участках слой саманной штукатурки достигает 5–7 см. Обращает на себя внимание следующий факт, а именно то, что нижний уровень прохода совпадает с верхним уровнем стилобата, то есть проход во внешней стене был устроен одновременно с возведением стилобата. На основании этого факта, можно предполагать, что возведение внешней стены и стилобата являлись единым проектом и совершались если не одновременно, то с очень небольшим перерывом. Таким образом, в первый период внешняя оборонительная стена в восточной части памятника в нижней части была шириной не менее 4 м.

Такая же картина выявлена и на северо-восточном участке. Здесь в пределах раскопа № 3 открыта только нижняя часть крепостной стены, сложенная из пахсы хорошего качества – плотная глина серо-желтого цвета. Достоверно ширину этой стены установить пока не удалось, но можно предполагать, что она была не менее 3,5–4 м. Следует отметить, что верхняя часть цоколя крепостной стены, выявленной в пределах северо-восточной части раскопа на уровне –247–233 от реперной точки[2], сильно замыта и нам не удалось выявить шов между внешней ранней стеной и внутренним стилобатом (рис. 2/15). В юго-восточной части раскопа сохранилось несколько рядов прямоугольных сырцовых кирпичей, которые были положены непосредственно на цокольную часть крепостной стены на глиняном растворе (рис. 2/15: А). Таким образом, на северо-восточном отрезке крепостной стены выявлена такая же конструкция крепостной стены, что и на юго-западном участке. Сохранность здесь значительно хуже, но вряд ли стоит сомневаться, что массив пахсовой кладки не что иное, как сохранившаяся нижняя часть крепостной стены I периода. Она была ступенчатой и полностью была построена из пахсы и плотной глины.

2 период. Ранняя пахсовая стена является основанием относительно более поздней крепостной стены, построенной из форматного сырцового кирпича, в которой и были устроены бойницы. В этот период с внутренней стороны, вплотную к пахсовому цоколю крепостной стены первого периода, была приставлена еще одна пахсовая же стенка. На раскопе № 3 ширина ее – 0,5–0,7 см (рис. 2/15: Б). На этом участке верх приставной стены зафиксирован на отметке –340 от репера. По-видимому, и в древности он был на этом же уровне, так как стена перекрывается более поздними культурными слоями (рис. 2/16: Б). Таким образом, можно предполагать, что у пахсовой стены с внутренней стороны была ступенька, которая, возможно, проходила по всему периметру крепости, аналогичная пристройка была зафиксирована на раскопе № 2, на юго-западном отрезке оборонительной стены (рис. 2/9; 2/10: Б), а также на раскопе 1 (рис. 2/13: Б). Однако не везде она была одинаковой конструкции. Вероятно, также ко второму периоду следует отнести небольшое возвышение-суфу шириной 1,1–1,2 м и высотой 0,4–0,3 м, которое было открыто около юго-восточного отрезка внешней стены на раскопе № 1. Суфа не вплотную примыкала к стене, между ней и пахсовой стеной четко прослеживается шов шириной 15–20 см. (рис. 2/14; рис. 2/15: А, Б). Возвышение сложено из прямоугольного сырцового кирпича размерами 50×30×12 см, 52×30×12 см, 50×25–27×10 см и не является

[2] За репер на памятнике принята самая высокая точка на крепостной стене, в южной части крепости.

монолитом. По внешним сторонам были сложены две тонкие (полкирпича) стенки, кладка более или менее регулярная на глиняном растворе, использовались как целые кирпичи, так и обломки. Пространство между этими двумя стенами, шириной 0,85 м, заполнено обломками, половинками и целыми сырцовыми кирпичами. Возможно, по верху это возвышение было обмазано глиной, но следы обмазки не сохранились. На востоке суфа вплотную примыкает ко внутреннему восточному углу стилобата первого периода (рис. 2/14; рис. 2/15). Следует заметить, что в южном углу крепости пристройки второго периода не зафиксировано.

По стратиграфическим данным определенно можно говорить, что между периодом функционирования ранней стены и возведением кирпичной стены второго периода прошло некоторое время. Так, в разрезе на раскопе № 2 четко выявляется массив пахсы, который был уложен на внутреннюю площадку ранней стены. Затем весь этот монолит перекрывается блоками пахсы хорошего качества, ширина блока 1–0,8 м, высота 0,4–0,5 м. Таким образом, образуется основание для кирпичной стены шириной 2,8 м. На внешней части этого основания из прямоугольного сырцового кирпича строится стена шириной 1,2 м в основании, в которой и устраиваются бойницы стреловидной формы, высота 55–60 см, максимальная ширина 34 см, ширина ложа 20 см (рис. 2/10: А; 2/12: А). В ходе работ удалось расчистить две из них. Общая высота сохранившейся крепостной стены, наиболее хорошо сохранившейся в южной части памятника, составляет 3,34 м. На раскопе, в южном секторе Баланды 1, слоя пахсы между стенами первого и второго периода не обнаружено. Здесь кирпичная стена шириной 1,2 м была возведена непосредственно на стене раннего периода. В основании кирпичной стены второго периода устраиваются стреловидные бойницы. В ходе работ удалось частично расчистить две из них – высота 55–60 см, максимальная ширина 34 см, ширина ложа 20 см. Установлено, что в это же время сооружается полукруглая башня на прямоугольном пахсовом основании, которая выступала на 3 метра от линии крепостной стены. Кладка ее выполнена чередованием пахсы и сырцового кирпича прямоугольного формата.

На раскопе № 1 кирпичная стена 2-го периода практически не сохранилась. На этом участке зафиксированы только следы ремонта, который, по всей видимости, предшествовал строительству кирпичной стены. Надо полагать, здесь ранняя стена стала постепенно разрушаться, и ее было решено отремонтировать. Эти ремонтные кладки, которые на раскопе 1 были сделаны из пахсы, предваряют второй период строительства стены. Верх глиняного стилобата на высоту не менее 0,4 м обкладывается прямоугольным сырцовым кирпичом размерами 50×30×12 см, 52×30×12 см, 50×25–27×10 см. Надо полагать, одновременно закладывается проход-«калитка» (рис. 2/14; 2/15: А). Все надстройки из кирпича над ранними стенами, видимо, следует отнести к 1-му этапу 2-го периода. К заключительному этапу строительства оборонительной стены (2-й этап 2-го периода) относится возведение пахсового стилобата над ранней пахсовой стеной, послужившего основой для кирпичных стен, в которых были устроены стреловидные бойницы. Ложе одной из них было расчищено в юго-восточной стене, рядом

с угловой восточной башней. О том, что верхняя часть 2-го периода была построена из кирпича, красноречиво свидетельствует кирпичный завал у внешних стен.

Возможно, к этому же периоду относится и кирпичная кладка, зафиксированная поверх пахсового стилобата в восточной части раскопа № 3 (рис. 2/16: А).

Видимо, к заключительному этапу жизни памятника, когда крепостная стена была уже основательно разрушена, относятся многочисленные ямы диаметром 0,7–1,2 м, расчищенные в пределах раскопа № 1. Они были вырублены в кирпичной обкладке и глиняном стилобате (рис. 2/14; 2/15: Б). Практически все ямы заполнены пылевидной супесью серого цвета, без каких-либо находок. Весьма вероятно, что эти ямы являлись зерновыми на последнем этапе существования усадьбы. По всей видимости, в это же время на всю высоту кирпичной стены частично была заложена сырцовым кирпичом площадка, примыкавшая к крепостной стене с внутренней стороны. Бойницы были закрыты и выступающая башня была также забутована. Оборона стены укрепления в этот период времени, как можно предполагать, осуществлялась с гребней стен и верхних площадок башен.

Остатков капитальных построек, непосредственно примыкающих к крепостным стенам, пока не выявлено. В тоже время следы использования площадки, примыкающей к внешней крепостной стене, как в первый, так и во второй период, зафиксированы на раскопе № 2. Ко второму периоду относится двухкамерный очаг, устроенный на верхней поверхности стены стилобата, на той ее части, которая не была забутована комковатой глиной, а пространство к юго-востоку от нее было перекрыто слоем суглинка. Напольный очаг был устроен из поставленных на ребро обломков сырцовых кирпичей и имел прямоугольную форму – 1×0,47–0,5 м. Большая – юго-западная камера размерами 0,34×0,52–54 м была слабо прокалена только частично, тогда как дно меньшей камеры прокалено до зелено-оранжевого цвета (рис. 2/11). К югу от этого очага, практически вплотную к нему, на уровне забутовки, расчищен еще один овальный в плане очаг размерами 40–55 см, в виде небольшого углубления, заполненного золой и кусками обожженной глины. На раскопе у южной башни крепости, также ко второму периоду относится очаг, устроенный на верхней поверхности стены стилобата, на той ее части, которая не была забутована. Напольный очаг представляет собой небольшое круглое углубление, заполненное золой и кусками обожженной глины диаметром 50–55 см (рис. 2/10: А; 2/11: Б).

Видимо, ко 2-му периоду обживания памятника относится прямоугольная в плане ступенчатая кирпичная конструкция высотой 24–25 см у стены стилобата на раскопе № 2. Весьма заманчиво предполагать, что это были ступеньки, по которым поднимались на площадку у внешней стены (рис. 2/10: А; 2/11: Б). К северо-востоку от этого возвышения, практически на уровне материка, частично зафиксирован еще один очаг, надо полагать, овальный в плане диаметром не менее 0,8 см (рис. 2/10: А). На раскопе у южной башни к первому периоду, по всей видимости, относятся несколько столбовых ямок, выявленных в непосредственной близости от внутренней грани крепостной стены, а также две хозяйственных ямы рядом

с ними. Таким образом, и в этой части памятника не выявлено капитальных построек, примыкающих к крепостным стенам.

Система фортификации, выявленная в ходе раскопок Баланды 1, представляется довольно архаичной. На раннем этапе – это фактически пахсовая стена-дувал, к которой изнутри была приставлена пахсовая же площадка шириной 1,3–1,4 м, и высотой не более 1 м, с которой, собственно, и велась оборона усадьбы. Следует отметить, что в Хорезме даже самые ранние укрепленные поселения были обнесены двойными крепостными стенами, возведенными на пахсовом цоколе, то есть, во все случаях был внутристенный коридор (Толстов, 1958, с. 144–146; Хожаниязов, 1981, с. 43–56, Рапопорт, 2000, с. 26–27). В то же время на территории Хорезма известны поселения с оборонительными стенами, где не было внутристенного коридора. Они представляли собой, по сути, кирпичный или пахсовый монолит-дувал толщиной 2–2,5 м. На поселении Акчангуль, на юго-восточном чинке Устюрта, внешняя монолитная стена поселения, сложенная из квадратного сырцового кирпича, была шириной 3,6 м (Хожаниязов, 1982, с. 82–83). Возможно, это объясняется тем, что мощные крепости на окраинах Хорезма, по материалам которых, в основном, и известна хорезмийская фортификация, возводились в IV–II вв. до н. э. как пограничные опорные пункты государства. Эти крепости, судя по всему, возводились профессиональными строителями по определенному плану, тогда как оборонительные стены рядовых поселений, каковым, безусловно, следует считать Акчунгуль на северо-западной окраине Хорезма, строились местными жителями, которые, надо полагать, имели весьма приблизительное представление о фортификационной технике. Видимо, аналогичная ситуация были и на территории чирикрабатской культуры, где, наряду с примитивной фортификацией Баланды 1, строились крепости в традициях развитой фортификационной строительной техники Хорезма, такие как Алыб, Кабыл, Чирик 3, или крепостные стены городищ Чирик-рабат и Бабиш-мола (Тажекеев, 2011, с. 179–189). Вместе с тем, строители ранних оборонительных стен Баланды 1 имели какое-то представление о канонах оборонительного строительства. Иначе трудно объяснить наличие «десантной», или «строительной» калитки в ранней крепостной стене усадьбы.

Во второй период крепостная стена возводилась уже с учетом, пусть не строгим, хорезмийской строительной традиции. В первую очередь, отметим тот факт, что поздние стены были построены из прямоугольного сырцового кирпича. Кроме того, наличие стреловидных бойниц в крепостных стенах однозначно свидетельствует о влиянии хорезмийской фортификационной традиции. В строительстве стен второго периода использовался прямоугольный сырцовый кирпич, причем соотношение сторон не всегда было 1:2 как, например, на раннем этапе строительства городища Кюзели-Гыр, где использовался прямоугольный сырцовый кирпич размерами 52×26×10 см[3]. Вместе с тем, в кладке массива оборонительной стены Баланды I использовался и квадратный кирпич со стороной не менее 40 см.

[3] Примечательно, что прямоугольные кирпичи схожего формата использовались в строительстве мавзолеев Северного Тагискена (Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 42; Итина, Яблонский, 2001, с. 26).

Постепенное изменение формата кирпича на Кюзели-Гыр отмечается уже в поздних этапах жизни городища (конец VI – первая половина V в. до н. э.), когда наряду с прямоугольным кирпичом используется квадратный как мелкого – 34×34×10–12 см, так и более крупного – 40×40×10 см формата (Толстов, 1962, с. 99; Вишневская, Рапопорт, 1997, с. 159). Позднее, а именно, во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (усадьба Дингильдже) в Хорезме применялся уже квадратный сырцовый кирпич крупного формата – 45-43×44×40×11–12 см. Прямоугольный или «продолговатый» (определение М. Г. Воробьевой) кирпич с соотношением сторон – 5:4 (54–50×42–40×13–12 см; 52×40–42×12 см) также использовался в строительстве, но в меньшем количестве (Воробьева, 1973, с. 89). По всей видимости, окончательный переход к квадратному форматному кирпичу случился в Хорезме на рубеже V–IV вв. до н. э., во всяком случае, при строительстве дворца и крепостных стен городища Калалы-гыр 1, которое датируется исследователями этим временем, используется квадратный кирпич (Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с. 147). В более поздний период – вторая половина IV в. до н. э. (ранний этап древнехорезмийского периода) в Хорезме при строительстве стен применяется только квадратный крупноформатный кирпич – 40–44×40–44×10–12 см (Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963, с. 184; Гертман, 1998, с. 136; Калалы-гыр 2, 2004, с. 24). В то же время хорезмийские зодчие использовали прямоугольный кирпич, но только в определенных конструкциях, например, при строительстве сводов (Кой-Крылган-кала, 1967, с. 26×27). Здесь следует заметить, что в южных областях Средней Азии, например, в Бактрии, использование прямоугольного сырцового кирпича, так называемого «полуторного» стандарта, отмечено в V–IV вв. до н. э. (Мокробородов, 2013, с. 12–20). Прямоугольный сырцовый кирпич такого стандарта на территории Бактрии являлся основным строительным материалом в конце IV – первой половине III в. до н. э. В середине III в. до н. э., как можно судить по данным, полученным на Кампыртепе, он сменяется квадратным сырцовым кирпичом со стороной 40 и более см (Болелов, 2014, с. 84; Ртвеладзе, 2017, с. 17).

Сам по себе размер и формат сырцового кирпича, вряд ли, следует считать хронологическим признаком. Он косвенно может являться таковым только в комплексе артефактов, при наличии четких временных реперов. В то же время, если принять гипотезу о влиянии хорезмийской традиции на строительную технику чирикрабатской культуры, то нельзя не отметить сходные тенденции, которые проявляются в использовании определенного формата кирпича. Весьма показательно сочетание в строительных конструкциях прямоугольного и квадратного кирпича, которое отмечено на Баланды 1. Аналогичная ситуация фиксируется и на городище Чирик-рабат, где в кладках стен, наряду с квадратным кирпичом – 38–40×35–38×8–10 см, использовался и прямоугольный – 46–48×35–38×8×10 см (Лоховиц, 1963, с. 214; Трудновская, 1963, с. 204). Таким образом, нельзя не отметить сходство ситуации в дельте Сырдарьи и в Хорезме во второй половине или в конце V – начале IV вв. до н. э., где, как уже отмечалось выше, в это время использовался и прямоугольный, и квадратный кирпич. Учитывая тот факт,

что эпоху РЖВ (сакское время) на территории Нижней Сырдарьи строительство из сырцового кирпича неизвестно[4], есть все основания предполагать, что навыки строительства из сырцового кирпича были заимствованы населением чирикрабатской культуры, скорее всего, из области низовьев Амударьи, не позднее конца V – начала IV вв. до н. э.

Жилые постройки

Остатки построек, которые однозначно можно интерпретировать как жилые, зафиксированы на двух раскопах в пределах оборонительных стен Баланды 1.

На раскопе 1 открыта часть легкой постройки овальной или прямоугольной в плане. Ширина ее по линии северо-запад – юго-восток была 3,15 м. По стратиграфическим данным можно уверенно говорить, что открытая в центральной части раскопа конструкция относится к первому периоду жизни памятника.

В процессе раскопок удалось установить, что выявленная постройка изначально являлась полуземлянкой, которая была заглублена в материковый грунт не менее чем на 50 см. Внешний край жилища довольно четко прослеживается в северо-западной бровке раскопа (рис. 2/14; 2/15: А). По борту постройки выявлены столбовые ямки. Две из них – овальные в плане – в северо-восточной части жилища, одна, округлая, диаметром 14 см, – в южной части жилища. Глубина ямок, которые были заполнены рыхлой пылевидной супесью, не более 20 см. Наличие столбовых ямок по краю углубления свидетельствует о наличии вертикальных стоек, которые являлись основанием легких каркасных стен жилища (рис. 2/15: А). Возможно, оно функционировало на протяжении всего 1-го периода, но было построено не ранее возведения стилобата, так как юго-восточный его борт полностью повторяет линию его внутренней стены (рис. 2/13: Б).

В пределах постройки зафиксировано два жилых уровня в виде хорошо утоптанной поверхности. Нижний уровень пола зафиксирован на отметке –363 от реперной точки. Непосредственно на этом уровне залегает слой рыхлой комковатой супеси серо-коричневого цвета с небольшим количеством керамики и костей животных. Максимальная мощность этого слоя – 32–34 см зафиксирована в центральной части землянки (рис. 2/13: Б). Верхний уровень пола зафиксирован на отметках –331–329 от реперной точки. На верхнем уровне залегает культурный слой в виде комковатой супеси темно-серого цвета с высоким содержанием золы. Максимальная мощность этого слоя 40 см. В юго-западной бровке раскопа, в этом же слое, на 20 см выше уровня верхнего пола, зафиксирован, надо полагать, напольный очаг в виде линзы, прокаленной докрасна глины, толщиной 10–14 см и небольшого зольника, залегающего на этом слое. Ширина линзы по линии бровки – 88 см. Чуть выше очага идет зольный слой

[4] Значительная временная лакуна между мавзолеями Северного Тагискена (IX–VIII вв. до н. э.) и архитектурными сооружениями чирикрабатской культуры (не ранее конца V в. до н. э.) не позволяет говорить о преемственности или продолжении строительной традиции эпохи поздней бронзы в период античности на территории нижней Сырдарьи.

мощностью 14–20 см, который прослеживается по всей площади полуземлянки, который, в свою очередь, перекрывается слоем плотной супеси серого цвета (рис. 2/13: Б). В этом слое был найден фрагмент бронзового сосуда – полусферическая чаша с резко отогнутым наружу верхним краем. Диаметр устья – 19 см. По морфологическим признакам она близка керамическим чашам с Г-образным венчиком, которые повсеместно встречаются в южных областях среди керамики эллинистического времени – III–II вв. до н. э.

Как можно судить, исходя из анализа стратиграфической ситуации, жилище являлось полуземлянкой только на самом раннем этапе своего существования, а уже позднее, во второй период, ранние культурные слои перекрываются вторым уровнем пола, и нет никаких данных, свидетельствующих о каком-либо жилище в этой части раскопа. По всей видимости, зольник и очаг относятся к заключительному периоду функционирования жилища. Надо полагать, к этому же периоду относится и яма, которая четко прослеживается в северо-западной бровке раскопа (рис. 2/13: А). Ширина ее в верхней части по линии разреза – 1,4 м. Она была заполнена слоем рыхлой супеси серо-коричневого цвета с небольшим количеством костей животных.

Значительно больше информации о жилой застройке Баланды 1 получено в ходе работ на раскопе 3.

По стратиграфическим данным в пределах раскопа в этой части памятника выявлено, по крайней мере, два основных относительно разновременных периода обживания. При этом следует отметить, что в восточной и западной частях раскопа 3 зафиксирована различная стратиграфическая ситуация.

Период 1. Надо полагать, к этому периоду существования крепости, помимо ранней крепостной стены, относятся остатки крупного монументального здания, часть которого открыта в западной части раскопа (рис. 2/17: А; рис. 2/18). Оно было построено из форматного сырцового кирпича на глиняном растворе. При строительстве использовался как квадратный (42×43×12 см; 42×44×12–14 см; 44×45×10–12 см), так и прямоугольный (54×38×12 см; 56×40×12 см; 42×36×10 см; 43×37×12 см) кирпич. Стены здания сложены в перевязку, при этом использовались половинки кирпичей размерами 42×22×12 см; 42×21×10 см (рис. 2/19: Б). Под стенами, впрочем, так же как и под раскопанными помещениями, зафиксирован слой плотного комковатого суглинка темно-серого или серо-коричневого цвета толщиной 15–30 см (рис. 2/20: А). По всей видимости, этот слой является нивелировочным. Надо полагать, еще до начала строительства площадка под здание была выровнена слоем суглинка, а затем уже на нем были построены стены.

В пределах раскопа, выявлены, как можно предполагать, восточные части двух больших, по всей видимости, прямоугольных в плане помещений. Между ними был проход шириной 1,35–1,4 м (рис. 2/17: А).

Ширина южного помещения (пом. 1) по линии юго-восток – северо-запад – 4,5 м. Уровень пола, который представляет собой слой плотного суглинка темно-серого цвета (собственно,

это поверхность нивелировочного слоя), зафиксирован на отметке –367 от реперной точки. Стены помещения сохранились очень плохо, на высоту не более двух-трех рядов кирпичей. Кроме того, следует отметить, что кирпичи, особенно верхние ряды и боковые грани, сильно замыты. Создается впечатление, что стены долгое время стояли открытыми. Хуже всего сохранились южная и восточная стены помещения. Линию южной стены удалось лишь приблизительно наметить по отпечаткам сырцовых кирпичей в натечных слоях (рис. 2/18; А, Б). В этом помещении, на отдельных участках, зафиксирована глиняная обмазка пола – плотный суглинок светло-коричневого цвета толщиной 3–4 см. Следует отметить, что на уровне пола не зафиксировано каких-либо признаков культурного слоя. Непосредственно на полу залегает слой супесчаных натеков, мощность которого колеблется от 20 до 40 см. Этот слой, в свою очередь, перекрывается слоем кирпичного завала толщиной 42–58 см (рис. 2/20: А).

У восточной стены, в северо-восточном углу помещения, был сделан зондаж площадью 1×1 м. В результате установлено, что восточная стена, также как и все помещение, стоит на слое плотного комковатого суглинка темного серо-коричневого цвета, который является нивелировочной подсыпкой, о которой упоминалось выше. Толщина этого слоя на этом участке раскопа – 24–28 см (рис. 2/20: Б).

Ширина северного помещения, которое также было, по всей видимости, прямоугольным (пом. 2) по линии юго-восток – северо-запад – 4,5 м. Оно соединяется с помещением 1 проходом в южной стене, о котором уже говорилось выше. В этом же помещении был еще один проход в северной стене (рис. 2/17: А; рис. 2/18: А). Ширину его установить не удалось, так как в пределах раскопа открыта только восточная щека прохода. Ширина северной стены установлена также приблизительно, но с уверенностью можно говорить, что она была не менее 1 м. Ширина восточной стены установлена достоверно – 1–1,10 м (рис. 2/17: А).

Через северный проход помещение 2 сообщалось с помещениями в северо-восточной части здания, которые были раскопаны ранее отрядом Хорезмской экспедиции. Стены, выявленные в северной части раскопа, также сохранились на высоту не более 2–3 рядов кирпичей. И здесь следует отметить, что верх сохранившейся кирпичной кладки сильно замыт, надо полагать, дождевыми водами. Стратиграфическая ситуация в помещении 2 в общем идентична той, что зафиксирована в помещении 1. Уровнем пола, который зафиксирован здесь на отметках –368 – –364, является верх нивелировочного слоя – плотный комковатый суглинок темного серо-коричневого цвета. На этом уровне, как можно предполагать, в центральной части помещения выявлен зольник диаметром 1,2 м; толщина зольного слоя 6–8 см. Однако нельзя исключать того, что он относится к значительно более позднему периоду существования крепости. В восточном углу помещения расчищена трапециевидная в плане кирпичная кладка высотой не более 15–20 см и размерами 1–1,25×1 м, которая вплотную была приставлена к стенам помещения. Функциональное назначение этого сооружения в настоящее время установить невозможно.

Никаких признаков культурного слоя на уровне пола в помещении 2, также как и в помещении 1, не обнаружено. Можно отметить только тонкую прослойку комковатой супеси с мелкими древесными угольками на отдельных участках в площади раскопа. Этот, незначительный по мощности слой – не более 5–8 см, перекрывается слоем супесчаных натеков толщиной 15-20 см. Выше идет слой плотного кирпичного завала мощностью 40–50 см (рис. 2/20: А).

Обращает на себя внимание тот факт, что в пределах здания не зафиксировано наличие культурного слоя, за исключением зольника во втором помещении. Учитывая то обстоятельство, что стены помещений сильно замыты, а это свидетельствует о том, что они продолжительное время стояли не под крышей, можно предположить, что здание, остатки которого открыты в северной части крепости, было не достроено. Косвенно это предположение подтверждается еще и тем, что в юго-западной части раскопа невысокие стены здания перекрываются слоем кирпичного завала, который образовался, судя по всему, в результате разрушения крепостной стены. Кроме того, следует отметить полное отсутствие штукатурки на стенах помещения, что также может свидетельствовать о том, что помещения, вскрытые в пределах раскопа, не обживались.

Принципиально другая стратиграфическая ситуация зафиксирована к востоку от монументального здания, где, по всей видимости, были легкие наземные постройки и хозяйственная зона рядом с ними. Они, вероятно, функционировали в первый период, но на более позднем этапе, чем начало строительства здания. Нижний уровень обживания, который представляет собой хорошо утоптанную и частично выровненную поверхность уровня материка, зафиксирован здесь на отметках –385 – –397. При этом следует отметить, что уровень древней дневной поверхности на этом участке раскопа явно понижался здесь с северо-запада на юго-восток. Здесь прослеживается следующая стратиграфическая картина.

Непосредственно на уровне материка, который зафиксирован на уровне –393 – –406 от уровня репера, залегает слой плотного суглинка с включениями супеси мощностью 20–22 см. На этом же уровне зафиксированы незначительные линзы плотного суглинка темно-коричневого цвета с мелкими древесными угольками, керамической крошкой. Этот слой перекрывается слоем плотного суглинка серо-коричневого цвета, который, по стратиграфической ситуации, соответствует аналогичному нивелировочному слою под стенами здания. Толщина этого слоя, на участке к востоку от восточной стены монументального здания, не более 20 см (рис. 2/16).

Выше слоя плотного суглинка идет слой рыхлой комковатой супеси серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и органики толщиной 10–15 см. В этом же слое найдено сравнительно большое количество фрагментов керамики и костей животных; в южной части раскопа отмечается скопление обломков сырцовых кирпичей (рис. 2/16: А). Этот слой, надо полагать, соответствует раннему периоду обживания северо-восточного участка памятника – территория между крепостной стеной и центральным зданием. Судя по стратиграфической

ситуации, учитывая то, что слой рыхлой супеси перекрывает нивелировочный слой под стенами центрального здания и примыкает к стенам, этот период соответствует этапу строительства здания.

Слой рыхлой супеси, в свою очередь, перекрывается слоем плотного комковатого суглинка серого цвета, толщина которого колеблется от 10 до 22 см. На отдельных участках, в пределах северной части раскопа, поверхность этого слоя довольно хорошо утоптана, на отметках –361 – –365 от реперной точки зафиксированы значительные по площади зольники (рис. 2/16: Б). Таким образом, этот уровень следует считать вторым, более поздним, жилым уровнем в хозяйственной зоне между центральным зданием и крепостной стеной.

Выше этого слоя залегает слой рыхлой пылевидной супеси серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и органо-минеральных отложений толщиной 20–30 см. В этом же слое найдено большое количество фрагментов керамики и костей животных. Этот слой, надо полагать, соответствует второму периоду обживания этого участка памятника.

Он, в свою очередь, перекрывается слоем плотного кирпичного завала, мощность которого колеблется от 50 до 70–75 см на различных участках в площади раскопа (рис. 2/22: Б, В), который знаменует собой окончательное запустение и разрушение памятника.

Слой завала перекрывается слоем плотного суглинка серо-коричневого цвета с горизонтальными супесчаными прослойками. Толщина этого слоя на различных участках раскопа не превышает 8–10 см (рис. 2/22).

Таким образом, по стратиграфическим данным на участке между восточной стеной сооружения и оборонительной стеной зафиксировано, как минимум, два жилых уровня, соответствующих, по всей видимости, двум периодам существования памятника.

К ***первому периоду***, вероятно, следует отнести каркасную постройку, остатки которой расчищены в юго-восточной части раскопа. Это было немного заглубленное в землю сооружение, которое в плане представляло собой два совмещенных овала. Особо следует отметить, что углубление было сделано не в материке, но в слое нивелировочной подбутовки, который фиксируется по всей площади раскопа. Этот факт дает основание предполагать, что это сооружение строилось или одновременно со стенами монументального здания, или немного позже.

Постройка размером 7,3×3,6–4 м была ориентирована по линии юго-восток – северо-запад, и располагалась практически параллельно восточной стене монументального здания, описанного выше (рис. 2/17: А; рис. 2/21; рис. 2/22; В). Уровень нижнего пола зафиксирован на отметках –401 – –394 от реперной точки.

Это немного заглубленное на 15–20 см в землю каркасное сооружение, перекрытие которого опиралось на вертикально вкопанные в землю столбы, следы которых зафиксированы в виде столбовых ямок диаметром 15–25 см, расположенных по периметру углубления. Это углубление, надо полагать, и являлось внутренним жилым пространством. Обращают на себя внимание сравнительно крупные столбовые ямки (Д – 30–35 см), зафиксированные в севе-

ро-западной части сооружения. Они расположены друг против друга на расстоянии 2,75 м. Еще одна столбовая ямка такого же диаметра расчищена в юго-восточной части сооружения (рис. 2/17). Можно предположить, что это следы вертикальных столбов, на которые опирались несущие балки перекрытия. В этом случае жерди и столбы, которые располагались по периметру постройки, были, по всей видимости, дополнительными стойками, которые поддерживали это перекрытие. Расстояние между ними колеблется от 1 м до 1,75 м (рис. 2/17: А). Обращает на себя внимание тот факт, что столбовые ямки, расположенные по краю сооружения, фиксируются только по северо-западному борту постройки. Это дает основание предполагать, что легкая каркасная стенка была только с этой стороны. В этом случае ее можно рассматривать как ветрозащиту, и тогда постройку, выявленную к востоку от монументального здания, следует считать навесом, защищенным с наветренной части легкой стенкой. Возможно, это был плетень. Это предположение, в частности, косвенно подтверждается еще и тем, что в заполнении сооружения, также как и в культурном слое, около него, не найдено фрагментов глиняной обмазки, которая обычно всегда присутствует в слое, если легкие стенки были обмазаны глиной. Обращает на себя внимание четко выраженный в плотном грунте желоб по борту углубления в западной его части. Не исключено, что здесь были уложены небольшие деревянные балки, как можно предполагать, диаметром не более 10–15 см, которые могли быть основой для вертикальных деревянных жердей каркаса плетня.

В центральной части сооружения, ближе к его восточному краю, расчищено небольшое, также овальное в плане, углубление, ориентированное также как и все сооружение, по линии юго-восток – северо-запад. Длина его – 5,10 м, ширина 1–1,10 м (рис. 2/17: рис. 2/ 22: В; рис. 2/23: А). Нижний уровень этого углубления зафиксирован на отметках –415–423 от реперной точки. Оно было полностью заполнено слоем рыхлой супеси серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и органики. Кроме того, здесь же было найдено большое количество фрагментов керамики и костей животных. В центральной части этого углубления найдены две лопатки мелкого рогатого скота, по всей видимости, барана. На отдельных участках зафиксированы незначительные по площади зольники (рис. 2/17: Б).

В северо-западной части расчищена небольшая и неглубокая яма овальной формы размером 65×50 см. Еще одна яма расчищена в юго-восточной части, края ее были укреплены кусками прямоугольных сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Кроме того, в восточной части углубления зафиксировано некоторое количество обломков сырцовых кирпичей с обожженной, а иногда и прокаленной до красного цвета поверхностью. Надо полагать, это развал сравнительно большого, прямоугольного в плане очага (рис. 2/17: А). Размеры его, насколько об этом можно судить по сохранившейся нижней части, которая выражена сильно прокаленной поверхностью (толщина прокала не менее 2–3 см) – 75×40 см. По всей видимости, это был прямоугольный напольный очаг, стенки которого были сделаны из кусков сырцовых кирпичей, поставленных на ребро и обмазанных глиной. Еще один небольшой напольный

очаг был в центральной части углубления. Это – сильно прокаленный до желто-оранжевого цвета сырцовый кирпич и скопление золы рядом с ним (рис. 2/21: Б).

Таким образом, есть все основания предполагать, что в пределах наземной каркасной постройки был выделен небольшой участок, где производилась интенсивная хозяйственная деятельность, связанная, прежде всего, с приготовлением пищи.

В пределах сооружения, в западной его части расчищено несколько ям. Самая большая из них, которая была заполнена рыхлой пылевидной супесью серого цвета с небольшим количеством мелких древесных угольков, располагалась в западном секторе постройки. Она была овальной в плане размерами 1×0,5 м и глубиной 28–30 см. Еще одна округлая в плане яма диаметром 0,5 м и глубиной не более 18 см расчищена у борта углубления, также в западном секторе постройки. По всей видимости, здесь в древности был вертикально установлен хум. Две хозяйственные ямы (?), которые, судя по всему, также были выкопаны для установки хумов, обнаружены вне пределов постройки. Одна из них диаметром 40 см и глубиной немногим менее 20 см расчищена в южной части раскопа на расстоянии 0,2 м от восточной стены центрального здания (рис. 2/17: А; рис. 2/22: В; рис. 2/23: В). Яма была заполнена рыхлой комковатой супесью с небольшим количеством мелких древесных углей, без каких-либо находок. Еще одна яма диаметром 75–80 см и глубиной не более 10–15 см также расчищена в южной части раскопа. Она расположена практически вплотную к предполагаемой, очень плохо сохранившейся здесь, восточной стене центрального здания. Надо полагать, эта яма на последнем этапе первого периода жизни памятника, когда хума здесь уже не было, использовалась как хозяйственная. Заполнение ее состояло из супеси серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и органики и большим количеством мелких древесных угольков. Кроме того, здесь было найдено некоторое количество фрагментов керамики.

О том, что здесь стояли крупные тарные сосуды, красноречиво свидетельствует обнаруженный in situ упавший хум около восточной стены центрального здания в северо-западной части раскопа (рис. 2/24). Сосуд сохранился практически полностью. Высота его была не менее 1 м, максимальный диаметр тулова – 52–54 см, диаметр устья – 34–36 см.

К северу от описанной выше постройки, по всей видимости, располагалась хозяйственная зона. Возможно, она была отгорожена невысоким плетнем от каркасного сооружения. На расстоянии 1,2 – 0,7 м от северного борта (стенки?) постройки зафиксирован ряд столбовых ямок диаметром 8–18 см, которые расположены по дуге, обращенной к северу. В расположении этих ямок угадывается определенная система. Так, например, в северо-восточной части раскопа (участок А) зафиксирован ряд ямок, расстояние между которыми было менее метра. Следует отметить, что крайняя восточная ямка диаметром 20 см была вырублена в пахсовой пристройке к крепостной стене (рис. 2/17: А), что еще раз подтверждает предположение о том, что хозяйственные постройки относятся к более позднему периоду, чем постройка крепостной стены и центрального здания. Следует отметить, что рядом с этой ямкой также в пристройке

была вырублена еще одна столбовая ямка того же диаметра. Расстояние между последней столбовой ямкой в восточной части раскопа и столбовой ямкой (диаметр – 18 см), расположенной у восточной стены центрального здания, – 3,25 м. Таким образом, можно предполагать, что если к северу от каркасного сооружения и был плетень, то в нем был достаточно широкий проход шириной не менее 3 м.

В северной части раскопа, в пределах предполагаемой хозяйственной зоны, на расстоянии 1,8 м от внутренней грани крепостной стены, и на расстоянии 4 м от восточной стены центрального здания, расчищен прямоугольный напольный очаг, сложенный из поставленных на ребро сырцовых кирпичей. Размеры очага – 60×50 см (рис. 2/17: А). Около очага, с южной стороны, обнаружены, расположенные в ряд столбовые ямки диаметром 15–18 см, расстояние между которыми не превышает 20–25 см (рис. 2/17: А; 2/22: Б). Весьма вероятно, что это следы защитного экрана – плетень обмазанный глиной, который был устроен к югу от очага, практически напротив прохода в ограде, если таковой существовал.

В северной части раскопа (участок А), у северной бровки, расчищены три овальные в плане хозяйственные ямы, расположенные параллельно друг другу. Дно ям, которые были вырублены частично в нивелировочном слое, а частично в материке, зафиксировано на отметках –414–417 от реперной точки. Все они ориентированы по линии юго-восток – северо-запад (рис. 2/17: А; рис. 2/22: Б). Размеры этих ям достоверно установить не представляется возможным, так как северная их часть уходит под бровку, но можно предполагать, что размеры их были, примерно, одинаковы: длина не более 2 м и не менее 1,3 м и ширина – 0,6–0,8 м (рис. 2/25: А). Заполнение всех ям, в общем, одинаково: рыхлая пылевидная супесь серого цвета с минимальным количеством находок, в основном мелкие фрагменты керамики, причем преобладает лепная посуда. О функциональном назначении этих ям судить трудно. Можно с уверенностью говорить, что это не хозяйственные ямы, о чем красноречиво свидетельствует характер заполнения. Вряд ли эти ямы были зерновыми, так как в этом случае должно предполагать наличие футеровки стенок ямы – обмазка плотной жидкой глиной. Скорее всего, это были ямы-хранилища продуктов, может быть, мясных.

К югу от ямы № 2 зафиксирован мощный зольник, причем поверхность прокалена здесь до красно-желтого цвета на глубину, по крайней мере, 2 см (рис. 2/25: А). Скорее всего, этот зольник связан с прямоугольным очагом, расположенным поблизости. К югу от хозяйственной ямы № 3 расчищена неглубокая яма диаметром 30 см, заполнение ее состояло из рыхлой комковатой супеси с небольшим содержанием золы. Весьма вероятно, что это следы опорного столба. В этом случае можно предполагать, что над ямами и очагом, или, может быть, между крепостной стеной и центральным зданием было легкое перекрытие, опиравшееся на вертикальные стойки.

Таким образом, в результате раскопок, проведенных в северо-западной части памятника (раскоп 3), установлено, что в период строительства здания и, возможно, позднее, прост-

ранство между центральным зданием и крепостной стеной интенсивно обживалось. Территория к востоку и северо-востоку, условно ее можно назвать двором, была занята легкими наземными постройками, которые можно считать жилыми. Во всяком случае, площадь полностью вскрытого здесь жилища дает основания говорить об этом. За пределами построек располагались очаги и хозяйственные ямы.

Как уже отмечалось выше, культурные слои второго периода перекрываются плотным слоем комковатого суглинка темного серо-коричневого цвета, мощность которого на различных участках раскопа колеблется от 10 до 15 см. Этот слой однозначно следует трактовать как нивелировочный, а верхняя поверхность этого слоя была хорошо утоптана. На этом уровне залегает культурный слой позднего периода, который является жилым уровнем финального этапа существования крепости Баланды 1.

Остатки построек, относящихся к последнему периоду существования памятника, выявлены в северо-восточной и восточной частях раскопа (участки А и Б).

В пределах участка А (северо-восточный сектор раскопа), на расстоянии 0,55 м от внутренней грани крепостной стены, обнаружена нижняя часть каркасной стены в виде небольшого возвышения из плотной комковатой глины серого цвета высотой не более 20 см. Верх этого возвышения зафиксирован на отметке –339 от реперной точки. Собственно, это возвышение, ширина которого была не более 50 см, было основанием для вертикальных стоек, являвшихся основой каркасной стены, которая шла, как можно предположить, по линии юго-восток – северо-запад, практически перпендикулярно крепостной стене памятника. Длина выявленного отрезка этой стены не более 3 м. На нем, непосредственно в основании стены, расчищено две столбовые ямки диаметром 18–21 см, расположенные на расстоянии 1,10–1,20 м друг от друга. Следует отметить, что столбы, в общем-то, не вкапывались, так как углубление делалось в глиняном цоколе стены. В 3,55 м от внутренней грани крепостной стены глиняный цоколь каркасной стены уже не прослеживается, однако можно предполагать, что каркасная стена поворачивает на запад. Здесь на расстоянии 3,40 – 3,90 от внутренней грани крепостной стены выявлены еще две столбовые ямки, или, точнее, следы от основания вертикальных столбов, которые были укреплены обломками сырцовых кирпичей и пахсы, обмазанными глиной. Расстояние между этими ямками не превышает 1 м (рис. 2/26: А).

Остатки каркасной стены, выявленные в северо-восточной части раскопа, можно, по всей видимости, считать остатками какого-то легкого наземного сооружения второго периода, возможно, нам удалось здесь выявить юго-западный угол этой постройки (рис. рис. 2/26: А). Нельзя исключать и того, что это был просто навес, так как каких-либо следов турлучной обмазки в пределах раскопа не обнаружено. С другой стороны, можно предположить, что стены этой постройки были просто плетнем, необмазанным глиной.

Возможно, восточной стеной этой постройки была внутренняя грань крепостной стены, на которую и опирались балки перекрытия. В этом случае мы можем предполагать, что пло-

щадь ее была несколько больше, чем каркасного жилища раннего периода. В западном секторе квадрата А, на расстоянии 0,3–0,35 м от основания каркасной стены, зафиксированы следы напольного очага в виде овального в плане пятна (54×45–50 см) сильно прокаленной до желто-оранжевого цвета глиняной обмазки. На расстоянии 1 м от очага и в 0,45 м от основания каркасной стены обнаружен, вкопанный по верхнюю часть горловины, небольшой лепной горшок (максимальный диаметр тулова – 20–22 см) (рис. 2/26: Б). Эти факты дают основание предполагать, что жилая часть постройки была к северу от каркасной стены. Таким образом, в площадь раскопа попал южный сектор жилища.

В пределах участка Б (юго-западный сектор раскопа) на уровне – 394–395 от реперной точки также удалось выявить некоторые конструкции, которые на основании стратиграфической ситуации можно отнести к последнему периоду жизни памятника. Здесь довольно отчетливо проявляются контуры южной части углубленного каркасного сооружения предыдущего периода (рис. 2/27). Однако в это время оно уже не функционировало как сооружение, во всяком случае, столбовых ямок на уровне –377–387 от реперной точки, который соответствует позднему периоду, в этой части раскопа не обнаружено. Ранние культурные слои перекрываются здесь слоем плотного комковатого суглинка (рис. 2/16: Б). В центральной части раскопа (южная часть участка Б), в пределах каркасного сооружения первого периода, расчищены остатки крупного очажного устройства, как можно предполагать, прямоугольного в плане. По всей видимости, здесь удалось открыть северную часть конструкции, которая, судя по всему, была внушительных размеров. Во всяком случае, длина расчищенного участка северной стенки очажного устройства была 1,5 м (рис. 2/27). Обращает на себя внимание то, что максимально была обожжена только часть стенок устройства – восточная, тогда как часть северо-западной стенки представляет собой простой сырцовый кирпич, поставленный на ребро. Предполагаемые размеры этого устройства дают некоторые основания предполагать, что это был не обыкновенный кухонный очаг. Возможно, эта конструкция была как-то связана с ремесленным производством.

Таким образом, как следует из полученных в результате раскопок данных, и в последний период существования памятника, зона между, как можно предполагать, стоявшего уже в руинах недостроенного центрального здания и крепостной стеной, использовалась в хозяйственных и, возможно, в производственных целях.

В результате проведенных в течение нескольких сезонов раскопок, удалось уточнить периодизацию существования памятника, а также, в некоторой степени, определить особенности планировки в пределах крепостных стен.

Как следует из полученных данных, первоначально были возведены оборонительные стены крепости первого периода – сплошной массив пахсовой кладки по периметру и площадка, примыкающая к нему с внутренней стороны. По всей видимости, к этому этапу первого периода относится слабовыраженный культурный слой, залегающий на уровне материка, ко-

торый выявлен на раскопе 3. По всей видимости, немного позднее, на втором этапе этого же периода, участок в северной части памятника нивелируется слоем плотного комковатого суглинка. На этом фундаменте начинается строительство монументального здания в северной части крепости, располагавшегося, судя по всему, прямо напротив входа. Как представляется, центральное здание по каким-то причинам было не достроено. Спустя некоторое время, как можно предполагать, совсем непродолжительное, а, может быть, и одновременно с началом строительства здания, осваивается территория между ним и крепостной стеной, строятся легкие каркасные жилища или навесы, в хозяйственной зоне, рядом с ними, устраиваются очаги и ямы для хранения. Надо полагать, к этому же этапу первого периода относится и каркасное жилище, часть которого была открыта на раскопе 1. Возможно, уже на этом этапе происходит капитальная реконструкция крепостной стены. На цоколе, в который была превращена ранняя стена, возводится кирпичная стена со стреловидными бойницами и с полукруглыми выступами-башнями. По всей видимости, в это же время на некоторых участках к площадке ранней стены с внутренней стороны пристраиваются дополнительные возвышения, в отдельных случаях из кирпича, как, например, на раскопе 2.

По стратиграфическим данным фиксируется второй, относительно более поздний, период хозяйственного освоения территории Баланды 1. Наиболее отчетливо он выявляется на раскопе 3, где слои первого периода забутовываются, и на этом уровне строятся каркасные жилища и устраиваются какие-то очажные конструкции, возможно, связанные с производством позднего периода. Такая стратиграфическая ситуация прослеживается и на раскопе 2, но здесь остатков построек второго периода не выявлено.

Основой археологической коллекции, полученной в результате раскопок, является керамика. Следует отметить, что в керамическом комплексе, безусловно, преобладает лепная посуда, изготовленная от руки, иногда с подправкой на гончарном круге. В то же время нельзя не отметить довольно большой процент гончарной керамики явно хорезмийского происхождения. Прежде всего, следует отметить несколько фрагментов стенок кувшинов со следами росписи на стенках сосудов.

Первоначально крепость Баланды 1 была определена как большой укрепленный дом (Толстов, 1962, с. 174), что предполагает наличие сплошной капитальной застройки в пределах крепостных стен. Материалы, полученные в результате раскопок Чирик-рабатской археологической экспедиции, не подтверждают эту точку зрения. Сейчас можно говорить, что какая-то, если не бóльшая, часть внутреннего двора крепости была свободна от капитальной застройки. В тоже время на Баланды 1 было крупное фундаментальное здание, которое, как уже говорилось выше, по каким-то причинам не было достроено. Пока мы не может утверждать, что на памятнике не было других фундаментальных построек из сырцового кирпича, но очень похоже, что их, действительно, не было, и вся территория двора крепости была занята легкими каркасными постройками или полуземлянками и хозяйственными зонами рядом с ними.

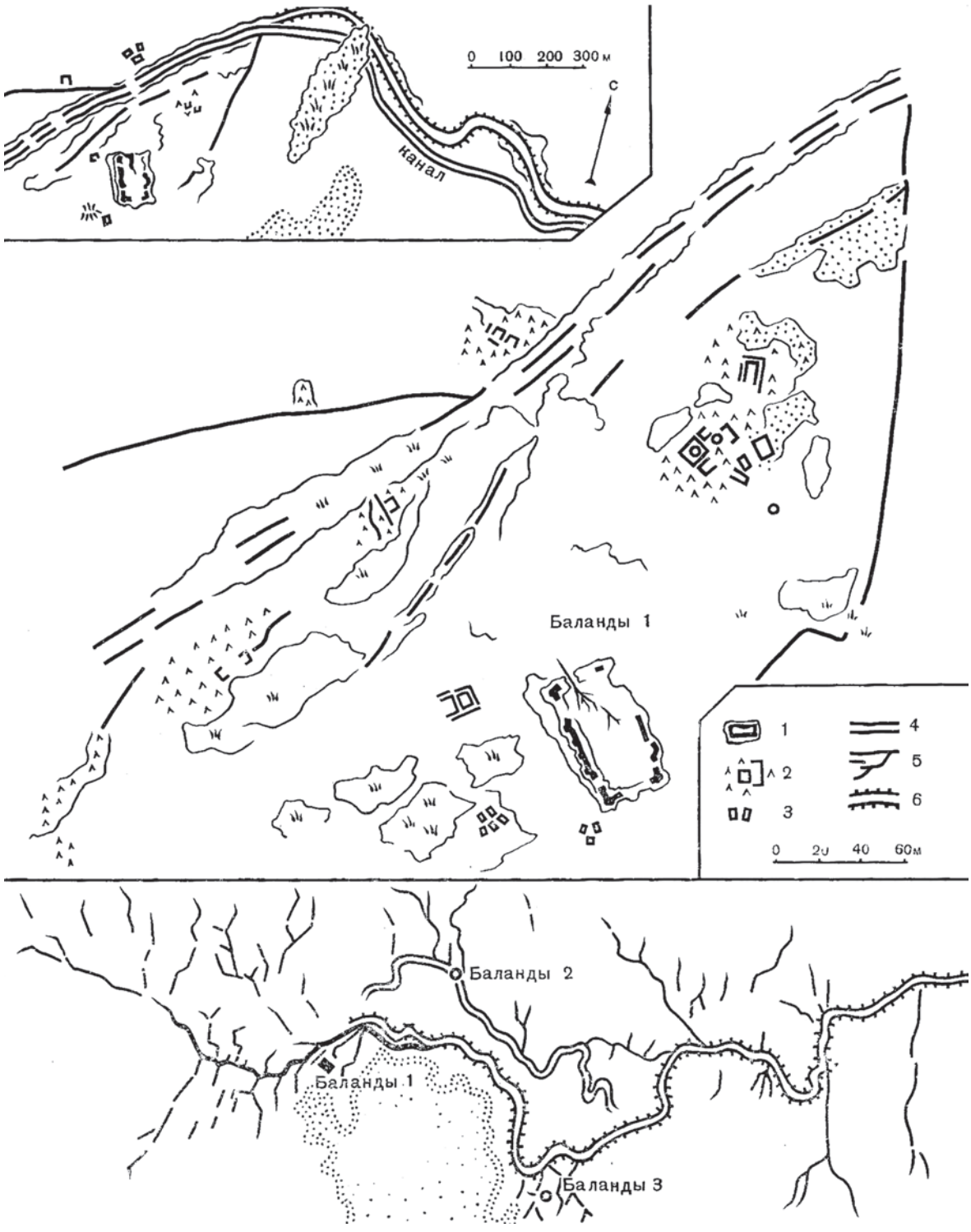

Рис. 2/1. План поселения Баланды (по: Андрианов, 1969)

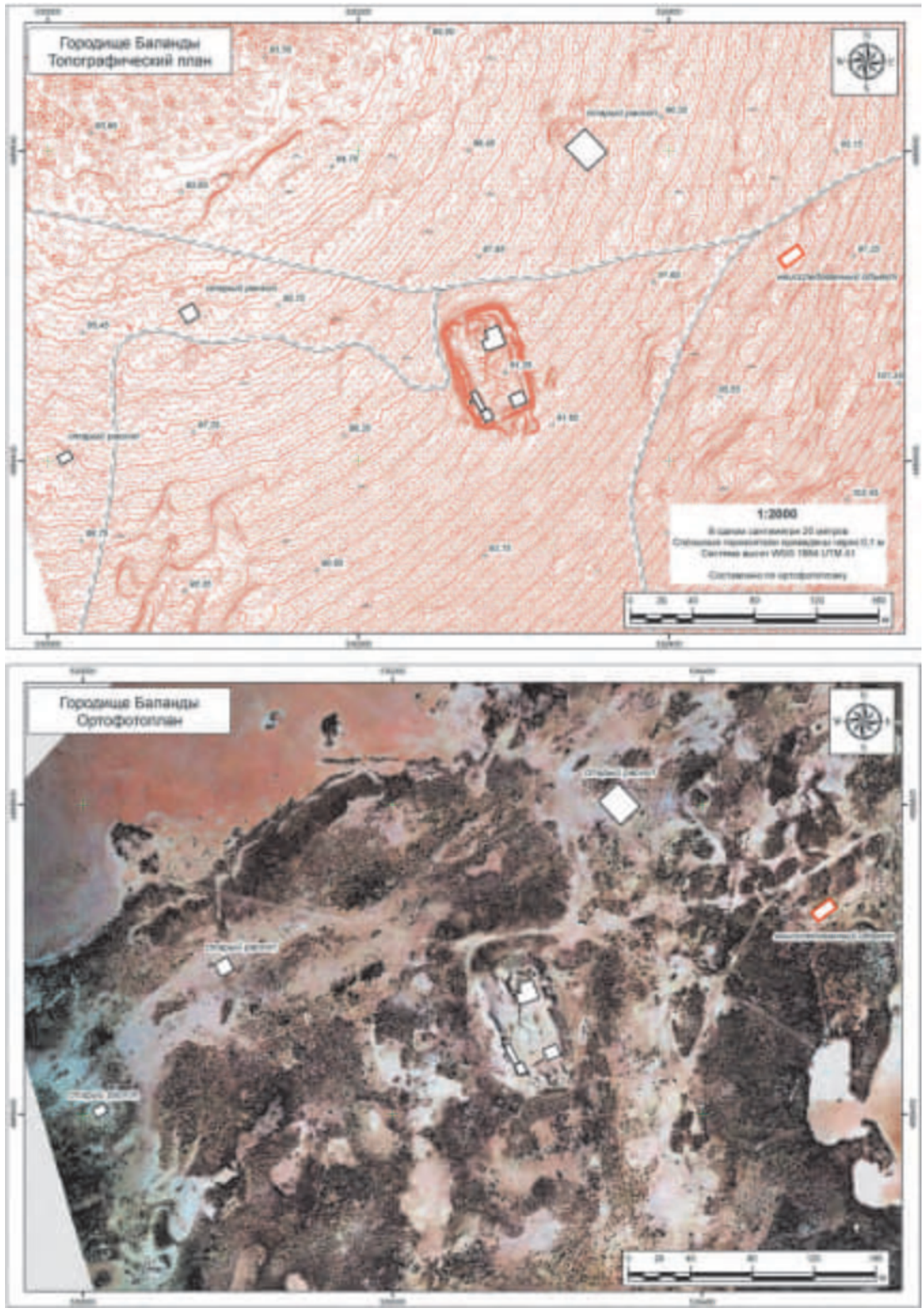

Рис. 2/1а. Укрепленная усадьба и поселение Баланды (по: Казизов, 2021)

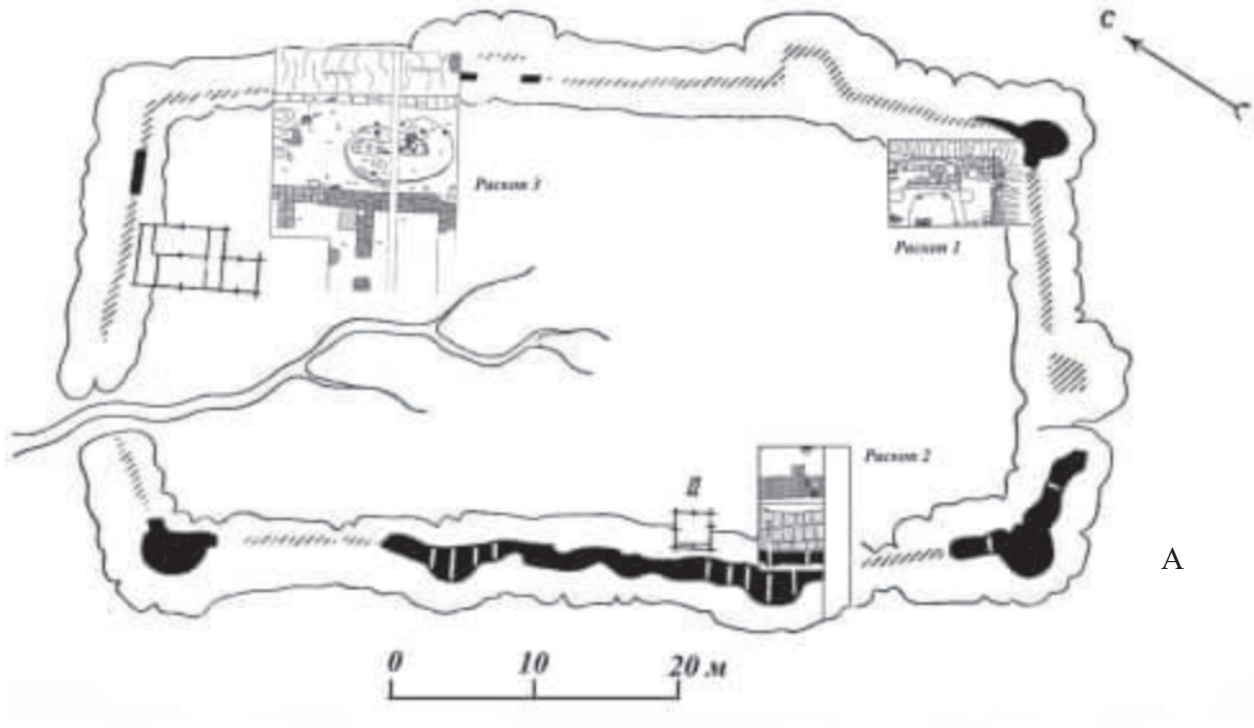
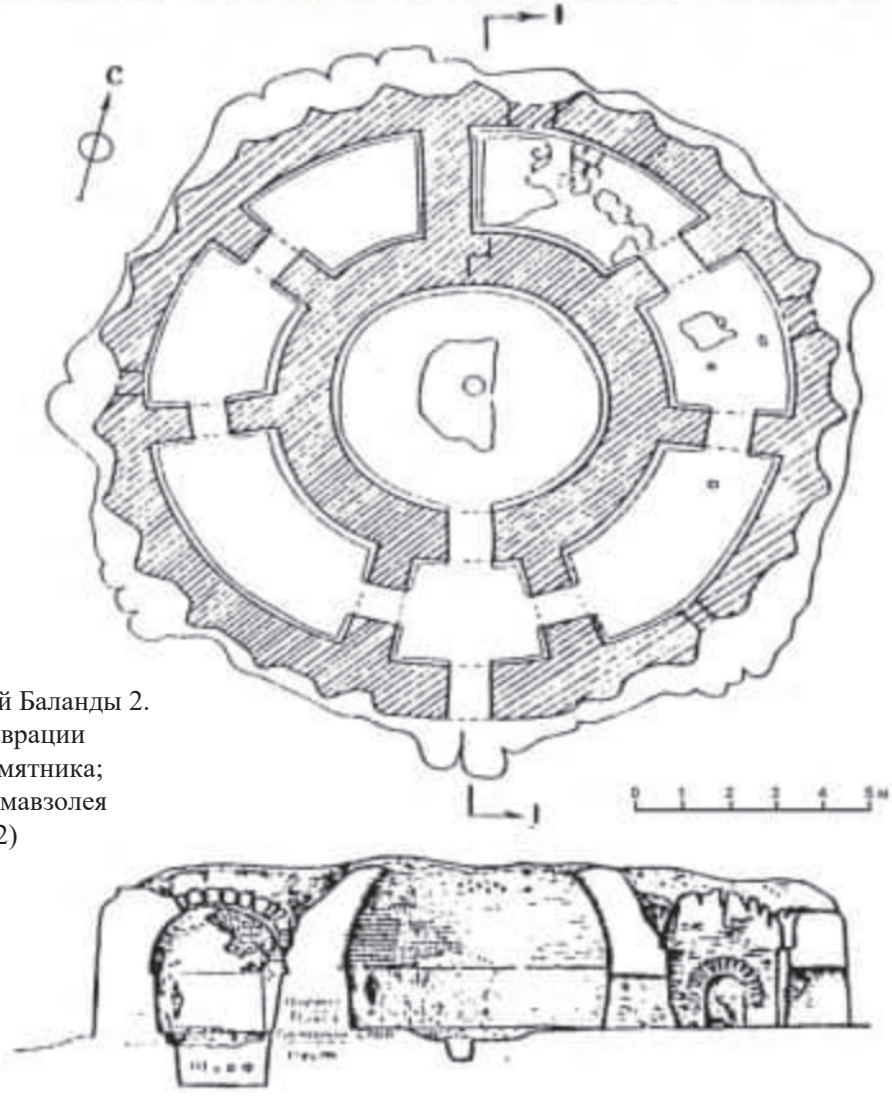

Рис. 2/2. Укрепленная усадьба Баланды. А – план усадьбы, сплошными линиями отмечены раскопы Хорезмской экспедиции; Б – общий вид усадьбы с юга

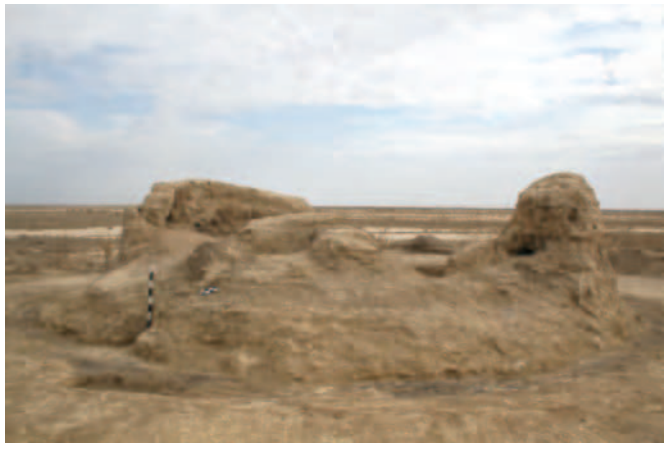

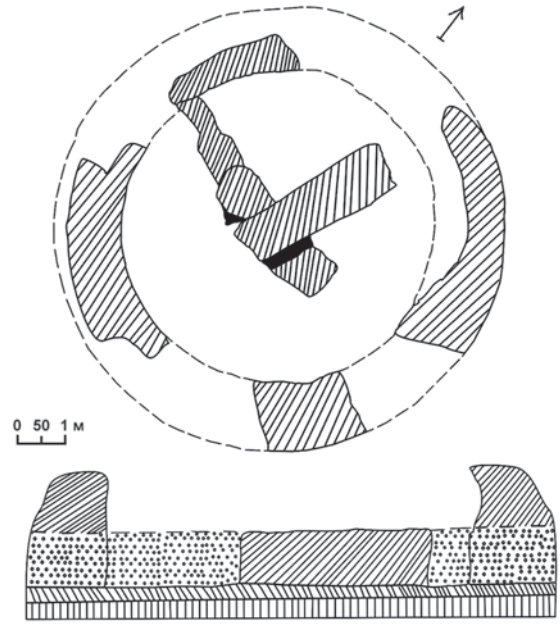
А

Б

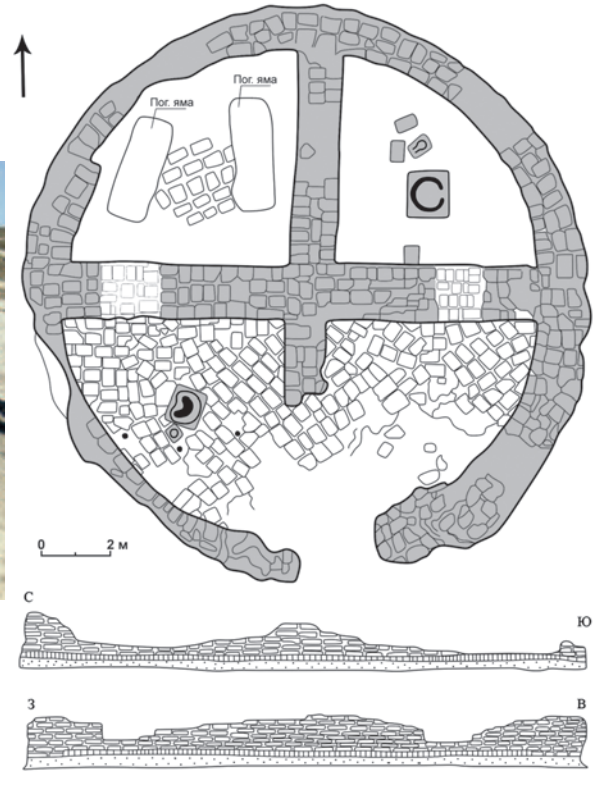
Рис. 2/3. Мавзолей Баланды 2.
А – фото до реставрации
и консервации памятника;
Б – план и разрез мавзолея
(по: Толстов, 1962)

А

Б

Рис. 2/4. А – мавзолей Баланды 3; Б – мавзолей Мынарал

Рис. 2/5. Баланды. Находки из раскопок Хорезмской экспедиции. А – костяные накладки на шкатулку; Б – каменная статуэтка мифологического животного (рисунок Д. А. Байтлеу)

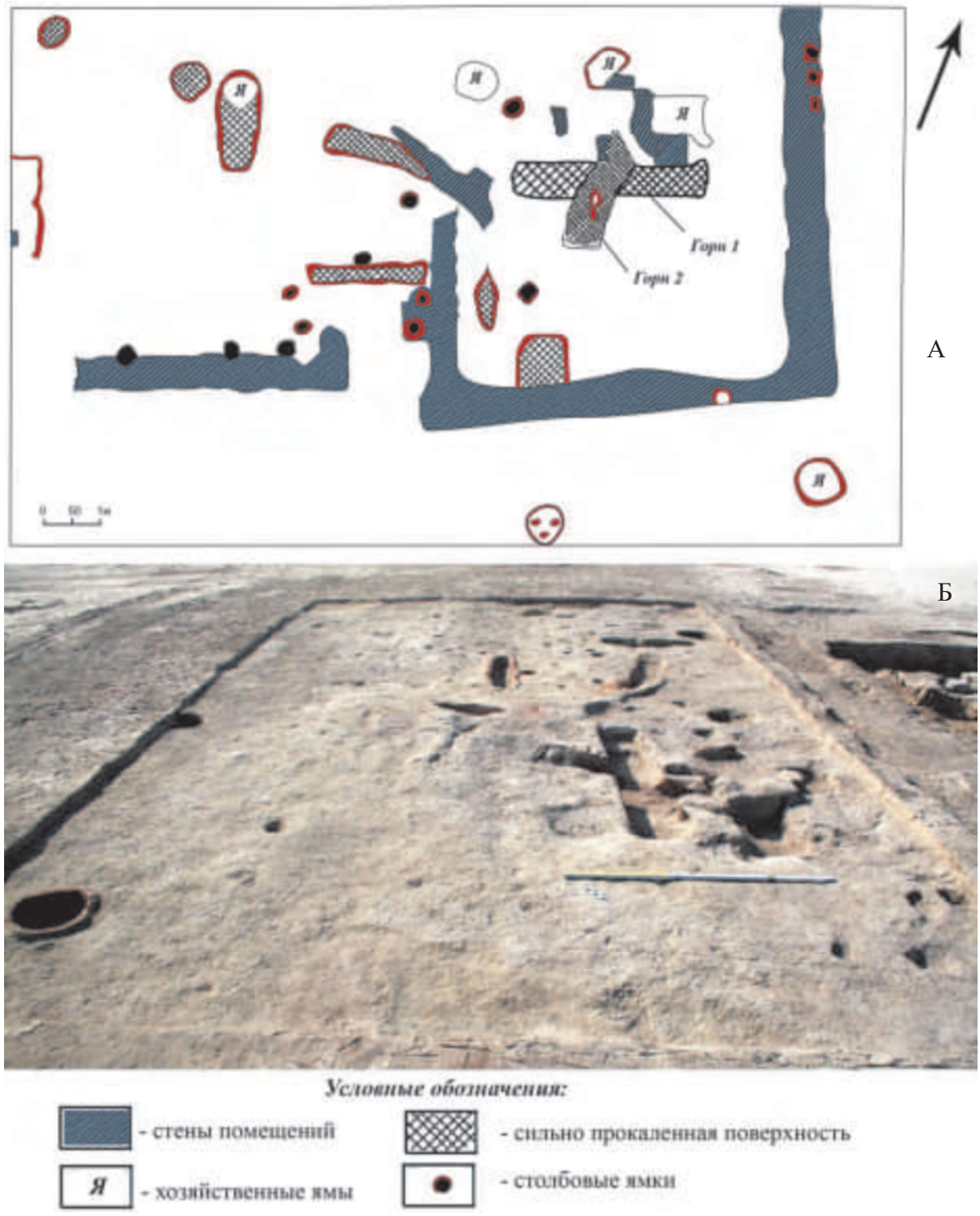

Рис. 2/6. Поселение Баланды. Усадьба № 2. А – план раскопа; Б – фото раскопа

Рис. 2/7. Поселение Баланды. Усадьба № 2. А, Б – антропоморфные и зооморфные лепные глиняные фигурки; В, Г – каменная крышка пиксиды

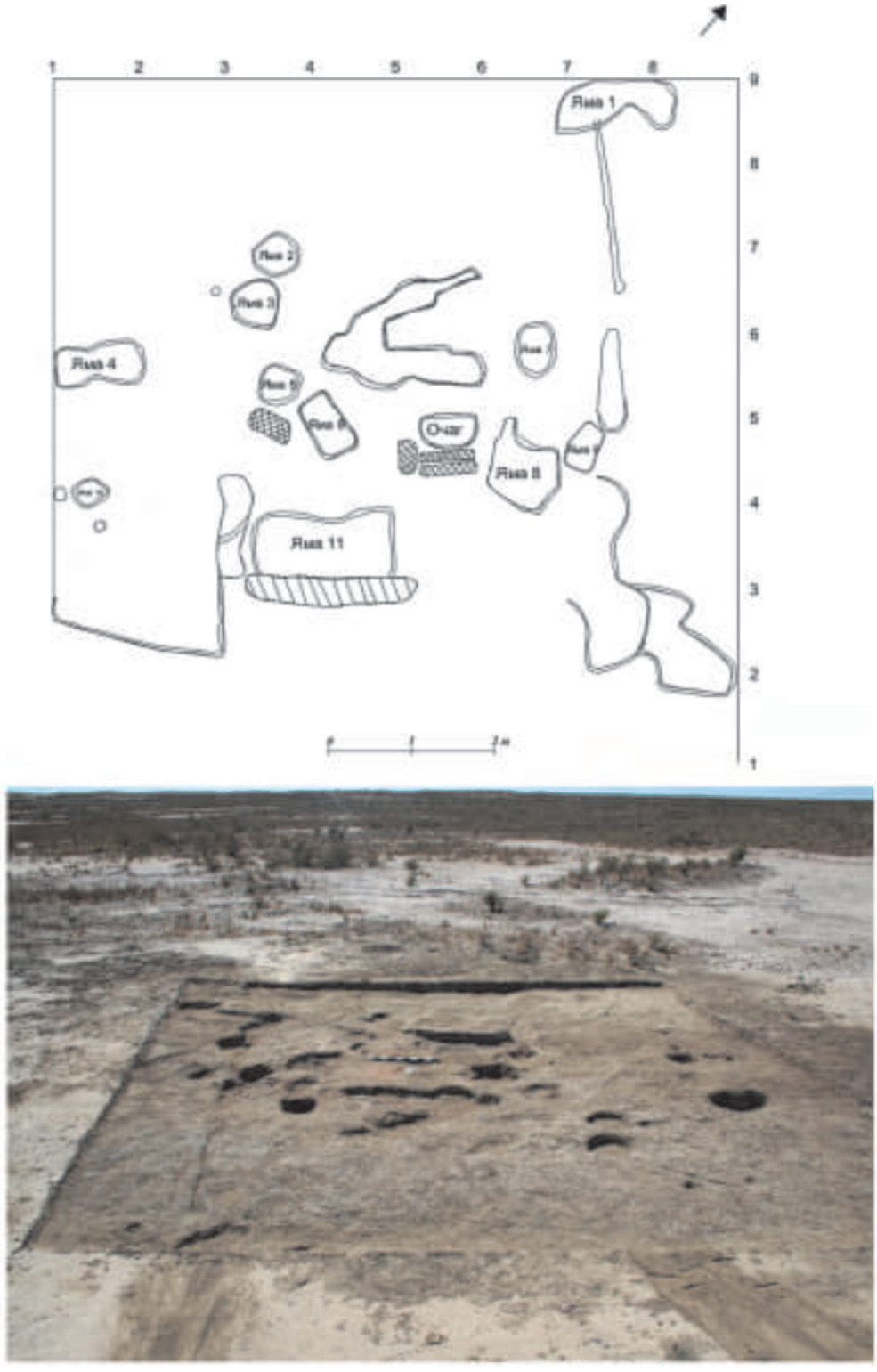

Рис. 2/8. Поселение Баланды. Усадьба № 3. План и фото

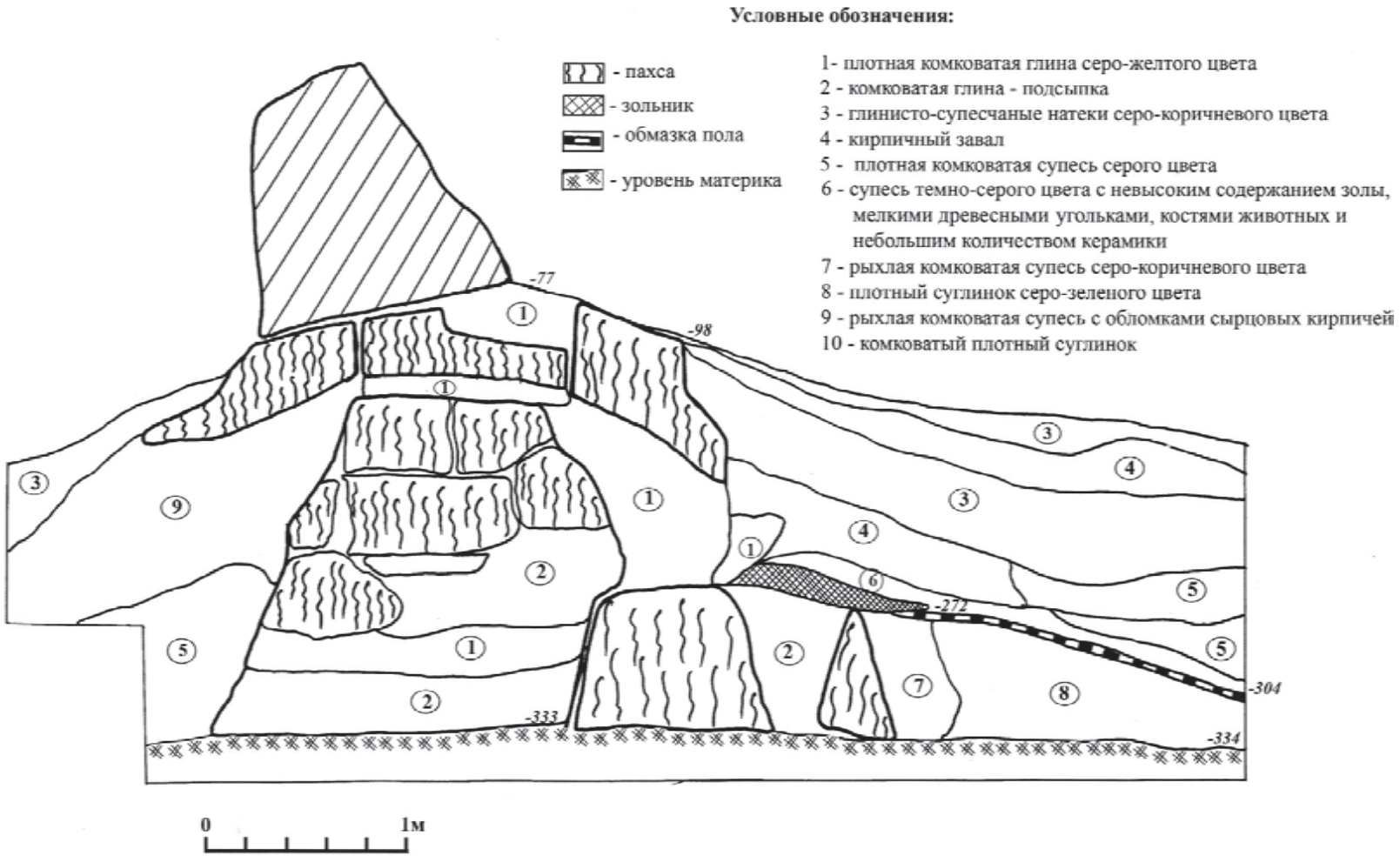

Рис. 2/9. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 2. Разрез северо-западной крепостной стены по линии запад – восток. Вид с юга

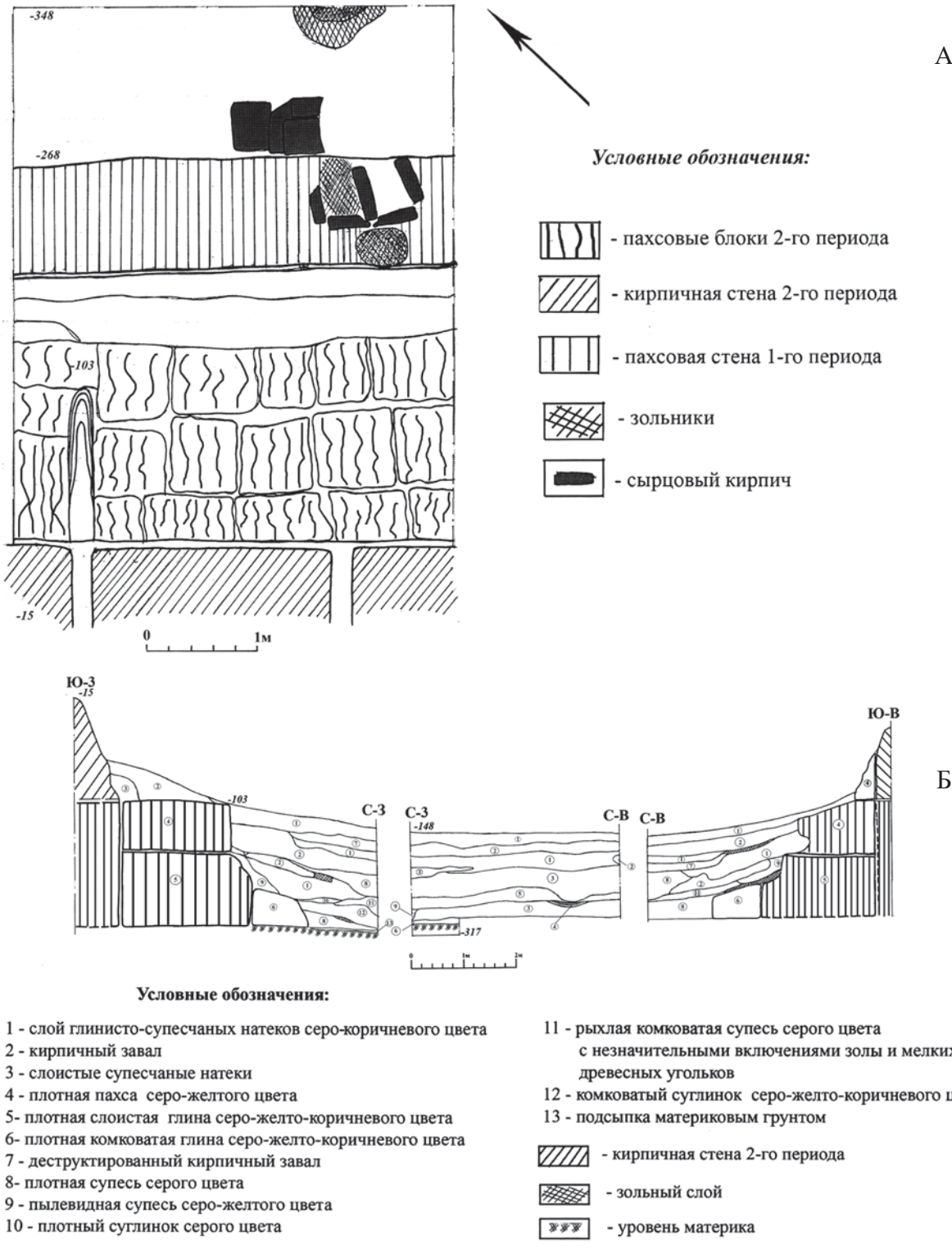

Рис. 2/10. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 2.
А – план раскопа; Б – развертка шурфа. Разрезы по бортам

Рис. 2/11. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 2. А – двухкамерный очаг позднего периода; Б – юго-восточная часть раскопа. Приставная стена и очаги позднего периода

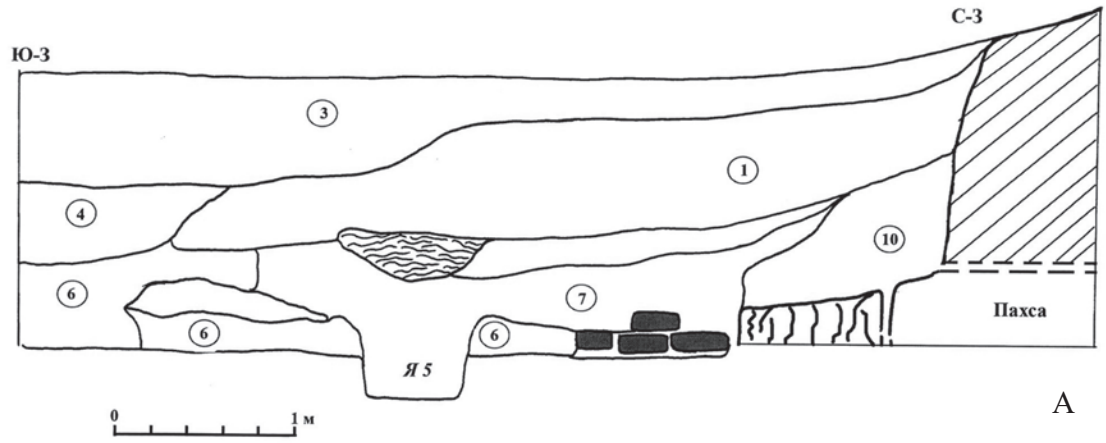

А

Б

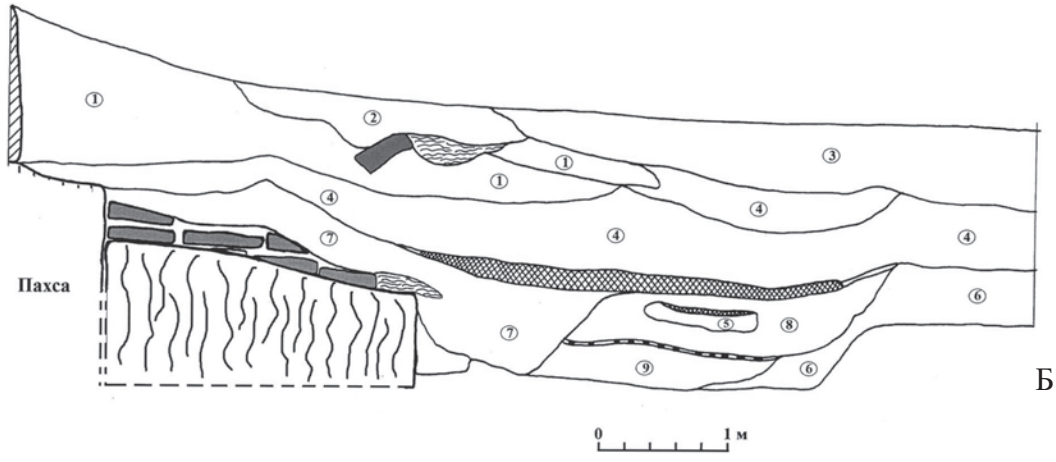
Рис. 2/12. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 2. А – бойницы в крепостной стене. Вид с юго-запада; Б – северный борт раскопа. Вид с юго-востока

А

Условные обозначения:

1- слой завала (кирпич, пахса)
2 - деструкивный завал (обломки кирпича, супесчаные натеки)
3 - глинисто-супесчаные натеки серо-коричневого цвета
4 - плотная супесь серого цвета
5 - обжженный суглинок красного цвета
6 - плотный суглинок серого цвета
7 - рыхлая комковатая супесь с небольшим количеством костей животных и мелких древесных угольков
8 - плотная комковатая супесь серого цвета
9 - плотная комковатая супесь серо-коричневого цвета
10 - слой плотной глины серо-желтого цвета
пахсовая стена 1-го периода
- зольник
супесчаные слоистые натеки
- обмазка пола
- сырцовый кирпич
- стена 2-го периода

Б

Условные обозначения:

1- слой завала (кирпич, пахса)
2 - деструктивный завал (обломки кирпича, супесчаные натеки)
3 - глинисто-супесчаные натеки серо-коричневого цвета
4 - плотная супесь серого цвета
5 - обжженный суглинок красного цвета
6 - плотный суглинок серого цвета
7 - рыхлая комковатая супесь с небольшим количеством костей животных и мелких древесных угольков
8 - плотная комковатая супесь серого цвета
9 - плотная комковатая супесь серо-коричневого цвета
пахсовая стена 1-го периода
- зольник
супесчаные слоистые натеки
- обмазка пола
- сырцовый кирпич

Рис. 2/13. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 1. А – разрез по линии северо-запад – юго-запад. Северный борт раскопа; Б – разрез по линии юг – север

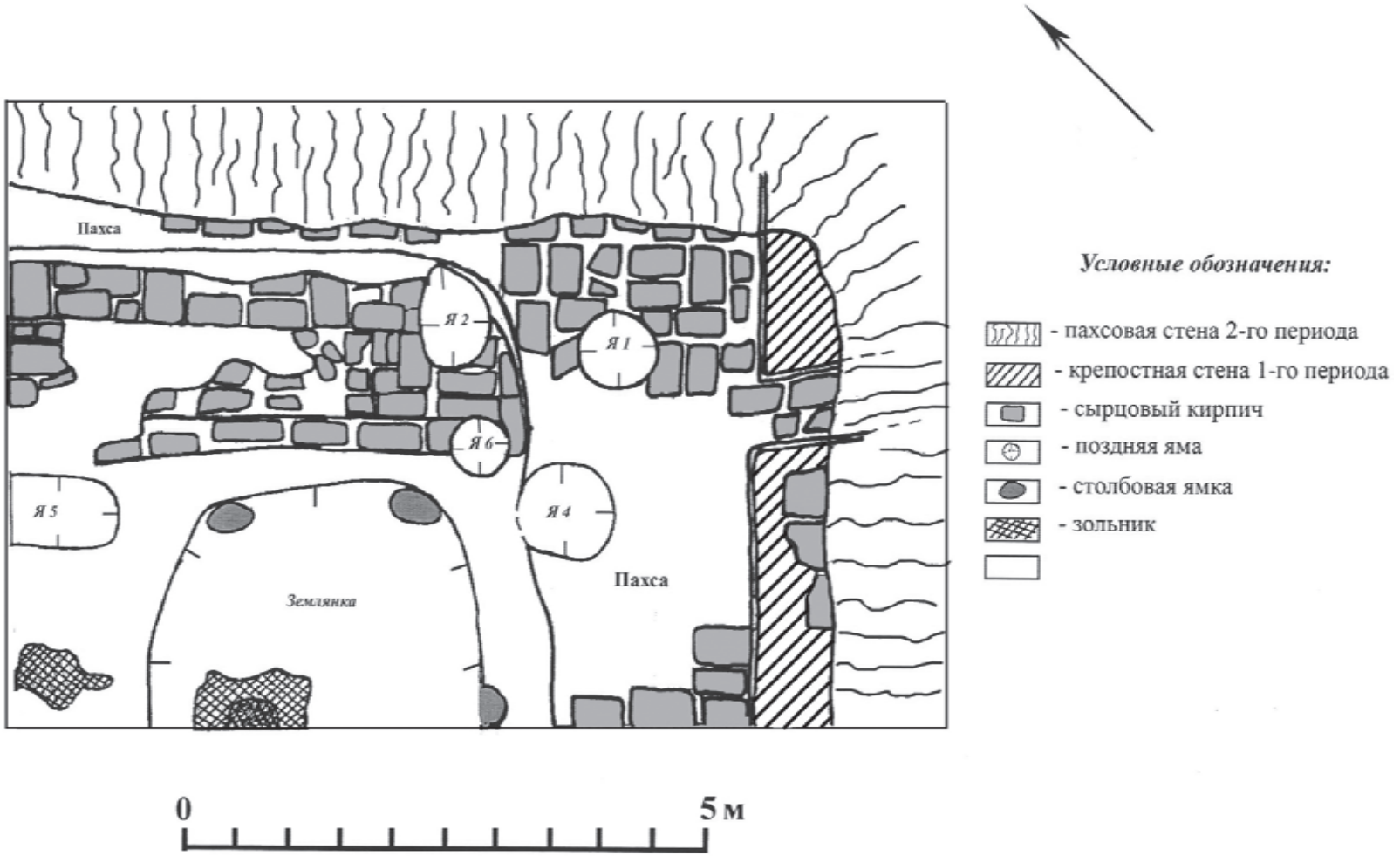

Рис. 2/14. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 1. План раскопа по нижнему уровню

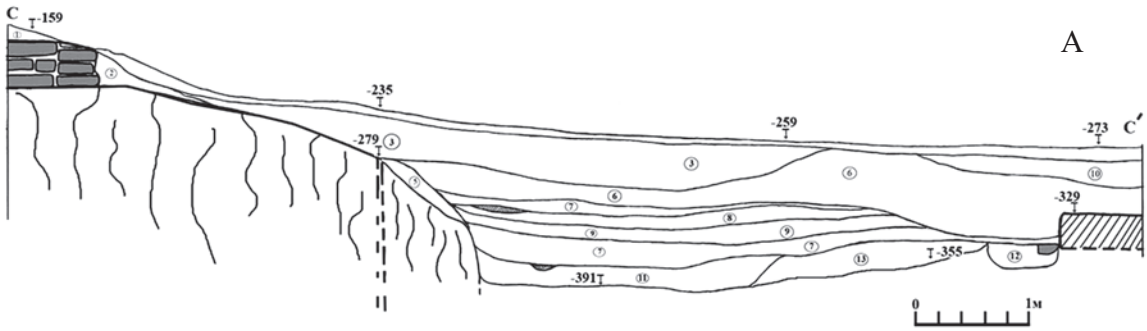
А

Б

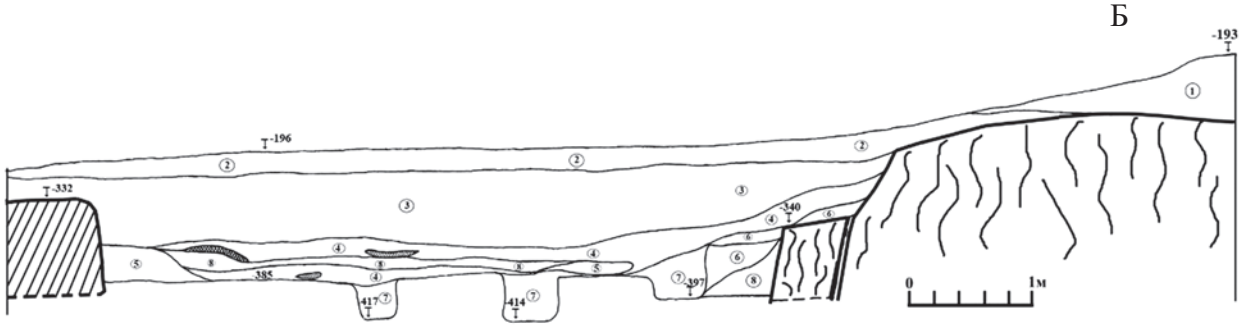
Рис. 2/15. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 1. А – восточная часть каркасного жилища. Вид с юга; Б – восточная часть каркасного жилища. Восточный угол крепостной стены. На заднем плане заложенная калитка в крепостной стене

Условные обозначения:

1 - слой плотного суглинка серо-коричневого цвета (такыр)
2 - слой мелкой кирпичной крошки и небольших кусков сырцовых кирпичей
3- слой комковатого суглинка с сырцовыми кирпичами (завал) с прослойками слоистой супеси с мелким песком (натеки)
4 - слой плотного комковатого суглинка
5 - плотная супесь серого цвета с натеками
6 - слой плотного завала сырцового кирпича
7 - слой рыхлой комковатой супеси серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и органики
8 - слой рыхлой комковатой супеси серого цвета
9 - слой плотного комковатого суглинка серо-желтого, палевого цвета
10 - слой плотного суглинка с кирпичами и натеками (деструктированный завал)
11 - слой плотного суглинка серо-желтого цвета с невысоким содержанием золы и древесными угольками
12 - слой рыхлого комковатого суглинка с большим количеством костей животных
13 - слой плотного суглинка серо-желтого цвета

- пахсовая стена в разрезе
- зольник
- кирпичная стена в разрезе

Условные обозначения:

1- слой мелкой кирпичной крошки (деструктированный кирпичный завал)
2- слой плотного слоистого суглинка серо-коричневого цвета (такыр)
3 - слой завала сырцовых кирпичей
4 - рыхлая комковатая супесь серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и органики; большим количеством костей и керамики
5 - слой плотной супеси серо-желтого цвета
6 - слой плотного суглинка светло-серого цвета
7 - слой рыхлой комковатой супеси темно-серого цвета с карбонатами и небольшим количеством керамики
8 - слой плотного комковатого суглинка серого цвета

- пахсовая стена в разрезе
- зольник
- кирпичная стена в разрезе

Рис. 2/16. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. А – разрез по линии восток – запад. Южный борт раскопа; Б – разрез по линии восток – запад. Северный борт раскопа

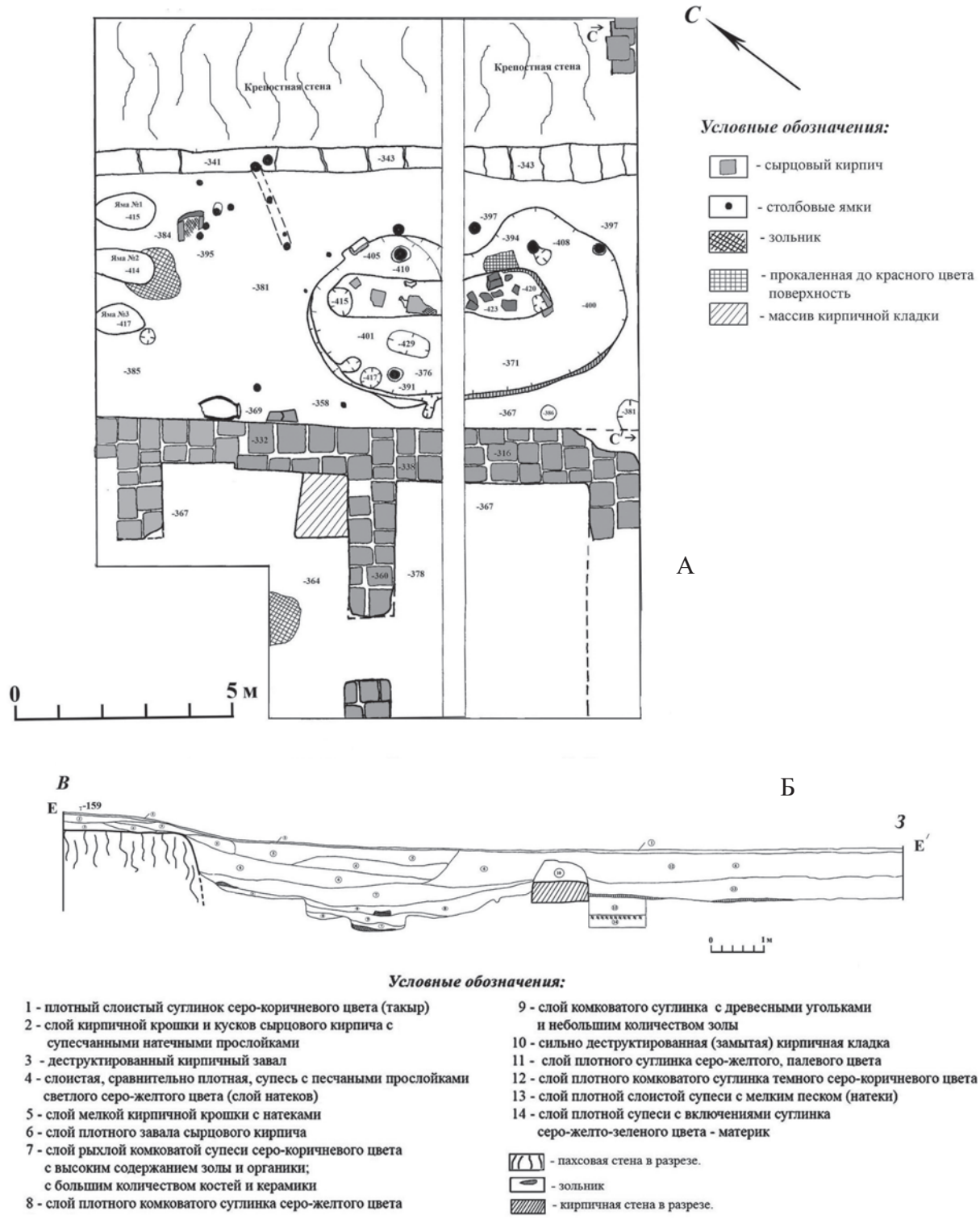

Рис. 2/17. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. Нижний строительный горизонт. А – план раскопа по нижнему уровню; Б – центральная широтная бровка раскопа. Вид с севера

А

Б

Рис. 2/18. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. А – раннее здание. Проход из пом. 1 в пом. 2. Вид с юго-запада; Б – раннее здание. Пом. 1. Вид с севера

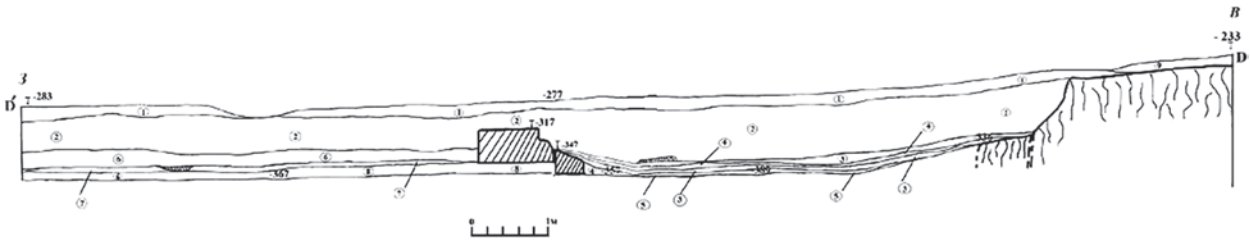

А

Б

Рис. 2/19. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. А – раннее здание. Общий вид. Пом. 1 и северная часть пом. 2. Вид с юго-востока; Б – раннее здание. Кирпичная кладка восточной стены

А

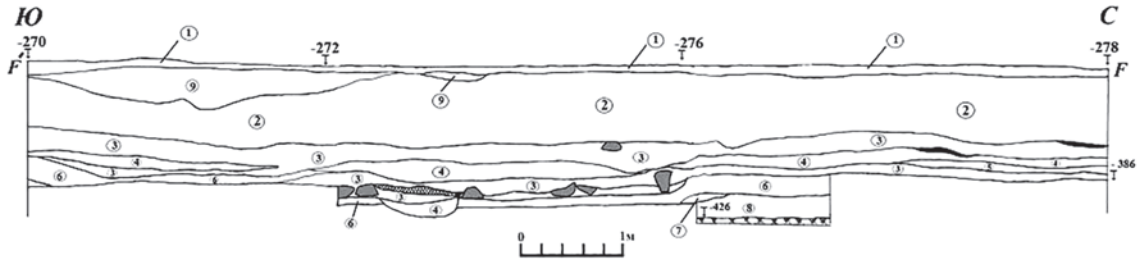

Условные обозначения:

1 - плотный слоистый суглинок с супесью серо-коричневого цвета (такыр)
2- плотный слой суглинка с большим количеством обломков сырцовых кирпичей и с супесчаными натеками (кирпичный завал)
3 - рыхлый слой комковатой супеси с высоким содержанием органики и золы; большое количество костей животных, керамика
4 - плотная комковатая супесь серо-желтого цвета
5 - плотная супесь серого цвета с мелкими древесными угольками
6 - слой супесчаных натеков
7 - плотная комковатая супесь серо-коричневого цвета с угольками и небольшим количеством керамики.
8 - плотный слой комковатого суглинка
9 - слой мелкой кирпичной крошки и пылевидной супеси серого цвета

- пахсовая стена в разрезе
- зольник
- кирпичная стена в разрезе

Б

Условные обозначения:

1- плотная слоистая супесь серо-коричневого цвета (такыр)
2 - слой плотного комковатого суглинка с кусками сырцовых кирпичей и натеками (завал)
3 - рыхлая комковатая супесь серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и органики; кости животных, керамика
4- слой плотного комковатого суглинка серого света с многочисленными карбонатными включениями
5 - плотная супесь серого цвета
6 - слой плотного суглинка серо-коричневого цвета
7 -плотный суглинок серого цвета с мелкими древесными угольками и керамической крошкой
8 - плотный супеси с суглинком серо-желтого цвета.
9 - слой тонкодисперсной плотной супеси с мелким песком (слой натеков)

- куски сырцовых кирпичей
- зольник
- уровень материка

Рис. 2/20. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. А – разрез по центральной широтной бровке. Вид с юга; Б – разрез по меридиональной бровке. Вид с востока

Рис. 2/21. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. А, Б – раннее здание. Общий вид. Помещение 2

А

Б

Рис. 2/22. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. Нижний строительный горизонт.
А – северная часть каркасного жилища. Вид с востока;
Б – южная часть каркасного жилища. Вид с запада. На заднем плане стены раннего здания

Рис. 2/23. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. Нижний строительный горизонт. А – центральная широтная бровка раскопа и северная часть каркасного жилища. Вид с севера; Б – хозяйственные ямы в северной части раскопа. Вид с юго-запада; В – северная часть каркасного жилища. Вид с севера

А

Б

Рис. 2/24. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. Нижний строительный горизонт. А – юго-западная часть каркасного жилища. Вид с востока; Б – зондаж в центральной части раскопа

Рис. 2/25. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. Хум у восточной стены раннего здания

А

Б

Рис. 2/26. Укрепленная усадьба Баланды. Хозяйственные ямы в северной части раскопа.
А – вид с юго-запада; Б – вид с востока

А

Б

Рис. 2/27. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. Верхний строительн ый горизонт.
А – северо-западная часть раскопа – фото; Б – юго-западный угол каркасной постройки

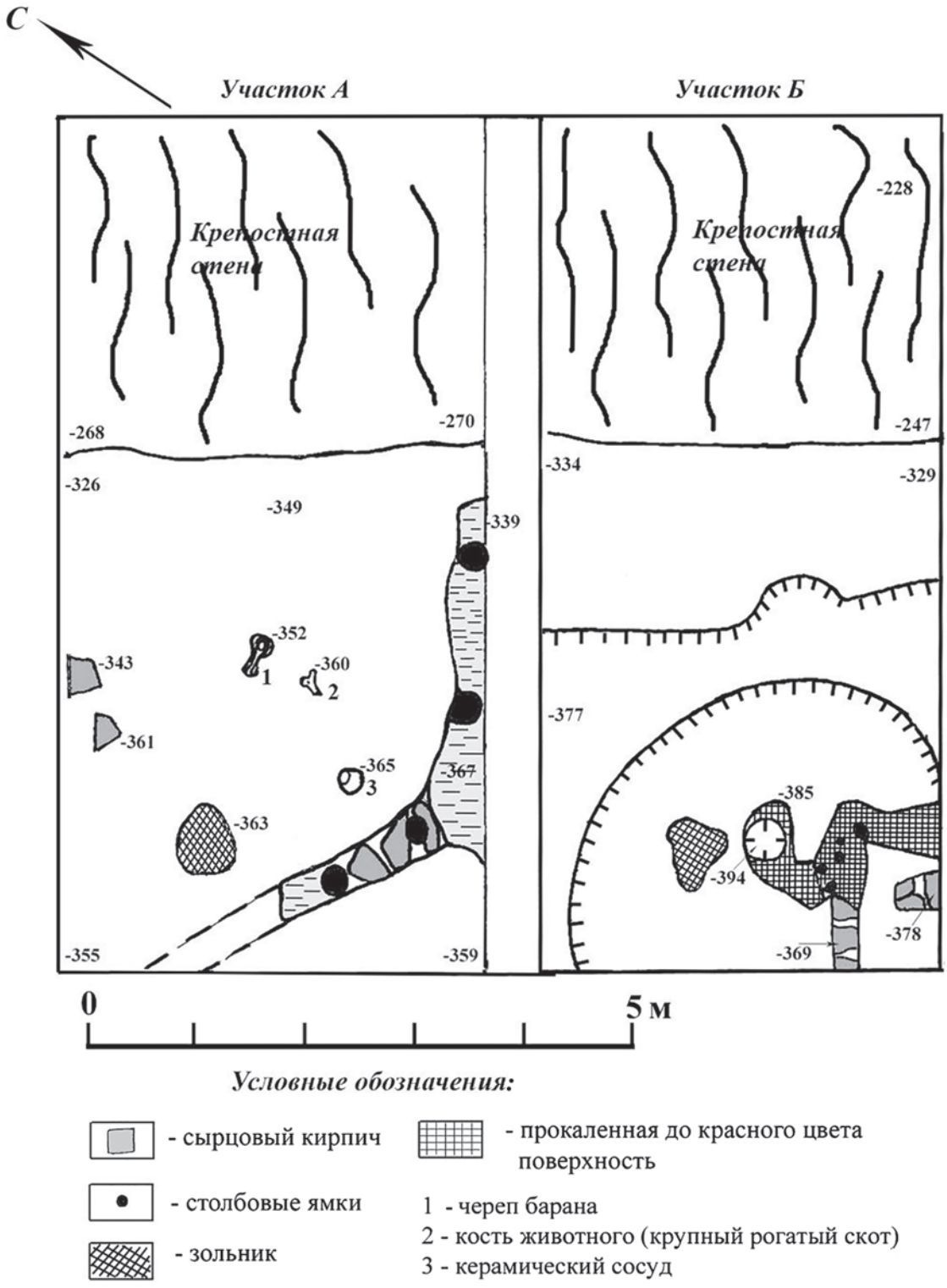

Рис. 2/28. Укрепленная усадьба Баланды. Раскоп 3. План верхнего строительного горизонта

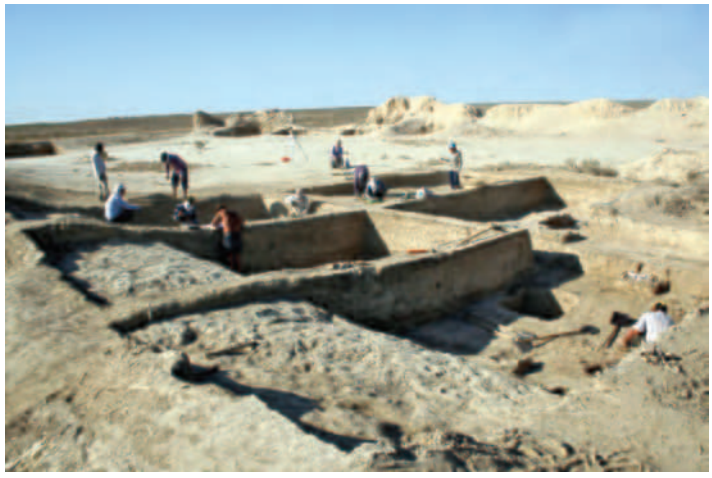
Рис. 2/29. Баланды. Бронза. А – кубок; Б – шило; В – фрагменты сосуда; Г – наконечники стрел; Д – шлаки; Е – фрагмент сосуда (венчик, бронза)

Рис. 2/30. . А, Б – курильницы; В, Д – каменные орудия; Г – пряслицы

Рис. 2/31. Баланды. А, Б – костяные артефакты; В, Г – каменные орудия; Д–З – керамика

Рабочий момент

Болелов С. Б., Утубаев Ж. Р.

Дискуссия на раскопе: Курманкулов Ж., Болелов С., Переводчикова Е., Никулина О.

Шораев Б., Утубаев Ж., Болелов С.

Дарменов Р., Болелов С., Утубаев Ж.

Повар Оразгуль апай, Дарменов Р., Болелов С., Торежанова Н., Утубаев Ж.

Рис. 2/32. Фото участников Баландинского отряда Чирик-Рабатской археологичской экспедиции

ГЛАВА 3

Археологические исследования на территории Бабишмолинского оазиса

Оазис Бабиш-мола

Комплекс археологических памятников, который получил общее название Бабиш-мола, впервые был обследован отрядом Хорезмской экспедиции в 1946–1948 гг. На площади 70–80 кв. км были выявлены различные памятники античной эпохи: городища, неукрепленные поселения, отдельные усадьбы, наземные погребальные сооружения.

Бабишмолинский оазис, орошаемая площадь которого, по различным оценкам, была более 10 000 га (Андрианов, 1969, с. 199), расположен к северу от основного изгиба северного русла Жанадарьи, в 40 км к северо-северо-востоку от Чирик-рабата. Оросительная система оазиса основывалась на трех наиболее крупных русловых протоках, которые веером расходились от возвышенности Аккыр в западном и северо-западном направлении. Центральный проток орошал поля вокруг городища Бабиш-мола, являвшимся центром оазиса (рис. 3/1: В). Северное русло обеспечивало водой многочисленные каналы меридионального направления, орошавшие северо-западную группу поселений. Южный проток, после соединения со средним через большой канал, продолжался далеко на запад. На этом русле располагалась юго-западная группа поселений. Орошение, которое осуществлялось по схеме: река – старица – оросительь – поле, было основано на широком использовании замирающих русел и «стариц» – небольших разветвленных протоков внутренней дельты (Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, с. 40–41; Андрианов, 1969, с. 193). Поселения и отдельные усадьбы располагались на берегах каналов или искусственных водохранилищ, выведенных их русловых протоков. Остатки жилищ выражены на поверхности такыров небольшими возвышенностями, скоплениями керамики, а иногда планировками, четко проявляющимися на поверхности такыра. По данным Б. В. Андрианова, в окрестностях Бабиш-молы выявлены следы 150 поселений, из которых около 100 могли существовать одновременно (Андрианов, 1969, с. 198–199), однако раскопки на них не проводились.

В 1957–1960 годах отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции на городище Бабишмола 1 велись стационарные археологические исследования. Основным объектом исследований была цитадель, где полностью был раскопан входной комплекс, так называемый «донжон», и восточная часть центрального здания.

Планировочная схема восточной части «Большого дома», где по стратиграфическим данным выявлено три строительных периода, можно рассматривать как самостоятельное архитектурное сооружение, вписанное в общий план здания (рис. 3/2: В). По планировочной схеме оно весьма близко иранским храмам огня, причем определенного типа (тип 1), выделенного Б. А. Литвинским. Это храмы с обводными П-образными коридорами, обрамляющими центральное помещение-целлу (собственно храм) с боковых и торцевых сторон[5]. Непременным элементом архитектурной схемы иранских храмов являются парные прямоугольные или квадратные в плане помещения, расположенные на фасадной стороне здания, по обе стороны входного айвана. В центральном здании Бабишмолы 1 – это помещения № 10 и № 4. В иранских храмах огня эти помещения однозначно трактуются как ***аташгехи,*** в которых поддерживался постоянный огонь (Пичикян, 1991, с. 145; Литвинский, Пичикян, 2000, с. 206). В связи с этим любопытно отметить, что в одном из боковых помещений (пом. № 10) почти всю площадь занимал очаг, а в стенах айвана были устроены симметрично расположенные ниши (три в северной – фасадной стене и по одной в боковых стенах). Еще одной характерной особенностью планировочной схемы иранских храмов огня считается наличие крытого айвана перед центральным входом и двора – теменоса перед храмом (Литвинский, Пичикян, 2000, с. 205). Таким образом, планировочная схема восточной части «Большого дома» на цитадели Бабиш-молы 1 (рис. 3/2: В) почти полностью соответствует архитектурным планам иранских храмов огня ахеменидского и эллинистического периодов. Ближайшей аналогией является храм огня в Шахре (Иран), где в отличие от остальных храмов (Сузы, Тахти-Сангин) аташгехи не выступают за линию стен центрального зала-целлы (Литвинский, Пичикян, 2000, табл. 58, 59). Однако, кроме уже упоминавшегося очага, в одном из боковых помещений айвана, о функциональном назначении которого мы можем только догадываться, никаких других находок или характерных деталей интерьера, позволяющих трактовать этот архитектурный комплекс как храм, нам неизвестны. В то же время следует отметить, что планировочная схема, упомянутая выше – центральный зал в обводе коридоров или коридорообразных помещений, довольно широко использовалась и в гражданской архитектуре южных областей Средней Азии в эллинистический, и в более поздний кушанский период. Достаточно вспомнить крупные жилые дома II в. до н. э. на городище Ай-Ханум (Пугаченкова, 1976а, с. 155; Пугаченкова, 1979, с. 51–53; Лекюйо, 1987, с. 59). Сходная планировочная схема выявлена в центральной части «Большого дома» на Диль-

[5] По классификации Г. А. Пугаченковой такая композиционная схема, которая реализуется в жилых домах, дворцовых и культовых зданиях, относится к третьему типу группы I – центральный зал с обводом из коридорообразных помещений (Пугаченкова, 1973а, с. 122–124).

берджине, первый строительный период которого датируется концом II–I вв. до н. э. (Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 5–47). По такому же плану построены «дома богатых горожан» на Дальверзин-тепе, начало строительства которых можно датировать не ранее конца I – начала II вв. н. э. (Пугаченкова, 1976б, с. 38–42; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 33–65; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 90). Весьма существенным, а, возможно, и определяющим отличием упомянутых выше сооружений от иранских храмов огня, помимо отсутствия, безусловно, культовых предметов и деталей интерьера, которые можно было связать с ритуальной практикой, является отсутствие боковых помещений по сторонам входного айвана – ***аташгехов.*** О функциях западной части «Большого дома» Бабиш-молы без дополнительных исследований пока нельзя сказать что-либо определенное. В тоже время, совершенно очевидно, что истоки архитектурного плана здания, который не имеет даже отдаленных аналогий на территории южного Приаралья, следует, по нашему мнению, искать в южных областях Средней Азии.

Предположение о том, что «Большой дом» или дворец правителя состоял из двух, возможно, различных по функциональному назначению и равных по площади блоков, отчасти подтвердилось в ходе небольших рекогносцировочных раскопок, проведенных отрядом Чирик-рабатской археологической экспедиции Института археологии Республики Казахстан в 2018 году. В ходе этих работ в пределах небольшого раскопа, заложенного в северо-западной части комплекса, была вскрыта часть обводного коридора шириной около 3 м и, частично, два, надо полагать, небольших помещения, соединенных между собой проходом. Стены помещений шириной 1,1–1,2 м, сложенные из квадратного и прямоугольного кирпича, были покрыты несколькими слоями штукатурки; на отдельных участках сохранилась ганчевая побелка. По стратиграфическим данным четко выделяются два периода существования комплекса: основной период жизни, которому соответствует незначительный по мощности культурный слой на уровне полов помещений, и косметические ремонты, когда стены покрывались новыми слоями штукатурки. Даже несмотря на незначительные по масштабу раскопки, проведенные на памятнике, ясно, что западная часть дворца и по планировке и, надо думать, по функциональному назначению отличалась от восточной. Предварительно можно говорить о светском характере здания, возможно, это была жилая часть дворца, которым, вне всякого сомнения, являлся «Большой Дом» на городище Бабиш-мола 1.

В конце 50-х годов прошлого столетия в непосредственной близости от городища Бабиш-Мола 1, было раскопано монументальное погребальное сооружение Бабиш-мола 2. Несомненно, в древности эти памятники были единым комплексом, являвшимся центром обширного оазиса.

Бабиш-мола 2 – это квадратное в плане сооружение (21×21 м), построенное из квадратного сырцового кирпича на пахсовом цоколе высотой 3,5 м. Само здание было крестообразным в плане. Основой планировочной схемы были два коридора, пересекающиеся под прямым углом, ориентированные по сторонам света, и служившие основной связующей доминантой для

четырех помещений, расположенных в углах постройки (рис. 3/3; рис. 3/4; см. также: Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 64, рис. 29). Г. А. Пугаченкова определила подобную схему как композицию с крестовидно-коридорной связью (Пугаченкова, 1973б, с. 127–129). В археологической литературе уже отмечалось, что эта планировочная схема имеет местный центральноазиатский генезис (Литвинский, Седов, 1983, с. 104–105; Болелов, 1998, с. 131–132). Следует отметить, что самыми ранними примерами реализации этой схемы являются погребальные сооружения середины I тыс. до н. э. на территории древней Сырдарьинской дельты (Северный Тагискен, «курган» № 2). Обращает на себя внимание тот факт, что во второй половине I тыс. до н. э. в низовьях Сырдарьи такая планировка характерна только для погребальных памятников (Вайнберг, Левина, 1993, с. 37–55; Тажекеев, Курманкулов, 2014, с. 236–248; см. также: Baimatowa, 2008, s. 196–200). Немного позднее, а именно не ранее начала III в. до н. э., погребальные памятники, в основе планировочной схемы которых лежит крест, появляются в южных земледельческих областях Среднего Востока. Очень схожая, а иногда и просто аналогичная планировка наземных погребальных сооружений известна в Бактрии и Парфии в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. Пожалуй, одним из наиболее ранних погребальных построек этого типа является загородный мавзолей Ай-Ханум (Bernard, 1973, p. 610, 613; Литвинский, Седов, 1983, с. 84–86, 106). Позднее наземные мавзолеи крестообразной планировки появляются на территории Западной Парфии, например, в Хатре (тип 6а и 6б по В. Андре: см: Reuter, 1967, p. 439; Литвинский, Седов, 1983, с. 93–94). В это же время планировочная схема с крестовидно-коридорной связью используется и в гражданской архитектуре (Болелов, 1998, с. 131–133). По мнению Б. А. Литвинского, с которым трудно не согласиться, «этот композиционный тип имеет очень древний и притом местный генезис» (Литвинский, Седов, 1983, с. 104). Как уже говорилось выше, наиболее ранние сооружения этого типа обнаружены на территории Юго-Восточного Приаралья. Бабиш-мола 2 является одним из наиболее типичных таких памятников.

В последние десятилетия в среднеазиатской археологии довольно оживленно дискутируется тема возникновения и происхождения городской культуры в области среднего течения Сырдарьи. Руководитель исследований на территории г. Ташкента М. И. Филанович относит возникновение раннего поселения городского типа – Шаштепа ко II в. до н. э. Она связывает зарождение города, возникшего на развалинах поселка бургулюкской культуры, с продвижением групп населения из оазисов Нижней Сырдарьи – носителей чирикрабатской археологической культуры. По мнению исследователя, именно в это время на территории Чача были освоены навыки строительства из сырцового кирпича и пахсы (Филанович, Дуке, 1990, с. 39–49; Алимова, Филанович, 2009, с. 122–126; Филанович, 2009, с. 46–52). Основным аргументом, на котором базируется это заключение, по мнению М. И. Филанович, является «оригинальная планировка» монументального здания периода Шаш III, представляющая собой крестовину в двойном кольце стены». Это здание, по мнению исследователя, было культовым погребальным сооружением, связанным с культом солнца, генезис которого восходит к мав-

золеям Северного Тагискена и к более поздним погребальным памятникам – «крестовинам» чирикрабатской культуры. Таким образом, происхождение городской культуры Средней Сырдарьи напрямую связывается с продвижением на юг носителей чирикрабатской культуры. Еще одним аргументом, который, по мнению М. И. Филанович, свидетельствует о присутствии на Средней Сырдарье групп чирикрабатского населения, являются «керамические формы близкие чирикрабатским»[6] (Филанович, 2010, с. 117–125). Выводы и заключения, сделанные М. И. Филанович, были подвергнуты вполне аргументированной, на наш взгляд, критике. Во-первых, вызывает серьезные сомнения культовая принадлежность не только здания на Шаштепе, но и других, так называемых «крестовин», которые, по сути, являются квадратными или прямоугольными зданиями, фланкированными круглыми или квадратными башнями по четырем сторонам. Обычно к зданиям с крестовидной планировкой относят сооружения, у которых крестообразность является организующей доминантой, будь то пересечение коридоров или перпендикулярных стен в центральной части здания. Самым ранним сооружением этого типа считается мавзолей № 1 в Северном Тагискене, который, по сути, является крестовиной и датируется IV–II вв. до н. э. (Толстов 1962, с. 202, рис. 117: IV; Итина, Яблонский, 2001, с. 46–47). Наиболее полно эта схема реализуется в мавзолее Бабиш-мола 2 (см. выше). В другом случае – типичный пример Шаштепа и другие подобные здания на средней Сырдарье – крестообразность проявляется во внешнем контуре здания, когда башни, пристроенные в центральной части внешних стен, придают зданию ***внешний*** крестообразный контур. В этом случае в центральном здании помещения имеют или квадратные или прямоугольные очертания, а внутренняя планировка весьма далека от крестообразной (Богомолов, Ильясова, 2010, с. 110–111)[7]. В отдельных случаях прямоугольное или квадратное здание, основой внутренней планировочной схемы которого является крест, может быть фланкировано башнями по четырем сторонам (Болелов, 1998, с. 131, рис. 8). В этом случае внешний крестообразный контур сочетается с внутренней планировкой по принципу крестовидно-коридорной связи (термин предложен Г. А. Пугаченковой см.: Пугаченкова, 1973а, с. 127–129).

[6] К сожалению, полная публикация керамического комплекса Шаш III нам неизвестна. На сводной таблице, опубликованной М. И. Филанович (Филанович, 2010, рис. 10) керамических форм, которые, безусловно, можно было бы считать чирикрабатскими нет (подробно о керамике чирикрабатской культуры см. ниже – Гл. 4). Фрагмент фляги (Филанович, 2010, рис. 10: 47), если это, действительно, фляга, не является показательным, тем более что у нее довольно широкая горловина, что не характерно для чирикрабатской культуры (см. ниже). Лепные горшки с ручками вообще не типичны для чирикрабатской культуры, скорее, они находят параллели в более поздней джетыасарской культуре.

[7] Так, например, внешний контур центрального здания на поселении Арк-тепе, приведенного М. И. Филанович в ранге одной из аналогий (Филанович, 2009, с. 47), действительно, напоминает «крест» (скорее, это многоугольная в плане конструкция, напоминающая крест) за счет четырех прямоугольных башен-бастионов на каждой стороне. Центральной доминантой внутренней планировки здания был квадратный двор. По характеру культурного слоя в помещениях, здание, скорее всего, было жилым (Горбунова, Иванов и др., 1974, с. 479; Горбунова, 1994, с. 191–205). Внутренняя планировка этого сооружения не имеет ничего общего со зданиями с крестовидно-коридорной связью. То же самое можно сказать и еще об одном памятнике, раскопанном в Фергане, а, именно, о «крестообразном» здании на Биловур-тепе, которое исследователь памятника Ю. А. Заднепровский считает прототипом раннесредневековых донжонов (Заднепровский, 1985, с. 88–95).

По мнению М. И. Филанович, результаты вскрытия «крестообразного» здания уточнили его функциональное назначение – храмово-погребальный комплекс (Алимова, Филанович, 2009, с. 124–125). Причем, «крестообразность» Шаштепа однозначно связывается с культом солнца.

Действительно, крест, наряду с колесом и свастикой, устойчиво связывается с культом Солнца и считается древнейшим солярным символом (Рапопорт, 1971, с. 50–51). Однако этот, повсеместно и широко распространенный графический знак, который встречается, помимо архитектуры, и на керамике, и на ювелирных украшениях, можно трактовать и по-другому, а именно, как символ, отражающий представления древних о горизонтальном устройстве и организации пространства.

Представления об определенной организации предметов в пространстве, простейшими координатами которого, наряду с понятиями верх – низ, были четыре направления, более или менее соответствующие четырем сторонам света, уходят корнями в мировоззрение древнейших земледельцев Передней Азии (Антонова, 1981, с. 14). Графическими воплощениями этих представлений являлись квадрат и крест с выделенным центром. Мир первобытных земледельцев имел четыре направления, человек находится в центре, и только защитив себя с четырех сторон, он оказывался в безопасности. В вавилонский период идея защиты с четырех сторон, помимо персонифицированных изображений богов по четырем сторонам горизонтальной плоскости или изображения богов с четырьмя лицами, выражалась простыми глиняными амулетами, поделенными диагоналями на четыре части (Антонова, 1984, с. 61). Возможно с этими же представлениями связано нанесение на дно открытых чаш эпохи энеолита фигур в виде квадрата, креста или сочетания этих форм, а в Иране эта традиция сохранилась вплоть до железного века (Антонова, 1984, с. 71).

На территории Южного Приаралья эта модель восприятия пространства довольно ярко, зачастую в законченном виде, выражена на хорезмийской расписной хозяйственной керамике. Например, на вьючных керамических флягах орнаментальные пояса располагались концентрическими кругами на выпуклой части сосуда, и в этом случае в композиции всегда выделялся центр. Разделение поверхности сосуда на орнаментальные регистры или зоны предусматривались уже в процессе его изготовления. Во время формовки они размечались желобками или валиками, затем, после просушки, эти зоны заполнялись определенным видом орнамента. Здесь следует подчеркнуть, что центром орнаментальной композиции в горизонтальной проекции всегда был крест в круге (Болелов, 2010 с. 122–142). Профиль сосудов в вертикальной проекции традиционно подразделяется на две-четыре части или зоны по вертикали (тулово, донная часть для открытых форм и горловина, плечики, центральная и придонная части для закрытых форм) (Болелов, 2000, с. 26–29). В археологической литературе давно утвердилось мнение о том, что подобное членение соответствует представлениям земледельцев о структуре картины мира, которая складывается из трех зон по вертикали: неба, земли и подземного мира; и четырех главных направлений по горизонтали (Антонова, 1986, с. 51–52; Кузьмина,

1986, с. 175–178; Литвинский, 1991, с. 70–72). Другими словами, керамический сосуд можно представить как модель микрокосма для древних земледельцев.

В горизонтальной модели особую семантическую нагрузку имел центр композиции, и все находящееся в этой точке обладало высшей персонифицированной сакральной ценностью. Горизонтальная модель передавалась часто при помощи различных фигур, образующих квадрат или крест, располагавшихся в центре круга (Топоров, 1982, с. 341; Антонова 1986, с. 52). Подобная структура орнамента, как уже отмечалось, присутствует на выпуклой стороне хорезмийских фляг, где в центре всегда был крест в круге, а на периферии располагались орнаментальные пояса, заполненные другими декоративными элементами, чаще всего, «спиралями» или «завитками». В этом случае немаловажно еще и то, что выпуклая сторона фляги имела форму полусферы, что само по себе можно считать моделью мира.

Возвращаясь к символике архитектурных сооружений, прежде всего погребальных, следует заметить, что основную роль здесь играла внутренняя планировка сооружения, но не внешний его контур – чаще всего круг, реже квадрат. В то же время, если следовать очень аргументированной гипотезе Л. А. Лелекова о трактовке гробницы в индоиранской и всей индоевропейской мифологии как микрокосмоса, то погребальное сооружение как миниатюрное воспроизведение структуры Вселенной должно было иметь форму или круга, или квадрата (Лелеков, 1976, с. 7–17). Наиболее полно горизонтальная схема мироздания, о которой говорилось выше, отражена в погребальных сооружениях чирикрабатской культуры – «крестовинах». Надо полагать, в планировочной схеме этих гробниц реализуется как горизонтальная (крест – четыре стороны Вселенной), так и вертикальная (центр креста – место расположения «Мирового дерева) структура мироздания[8]. В этом случае внешний контур сооружения можно рассматривать как внешнюю границу Мира. То есть в них, в определенной степени, воплощается тернарная модель космоса – трехчленное вертикальное деление мировой оси («Мирового дерева») и четырехчленная горизонтальная структура пространства (Раевский, 1985, с. 97–98). Подобная модель восприятия мира известна в среде ираноязычных номадов степной зоны Евразии в эпоху раннего железного века. Одним из художественных предметов, в котором достаточно полно отражены эти представления, является навершие с Лысой горы (Украина), которое хранится в Государственном историческом музее в Киеве. В центре предмета на постаменте изображена фигура нагого бородатого мужчины, от ног которого отходят четыре «рожка» с фигурками идущих волков, которые увенчаны изображениями птиц (орлов) с распростертыми крыльями. Такой же орел помещен на голове статуэтки. По мнению большинства ис-

[8] Здесь следует заметить, что при отсутствии на окружности выделенных, маркированных направлений она не может служить системой координат для локализации в этом организованном пространстве каких-либо точек. Если же на окружности выделены четыре основных направления, то она функционально становится тождественна квадрату. Круг и квадрат, в таком случае, можно рассматривать как два варианта единой модели организованного пространства, различающиеся лишь расстановкой акцентов (Раевский, 1977, с. 187). Представляется, что именно такая схема сакрального пространства в полной мере реализуется в чирикрабатских «крестовинах».

следователей, «рожки» с волками символизируют степь и землю с четырьмя сторонами света (Граков, 1971, с. 83, рис. на с. 84). Видимо, эти же идеи упорядоченного пространства и порядка отражены в изображениях на перекрестье меча из Келермеса и на устье ножен из Мельгуновского кургана (Раевский, 1985, с. 97–98). Весьма примечательно, что эта тернарная модель, практически в законченном виде отражена в керамических курильницах джетыасарской культуры, у которых трехчленное вертикальное деление: подставка – ствол-ножка – резервуар, символизирует, соответственно, нижний, средний и верхний миры. Четырехугольный резервуар с зооморфными налепами по углам, при такой интерпретации, является отражением горизонтальной модели среднего мира. В серии предметов, полученных в результате раскопок джетыасарских курганов, обращает на себя внимание одна курильница, у которой на внешнем борте резервуара изображены идущие влево фигуры оленей (Болелов, 1993, с. 199–224), а это животное устойчиво связывается со средним миром и, зачастую, осмысливалось в качестве символа дерева как такового (Переводчикова, Раевский, 1981, с. 46–47).

Надо сказать, что эти представления, причем в массовом порядке, в том или ином виде отражены в устройстве погребальных сооружений скифской эпохи на пространстве всей степной зоны Евразии. Речь, прежде всего, идет о ритульных столбах, увенчанных зооморфными навершиями, которые устанавливались по углам могильной ямы и выполняли в погребальном ритуале роль атрибута, сакрализирующего пространство. Одновременно эти ритуальные столбы должны были трактоваться как путь, по которому умерший попадает в царство мертвых (Раевский, Переводчикова, 1981, с. 49). Этот обычай фиксируется на всей территории степной зоны Евразии от Саян и Минусинской котловины до Днепро-Дунайского междуречья. Не является исключением и территория Южного Приаралья (Вишневская, 1973, с. 60–61; Итина, Яблонский, 1997, с. 28–31). При этом следует отметить, что чаще всего остатков дерева в угловых ямках не фиксируется, то есть столбов в них, по всей видимости, не было. Видимо, наличие угловых ямок в больших прямоугольных могильных ямах скифского времени является данью ритуальной традиции, уходящей корнями в эпоху бронзы, а, возможно, и в более раннюю эпоху индоевропейского единства. Весьма распространенным мнением является то, что угловые ямки в прямоугольной или квадратной могиле демонстрируют связь с домостроительством (Ольховский, 1978, с. 95). Однако, как убедительно показал Д. С. Раевский, эта деталь конструкции напрямую перекликается с гипотезой о сакрализации пространства погребального сооружения и отражения в нем четырехсторонней космологической модели в горизонтальной проекции (Раевский, Переводчикова, 1981, с. 48–49). Это подтверждается археологическими материалами с территории Минусинской котловины и Западной Сибири, где в тагарских захоронениях (сарагашенский этап) in situ на углах погребального ложа зафиксированы вертикальные деревянные стойки с бронзовыми зооморфными навершиями. Вне всякого сомнения, это были маркеры, ограничивающие и охраняющие сакральное пространство погребального сооружения (Вадецкая, 1975, с. 167–175).

Таким образом, архитипические космологические представления, связанные с организацией пространства и устройством Вселенной, фиксируются по археологическим данным в погребальных сооружениях на всей территории степной зоны Евразии в среде ираноязычных скотоводов в эпоху раннего железного века. Не является исключением и Южное Приаралье, где, как уже отмечалось выше, религиозно-мифологические системы древних индоевропейцев, которые представляли структуру мира в виде круга и квадрата с общим для них центром воплотились уже в эпоху поздней бронзы в архитектурные схемы мавзолеев Северного Тагискена (Лелеков, 1976, с. 7–16). Здесь следует заметить, что ни в одном из ранних тагискенских мавзолеев нет креста как элемента планировочной схемы, в то же время во всех случаях четко обозначен центр в виде квадрата, реже круга. Видимо, крест в центре сооружения, как осознанное воплощение организации пространства в горизонтальной проекции, появляется в Приаралье позднее, в середине I тыс. до н. э. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что нигде на просторах Великой Евразийской степи не фиксируется, во всяком случае, на известных нам материалах, прямой связи погребального обряда с культом Солнца, безусловно, занимавшего значительное место в религиозно-мифологической системе индоевропейцев. Вся архитектурная символика в погребальной практике, как мы попытались показать выше, соотносится с космологическими представлениями о строении мира. Ритуальное сожжение гробниц и значительная роль огня в погребальной практике на раннем этапе чирикрабатской культуры, по всей видимости, имитировало мировой пожар, в огне которого должен был обновиться мир, моделью которого и являлись погребальные сооружения (Лелеков, 1976, с. 7; см. также: Дарменов, Тажекеев, 2012, с. 122–126; Дарменов, 2014, с. 124–135).

Возвращаясь к проблеме происхождения и назначения так называемых «крестообразных» зданий на территории Средней Сырдарьи и подводя некоторый итог изложенному выше, следует заметить, что планировочная схема сырдарьинских сооружений, как внешне, так и по архитектурной символике, весьма отдаленно напоминает чирикрабатские погребальные сооружения. Исключением является монументальное здание на городище Куль-тобе в Туркестане, где, действительно, зафиксирована крестообразная планировка, но само здание в плане не круглое, а спланировано в виде креста. По сути, это четыре полуовальные в плане башни с внутрибашенными коридорами, приставленные вплотную друг к другу. В стенах башен были прорезаны бойницы (Смагулов, 2019, с. 30). Но и это монументальное сооружение, которое исследователи памятника считают храмом, никак не может быть связано с погребальным культом.

Здесь еще следует подчеркнуть, что культовая принадлежность этих сооружений, например, Шаштепа, вызывает серьезные возражения (Богомлов, Ильясова, 2010, с. 110–111). Возможно, первоначально монументальное здание Шаштепа и было связано с солярным культом, впрочем, каких-либо серьезных аргументов в пользу этой гипотезы не приводится. Вряд ли внешний абрис здания, не единожды повторяющийся в других сооружениях, никак не связан-

ных с культом (Филанович, 2010, с. 122–125)[9], может быть серьезным доводом. Кроме того, какие-либо параллели, связанные с южной частью Сырдарьинской дельты, кажутся здесь неуместными. На территории чирикрабатской культуры храмы или отдельно храмовые здания вообще не известны. Возможно, храмом было небольшое здание, раскопанное на Чирик-рабате, но его планировка не имеет ничего общего с Шаштепа. В одном из помещений здесь были найдены фрагменты антропоморфной скульптуры (по всей видимости, фигура обнаженной женщины в натуральную величину). Если это здание и было храмом, то, скорее всего, оно связано с культом плодородия. Интерпретация Шаштепа на втором этапе своего существования как погребального сооружения, также вызывает сомнение. Вряд ли находка одного черепа и разрозненных человеческих костей в слоях запустения памятника, перекрытых слоем забутовки или засыпки (Филанович, 2010, с. 104), является сколь-нибудь весомым аргументом в пользу высказанного предположения. Параллели с трупоположением или труповыставлением в «крестовинах», которые практиковались в низовьях Сырдарьи на позднем этапе чирикрабатской культуры, также следует считать не состоятельными. В III–II вв. до н. э. обряд кремации в этой области сменяется обрядом трупоположения в одних и тех же погребальных сооружениях. Практически во всех известных случаях, когда удавалось расчистить непотревоженные захоронения, фиксировались полные или почти полные человеческие скелеты (Утубаев 2013, с. 28–35)[10]. Таким образом, захоронение на Шаштепа ни по типу погребального сооружения (которого, по сути, нет), ни по обряду захоронения (если оно действительно было) никак нельзя соотносить с погребальной практикой чирикрабатской культуры.

Резюмируя все сказанное выше, видимо, следует констатировать, что на современном этапе изучения вопроса, зарождение городской культуры Шаша никак нельзя напрямую связывать с влиянием, или, тем более, с продвижением носителей чирикрабатской культуры в область Средней Сырдарьи. Конечно, нельзя исключать существование культурных контактов между этими двумя историко-культурными областями, однако у нас пока нет фактических материалов о каком-то существенном, определяющем воздействии или взаимном влиянии между этими областями ни в области материальной культуры, ни в области идеологии.

В настоящее время, на основании полученных в середине прошлого века археологических данных, есть все основания считать Бабиш-молу укрепленным центром крупного оазиса, который отвечает всем критериям, определяющим археологический памятник как ***город*** – административный, культовый и экономический центр историко-культурной области. Это срав-

[9] О ферганских памятниках см. выше. См. также: Богомолов, Ильясова, 2010, с. 111–113.

[10] Б. И. Вайнберг называет захоронения позднего этапа чирикрабатской культуры труповыставлением (Вайнберг, 1999, с. 180). Однако сам термин «труповыставление» подразумевает, как представляется, последующее захоронение очищенных костей. Однако на территории чирикрабатской культуры пока не выявлено осознанного захоронения очищенных костей в специальной ёмкости-оссуарии или в отдельном сооружении. В некоторых поздних «крестовинах», действительно, есть скопления человеческих костей, собранных в кучу, но их, скорее, можно рассматривать как сдвинутые ранние костяки для последующих захоронений.

нительно крупное городище с четко выраженной, обнесенной крепостной стеной ***цитаделью*** и примыкающей к ней, также укрепленной, территорией – ***шахристаном***. Вокруг города была обширная сельскохозяйственная округа – ***рабат***, где фиксируются остатки ремесленного производства, остатки культовых и погребальных сооружений. Вряд ли можно согласиться с Б. И. Вайнберг, которая считала Бабиш-молу недостроенной столицей Ахеменидской сатрапии. Археологической комплекс, полученной в ходе раскопок памятника, и подъемный материал с поселений Бабишмолинского оазиса, на основании присутствия в комплексе керамики эллинистического облика, а в большинстве случаев, безусловно, эллинистических форм, нельзя датировать ранее начала III в. до н. э. По всей видимости, именно к этому времени и относится строительство Бабиш-молы, как столичного центра поздних саков, носителей чирикрабатской археологической культуры. Этому предположению никак не противоречит сходство планировки восточной части «Большого дома» с иранскими храмами огня ахеменидского периода. Как уже говорилось выше, эта планировочная схема с успехом использовалась в более позднее время, достаточно вспомнить храм на Тахти-Сангине и «Большой дом» на городище Дильберджин. Видимо, монументальное здание на цитадели Бабиш-молы возводилось с участием или непосредственно под руководством специалистов-архитекторов из южных областей Средней Азии, с большой вероятностью из Согда или Бактрии, которые, по вполне понятным причинам, проектировали здание в соответствие с традиционными архитектурными канонами, принятыми в этих историко-культурных областях.

Поселение Бабиш-мола 7

В 2015 году, в рамках проекта «Древнеземледельческая культура в низовьях Сырдарьи» под общим руководством Ж. Курманкулова, были начаты стационарные исследования поселения Бабиш-мола 7, расположенного в 5 км к юго-востоку от городища Бабиш-мола 1 (44°23′19″ С и 63°09′17″Ю), на восточном берегу сухого русла Жанадарьи.

Поселение впервые было обследовано отрядом Хорезмской археологической экспедиции под руководством Б. В. Андрианова (Андрианов, 1969, с. 194, рис. 53; Толстов, 1962, с. 156)[11]. Общая площадь поселения приблизительно 1,6 га – 450×350 м. Во всяком случае, именно на этой площади отмечены следы построек и хорошо видимые на поверхности современного такыра развалы горнов (рис. 3/5: А). После первого визуального обследования поселения стало очевидным, что это ремесленное поселение – производственный центр, где работали гончары-ремесленники. С запада к поселению был подведен канал-водохранилище шириной 15 м. Береговые отвалы до сих пор отчетливо прослеживаются на поверхности такыра (рис. 3/5: Б).

[11] В монографии Б. И. Вайнберг и Л. М. Левиной, целиком посвященной чирикрабатской археологической культуре, место расположения этого поселения указано неверно: ….На севере центральной группы было поселение с гончарными горнами (вблизи водохранилища) (Вайнберг, Левина, 1993, с. 19)..

Максимальная концентрация предполагаемых построек и развалов горнов фиксируется в южной части поселения. Именно сюда был подведен канал-водохранилище. Обжигательные горны, которые на поверхности четко прослеживаются в виде развала керамического шлака и печины, располагались как отдельно, на некотором удалении от предполагаемых построек, так и рядом с ними. Всего, в настоящее время, в результате визуального обследования поселения выявлено 9 обжигательных горнов, но, несомненно, их было больше. В южной части поселения, на уровне современной дневной поверхности, также в результате визуального обследования поселения отмечено 7 предполагаемых построек, которые могут быть как небольшими жилыми домами, так и мастерскими. На поверхности они определяются обширными скоплениями керамики, в некоторых случаях, также на поверхности, видны контуры стен из сырцового кирпича и пахсы. Надо полагать, постройки сильно размыты, но, судя по скоплению керамики, характеру и цвету грунта на уровне поверхности такыра, можно предполагать наличие культурного слоя на объектах.

В северо-западной части поселения, на берегу сухого русла (расстояние до берега 50–60 м), на некотором удалении от жилых построек и горнов, обнаружены остатки довольно крупной усадьбы. На поверхности четко видны контуры стен помещений, сложенных из прямоугольного сырцового кирпича. Надо полагать, это южная часть усадьбы, а северная находится под большим неподвижным барханом.

Усадьба. В процессе раскопок, которые проводились на поселении в течение трех полевых сезонов (2015–2017), практически полностью вскрыта юго-восточная часть усадьбы (координаты – 44°23′25″С и 63°09′08″Ю), которая не была перекрыта барханом (рис. 3/6: А, В).

Еще до начала раскопок на поверхности такыра четко прослеживались стены помещений. Перепад высот современного рельефа в пределах раскопа по линии север – юг составляет 0,98 м; крайняя северо-западная точка – +132 от репера, крайняя юго-западная точка – +36 от репера[12]. Вся свита культурных слоев, в пределах раскопа, вскрыта до материка. Глубина вскрытия составляет немногим более 1 м в северной части раскопа и 0,2–25 м в южной и восточной части.

В результате проведенных исследований частично или полностью раскопано шесть помещений и часть двора к югу от здания. Максимальная сохранность стен здания в северной части немногим более 1 м, в восточной части – не более 15–20 см (рис. 3/7; 3/8).

Нижние части всех стен во вскрытой части здания, построены из плотной пахсы светло-серого цвета, таким образом, образовался цоколь высотой 40–45 см и шириной 1,6–1,5 м. Пахса была положена непосредственно на слой барханного песка светло-желтого цвета толщиной 10–20 см. В северо-западной части раскопа, где стены сохранились на достаточную высоту, поверх пахсового цоколя выявлена кладка из прямоугольного сырцового кирпича (48×30×10–12 см; 47×32×10–12 см; 50×37×12 см). Таким образом, уверенно можно говорить, что кладка

[12] За реперную точку принята поверхность такыра к юго-западу от раскопа.

стен была комбинированной и, по крайней мере, на две трети высоты они были кирпичными. Ширина стен кирпичных стен в сохранившейся части – 1,4–1,5 м (рис. 3/7; 3/9).

Как следует из анализа планировки открытой части усадьбы (надо полагать – юго-восточной), она была разделена глухой сплошной стеной на две части: западную и восточную (рис. 3/6). Можно предполагать, что четыре помещения – 1–4 в юго-западной части раскопа, которые были связаны между собой проходами, представляли единый комплекс, который проходом в южной стене помещения 2 был связан с южным двором. Не исключено, что к этому комплексу относится и помещение 5, однако большая его часть находится под барханом и прохода здесь не обнаружено. В восточной части полностью вскрыто одно большое помещение – 6 , в котором был проход, ведущий на юг. Возможно, к югу от него было еще одно помещение или двор, но об этом мы можем пока только догадываться. Есть все основания полагать, что помещения в западном секторе раскопа являлись частью жилого комплекса, вход в который был с юга.

Помещение №1. В процессе раскопок вскрыта только восточная часть помещения, ширина которого по линии север – юг была 3,6 м. Длину его по линии восток – запад установить пока не удалось (рис. 3/6: А). Следует заметить, что в этой части раскопа стены сохранились на максимальную высоту, благодаря чему в ходе раскопок была выявлена следующая стратиграфическая картина. Слой песка, на котором были построены стены здания, залегает непосредственно на слое плотной комковатой глины серо-зеленого цвета, который был положен на уровень древнего такыра (рис. 3/7; 3/9). На некоторых участках зафиксированы довольно крупные комки глины. В пределах всего раскопа выявлены многочисленные ямы, которые были спущены с верхнего уровня слоя комковатой глины и перекрыты слоем песка и уровнями полов помещений. Таким образом, они относятся к периоду, который предшествует строительству здания. В помещении 1 выявлено три таких ямы в юго-западном углу (рис. 3/6:А). Две из них: яма № 1 (дно зафиксировано на отметке –60 от реперной точки) и яма № 2 (дно зафиксировано на отметках – 20–25 от реперной точки) расположены рядом, при этом вырублены они были в слое материкового такыра, после того как в слое глины было сделано, общее для обоих ям, углубление. Заполнение всех ям, в общем, однородно – это практически чистый песок серого цвета с незначительным содержанием супеси и редкими комками глины. В исключительных случаях в заполнении ям попадались мелкие фрагменты керамики. В заполнении ямы № 1 найден небольшой бронзовый трехлопастной наконечник со сводчатой головкой, прямо срезанными лопастями и выступающей втулкой (рис. 3/6: Б).

В помещении зафиксировано два уровня пола в виде слоя плотной глины серо-коричневого или светло-коричневого цвета. Уровень нижнего пола, положенный на тот слой песка, на котором построены стены усадьбы, зафиксирован на отметках +7 – +15 от реперной точки. Он заметно повышается с юга на север (рис. 3/9). Уровень верхнего пола, который четко прослеживается только в южной части помещения, зафиксирован на отметках +17 – +25 от

реперной точки. Заполнение между полами представляет собой слой супеси серо-коричневого цвета с невысоким содержание золы, древесными угольками и небольшим количеством фрагментов керамики. На уровне второго пола также залегает культурный слой толщиной 30–40 см. Следует отметить, что характер культурного слоя на уровне второго пола немного различается: в южной части – это сравнительно плотный слой комковатого суглинка с незначительным содержанием золы и небольшим количеством мелких фрагментов керамики. В северной части, или вернее, в северо-западной части помещения – это рыхлая пылевидная супесь серо-коричневого цвета с довольно высоким содержанием органики. В центральной части помещения культурный слой на уровне второго пола перекрывается плотным слоем глинисто-супесчаных натеков, максимальная толщина этого слоя 58 см. Мощность его заметно понижается с юга на север. В северной части помещения и непосредственно у северной стены слой натеков перекрывается слоем плотного кирпичного завала, максимальная толщина которого – 30–35 см отмечена непосредственно у стены помещения (рис. 3/9). Не вызывает сомнения, что слой завала связан с последним этапом разрушения здания. Судя по тому, что кирпичный завал перекрывает слой натеков, стены стояли довольно долго, после того как жители покинули усадьбу.

В ходе раскопок в помещении выявлены некоторые детали планировки и интерьера. В восточной стене, практически по центру, на расстоянии 1,2 м от северо-восточного угла, обнаружен проход шириной 0,84–0,86 м, ведущий в помещение 2, расположенное восточнее. Видимо, проход был заложен или завален еще в древности кусками сырцовых кирпичей. На уровне нижнего пола, прямо напротив прохода на расстоянии 1,55–1,58 м, расчищен прямоугольный в плане напольный очаг в виде незначительного возвышения (не более 2–3 см над уровнем пола) почти квадратной формы размером 50×58 см. На поверхности возвышения четко прослеживается прямоугольное пятно прокала красного цвета размером 40×48 см, в центре которого выделяется округлое пятно еще более сильного прокала желто-оранжевого цвета диаметром 28–30 см (рис. 3/6:А). Рядом с очагом, почти в центре раскопанной части помещения, также на уровне нижнего пола, расчищено два круглых углубления диаметром 20 см и глубиной не более 15 см от уровня пола. По всей видимости, это столбовые ямки, следы от деревянных столбов, поддерживавших перекрытие помещения. Расстояние между ними 0,8 м. Столбовая ямка, открытая в северо-западной части раскопа, находится на расстоянии 0,66–0,7 м от северной стены помещения (рис. 3/6: А).

Две ямы (№ 1 и № 2), относящиеся к более раннему периоду, обнаруженные в юго-восточном углу помещения, в период жизни здания не использовались, они были перекрыты обмазками нижнего пола. В яме № 3, по всей видимости, был установлен хум. Во всяком случае, при ее расчистке в заполнении были найдены в большом количестве фрагменты стенок крупного тарного сосуда.

Помещение 2 расположено к востоку от помещения 1 и соединялось с ним проходом в западной стене, описанным выше. Помещение раскопано полностью. Оно было прямоугольным

в плане, ориентировано по линии запад – восток. Ширина помещения – 3,4 м. Длина – 7, 1 м. В помещении 2, в центре южной стены (на расстоянии 2,6 – 2,58 м от юго-западного угла), был еще один проход шириной – 1–1,05 м, который выводил во двор и, судя по всему, являлся входом в жилой комплекс с юга (рис. 3/6: А; 3/8: А).

Стратиграфическая картина, зафиксированная в помещении 2, весьма схожа с выявленной в помещении 1. Непосредственно на уровне древнего такыра лежит слой плотной комковатой глины серо-зеленого цвета. Создается впечатление, что непосредственно на древнюю поверхность слоем укладывали комки сырой глины, иногда довольно крупные. С поверхности этого слоя в материк спущены ямы. Всего в пределах помещения расчищено 8 таких ям различной конфигурации и разной глубины. Следует заметить, что заполнения ям, также как и в помещении 1, однородно – это песок серого или серо-коричневого цвета без каких-либо включений. Находок в заполнении также не обнаружено. В одной из ям, в северо-западном углу помещения, на расстоянии 1,25 м от западной стены, был стационарно установлен крупный тарный сосуд – хум. Сохранилась только нижняя его часть, максимальный диаметр тулова – 55–60 см (рис. 3/7: Б).

Также как и в западной части раскопа (пом. 1), в пом. 2 слой комковатой глины перекрыт слоем чистого барханного песка желто-серого цвета толщиной 10–18 см, на котором, собственно, и были построены стены усадьбы. Наиболее хорошо, на высоту немногим более 1 м от основания, сохранилась северная стена, нижняя часть которой представляла собой пахсовый цоколь высотой 45–50 см и шириной 1,6 м (рис. 3/7: Б). Сама стена была сложена из прямоугольного кирпича, обычного для усадьбы размера (см. выше).

Стратиграфия заполнения пом. 2 в общем мало отличается от стратиграфической картины в пом. 1. Здесь также зафиксировано 2 уровня пола, которые наиболее четко прослеживаются в северо-восточной части помещения. На отдельных участках, под нижним полом помещения, была нивелировочная подсыпка из плотной комковатой глины серо-коричневого цвета толщиной не более 15–20 см (рис. 3/7). Нижний пол зафиксирован на отметке +16 от реперной точки, а верхний – на уровне +26 – +24 от реперной точки.

Между полами залегает слой рыхлой супеси серо-коричневого цвета с высоким содержанием органики, небольшим количеством керамики и костей животных. Такой же по характеру слой залегает и на уровне верхнего пола. Максимальная толщина его – 20 см фиксируется в северо-восточном углу помещения. Этот слой, в свою очередь, перекрывается слоем супесчаных натеков, максимальная толщина которого 50–58 см зафиксирована у северной стены помещения. В юго-западной части помещения, около выхода из помещения во двор, слой натеков перебивается слоем завала сырцовых кирпичей, максимальная толщина которого 44 см (рис. 3/7: Б).

Помещение 3. Часть этого помещения, надо полагать, южная, открыта к северу от пом. 2. Уровень нижнего пола зафиксирован на отметках +3 – +5 от реперной точки. В восточной стене помещения расчищен проход шириной 0,75–0,9 м, ведущий в пом. 4 (рис. 3/6: А). Стратиграфическая ситуация в этом помещении мало отличается от той, что была уже отмечена

на других участках раскопа. Непосредственно на уровень древнего такыра был уложен слой плотной комковатой глины серо-зеленого цвета, который перекрывается слоем желтого барханного песка толщиной 10–18 см. Пахсовый цоколь южной стены помещения, которая одновременно является северной стеной пом. 2, построен непосредственно на слое песка. В помещении 3, также как и во всех остальных, были обнаружены ямы, которые спущены в материк с верхнего уровня слоя комковатой глины. То есть ямы были выкопаны до строительства усадьбы. В южной части помещения выявлено 5 ям. В одной из них, обнаруженной на расстоянии 0,18 м от южной стены помещения и 1 м от восточного борта раскопа, расчищена нижняя часть хума – максимальный диаметр тулова сосуда 46 см. Дно ямы зафиксировано на глубине –11 от реперной точки. К западу от этой ямы расчищено еще 3, которые также спущены с верхнего уровня слоя комковатой глины. По всей видимости, в этих ямах также изначально были установлены тарные сосуды. Обращает на себя внимание двухчастная или «спаренная яма» (Ямы № 16 и № 15). Можно предполагать, что здесь, в углублениях сделанных в материке, вплотную друг к другу, были стационарно установлены крупные тарные сосуды – хумы (рис. 3/6: А). Однако это только предположение и никаких следов сосудов здесь не обнаружено. Ямы находятся на расстоянии 0,2–0,3 м от ямы № 14 и в 20–18 см от южной стены помещения. Дно обоих ям зафиксировано на уровне –35 от реперной точки. Диаметр ямы № 16, округло-овальной в плане, – 28–34 см. Диаметр круглой в плане ямы № 15 – 28–30 см. Заполнение ям мало отличается от описанного выше – это рыхлая пылевидная супесь светлого серо-коричневого цвета с незначительными включениями мелкой глиняной крошки. В заполнении ямы № 15 найдено несколько невыразительных костей животных.

Стратиграфия заполнения пом. 3, которое соответствует периоду жизни и запустения усадьбы, практически идентична той, что была зафиксирована в других помещениях. Уровень пола в виде глиняных обмазок светло-серого или светло-коричневого цвета, надо сказать, слабовыраженный, отмечается только в юго-западной части помещения, у южной стены. Он фиксируется на отметках +5 – +8 от реперной точки.

Непосредственно на уровне пола залегает слой рыхлой супеси с высоким содержанием органики зеленовато-коричневого цвета, небольшим количеством фрагментов керамических сосудов и костей животных. Толщина слоя – 20–26 см. Максимальная мощность отмечается около южной стены помещения. Культурный слой на полу перекрывается слоем супесчаных натеков с многочисленными линзами очень плотных глинисто-песчаных натеков коричневого или красно-коричневого цвета (смыв с бархана). Толщина этого слоя 72–74 см (рис. 3/7: Б).

Помещение 4 расположено к востоку от пом. 3 и 2 и было связано с ними проходами, о которых говорилось выше. Это прямоугольное в плане помещение размерами 3,1×9,9 м, ориентированное почти строго по линии юг – север. Сохранность стен в этой части раскопа весьма незначительная, не более 20 см. Таким образом, здесь сохранилась только нижняя часть пахсового цоколя.

Под основанием западной стены помещения выявлена выкладка из сырцового кирпича, причем использовались как целые, так и половинки прямоугольного кирпича. Примечательно, что со стороны пом. 3 под этой же стеной такой выкладки не было. В то же время вымостка высотой в один кирпич фиксируется под восточным отрезком южной стены пом. 2 (рис. 3/6: А). Так как стены усадьбы возводились на песке, можно предположить, что кирпичные выкладки под основанием стены были только на отдельных участках. Видимо, грунт под ними был не очень плотным или уровень поверхности был не совсем горизонтальным.

В помещении 4 зафиксирован только один уровень нижнего пола в виде очень тонкой глиняной обмазки (толщина не более 2 см), которая была непосредственно положена на слой барханного песка и сохранилась лишь на отдельных участках в южной части помещения, на отметках +3 – +6 от реперной точки. Максимальная толщина культурного слоя – 30 см отмечена у стен помещения. Непосредственно на уровне пола залегает слой плотного комковатого суглинка серо-коричневого цвета с достаточно высоким содержанием органики и золы. Толщина этого слоя, который соответствует периоду жизни усадьбы, не более 10 см. Он, в свою очередь, перекрывается слоем рыхлого комковатого суглинка серого цвета с небольшим количеством мелких обломков сырцового кирпича, который, по всей видимости, соответствует периоду запустения и разрушения стен усадьбы. Толщина этого слоя – 15–18 см. Выше идет плотный слой глинисто-песчаных натеков (рис. 3/10).

Есть все основания предполагать, что помещение 4 было жилым. В северо-восточном углу, в восточной стене, на расстоянии 1 м от северо-восточного угла, расчищен очаг в виде полукруглой вырубленной в пахсовом цоколе ниши. Ширина ниши по фасаду стены – немногим меньше 1 м; глубина – 30–35 см. Это был, безусловно, отопительный очаг-камин. Стенки и дно ниши обожжены до красного цвета (рис. 3/11: А). В южной части помещения, на расстоянии 3 м от южной и 1,1 м от восточной стены, практически на уровне пола, лежал крупный необтесанный камень овальной формы. Не исключено, что это опора вертикальной стойки, поддерживавшей балки плоского перекрытия.

Как уже отмечалось выше, западный блок помещений был напрямую связан с обширным двором, часть которого открыта в юго-западном секторе раскопа. Никаких построек или строительных конструкций здесь не зафиксировано. С жилыми помещениями усадьбы двор сообщался через проход в южной стене здания (помещение 2), ширина которого была немногим более 1 м.

Также как и на всей вскрытой площади раскопа, на уровне материка (древний такыр), в пределах двора, залегал слой плотной комковатой глины серо-зеленого цвета толщиной 10–12 см. Выше, практически по всей площади, фиксируется слой барханного песка желтого цвета. Однако на отдельных участках, прежде всего, около южной стены здания, прослеживается жилой уровень или уровень «пола» двора. Так, например, к западу прохода в здание, на уровне +28 от реперной точки, зафиксирован участок хорошо утоптанной плотной поверх-

ности – плотная комковатая глина серо-коричневого цвета (рис. 3/9). Кроме того, участок жилой поверхности открыт в западной части двора. Он хорошо прослеживается в западной бровке раскопа. Это слой плотной глины светло-серого цвета, максимальная толщина которого – 10 см, фиксируется у южной стены здания, с внешней стороны (рис. 3/9). На всей остальной вскрытой площади этот уровень не сохранился. Под северной стеной двора зафиксирована кирпичная выкладка, такая же, как и в помещении 4.

В настоящее время нам неизвестно, каким образом западный блок был связан с другими помещениями усадьбы. Во всяком случае, на вскрытом участке проходов в северную и восточную часть здания не обнаружено (рис. 3/6: А). В северной части раскопа частично вскрыто одно помещение – 5, которое, может быть, и соединялось проходом с соседним помещением 4, но об этом можно только догадываться, так как основная часть помещения 5 скрыта под барханом.

Помещение 5, по всей видимости, было прямоугольным в плане, шириной 5,3 м и ориентировано по линии восток – запад. Длина помещения неизвестна. Здесь, также как в помещении 4, сохранилось только пахсовое основание стен на высоту не более 30–40 см. Уровень пола помещения зафиксирован на отметках +7 – +10 см от реперной точки. В помещении зафиксирована такая же стратиграфическая ситуация, что в помещениях западного блока. Непосредственно на уровне пола, который сохранился лишь частично на отдельных участках в виде глиняной обмазки толщиной не более 2–3 см, залегает слой сравнительно плотного комковатого суглинка серо-коричневого цвета с высоким содержанием органики и слабо выраженными зольными линзами. Толщина этого слоя, который, безусловно, соответствует основному периоду жизни усадьбы, была не более10–12 см. Выше идет слой комковатого суглинка серого цвета с кирпичной крошкой и небольшими линзами супесчаных натеков. Максимальная толщина этого слоя – 30–35 см зафиксирована в северной части помещения. Не вызывает сомнения, что этот слой разрушения стен усадьбы накопился в то время, когда здание уже было покинуто обитателями. Этот слой, в свою очередь, перекрывается слоем глинисто-песчаных натеков коричневого цвета.

Каких либо деталей интерьера в помещении 5 не обнаружено. В северо-восточном углу, на расстоянии 1,1 от северной стены in situ, зафиксированы два хума. Сосуды вкопаны в материковый грунт по горловину. Расстояние между ними – 15 см. Диаметр устья хумов – 35–40 см. Максимальный диаметр тулова – 55–60 см. По всей видимости, у северной стены помещения на уровне пола, на расстоянии 3,2 м от северо-восточного угла помещения, стоял еще один крупный сосуд, может быть, кувшин. Здесь у стены расчищено скопление крупных фрагментов тулова толщиной 1,2–1,5 см. Нижняя часть и фрагменты устья не найдены (рис. 3/11: Б). Так как никаких других деталей интерьера в помещении не обнаружено определить его функциональное назначение довольно трудно.

К востоку от помещения 5 открыто еще одно большое прямоугольное в плане **помещение 6** – 8,5×6 м (рис. 3/6: А; рис. 3/11: Б). Стены в этой части усадьбы практически не сохра-

нились. Их максимальная высота от основания не более 5 см. Культурный слой практически полностью смыт. Уровень пола, весьма приблизительно, фиксируется на отметках +5 – +7 от реперной точки, только на отдельных участках вдоль северной стены. В помещении был только один проход шириной 0,9–1 м в юго-западном углу, который связывал это помещение с **помещением 7**, расположенном южнее. Что-либо определенное о функциональном назначении помещений, открытых в восточной части усадьбы, сказать трудно, так как мы только определили их контуры. Никаких деталей интерьера или предметов, на основании которых можно было бы гипотетически определить их назначение, здесь не найдено.

В ходе раскопок усадьбы получен немногочисленный, но достаточно показательный археологический комплекс. По большей части – это фрагменты керамики[13]. Следует отметить бронзовый наконечник стрелы, найденный в яме № 1 в помещении 1 (рис. 3/6: В), которая, как уже было отмечено выше, относится к наиболее раннему этапу освоения этой части поселения, предшествовавшему периоду строительства усадьбы. Это трехлопастной наконечник с выступающей втулкой, сводчатой головкой и слабо выступающими перьями. (Смирнов, 1961, с. 47, табл. II; Вишневская, 1973, с. 89; Воробьева, 1973, с. 198). Он относится к так называемым к втульчатым наконечникам скифского типа, которые датируются довольно широко. Например, наконечник такого типа – Отдел В, тип 1 (по Л. Т. Яблонскому) найден в одном из курганов могильника Сакар-чага 6 (Яблонский, 2015, с. 71). По данным И. М. Медведской, трехлопастные втульчатые наконечники становятся обычными со второй половины или с конца VII в. до н. э. (Медведская, 1980, с. 32–33). Трехлопастные наконечники со сводчатой головкой и выступающей втулкой (Отдел 1, тип 5 по Вишневской, Рапопорту) являются одним из ведущих типов в комплексе наконечников стрел на городище Кюзели-гыр (Вишневская, Рапопорт, 1997, с. 162), который, по мнению И. Н. Медведской, датируется в пределах VI в. до н. э. (Медведская, 1972, с. 86, 89). Довольно широко они представлены в археологическом комплексе усадьбы Дингильдже, которая датируется не ранее середины-конца V в. до н. э. (Воробьева, 1973, с. 191, табл. I, *23–32*). На территории Нижней Сырдарьи наконечники этого типа повсеместно встречаются в курганных могильниках сакского периода (Вишневская, 1973 с. 89–91), а также на развеянных поселениях и в захоронениях так называемой «культуры шлаковых курганов» (Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 48; Левина, 1979, с. 183). Эти памятники вряд ли можно датировать позднее V в. до н. э.

Как представляется, находка данного наконечника мало что дает для абсолютной датировки комплекса усадьбы. Можно только говорить о том, что начало строительства здания нельзя датировать ранее конца V в., а, скорее всего, начала IV вв. до н. э.

В настоящее время исследована только часть усадьбы на поселении Бабиш-мола 7. По всей видимости, это меньше половины всей площади здания. По сути, эта пока единственная

[13] Керамический комплекс, полученный в ходе раскопок усадьбы, не отличается от керамики, найденной на других раскопах поселения Бабиш-мола 7. Анализ всего комплекса с поселения дается ниже в отдельном разделе.

сельская усадьба чирикрабатской культуры, где, пусть в небольшом объеме, удалось выявить строительные конструкции удовлетворительной сохранности и выявить отдельные элементы планировки. Усадьбы, раскопанные на поселении Баланды, практически полностью смыты и, по сути, ничего не дают для понимания планировочной схемы построек. В то же время, по результатам раскопок усадьбы на поселении Бабиш-мола 7, можно составить представление о строительных приемах и технике, которая использовалась при возведении здания. Все стены, которые были возведены на пахсовом цоколе, сложены из прямоугольного сырцового кирпича, который мог появиться на территории Нижней Сырдарьи на рубеже V–IV вв. до н. э. (см. выше гл. II). Следует отметить, что на тех участках стен, где сохранилась кирпичная кладка, ряды кирпича были положены на глиняный раствор «вперевязку», что свидетельствует о довольно высоком уровне строительной техники.

То, что усадьба была крупным многокомнатным зданием не вызывает сомнения. Площадь 6 раскопанных помещений, с учетом того, что некоторые из них вскрыты не полностью, была не менее 200 кв. м. Принимая во внимание то, что открыто меньше половины здания, можно предположить, что общая его площадь, не считая дворов, была не менее 500–600 кв. м, а, возможно, и больше. Таким образом, если наши предположения верны, то усадьбу на поселении Бабиш-мола 7 вполне можно сравнить с крупными и средними сельскими усадьбами античного Хорезма[14]. Так, например, площадь жилого дома усадьбы № 3 в Аязкалинском поселении, ранний слой которого датируется IV–III вв. до н. э., была немногим более 600 кв. м. (18 ×34 м). Площадь жилых помещений – 340 кв. м (Неразик, 1976, с. 40–43). Планировка усадьбы полностью не выявлена, по этой причине нам трудно отнести ее к какому-либо типу сельского жилища, выявленного в Хорезме. Осторожно можно предполагать, что это четвертый тип домов, выделенный Е. Е. Неразик, в котором чередуются крупные и мелкие помещения, расположенные в несколько рядов (Неразик, 1976, с. 159).

В центральной части поселения Бабиш-мола 7 частично открыты два производственных комплекса, которые с полным основанием можно считать гончарными мастерскими, где выявлены обжигательные керамические горны, производственные и жилые помещения.

Мастерская № 1 расположена на расстоянии 260 м к юго-востоку от усадьбы. До раскопок это был холм диаметром не более 40 м, возвышающийся на 1–1,5 м над окружающим такыром и усыпанный фрагментами керамики, кусками керамического шлака. После снятия верхнего слоя надувного лесса, насыщенного кусками керамического шлака, обожженной глины и фрагментами керамики, в том числе бракованной, в северной части раскопа были выявлены плотные сильно обожженные поверхности красного и желто-красно-оранжевого

[14] На территории Средней Азии наиболее полно изучено сельское жилище Хорезма (Неразик, 1976), по этой причине сравнивать приходится с жилищем этой области, наиболее территориально близкой низовьям Сырдарьи. Кроме того, нельзя не учитывать и культурной близости двух этих областей, во всяком случае, на раннем этапе формирования чирикрабатской культуры.

цвета (рис. 3/12: Б). Как удалось установить, это поверхности пода обжигательных камер двух керамических обжигательных горнов, которые располагались вплотную друг другу и, безусловно, являлись единым производственным комплексом.

Горн № 2[15] расположен в северо-западной части раскопа. Сохранилась часть пода обжигательной камеры (далее ОК)[16], который зафиксирован на отметках +70 – +68 от реперной точки[17]. Это довольно плотная, хорошо обожженная поверхность красно-оранжевого цвета. Как можно предполагать по сохранившимся участкам, ОК была овально-подпрямоугольная в плане размерами 2×2,1 м. Она ориентирована почти строго по линии юг – север. Вход в ОК, через который загружалась посуда шириной 60 см, был с северной стороны. На сохранившихся участках пода ОК выявлены округлые в плане продухи диаметром 7–10 см, через которые горячие газы попадали в камеру обжига. Судя по расположению сохранившихся продухов, они располагались по периметру ОК (рис. 3/12: А). В центральной части пода выявлено два параллельных ряда продухов, ориентированных по длинной оси горна. Обращает на себя внимание отдельно расположенный продух, находящийся в пределах входа в камеру (рис. 3/12: А). Учитывая расположение продухов, можно предполагать, что жаропроводящие каналы – распределители тепла (далее РТ) были устроены параллельно друг к другу, перпендикулярно к продольной оси топочной камеры (далее ТК). Стены ТК шириной 0,6–0,8 м были сложены из плотной пахсы серого цвета. Они сохранились на высоту не более 70–80 см от основания. Вход в ТК в виде округлого в плане вертикального лаза диаметром 40–50 см был расчищен в северной части горна (рис. 3/12: А). В настоящее время ничего определенного нельзя сказать по поводу способа перекрытия ТК. Можно только осторожно предполагать, что оно было плоским. Об этом косвенно свидетельствуют округлые в плане горизонтальные отверстия в стенах топочной камеры диаметром не более 10 см, которые были расчищены в наиболее сохранившейся западной стене топки (рис. 3/13: А). В некоторых из них зафиксированы следы древесного тлена. Возможно, это остатки горизонтальных деревянных балок и жердей, которые были основой плоского перекрытия ТК. Не вызывает сомнения то, что ТК, впрочем также как и весь горн, возвышалась над уровнем древней дневной поверхности и лишь немного была заглублена в культурные слои предшествующего периода.

Горн № 3 расположен к востоку от горна № 2, практически вплотную к нему. По всей видимости, их разделяла пахсовая стена шириной не менее 0,7 м (рис. 3/12). Участки пода ОК этого горна в виде плотной, хорошо обожженной поверхности красно-оранжевого цвета, зафиксированы на отметках +54 – +53 от реперной точки. Судя по сохранившимся участкам пода, горн был прямоугольной, или близкой к прямоугольнику, формы размерами 3,8×3 м, и был ориентирован по линии юг – север. Таким образом, можно предполагать, что площадь

[15] Нумерация горнов на поселении Бабиш-мола 7 дана по порядку вскрытия, вне зависимости от номера раскопа.
[16] В данном разделе используется терминология, предложенная А. А. Бобринским (см. Бобринский, 1991, с. 107–110).
[17] За относительный репер был принят уровень такыра к юго-западу от раскопа № 2.

обжигательной камеры была около 12 кв. м. На сохранившихся участках пода открыты округлые в плане, продухи диаметром 10–20 см, которыми РТ открывались в топочную камеру, и через них в нее поступали горячие газы. Можно предполагать, что продухи располагались в пределах обжигательной камеры параллельными рядами, ориентированными по длинной оси горна. Достаточно уверенно можно говорить о трех рядах продухов (рис. 3/12: А), но, возможно, их было четыре. Таким образом, всего продухов могло быть 16, и можно предполагать параллельное расположение РТ в площади перекрытия ТК. Вход в ТК в виде почти вертикального, овального в плане лаза (0,9×0,44 м) открыт в северной части горна. ТК не раскопана, по этой причине мы не можем уверенно говорить о способе ее перекрытия. Возможно, оно было плоским. В то же время в восточной части горна, немного ниже уровня пода ОК (+33 от реперной точки), расчищен ряд прямоугольных сырцовых кирпичей размерами 44×24×12 см; 52×24×10 см; 50×24×12 см, которые обожжены до красно-оранжевого цвета. При этом следует отметить, что изначально это были обыкновенные сырцовые кирпичи, и обожжены они были в процессе эксплуатации горна. Кроме того, в восточной части сооружения в разрезе четко фиксируется то, что, по крайней мере, часть пода ОК представляла собой выкладку из сырцовых кирпичей, которые были обожжены в процессе эксплуатации горна (рис. 3/14). Таким образом, учитывая наличие в конструкции топочной камеры сырцовых кирпичей, нельзя исключать того, что топка могла быть перекрыта и сводом (?). При этом точно установлено, что нижняя часть топочной камеры горна № 3 была сложена из плотной пахсы серого цвета. Она сохранилась на высоту 0,7–0,8 м от основания. Поверх этой пахсовой стены в разрезе зафиксирована кладка из сырцовых кирпичей.

К югу от горна № 2 расчищены остатки еще одной производственной конструкции, возможно, это нижняя часть еще одного небольшого горна. Если это действительно так, то сохранился только под и нижняя часть стенок ТК, которые сильно обожжены до красно-оранжевого цвета. Как можно предполагать, горн, или точнее его топка, был овальным в плане формы размером 1,6×1,2 м и ориентирован по линии восток – запад с небольшим отклонением на северо-восток (рис. 3/12: А). Заполнение нижней части ТК практически целиком состояло из мелкой крошки обожженной глины и мелких кусков керамического шлака.

Таким образом, в северной части раскопа открыт производственный комплекс, или часть производственного комплекса: два, безусловно, керамических обжигательных горна и еще одна, сравнительно небольшая по размерам, конструкция, которую, ввиду плохой сохранности, можно только предположительно считать горном. Возможно, этот, предположительно, горн относится к позднему периоду существования комплекса. Именно этим можно объяснить то, что он практически не сохранился.

К югу и к юго-востоку от горнов открыто несколько помещений, часть которых можно считать производственными, а другую часть (помещения в западной и юго-западной части раскопа) – жилыми (рис. 3/12).

К югу от обжигательных горнов открыты два помещения, где, по всей видимости, была гончарная мастерская, о чем свидетельствуют находки в них.

Помещение I расчищено полностью. Оно было прямоугольным в плане размерами 2,8–3×2–2,20 м, ориентировано по линии юго-запад – северо-восток. Вход в помещение шириной 0,8 м был с юга (рис. 3/12: А). Стены помещения, которые целиком были сложены из крупных пахсовых блоков размерами 0,7×0,9–1 м, сохранились на высоту 0,7–0,9 м. Ширина стен – 0,8–1,1 м. Следует отметить, что западная стена помещения была построена на культурном слое предыдущего периода – комковатый суглинок серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и большим количеством кусков обожженной глины и керамического шлака. Помещение раскопано полностью, уровень пола зафиксирован на отметках +21 – +28 от условного репера. Заполнение его практически целиком состояло из рыхлой комковатой супеси с достаточно высоким содержанием золы. В верхней части заполнения слой насыщен кусками керамического шлака и обожженной глины (рис. 3/15: А). В северо-восточной части помещения, практически на уровне пола или на слое плотной супеси, который залегает на уровне пола, обнаружено скопление керамических сосудов. Среди них два целых: вьючная фляга и крупный кувшиновидный сосуд без ручки (рис. 3/15: Б). В этом же скоплении найдена нижняя часть крупного сосуда, заполненная кусками необожженной пластичной глины, среди которой попадаются фрагменты сформованных, но необожженных сосудов, по большей части венчики и фрагменты верхних частей кувшинов (рис. 3/15: В).

Помещение II расположено к югу от помещения I. Оно соединялось с ним проходом в северной стене, описанным выше. По всей видимости, оно также было прямоугольным в плане. Южная стена помещения практически не сохранилась, поэтому удалось определить только его ширину – 3–3,3 м. Помещение было ориентировано по линии юг – север. Часть помещения вскрыта до уровня пола, который зафиксирован на уровне +13 – +17 от репера. Заполнение помещения практически полностью состояло из рыхлой пылевидной супеси серо-коричневого цвета с содержанием золы и небольшого количества кусков керамического шлака. В северо-западном углу помещения 2 in situ обнаружен хум, вкопанный по горловину в материковый грунт. Диаметр устья – 28 см. Высота сосуда – 67 см. На расстоянии 1 м от хума, в центре помещения на уровне пола, найден фрагмент зернотерки, может быть, жернова, одна плоскость которой была хорошо заглажена, почти отполирована, в процессе эксплуатации. Стены второго помещения также сложены из крупных пахсовых блоков тех же размеров, что и стены помещения 1.

В этом помещении, в слое на уровне пола, была найдена, как можно предполагать, верхняя часть вращающейся подставки. Это обтесанный плотный круглый камень с четко выраженными рабочими поверхностями (верхняя и нижняя плоскость). По центру одной из сторон (надо полагать – нижней) был выступ конусовидной формы (рис. 3/17: 1). В этом же помещении на уровне пола найден круглый камень (среднезернистый рассланцованный песчаник палевого цвета с красноватым оттенком) диаметром 14 см с углублением в центре диаметром 6 см

(рис. 3/17: 3). Также в помещении II, в слое над уровнем пола, обнаружен еще один камень аналогичной формы (среднезернистый песчаник светло-серого цвета на карбонатном цементе) тоже с округлым углублением в центре (рис. 3/17: 2). Такой же камень, округлой формы со слегка отбитыми краями (средне-крупнозернистый песчаник розовато-серого цвета на кремнистом цементе), был найден на поверхности раскопа (рис. 3/17: 4). На всех этих изделиях четко определяется рабочая поверхность – верхняя плоскость диска и внутренняя поверхность углубления. Не вызывает сомнения то, что все эти предметы были производственного назначения. Они могли быть верхней и нижней частью вращающейся подставки, на которой подправлялись сосуды, изготовленные от руки. Камни с центральными углублениями вполне могли быть подшипниками двухдискового гончарного круга, то есть той неподвижной деталью, в которой вращалась центральная ось конструкции. Также в слое на полу помещения 2 найдено несколько каменных предметов, которые с полным основанием можно считать производственными. По большой части – это небольшие гальки овальной или округлой формы с хорошо выраженными рабочими поверхностями. Чаще всего, один или два края сильно уплощены, попросту говоря, сработаны рис. 3/17: 5–7). Среди них обращает на себя внимание небольшой хорошо обточенный камень (мелкозернистый песчаник светло-серого цвета)[18] в виде усеченной призмы (рис. 3/17: 5). Размер нижнего основания – 3,5×3,5 см; верхняя площадка – 3×2,5 см; высота предмета – 2,7 см. С уверенностью можно говорить, что все эти небольшие камни использовались в качестве лощил, с помощью которых до обжига заглаживалась и залащивалась внешняя поверхность сосудов. Учитывая все эти находки, а также присутствие в слое фрагментов сформованной, но необожженной керамики и нижней части крупного сосуда с пластичной производственной глиной из помещения 1, с полным основанием можно говорить, что помещения I и II были мастерской, где формовалась посуда. К этому следует добавить еще и то, что в заполнении помещений довольно часто попадались куски кристаллического гипса, который в качестве отощителя добавлялся в глину, из которой формовались сосуды.

К востоку от помещений I и II открыта часть (западная) еще одного большого помещения или двора. Длина его по линии север – юг была более 6 м, ширина по линии запад – восток не менее 4 м. Обращает на себя внимание следующий факт. По крайней мере, часть западной стены, а также северная стена этого помещения были сложены из прямоугольного кирпича обычных для поселения Бабиш-мола 7 размеров: 50–52×28–34×8–10 см. Таким образом установлено, что восточные стены помещений I и II были не целиком пахсовые, но здесь применялись приемы комбинированной кладки. Часть стены строилась из пахсы, а часть – из прямоугольного сырцового кирпича. Уровень пола помещения или двора, к востоку от вскрытых полностью помещений I и II, зафиксирован на отметках +34 – +40 от репера. Примечательно, что северная стена этого помещения практически вплотную приставлена к южной стене горна № 2, таким образом, обжигательные горны были отделены от производственных

[18] О породах камней, из которых изготовлены орудия труда, подробно см. Приложение № 3.

помещений. На вскрытом участке зафиксировано несколько обмазок пола в виде тонких слоев плотной глины толщиной 2–3 см. В северо-западном углу, непосредственно рядом со стеной, обнаружен полностью вкопанный в грунт хум; горловина его лишь немного возвышается над уровнем пола. Диаметр устья сосуда – 45 см. На расстоянии 1,21 м от этого хума и на расстоянии 0,7–0,71 м от западной стены двора обнаружен еще один хум, также полностью вкопанный в материковый грунт. Диаметр устья этого сосуда – 55–56 см. Высота по внутреннему контуру – 1,08–1,09 м (рис. 3/12: А). Между хумами, на расстоянии 0,93 м от северо-западного угла двора, непосредственно на уровне пола, зафиксирована вымостка из прямоугольного сырцового кирпича размерами 33×44×8–9 см; 36×48×9 см шириной – 66 см. Установить ее длину не представляется возможным, так как восточная ее часть полностью смыта (рис. 3/12: А; рис. 3/16: Б). К югу от нее расчищена овальная в плане (2×0,7 м) неглубокая яма, уровень дна ее отмечен на глубине +23 – +13 от реперной точки. Собственно, западной границей ямы является основание западной стены двора. Она ориентирована по линии юг – север. Можно предполагать, что на каком-то этапе южная часть ямы была немного углублена, а, может быть, уже изначально южная часть ее была глубже. В южной части дно ямы зафиксировано на отметках +5 – +3 от реперной точки. Заполнение ямы представляло собой слой рыхлой супеси серо-коричневого цвета с некоторым количеством костей животных и керамики. В этой же яме обнаружен фрагмент крышки хума диметром 60 см. Она сформована из глины с обильными органическими примесями (саман). Толщина крышки – 6–7 см. На расстоянии 0,46 м от первой расчищена еще одна яма (0,84×0,54 м), ориентированная по линии запад – восток. Дно ее зафиксировано на отметках +18 – +20 от реперной точки. Она также расположена рядом с западной стеной двора (?), на расстоянии 10–20 см от нее. Яма была заполнена рыхлой супесью с большим количеством комков обожженной до красного цвета глиной.

На расстоянии 1,86 м от западной стены двора и на расстоянии 2,30 м от северной стены, на уровне пола, расчищен крупный, надо полагать, овальный в плане очаг. Скорее, это – площадка размером 1,80×0,96 м, обложенная по периметру сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. Дно этой площадки-очага зафиксировано на отметках +30 – +28 от реперной точки, то есть, практически, на уровне пола двора (рис. 3/12: А; рис. 3/16: Б). О том, что здесь довольно долго горел огонь, красноречиво свидетельствует обожженная до желто-оранжевого цвета нижняя часть площадки. Кроме того, на отдельных участках на дне зафиксирован слой плотной спекшейся золы светло-серого цвета с большим количеством мелких древесных угольков. Можно предположить, что это был открытый очаг, в котором пережигался природный кристаллический гипс.

На уровне пола залегал незначительный по мощности культурный слой: юго-восточная часть комплекса сильно смыта. Во всяком случае, южная стена двора (?), по всей видимости, не сохранилась. Толщина слоя – довольно плотная супесь серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и кусков обожженной до желто-оранжевого цвета глины, была не более

20–30 см. В северо-западной части, у северной стены, мощность культурного слоя достигала полуметра и более. На этом участке раскопа он перекрывался слоем кирпичного завала толщиной 30–40 см. В слое на уровне жилой поверхности двора найдено некоторое количество каменных лощил.

Таким образом, в результате полученных в ходе раскопок данных, можно констатировать, что юго-восточная часть комплекса была занята производственными помещениями, где непосредственно изготавливалась посуда. Можно предполагать, что в помещениях I и II, которые, по всей видимости, находились под крышей, работа велась в зимний период времени. К востоку от этих помещений, судя по всему, был открытый двор, где керамику изготавливали в летнее время. Во всяком случае, вымостку у западной стены двора вполне резонно можно считать площадкой, где сушилась посуда перед обжигом.

К западу от производственного комплекса, включавшего в себя обжигательные горны и мастерские, располагались, надо полагать, жилые помещения. В ходе работ, на объекте полностью раскопано четыре помещения, но, вне всякого сомнения, их было больше (рис. 3/12: А).

Помещение III расположено к западу от помещения II. Оно было, по всей видимости, прямоугольным или квадратным в плане (южная стена не сохранилась). Ширина помещения по линии юго-восток – северо-запад – 5,7 м. В помещении было два прохода. Один из них, шириной 0,7 м, который на позднем этапе жизни комплекса был заложен, открыт в северо-восточной стене помещения, на расстоянии 0,4 м от северного угла помещения. Еще один проход шириной 0,6–0,7 м расчищен в юго-западном углу помещения (рис. 3/12: А). Уровень пола помещения, который сохранился только у северной стены, зафиксирован на отметках +37 – +43 от реперной точки. На уровне пола, практически в центральной части помещения, на расстоянии 1,95 от северо-западной стены помещения и 2–2,1 м от северо-восточной стены, зафиксированы следы напольного очага в виде прямоугольного в плане (0,3×0,4 м) прокаленного до желто-красного цвета пятна на уровне пола (рис. 3/18: А). Рядом с ним, также на уровне пола, фиксируется зольный слой толщиной не более 5–7 см. Максимальная сохранность стен помещения – 0,5–0,6 м отмечается в северной его части. Все стены, ширина которых 0,9–1,1 м, сложены из плотной пахсы серого или темно-серого цвета. На отдельных участках северной стены сохранились остатки глиняно-саманной штукатурки толщиной не более 1–2 см. В южной части западной стены помещения отмечена кладка из прямоугольного сырцового кирпича размерами 48×30×9 см; 52×30×9 см. Размеры этой кирпичной «вставки», которую можно определить как кирпичный столб на торце пахсовой стены – 0,9×0,7 м (рис. 3/17: А). Так как стена на этом участке сохранилась на высоту не более 20–30 см от уровня пола, то о назначении этого столба вряд ли можно сказать что-либо определенное. В качестве рабочей гипотезы можно предполагать, что стены прохода из помещения в помещение были сложены из кирпича, тогда можно думать, что проход был перекрыт аркой. Заполнение помещения, в основном, представляло собой слой плотной слоистой супеси серо-коричневого цвета с содержанием золы и органи-

ки, который залегал непосредственно на уровне пола. В слое найдено некоторое количество керамики и костей животных. В восточной части помещения верхний слой заполнения представляет собой довольно мощный зольник (максимальная толщина зольного слоя – 12–14 см), который, в свою очередь, прорезается глубокой мусорной ямой (диаметр – 0,9 м), спущенной сверху, надо полагать, с жилого уровня позднего периода обживания памятника. Эта же яма прорезает и нижние слои заполнения помещения. Дно ее зафиксировано на отметке +61 от реперной точки. Жилой уровень позднего периода в южной части раскопа не зафиксирован.

В то же время следы финального этапа обживания памятника четко фиксируются в северной части помещения. Центральная часть северной стены практически полностью уничтожена большой овальной в плане ямой, ориентированной по линии юго-юго-восток – северо-северо-запад. Длина ямы по линии разреза 3,6–3,7 м. Дно этой ямы зафиксировано на отметках +12 – +10 от реперной точки. Заполнение ее в верхней части состояло из слоя рыхлого комковатого суглинка с большим количеством кусков обожженной глины, керамического шлака и керамики. Максимальная мощность этого слоя – 60–62 см. Ниже идет слой рыхлого комковатого суглинка желто-серого цвета толщиной 25–30 см, в котором также отмечены линзы комковатого суглинка с большим количеством обожженных до красного цвета кусков глины. В ходе раскопок установлено, что эта яма частично уничтожила более раннюю мусорную яму диаметром 1–1,1 м, относящуюся к предыдущему периоду. Дно ранней ямы зафиксировано на отметке –35 от реперной точки. Заполнение ее в нижней части представляет собой слой рыхлого песка с включениями суглинка и мелких древесных угольков – максимальная мощность – 50 см, который частично перекрывается слоем плотной комковатой глины серо-коричневого цвета с содержанием золы и мелкими древесными угольками (рис. 3/13: Б).

Кроме того, к позднему периоду существования производственного комплекса относятся ямы, вырубленные непосредственно в северной стене помещения 3. Одна из них расчищена на расстоянии 0,4 м от северо-восточного угла помещения. Диаметр ямы – 50 см. Заполнение ее целиком состояло из рыхлой пылевидной супеси серого цвета. Еще одна яма обнаружена на расстоянии 0,44 м к западу от первой ямы, на краю большой ямы позднего периода, описанной выше. Она также частично вырублена в толще северной стены помещения. Во второй яме in situ зафиксирована нижняя часть тарного сосуда, по всей видимости, хумчи или крупного кувшина без ручки: толщина стенок – 0,7 мм. Вторая яма также была целиком заполнена рыхлой пылевидной супесью с мелкими древесными угольками. В западной части северной стены помещения 3 обнаружена еще одна яма диаметром – 0,6 м. Она лишь частично вырублена в стене и выглядит как полукруглая ниша в стене (рис. 3/18: Б). Яма была заполнена рыхлым комковатым суглинком с невысоким содержанием золы и мелкими древесными угольками. Назначение этих ям не вызывает сомнения. На последнем этапе существования памятника, когда, по всей видимости, помещение уже не функционировало, в ямы стационарно устанавливались крупные тарные сосуды.

Помещение IV расположено к западу от помещения 3 и было связано с ним проходом в юго-восточном углу, о котором говорилось выше. Это трапециевидное в плане помещение длиной 5,55 м, ориентированное по линии северо-северо-восток – юго-юго-восток. Ширина помещения в северной части – 3 м; в южной части – 4 м (рис. 3/12: А). Стены помещения, особенно в южной и юго-западной части, практически полностью смыты. Наибольшая сохранность отмечается в северо-восточном углу, где высота их от уровня нижнего пола была 0,7–0,75 м. Все стены построены из плотной пахсы серо-коричневого цвета. В то же время на некоторых участках отмечены следы кирпичной кладки. Таким образом, можно предполагать, что кладка стен была комбинированной. В помещении зафиксировано два уровня пола. Нижний пол в виде тонкой глиняной обмазки серо-коричневого цвета, положенной непосредственно на плотный слой барханного песка, частично зафиксирован на отметках +26 – +28 от реперной точки. Непосредственно на уровне этого пола, практически в центре помещения, на расстоянии 1,90 м от северной стены и на расстоянии 1,75 от восточной стены, открыт напольный очаг в виде прямоугольной в плане кирпичной вымостки размером 35–40×60 см и высотой не более 12 см (один кирпич). В центре этой вымостки зафиксировано незначительное, круглое в плане углубление диаметром 30–35 см. Дно его сильно прокалено до красно-оранжевого цвета. Безусловно, здесь долгое время горел огонь. К востоку от очага, на расстоянии 35 см от восточной стены помещения было еще одно возвышение-подиум, сложенное из плотной пахсы серо-желтого цвета. Оно также было прямоугольной формы размером 40×30 см. На поверхности этого возвышения следов огня не обнаружено. Рядом с ним, на расстоянии 35 см, на уровне пола найден крупный фрагмент верхней части полусферической керамической фляги (рис. 3/12; рис. 3/19). Практически напротив этой фляги, и почти на одной оси с центральным очагом, в восточной стене помещения, на расстоянии 3 м от северо-восточного угла, расчищена полукруглая в плане ниша. Дно ее немного ниже уровня пола (не более 5–7 см). Ширина ниши по фасаду стены – 25–30 см; глубина – не более 20–30 см. В ней найдено большое количество мелких и крупных костей барана, которые, судя по всему, были свалены в кучу. В западной стене помещения, на расстоянии 2,75 м от северо-западного угла, обнаружена еще одна полукруглая в плане ниша, также вырубленная в стене. Примечательно, что она расположена на той же центральной поперечной оси помещения, практически напротив ниши в восточной стене. Ширина западной ниши по фасаду стены – 40 см, глубина не более 20 см. Дно ее также было немного ниже уровня пола. И в этой нише обнаружено скопление мелких и крупных костей барана, включая фрагменты черепа.

Верхний уровень пола помещения зафиксирован на отметке +44 от реперной точки в виде глиняной обмазки толщиной 5–6 см. Таким образом, толщина культурного слоя, соответствующего раннему этапу существования помещения, была не более 15–16 см. Верхний уровень пола сохранился только на небольшом участке у стены в северо-восточной части помещения. На всей остальной площади культурный слой смыт практически до материка, который пред-

ставляет собой слой плотного песка серо-коричневого цвета (древний бархан). В восточной стене помещения, справа от прохода, непосредственно в стене был устроен очаг-камин, который относится ко второму этапу существования помещения. Ширина его по линии стены – 80 см. Максимальная глубина – 28–30 см. Стенки очага, которые сохранились на высоту не более 10 см, обожжены до красного цвета. Дно очага, которое зафиксировано на отметке +56 от реперной точки, то есть немного выше уровня пола, также обожжено до красного цвета. Заполнение очага представляло собой плотный слой спрессованной золы с большим количеством мелких древесных угольков.

Помещение V расположено к северу помещений III и IV. Надо полагать, изначально оно было прямоугольным в плане; длина по линии северо-восток – юго-запад – 4,8–4,85 м, ширина по линии восток –запад – 4,05 м. На этом участке раскопа четко выявлены остатки построек, относящиеся, как можно предполагать, к трем, относительно разновременным, периодам существования комплекса. К наиболее раннему периоду относятся остатки пахсовых стен, на которых были построены стены помещения V, относящегося, вне всякого сомнения, к более позднему – второму периоду. Остатки ранних стен фиксируются в северо-западной части помещения. Под северной стеной – это крупные бесформенные куски пахсы серо-желтого цвета. Под западной стеной – стена из плотной пахсы хорошего качества светло-серого цвета, внутренний фас которой немного выступает внутрь помещения. Таким образом, можно предполагать, что на самом раннем этапе здесь было помещение, на стенах которого, как на фундаменте, и были построены пахсовые стены помещения V. Во второй период существования комплекса, к которому относятся, как стало ясно, все описанные выше помещения, здесь было прямоугольное помещение с проходом шириной 0,7 м в южной стене, ведущим в помещение III, который, надо полагать, был заложен в более поздний период. Еще один проход шириной не более 0,8 м был в северо-восточном углу и выводил в центральный прямоугольный двор, который был к западу от производственного комплекса (рис. 3/12). Западная стена помещения выявлена только в северо-западной его части. Длина отрезка стены, который прослеживается вполне отчетливо, была 2,5 м. Юго-западный отрезок этой стены практически не сохранился, а, может быть, он был разрушен в поздний период существования усадьбы. Вполне вероятно, что во второй период здесь был проход, соединявший это помещение с западной частью жилого комплекса. Все стены второго периода сложены из пахсы. Ширина юго-восточной стены – 0,7–0,8 м. Ширина северной стены – 1–1,25 м (рис. 3/12: А). Уровень пола помещения второго периода зафиксирован на отметке +37 от реперной точки в северо-западной части раскопа. На этом же уровне расчищен квадратный в плане напольный очаг (0,4×0,4 м). Это было небольшое возвышение из пахсы, расположенное практически в центре помещения, на расстоянии 1,9 м от восточной стены и на расстоянии 2,10 м от юго-западной стены. Верхняя поверхность возвышения, зафиксированная на отметке +43 от реперной точки, прокалена до желто-оранжевого цвета (рис. 3/12: А; рис. 3/21: А).

Позднее, надо полагать, после того как помещение было уже частично разрушено, в пределах ранних стен здесь было построено жилище каркасного типа, которое, по всей видимости, относится к третьему, заключительному периоду жизни комплекса.

В восточной части помещения четко прослеживается основание каркасной стены шириной 25–10 см, сложенное из округлых кусков плотной глины (гуваляков) и кусков сырцовых кирпичей на глиняном растворе. Судя по частично выявленному контуру, жилище было округлой или овальной формы. Оно, вероятно, было разгорожено, или какая-то его часть была выделена; на расстоянии 2,34 от восточной пахсовой стены выявлена тонкая стена-перегородка шириной 20–23 см, сложенная из прямоугольных сырцовых кирпичей. Торцом эта стена была приставлена к более ранней пахсовой стене помещения второго периода. Длина перегородки – 1,46 м (рис. 3/12: А). Следует отметить, что при постройке каркасного жилища, пространство между основанием каркасной стены и стенами помещения V было частично забутовано. Слой забутовки представляет собой плотные слои мусора с кусками керамического шлака и обожженной до красного цвета глиной. В этот же период был заложен проход в южной стене. О том, что жилище позднего периода было каркасным, однозначно свидетельствует выявленная с внешней стороны глиняного основания система столбовых ямок, в которых крепились вертикальные деревянные стойки – основание каркасных стен (рис. 3/21). Диаметр столбовых ямок колеблется от 7 до 10 см. Почти во всех ямках зафиксированы следы дерева. В расположении вертикальных стоек просматривается некоторая система. Можно предполагать, что они располагались попарно: две стойки рядом друг с другом на расстоянии 20–25 см. Расстояние между парами стоек колеблется от 60 до 70 см. Следует также отметить, что кроме стоек, которые расположены четко по контуру основания, зафиксированы столбовые ямки от вертикально поставленных жердей на некотором расстоянии от стены каркасного жилища – 20–30 см (рис. 3/12: А). Надо полагать, это какие-то дополнительные стойки, возможно, подпиравшие верхнюю часть каркасной стены. Уровень пола каркасного жилища зафиксирован на отметке +53 от реперной точки в восточной части помещения, непосредственно у основания каркасной стены. На этом уровне в юго-восточной части помещения расчищен очаг. Он был полукруглый в плане шириной 0,6 м глубиной 0,2–0,25 м и располагался вплотную к основанию каркасной стены. Рядом с очагом была столбовая ямка диаметром 10–12 см с остатками дерева. Дно очага, который с полным основанием можно считать очагом-камином, зафиксировано на отметке +43, то есть немного ниже уровня пола рис. 3/21: Б). Заполнение помещения по большей части представляет собой слой рыхлого комковатого суглинка с кусками сырцовых кирпичей и плотной глины. В слое отмечается большое количество керамического шлака и комков обожженной до красного цвета глины. В верхних слоях заполнения найдено большое количество керамики, в том числе целые или археологически целые сосуды.

На участке к западу от помещений IV и V никаких строительных конструкций не обнаружено. Вполне вероятно, что здесь был обширный двор, занимавший всю юго-западную часть

жилого комплекса. В северной части двора (?) обнаружен стационарно уставленный крупный тарный сосуд – хум, который по горловину был вкопан в грунт. Диаметр устья этого сосуда немногим менее 50 см. Верхний жилой уровень на этом участке раскопа, в виде более или менее утоптанной поверхности, зафиксирован на отметках +58–+68 от реперной точки. Непосредственно на этом уровне залегает слой рыхлого комковатого суглинка с большим количеством кусков обожженной глины и керамического шлака с высоким содержанием золы и мелких древесных угольков. Толщина этого слоя – 24–32 см. Он, в свою очередь, перекрывается слоем рыхлого комковатого суглинка серо-коричневого цвета с керамикой, костями животных и довольно высоким содержание золы. Толщина этого слоя – 26–34 см. В северо-восточной части предполагаемого двора эти слои прорезаны большой поздней ямой, диаметр или длина которой по линии север – юг была не менее 2,5–2,6 м. Дно ямы зафиксирована на глубине 50 см от современной дневной поверхности. Заполнение ее представляет собой однородный слой рыхлой пылевидной супеси серого цвета (надувной слой) (рис. 3/20: А).

Помещение VI открыто в северо-западной части раскопа. Оно было прямоугольным в плане (7–7,2×3,5 м) и ориентировано по линии юго-восток – северо-запад. Все стены сложены из пахсы серого цвета хорошего качества. Ширина стен – 1,2–1,6 м. Верхний уровень пола в виде плотной глиняной обмазки серого цвета зафиксирован на отметках +86 – +88 от реперной точки, а нижний – на уровне +48–50 от реперной точки. Проходов в помещении не обнаружено. Заполнение его представляет собой наклонно залегающие слои рыхлой комковатой супеси с высоким содержанием золы, древесных угольков и большим количеством кусков обожженной до красного цвета глины и керамического шлака (рис. 3/20: Б). Каких-либо деталей интерьера в помещении не обнаружено. Надо полагать, к западу от помещения № 6 было еще одно помещение. Во всяком случае, в пределах раскопа выявлена стена шириной немногим менее 1 м, пристроенная к западной стене этого помещения (рис. 3/12: А).

В северо-западной части раскопа, к югу и к юго-западу от помещения VI, выявлены контуры еще двух помещений. Западная и юго-западная часть холма основательно смыта. По этой причине истинные размеры указанных помещений можно только предполагать. Вместе с тем, на основании стратиграфической ситуации в этой части раскопа, можно отнести их к ранним периодам существования комплекса.

Помещение VII. Это, как можно предполагать, прямоугольное в плане помещение, ширина которого, во всяком случае, в северной части была не менее 3,5 м, расположено к северо-западу от помещения V. На этом участке раскопа выявлены отдельные отрезки стен раннего периода существования комплекса. Во всяком случае, северная и северо-восточная стены помещения, которые относятся ко второму, основному периоду жизни мастерской, были построены на пахсовых стенах (ширина 0,8–1 м) какого-то раннего здания, предшествовавшего устройству здесь гончарной мастерской (рис. 3/20: А). На уровне нижнего пола, который фиксируется на отметках –3 – –10 от реперной точки в виде глиняной обмазки, положенной

поверх слоя материкового бархана, лишь на отдельных участках в северной части помещения. Здесь же обнаружены вкопанные в материковый песок[19] хумы (рис. 3/22: А). Диаметр устья сосудов, которые сохранились почти целиком, колеблется от 41 до 47 см. Непосредственно на уровне нижнего пола в этом помещении был найден фрагмент каменной ладьевидной зернотерки с четко выраженной рабочей поверхностью (плотная мелкозернистая порода темно-серого, почти черного цвета). Ширина ее – 11 см, длина сохранившегося фрагмента – 11 см, максимальная толщина в центральной части – 4 см. Рядом с ней, также на уровне пола, найден камень-терочник; это обыкновенная крупная галька (6,5×4,5 см) той же каменной породы, что и зернотерка. Камень был оббит с нескольких сторон, и с четко выраженной рабочей поверхностью с одной стороны.

Второй снизу уровень пола, то есть более поздний, в виде глиняной обмазки серо-коричневого цвета толщиной 3–5 см, зафиксирован в северной части помещения на уровне +13–18 от реперной точки. На этом уровне, почти в центре помещения, расчищен напольный очаг в виде прямоугольного пятна, прокаленного до красно-оранжевого цвета участка пола, размерами 85×50 см (рис. 3/22: Б). Рядом с очагом, у юго-западной стены помещения, зафиксирован зольный слой толщиной 7–8 см. На этом же уровне, в северном углу помещения, был устроен закром – угол помещения был отгорожен тонкой пахсовой стенкой высотой 35–40 см. Толщина стенки – 15 см (рис. 3/23: А). В этом закроме стационарно был установлен хум, который сохранился практически целиком: диаметр устья – 35 см, максимальный диаметр тулова – 57 см, а рядом с ним крупный кувшиновидный сосуд без ручки, у которого диаметр устья – 23 см (рис. 3/23: Б). Непосредственно на уровне второго пола, который, безусловно, был жилым, в западной части помещения залегает слой плотного кирпичного завала. Максимальная мощность этого слоя – 46–48 см зафиксирована у юго-западной стены помещения, в центральной части она несколько меньше – 30 см, а в восточной части помещения этот слой практически не фиксируется. У восточной стены характер культурных наслоений немного другой. Здесь, залегающий непосредственно на уровне второго пола, незначительный слой плотного комковатого суглинка (кирпичная крошка) толщиной не более 15 см, перекрывается мощным слоем плотного суглинка с кусками сырцового кирпича и линзами глинисто-песчаных натеков (деструктированный кирпичный завал). Максимальная толщина этого слоя – 38–40 см зафиксирована около восточной стены помещения. Вне всякого сомнения, эти слои связаны с этапом разрушения в этой части комплекса. Судя по стратиграфической ситуации, вначале обрушилась восточная стена помещения 7, а затем, спустя некоторое время, упала верхняя часть западной стены. Однако на этом жизнь здесь не прекратилась. Как было установлено в предыдущие годы раскопок, по верху слоя завалов фиксируется жилой уровень, то есть после разрушения стен в юго-западной части комплекса, на последнем этапе его функциониро-

[19] В 2018 году подтвердилось предположение о том, что стены мастерской, также как и горны, были построены на невысоком бархане, таким образом, материком здесь является плотный барханный песок.

вания, здесь был, надо полагать, открытый двор. Видимо к этому же периоду относится каркасная постройка, остатки которой выявлены в помещении 5, к юго-западу от помещения 7.

Помещение VIII. Часть этого помещения открыта к востоку, юго-востоку от помещения 7. Их разделяла пахсовая стена толщиной 0,9–1 м. В ходе раскопок удалось вскрыть только северную часть этого помещения шириной – 3,5 м. Оно так же, как и помещение 7, было ориентировано по линии юго-запад – северо-восток и было, надо полагать, или прямоугольной или трапециевидной формы. Установить это точно в настоящее время не представляется возможным, так как в юго-западной и южной части раскопа стены смыты практически до основания.

В этом помещении опустились до уровня пола (надо думать верхнего), который зафиксирован здесь практически на том же уровне, что и верхний пол в помещении 7 – +13 – +15 от реперной точки. Непосредственно на уровне этого пола, в северо-западном углу помещения, на расстоянии 30 см от северной стены помещения, выявлены следы небольшого напольного очага в виде обожженного до красно-оранжевого цвета участка пола прямоугольной формы размерами 22×20 см. Рядом с ним, на расстоянии 36–40 см от северной стены помещения и 25 см от очага, обнаружен стационарно установленный, по горловину вкопанный в грунт, хум с диаметром устья – 46 см (рис. 3/24: А). В этом помещении зафиксирована несколько другая стратиграфическая картина, нежели в помещении 7. Непосредственно на уровне пола залегает слой рыхлой супеси серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и с многочисленными зольными линзами с большим количеством древесных угольков. На этом же уровне отмечены прослойки золы светло-серого, почти белого цвета, также с большим количеством древесных угольков. Толщина этого слоя колеблется от 20 до 30 см (рис. 3/24: Б). Выше, практически по всей площади вскрытой части помещения, идет слой золы темно-серого, почти черного цвета толщиной 10–12 см. Эти слои, которые соответствуют, по всей видимости, заключительному этапу существования помещения, перекрываются слоем плотного кирпичного завала толщиной 35–45 см, который, безусловно, соответствует периоду разрушения здания. Следует отметить, что на этом участке раскопа следов позднего обживания не выявлено, по всей видимости, после того как помещения было заброшено оно использовалось для свалки мусора и производственных отходов.

В результате работ, проведенных на раскопе 2 в течение трех полевых сезонов, установлено, что жилищно-производственный комплекс на поселении Бабиш-мола 7 – «мастерская № 1» (раскоп 2) существовал и функционировал на протяжении довольно продолжительного отрезка времени, который по стратиграфическим данным предварительно подразделяется на несколько периодов. В настоящее время речь может идти, по крайней мере, о четырех, при этом необходимо подчеркнуть, что на протяжении этого времени этот комплекс не всегда имел отношение к гончарному производству.

К наиболее раннему из них относится часть помещения 7, открытого в пределах юго-западного двора, под стенами помещений 5 и 4. Есть все основания полагать, что это была

хумхона. Причем, у нас пока нет оснований считать, что уже в этот период здесь функционировало гончарное производство. Во всяком случае, в культурных слоях, соответствующих этому периоду, никаких находок, по которым можно было бы судить о занятиях жителей здания, пока не обнаружено. По всей видимости, основная застройка и наиболее интенсивное функционирование комплекса гончарной мастерской относятся ко второму периоду. Именно в это время строятся жилые и производственные помещения, а также горны. Об этом красноречиво свидетельствуют стратиграфические данные. Стены горна № 2 были построены на культурных слоях более раннего периода. Кроме того, культурные слои раннего периода четко фиксируются под стенами помещения 5. Надо полагать, мастерская работала продолжительный период времени. Во всяком случае, на каком-то этапе второго периода часть помещений забрасывается и используется для выброса производственного мусора и отходов. Об этом можно судить по слою в помещении № 6, которое почти полностью было заполнено производственным мусором (куски керамического шлака, обожженной глины, фрагменты бракованной посуды). Основной же территорией, куда выбрасывали мусор и производственные отходы, была площадка к северу от горнов. Здесь фиксируются горизонтально залегающие слои мусора общей мощностью не менее 1,5 м. Это вполне логично, если учитывать, что входы в ТК горнов были с севера.

По всей видимости, на заключительном этапе второго периода или в самом начале третьего периода полностью перестраивается помещение № 5 и здесь возводится каркасная постройка, которая относится уже к третьему периоду. Судя по всему, горны и мастерская в это время еще функционируют, во всяком случае, следов запустения в восточной – производственной части комплекса, не зафиксировано. То же самое можно сказать и о жилых помещениях в юго-западной части.

Четвертый период – это время окончательного запустения комплекса. Именно к этому периоду относятся хозяйственные ямы и стационарно уставленные хумы в северной стене помещения № 3, которая частично была уничтожена большой ямой, открытой в центральном дворе. Возможно, в это время какое-то еще производство функционировало. Не исключено, что к четвертому периоду относится нижняя часть производственной конструкции, открытая к югу от горна № 2. В ходе раскопок памятника получен довольно представительный и достаточно характерный керамический комплекс. К сожалению, артефактов, которых можно было бы считать безусловными хронологическими индикаторами, не найдено. По этой причине, археологический комплекс из раскопа № 2 датируется широко, а именно III–II вв. до н. э. (второй период чирикрабатской археологической культуры. Во всяком случае, пока не найдено предметов, дающих более узкую дату, этим временем и следует датировать период функционирования жилищно-производственного комплекса «мастерская № 1», открытого на раскопе № 2.

Гончарная мастерская № 2 (Раскоп 5)

Объект, который условно назван «гончарная мастерская № 2», расположен в 50 м к югу от раскопа 2 (гончарная мастерская № 1). Еще до раскопок на поверхности четко прослеживался развал обжигательного горна (керамический шлак, куски обожженной до красно-оранжевого цвета глины), как предполагалась изначально, округлой формы. На этом участке поселения был заложен раскоп площадью 60 кв. м (6×10 м), который был разбит на четыре сектора (3×5 м). Вся площадь раскопа была расчищена по верхнему уровню. В результате выявлены остатки двух обжигательных керамических горнов № 5 и № 6, а также строительные остатки в виде отрезков пахсовых стен рядом ними (рис. 3/25; рис. 3/26: А).

Горн № 5 открыт в северной части раскопа. Сохранилась только нижняя часть овальной в плане (2,40×1,12 м) ТК, которая была ориентирована по оси восток – запад с незначительным меридиональным отклонением. Дно зафиксировано на глубине +15 от реперной точки. Топка на 30 см была заглублена в грунт (древний такыр). Стены ее шириной 0,4–0,5 м сложены из плотной пахсы серо-коричневого цвета. Они сохранились на высоту 0,5–0,6 м от уровня древнего такыра, но, надо полагать, были немного выше. С внутренней стороны стенки камеры были обмазаны глиной с большим количеством самана. Толщина обмазки, которая прокалена до красного цвета, а в верхней части ошлакована, колеблется от 5 до 7–8 см. Заполнение ТК в верхней части представляло собой слой рыхлой пылевидной супеси серого цвета. Ниже шел слой рыхлой супеси с большим количеством кусков обожженной глины и керамического шлака толщиной 35–38 см, который, в свою очередь, перекрывал слой комковатого прокаленного до красного цвета суглинка с фрагментами сильно ошлакованных сырцовых кирпичей. Толщина этого слоя – 22-35 см. Непосредственно на уровне пода ТК залегал плотный слой спекшегося пепла и золы серого цвета толщиной 10–12 см (рис. 3/27). Судя по продольному профилю, дно камеры плавно поднимается к западу, надо думать, вход в ТК, который не сохранился, был именно с западной стороны (рис. 3/26).

Горн № 6 открыт в центральной части раскопа, на расстоянии 1,4 м к югу от горна № 5. Он был также овальным в плане, ориентирован по линии восток – запад с незначительным меридиональным отклонением. Два открытых на раскопе 5 горна расположены практически параллельно друг другу. Второй горн сохранился значительно лучше первого, даже несмотря на то, что он смыт ниже уровня пода ОК.

Общая длина горна по внешнему контуру была не менее 3,8–4 м, а ширина – 2,6–2,7 м (рис. 3/25). Полностью сохранилась топочная камера горна длиной 1,8 м и шириной 0,8 м. Высота ее была не менее 1,2 м. Вход в топку, в виде округлого на плане (46×40 см), почти вертикального лаза, был с западной стороны (рис. 3/26: В). Дно зафиксировано на отметке –21 от реперной точки. Заполнение топочной камеры представляло собой почти горизонтально залегающий слой рыхлого суглинка и супеси с большим количеством кусков керамического шлака, ошлакованных кирпичей и комков, обожженной до красного цвета плот-

ной глины. Непосредственно на дне топки залегал слой спрессованного пепла и золы серого цвета (рис. 3/27).

Как уже отмечалось выше, горн смыт ниже уровня пода ОК. Верхняя часть стен топочной камеры зафиксирована на отметках +111 – +121 от реперной точки. Перекрытие топочной камеры практически не сохранилось, но можно предполагать, что оно было сводчатым. В восточной части горна, расположенной напротив входа в ТК, в толще стен топочной камеры частично сохранились следы РТ, которые располагались веерообразно. Частично сохранился один канал в южной стене топочной камеры. Это дает основание предполагать, что большая часть РТ в северной и южной стенах топки были устроены параллельно друг другу и располагались перпендикулярно относительно центральной оси топочной камеры (рис. 3/25). Они начинались в центральной части ТК на высоте 0,7–0,8 м от дна, и под углом отходили вверх, открываясь продухами на уровне пода ОК. О количестве продухов сказать ничего нельзя, так как ни одного из них в пределах горна не сохранилось.

Помимо горнов, в пределах раскопа открыты верхние участки стен, сложенных из пахсы и сырцовых прямоугольных кирпичей размерами 32×47×9–10 см; 30×52×10 см; 26×45×10 см. Таким образом, и на этом объекте отмечена комбинированная кладка. Пахсовая стена шириной 0,86 м по верхнему уровню открыта на расстоянии немногим более одного метра к югу от горна № 6. Направление ее – юго-восток – северо-запад. Высота этой стены не менее 0,4 м от основания (рис. 3/27). На отдельных участках раскопа по верхнему уровню она не прослеживается. В пределах юго-восточного участка раскопа выявлена еще одна стена толщиной 20–30 см, сложенная из прямоугольного сырцового кирпича. Направление этой стены юго-юго-запад – северо-северо-восток. Длина ее – 1,2 м. Она почти под прямым углом отходит от капитальной пахсовой стены, а на севере непосредственно примыкает к южной стене горна № 6. В западной бровке раскопа четко прослеживается кладка из прямоугольного сырцового кирпича, которая вплотную примыкает к капитальной пахсовой стене. Можно предполагать, что это верхняя часть стены, идущей по направлению юго-юго-запад – северо-северо-восток (рис. 3/25). На раскопе № 5 выявлены, правда, только по верхнему уровню, строительные конструкции, примыкающие к горнам. Ввиду того, что они расчищены лишь частично, мы можем только догадываться о том, что здесь было. Но, учитывая данные, полученные на раскопе 2, можно предположить, что здесь были производственные помещения – мастерская.

Еще в 2015 году (первый сезон раскопок на поселении) к югу от горнов № 5 и № 6 был полностью раскопан первый обжигательный горн на поселении Бабиш-мола 7 – **Горн № 1.** Первоначально на поверхности довольно отчетливо прослеживались контуры прямоугольной конструкции явно производственного назначения, о чем красноречиво свидетельствовали фрагменты бракованной керамической посуды, куски керамического шлака и развалы печины, куски прокаленной до красного цвета глины. На поверхности был разбит раскоп 5×5 м, ориентированный по сторонам света. После снятия верхнего слоя, который представлял собой

рыхлую супесь с высоким содержанием золы, большого количества кусков обожженной глины и керамического шлака, были выявлены контуры прямоугольного в плане керамического обжигательного горна, который ориентирован по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Вход в ТК был с юго-юго-запада. Направление входа в ОК определить в настоящее время невозможно, но, скорее всего, он был с северной стороны, и располагался напротив входа в ТК. Сохранился, да и то не полностью, под ОК с продухами. Размеры верхней камеры определяются лишь приблизительно по крайним продухам. Площадь ее была, как можно предполагать, немногим менее 10 кв. м – 3,6×2,7 м (рис. 3/28: А.I). Под обжигательной камеры, верхний уровень которого зафиксирован на отметках –5 – –12 от реперной точки, представляет собой плотную, сильно прокаленную поверхность желто-красно-оранжевого цвета (рис. 3/28: Б). На поверхности пода четко прослеживаются округлые в плане продухи, которыми заканчиваются РТ, устроенные в перекрытии топочной камеры. Диаметр продухов в верхней части, на выходе в ОК – 8–12 см. Как можно предполагать, они располагались в площади камеры в четыре ряда. При этом в центральной части вертикальные РТ были устроены непосредственно в плоском перекрытии топки. На уровне пода расчищено 16 продухов, но так как часть перекрытия ТК обвалилось, можно предполагать, что их было больше, не менее 20 (рис. 3/28: А.I).

ТК расчищена полностью. Дно ее зафиксировано на отметках –132 – –127 от реперной точки. Она была почти овальная в плане, при этом часть, обращенная к входу, была несколько уже, чем ССВ часть сооружения. Длина топочной камеры – 3,5 м, ширина на уровне в южной части – 0,9 м, в северной части – 1,2 м (рис. 3/28: А.II). В ходе раскопок удалось достоверно установить, что крайние РТ, расположенные по периметру ТК, выходили из топки под углом по отношению к ее вертикальной оси. Таким образом, увеличивалась площадь ОК.

Вход в ТК, который с полным основанием можно было бы назвать лазом, как уже отмечалось, был с юга (рис. 3/28: А. I; рис. 3/28: Б). Это была овальная в плане яма размером 1×0,64 м, которая почти вертикально была опущена до уровня топочной камеры. Дно ее зафиксировано на отметке –142 от реперной точки.

Непосредственно на дне топочной камеры залегает тонкий слой золы и пепла серого цвета – не более 10 см. Выше идет слой пылевидной супеси серого цвета с высоким содержанием золы и крупными кусками керамического шлака. Толщина этого слоя – 30–35 см. Он, в свою очередь, перекрывается натечными глинисто-супесчаными наслоениями толщиной – 25–30 см. Выше идет слой комковатой супеси серого цвета с большим количеством кусков обожженной глины и керамического шлака. Толщина этого слоя – 55–60 см. В верхней части ТК, непосредственно под сохранившимися участками свода, отмечены линзы чистого надувного лесса толщиной до 20 см (рис. 3/28: А.III).

Стены ТК толщиной 0,7–0,8 м были построены из плотной пахсы серого цвета. Нижняя часть топки немного была заглублена в материковый слой, на 30–45–см от уровня древнего такыра, который в северо-западной части раскопа зафиксирован на отметках –100 – –107 от

уровня реперной точки. Таким образом, установлено, что топка горна № 1 возвышалась над древней дневной поверхностью, по крайней мере, на 1 м. Способ перекрытия ТК остается неясным. Можно с уверенностью говорить, что свода здесь не было; ни одного сырцового кирпича в процессе раскопок не обнаружено. Можно предполагать, что оно было плоским на деревянном каркасе, который не сохранился. Однако об этом можно только догадываться, так как в пахсовых стенах с внешней стороны обнаружены округлые в поперечном сечении отверстия диаметром 7–8 см. Возможно, это следы от жердей перекрытия, уложенных горизонтально. Если это действительно так, то перекрытие топочной камеры можно реконструировать следующим образом. На стены топки укладывались деревянные жерди каркаса, которые переплетались прутьями. Затем эта конструкция тщательно обмазывалась толстым слоем глины с обеих сторон. В процессе эксплуатации горна глина обжигалась до состояния обожженного кирпича, а прутья и жерди выгорали. В связи с этим следует отметить, что такие следы от жердей, уложенных вертикально, зафиксированы и в стенах ТК горна № 2 (мастерская № 1).

В 2017 на обоих объектах, описанных выше, были проведены дополнительные зачистки. В результате проведенных работ с большой долей вероятности можно предполагать, что все три горна являлись частью одного, сравнительно крупного производственного центра, который включал в себя не только обжигательные горны, но и какие-то помещения, возможно, производственного характера. Стены этих помещений частично расчищены между горном № 6 и горном № 1. О том, что это были производственные помещения, красноречиво свидетельствуют находки каменных лощил и кусков кристаллического гипса как на поверхности, так и в верхних культурных слоях помещений. Кроме того, к западу от горнов № 5 и № 6 на поверхности, на площади не менее 200 кв. м, четко прослеживаются остатки строительных конструкций. Вполне вероятно, что здесь также как и в мастерской № 1 (раскоп 2) располагались жилые помещения. Таким образом, объект, частично открытый на раскопе № 5, вполне вероятно, также был жилищно-производственным комплексом, но, судя по всему, более крупным, чем мастерская № 1.

Горн № 4 (Раскоп 4)

Раскоп 4 был заложен в 100 м к западу от раскопа № 2. Здесь, еще до раскопок, на поверхности четко прослеживалось округлое в плане пятно сильно обожженной глины с выходами керамического шлака, что дало основание предполагать здесь наличие обжигательного горна. Раскоп площадью 60 кв. м (6–10 м) был ориентирован почти строго по линии юг – север. Вся площадь раскопа была разбита на участки площадью 3×5 м. При этом раскоп был ориентирован таким образом, чтобы предполагаемый горн оказался в центре. Первоначально вся площадь раскопа была расчищена по верхнему уровню. Глубина вскрытия – от 20 до 50 см.

После снятия верхнего слоя сравнительно плотного слоистого суглинистого грунта, в центральной части раскопа четко выявились контуры ОК керамического горна, которая была расчищена по уровню пода. В результате проведенных исследований установлено, что горн

№ 4 (во всяком случае, верхняя его часть) был округлой формы. Диаметр ОК по внешнему контуру – 4,4–4,5 м. Так как горн смыт до уровня пода ОК стены ее не сохранились. Но можно предполагать, что они были построены из сырцового кирпича. Во всяком случае, в северной части горна расчищено несколько кирпичей; они смыты практически до основания, но размеры их определить можно – 50×28×? см; 50×30×? см. По верхнему уровню расчищены стены ТК толщиной от 0,6 до 0,8 м, которые были сложены из плотной пахсы серо-коричневого цвета (рис. 3/29). В западной части раскоп был доведен до материка, уровень которого зафиксирован здесь на глубине –31 от реперной точки. Непосредственно на уровне материка залегает слой рыхлого суглинка светло-коричневого цвета мощностью не более 20–25 см с небольшим количеством фрагментов керамики и карбонатными известковыми стяжками. Выше идет слой рыхлой, зачастую пылевидной супеси с кусками керамического шлака, комками глины, иногда обожженной до красно-оранжевого цвета и керамикой, в том числе бракованной. Мощность этого слоя – 50–55 см. Он, в свою очередь, перекрывается слоем плотного слоистого суглинка красно-коричневого цвета, толщина которого не превышает 8–10 см (рис. 3/31: А). В результате произведенных раскопочных работ установлено, что стены топочной камеры были построены на уровне материка из блоков пахсы высотой 45–55 см. Максимальная сохранность стен топочной камеры – 60–65 см от основания.

Под ОК, который зафиксирован на отметках +29 – +31 от реперной точки, сохранился не полностью – перекрытие топки обвалилось в центральной части. Вход в камеру (загрузочный люк) был, по всей видимости, с севера; именно в этой части горна зафиксированы следы кирпичной кладки. Подача горячих газов из топки осуществлялась через РТ, которые заканчивались продухами. В сохранившейся части пода ОК расчищено 5 округлых в плане продухов диаметром 10–12 см (рис. 3/30; рис. 3/31), но их, несомненно, было больше. По всей видимости, один ряд продухов располагался по периметру вплотную к стене ОК. Можно предполагать, что в центре ОК было еще несколько продухов, которыми заканчивались вертикальные РТ, устроенные непосредственно в центральной части перекрытия топки.

Вход ТК был с юго-запада. Он представлял собой овальный в плане лаз (58×45 см), устроенный непосредственно в пахсовой стене топочной камеры. Стенки прохода с внешней стороны были облицованы, стоящими наклонно на ребре, сырцовыми кирпичами размерами 47–48×32–35×12 см (рис. 3/29; Б). Перед входом в топочную камеру, в материковом грунте была вырыта яма, которая по форме напоминает овал (1,82×1 м). Дно ямы зафиксировано на отметке –40 от реперной точки. В этой яме непосредственно перед входом в топочную камеру обнаружены две столбовые ямки диаметром 10–12 см (рис. 3/30). По всей видимости, это следы вертикальных стоек, на которые мог опираться щит, закрывавший вход в топочную камеру, который, кроме всего прочего, возможно, был еще и ветрозащитой.

Северо-восточная часть горна была вскрыта полностью, до уровня пода ТК. В результате доподлинно установлено, что топочная камера в горне № 4 была овальной формы шириной

0,7–0,8 м и длиной 2,1–2,2 м. Глубина топки от уровня пода ОК – 1,34–1,4 м. РТ начинались на высоте 80 см от пола ТК и под углом отходили вверх, где открывались продухами на уровне пода ОК. Они расположены параллельно друг другу, но под прямым углом к центральной оси ТК (рис. 3/31).

Горн № 7[20] раскопан на холме в северо-западной части поселения, возвышающимся над окружающими такырами на 1,5 м. После снятия верхнего слоя – рыхлой пылевидной супеси серо-коричневого цвета с большим количеством фрагментов керамики, мелких древесных угольков, кусков обожженной глины и керамического шлака, в центральной части раскопа были выявлены контуры крупной производственной конструкции, которая впоследствии была определена как круглый в плане двухъярусный керамический обжигательный горн (рис. 3/32).

Остатки горна раскопаны полностью. Верхний уровень сохранившихся стен обжигательной камеры горна, сложенных из плотной пахсы серого цвета, зафиксирован на отметках +134 – +110 от реперной точки[21].

В процессе раскопок установлено, что это был двухъярусный, округлый в плане обжигательный горн с прямым вертикальным ходом горячих газов, внешний диаметр которого – 5,2 м. Под обжигательной камеры, диаметр которой был 2,4 м, сохранился лишь частично. Он четко определяется по сильно прокаленной глиняной обмазке толщиной 15–20 см (рис. 3/32: А). Ширина стен, которые сохранились на высоту немногим более 1 м от основания, не превышала 1,20–1,40 м. Они сложены из плотной пахсы серо-коричневого цвета. Следует отметить, что массив пахсовой кладки был армирован деревянными жердями, которые разделяли пахсовые блоки. При зачистке горизонтальной поверхности сохранившейся части стен горна четко прослеживается два ряда пахсовых блоков, уложенных по периметру обжигательной камеры и разделенных деревянными жердями. Жерди диаметром или шириной 5–10 см четко прослеживаются по древесному тлену. Ширина пахсовых блоков 40–70 см. Кроме того, деревянные жерди укладывались и радиально (рис. 3/33).

В результате раскопок частично вскрыта топочная камера горна, она была овальной в плане: длина – 1,1 м; максимальная ширина 0,5–0,6 м. Дно топочной камеры зафиксировано на отметке – 110 от реперной точки. Западная часть горна уничтожена поздней ямой, однако можно с уверенностью полагать, что вход в топочную камеру был именно с запада. Кроме того, есть основания предполагать, что перед входом или спуском в топку был небольшой, по всей видимости, овальный в плане «приямок» длиной не менее 2 м (рис. 3/32: А).

В ходе раскопок горна удалось расчистить остатки жаропроводящих каналов, которые, надо полагать, начинались в средней части топки и под углом проходили в обжигательную камеру. В верхней части они открывались в камере обжига круглыми в плане продухами,

[20] Между горном № 4 и горном № 7 были расчищены остатки еще одного горна, который практически не сохранился, и его конструкция не выявлена, по этой причине он не получил порядкового номера.

[21] За репер была принята поверхность современного такыра к юго-востоку от горна.

диаметр которых был 8–12 см. Жаропроводящие каналы располагались параллельно друг другу и под прямым углом относительно центральной оси топочной камеры (рис. 3/32: А). Таким образом, конструкция горна, остатки которого открыты на раскопе № 6, практически идентична конструкции горна № 4, раскопанного на поселении Бабиш-мола 7 ранее.

Под обжигательной камеры горна, в виде сильно обожженной до красно-оранжевого цвета глиняной обмазки, частично зафиксирован на уровне + 87 – +81 от реперной точки, что на 1,35 м выше дна топочной камеры. О заполнении загрузочной (обжигательной) камеры мы ничего сказать не можем, так большая ее часть была уничтожена поздней ямой. Перекрытие топочной камеры, как следует из анализа стратиграфической ситуации, разрушено еще в древности и о характере его можно только догадываться. Под слоем надува и натеками, которыми заполнена поздняя яма, залегает слой плотного завала прокаленной до красно-оранжевого цвета глиняной обмазки и обожженных сырцовых кирпичей. Толщина этого слоя колеблется от 20 до 48 см. Верхняя часть заполнения обжигательной камеры также представляет собой завал из кусков сильно прокаленной глиняной обмазки и керамического шлака. Максимальная мощность этого слоя 55–60 см. Непосредственно на дне топочной камеры залегает плотный слой обожженной до красного цвета глины, фрагментов глиняной обмазки и крупных кусков керамического шлака (оплавленный до серо-зеленого цвета лесс) (рис. 3/34).

В процессе раскопок 2019 года был вскрыт значительный по площади участок, непосредственно примыкающий к горну. Характер культурных наслоений к востоку, югу и к северу от горна, в общем, одинаков. Это почти всегда горизонтально залегающие слои производственного мусора – рыхлая пылевидная супесь с высоким содержанием золы и мелких древесных угольков, которые перемежаются зольными прослойками. Кроме того, в верхних культурных слоях фиксируются ямы и линзы с высоким содержанием обожженной глиняной крошки и фрагментов обожженной до красно-оранжевого цвета глиняной обмазки (рис. 3/35; 3/36: А).

На расстоянии 1,75 м к северу от горна открыта часть неглубокого котлована, вырубленного в материковом грунте. Ширина его в южной части по линии восток – запад не менее 7 м. Длину котлована по линии юг – север определить пока не представляется возможным.

На основании стратиграфических данных однозначно можно говорить о том, что котлован начал постепенно заполняться производственным мусором уже на заключительном этапе работы горна. Причем есть основания полагать, когда котлован был уже заполнен, на этом же месте была выкопана яма, которая опять же постепенно заполнилась производственным мусором. Слои в котловане мало отличаются по характеру от слоев на участках, примыкающих к горну с запада и юга, это горизонтально или наклонно залегающие слои рыхлой пылевидной супеси темного серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и мелких древесных угольков и сравнительно большим количеством фрагментов керамики. Можно отметить только несколько большее количество фрагментов керамического шлака в верхних и нижних слоях заполнения котлована (рис. 3/37: А).

В южной части раскопа открыта часть, надо полагать, крупного монументального здания, по все видимости, прямоугольного в плане и ориентированного почти строго по линии юг – север. Стены здания шириной 1,3–1,6 м сложены из плотной пахсы серо-коричневого цвета и сохранились на высоту не более 1 м от основания (рис. 3/32: А; 3/37: Б). Ширина здания или, возможно, одного из помещений здания по линии восток – запад – 5 м. В юго-западном секторе раскопа была открыта еще одна пахсовая стена шириной 50 см. Эта стена параллельна внешним стенам здания и, надо полагать, делит юго-западную часть здания на две, почти равные по ширине, части (рис. 3/37: Б).

Нижний уровень пола, который, возможно, соответствуют первому периоду жизни здания, зафиксирован на отметках –7 – –4 от реперной точки. Следует отметить, что этот уровень в виде тонкой глиняной обмазки серо-желтого цвета толщиной не более 2–3 см, положенной на материковый грунт, отмечается только в отдельных участках помещения, в основном в северной его части. На этом же уровне, практически в центре здания, во всяком случае, в северо-восточной его части расчищено небольшое овальное в плане углубление, длина по линии запад – восток – 1,10 м. Дно отмечено на глубине – 20 от реперной точки (рис. 3/34). Оно было заполнено рыхлой комковатой супесью светло-коричневого цвета с небольшим количеством керамики. Здесь же был обнаружен археологически целый крупный кувшиновидный сосуд без ручки.

Непосредственно на этом уровне залегает слой рыхлой пылевидной супеси темного серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и мелких древесных угольков в слое. Толщина этого слоя колеблется от 10 до 20 см. Выше на отметках +34 – +40 от реперной точки, частично фиксируется второй, более поздний, уровень пола, соответствующий второму периоду функционирования помещения. Это также глиняные обмазки толщиной не более 3–4 см, положенные непосредственно на культурный слой. Непосредственно на этом уровне отмечены небольшие по мощности зольники, поверх которых горизонтально или наклонно залегают слои рыхлой комковатой или пылевидной супеси с высоким содержанием золы и мелких древесных угольков (рис. 3/34; рис. 3/37: Б). Эти слои, в свою очередь, перекрываются слоями производственного мусора – прокаленная до красно-оранжевого цвета глиняная крошка с фрагментами прокаленной глиняной обмазки и большим количеством керамического шлака. В верхней части заполнения, в центральной части здания, можно отметить мощный зольник, максимальная толщина которого была не менее 40 см (рис. 3/37: Б). В этих слоях найдено большое количество фрагментов керамики, в том числе бракованной, что еще раз говорит о том, что верхние слои заполнения здания являются производственным мусором, то есть они образовались в процессе очистки горна и топочной камеры перед очередным обжигом партии посуды. Несколько особняком стоит находка целой керамической фляги, обнаруженной in situ в верхних слоях заполнения здания (рис. 3/36: Б). Этот сосуд, безусловно, является импортным. Это хорезмийская полусферическая вьючная керамическая фляга. По выпуклой, сферической

стороне сосуд был украшен рельефным орнаментом в виде спирали и росписью в виде креста. Подобные сосуды являются одной из наиболее распространенных форм хозяйственной тарной посуды в древнехорезмийском керамическом комплексе – IV–II вв. до н. э.

Стратиграфическая ситуация, которая зафиксирована в северо-восточной части здания, однозначно свидетельствует о том, что в период функционирования горна, во всяком случае, на заключительном этапе его работы, здание, или часть здания, было уже заброшено. Об этом красноречиво свидетельствует характер заполнения в открытой его части. Кроме того, в процессе раскопок отмечены следы неоднократного ремонта стен здания, очень не аккуратного и сделанного на скорую руку. Обращает на себя внимание северо-восточный угол здания, который в отличие от всех остальных, открытых в пределах раскопа стен, выложен из бесформенных кусков плотной глины – гуваляков. Возможно, здесь был проход в здание, который на каком-то этапе был заложен кусками глины. Но нельзя исключать и того, что стена здесь была просто разрушена и затем небрежно восстановлена. Во всяком случае, в настоящее время нет никаких оснований полагать, что в период функционирования горна здание было жилым. Скорее всего, оно было уже заброшено, и, также как вся территория вокруг горна, постепенно заполнялось производственным мусором.

На основании данных, которые получены в процессе раскопок поселения Бабиш-мола 7, можно с полным основанием говорить, что это был довольно крупный производственный центр, который удовлетворял потребности населения оазиса в глиняной посуде. Предварительный анализ состава керамических форм в комплексах дает некоторые основания говорить о специализации различных горнов. В комплексе керамики, полученной в процессе раскопок горна № 1, значительно преобладают крупные кувшиновидные сосуды без ручки, которые в Южном Приаралье использовались как транспортная тара (Калалы-Гыр 2…, 2004. С. 108–109). Косвенно о том, что в горне могли обжигаться крупные формы, свидетельствуют и размеры ОК. Среди керамики, найденной в ходе раскопок горнов №№ 2,3, также представлены фрагменты тарной посуды, но здесь найдено сравнительно большое количество столовой керамики, в основном открытых форм. Здесь следует отметить, что в мастерской № 1 горны различаются по площади – горн № 2 меньше. В этом случае вполне логично предположить, что в бóльшем по площади горне № 3 обжигались крупные сосуды, тогда как в соседнем горне – посуда поменьше.

В южном Приаралье, прежде всего в Хорезме, известно некоторое количество производственных гончарных центров. По объему производства они вполне сопоставимы с поселением Бабиш-мола 7. В Хорезме это были сезонные производства (Болелов, 2013а. С. 35–37), тогда как Бабиш-молу 7 все-таки следует считать постоянным поселением, где работа велась круглый год.

На территории Южного Приаралья известно специализированное ремесленное поселение, где одним из основных занятий жителей было производство керамической посуды. Это –

Нурумское поселение на территории Присаракамышской дельты Амударьи (Левобережный Хорезм), площадь которого значительно превышает размеры поселения Бабиш-мола 7. Кроме того, существенным различием является еще и то, что хозяйство Нурумского поселения, безусловно, было комплексным. Общая площадь Нурумского оазиса, ирригационная система которого базировалась на русловых протоках среднего Даудана, была не менее 500 га, при этом только под поля было занято около 200 га. Кроме того, в оазисе выделяются агропланировки площадью 15 га, уверенно отождествляемые с виноградниками. На территории поселения выявлены остатки не менее семи винодавилен (Вайнберг, Болелов, 1999, с. 54–56; Болелов, 2002а, с. 34–37). Помимо остатков гончарного производства, которые фиксируются практически около каждой усадьбы, на поселении зафиксированы следы и других ремесленных производств, так, например, во дворе усадьбы № 15 раскопанной полностью, расчищены остатки кузнечных горнов. Многочисленные медные шлаки и заготовки ювелирных изделий из медных сплавов на поверхности усадеб в восточной части поселения однозначно свидетельствуют о бронзолитейном производстве (Болелов, 2005а, с. 100–102). В отличие от поселения Бабиш-мола 7, обжигательные горны на Нурумском поселении располагались на некотором удалении от жилых построек. Ни в одном случае горн не зафиксирован в пределах усадьбы. В то же время рядом с горнами расчищены рабочие площадки, перекрытые легкими навесами, где, по всей видимости, и формовалась посуда в летний период времени (Вайнберг, Болелов, 1999, с. 46–61). Таким образом, можно предполагать, что жители Нурумского поселения занимались производством керамики не постоянно, но периодически, преимущественно летом в течение определенного периода, например, во время сбора урожая, когда требовалось большое количество тарной посуды для хранения вина и зерна. На поселении Бабиш-мола 7 остатков других ремесленных производств, кроме гончарного, пока не обнаружено. Также на территории поселения и в ближайшей округе не отмечено следов агроирригационных планировок. Исключением является водохранилище, выведенное из руслового протока, упоминавшееся выше. Эти факты дают основания предполагать, что основным и, возможно, единственным занятием жителей поселения было производство керамической посуды. В связи с этим положением, обращает на себя внимание высокий процент костей мелкого рогатого скота и минимальное количество костей крупного рогатого скота и лошади в комплексе костных останков поселения по сравнению с другими памятниками Казахстана второй половины I тыс. до н. э.[22] Большая часть костей является кухонными остатками. Не является ли это свидетельством того, что гончары в качестве платы за свою продукцию, помимо зерна или других сельскохозяйственных продуктов, получали еще и мясо? Вполне определенно можно говорить, что гончары на Бабиш-моле 7 могли работать круглый год. Во всяком случае, в мастерской № 1, как уже упоминалось выше, в двух помещениях ремесленники могли работать в любое время года, а во дворе рядом с ними посуду изготавливали и сушили в летние месяцы. На террито-

[22] Подробный анализ комплекса костей животных поселения Бабиш-мола 7 дается в приложении № 2.

рии Южного Приаралья это второй случай, когда здание мастерской располагалось в непосредственной близости от обжигательного горна. На поселении Хумбузтепа в Южном Хорезме, которое также являлось крупным производственным центром, открыт обжигательный горн и часть мастерской рядом с ним. Эти объекты по стратиграфическим данным относятся к периоду ХТ-Iб и датируются не позднее конца VI в. до н. э. Также как и в мастерской на Бабиш-моле 7 на Хумбузтепа найдены хумы с кусками пластичной производственной глины и фрагментами сформованных, но необожженных сосудов (Болелов, 2004, с. 50; его же: 2013б, с. 81). По всей видимости, на Хумбуз-тепе рядом с горном располагалась только мастерская. Жилые помещения раскопаны неподалеку от него, но и в них найдены фрагменты подкладных дисков и фрагменты сформованных, но не обожженных сосудов. Эти факты дают основание предполагать, что на Хумбуз-тепе, так же как и на Бабиш-мола 7, работа велась круглый год.

На территории Хорезма, по археологическим данным, выделяются три типа ремесленных гончарных производств, которые различаются по объему производимой продукции и по уровню организации. Это небольшие мастерские на территории поселения (общинное производство), производственные центры на территории оазисов (сезонное артельное производство), крупные производственные центры и многофункциональные ремесленно-торговые поселения, которые значительно превосходили все остальные по объему производства (Болелов, 2012, с. 483–487). Поселение Бабиш-мола 7 стоит в этом ряду несколько особняком. По объему производства оно вполне сопоставимо с производственными центрами Хорезма, которые снабжали керамикой население небольших оазисов в течение определенного периода (сезонное производство) (Болелов, 2006, с. 122). С другой стороны, наличие капитальных жилых построек и мастерских, которых не было в производственных центрах Хорезма (см., например: Воробьева, 1959, с. 200–205; Болелов, 1997, с. 69–70), дает основание полагать, что производство здесь было постоянным, то есть мастерские работали в течение всего года. В этом случае Бабиш-молу 7 следует считать ремесленным поселением на территории земледельческого оазиса.

На территории Хорезма крупные производственные ремесленные центры и многопрофильные ремесленные поселения известны только в пределах Присаракамышской дельты. Они расположены на границах оазиса, в зоне расселения скотоводческих племен, которые появляются на границах государства не ранее IV в. до н. э. Есть все основания рассматривать их как выдвинутые в скотоводческую зону торгово-ремесленные центры, снабжавшие кочевников продуктами сельского хозяйства и ремесленными изделиями, в первую очередь, высококачественной керамической посудой. Потребителями этой продукции были не только группы оседлых скотоводов, постоянно проживавших в районе нижнего течения Чермен-Яба (Южный Даудан), но и племена подвижных скотоводов сарматского круга, кочевавших по Устюрту, зимовки которых располагались в районах Присаракамышской дельты, примыкавших к Чинку Устюрта (Ягодин, 1990, с. 79–80; его же: 2008, с. 117–119). Есть основания

полагать, что эти ремесленные поселения и производственные центры, наряду с крепостями на границах Хорезма, возникают не позднее IV–III вв. до н. э., если не при прямом участии государства, то, во всяком случае, как следствие протекционистской политики правителей Хорезма в отношении номадов. Кочевники, возможно, могли обеспечивать охрану границ в силу каких-то договорных отношений, за что государство расплачивалось с ними продуктами сельского хозяйства (зерновые, кормовые культуры, вино) и ремесленными изделиями (Вайнберг, 1991а, с. 135–136; ее же: 1999, с. 109; Болелов, 2012, с. 486), а также занимать определенное место в палеоэкономической системе Хорезмийского государства. В связи с последним положением обращают на себя внимание сравнительно крупные, возможно, укрепленные усадьбы в северной части Нурумского поселения, находящиеся на некотором расстоянии от основного массива построек (Вайнберг, 1991б, с. 48–51). Принимая во внимание сказанное выше, вполне можно предполагать, что в этих крупных усадьбах, которые совершено точно были относительно разновременными, проживал глава или правитель поселения, контролировавший деятельность ремесленников и взаимоотношения с кочевниками. То есть нельзя исключать того, что хозяйственная деятельность жителей Нурумского поселения осуществлялась под присмотром, а, может быть, и под непосредственным контролем государства.

Несколько другая ситуация сложилась в последней трети I тыс. до н. э. в низовьях Сырдарьи. Поселение Бабиш-мола 7 расположено практически в центре земледельческого оазиса. Курганных могильников IV–II вв. до н. э., которые определенно можно было бы связать с кочевниками в области среднего течения Жанадарьи, пока не обнаружено. Все захоронения номадов, известные в настоящее время на этой территории, относятся к предшествующему – сакскому периоду и датируются не позднее V в. до н. э. Таким образом, нет никаких оснований считать, что гончарное производство в окрестностях Бабиш-молы было ориентировано на кочевников или группы скотоводов, проживавших в пределах земледельческого оазиса. С уверенностью можно говорить, что основными потребителями продукции производственного керамического центра были жители ирригационного района. В связи с этим обращает на себя внимание крупная усадьба в северной части поселения. Так же как центральные усадьбы на Нурумском поселении, она расположена на некотором удалении от основного массива мастерских. Надо полагать, по размерам и планировке она отличалась от остальных построек на поселении. Кроме того, в непосредственной близости от усадьбы нет следов производства. Учитывая все это, весьма заманчиво квалифицировать это здание как усадьбу управляющего или главы поселения, контролировавшего процесс производства. Кроме того, следует отметить, что производственный центр расположен в непосредственной близости от центра оазиса – городища Бабиш-мола и следов других гончарных производств в пределах оазиса до сих пор не зафиксировано. Все эти факты дают некоторые основания предположить, что производственный центр мог работать под контролем центральной власти, который осуществлялся управляющим, и возник, может быть, не без ее участия.

На поселении Бабиш-мола 7 открыто 7 обжигательных керамических горнов, и в настоящее время на территории древней дельты Сырдарьи это наиболее полно изученный в археологическом отношении памятник, непосредственно связанный с гончарным производством. Несколько подробней следует остановиться на конструкции обжигательных горнов, открытых на поселении. Все они относятся к группе двухъярусных обжиговых устройств с прямым вертикальным ходом горячих газов. Пять горнов были в плане прямоугольной, или близкой к прямоугольнику, формы. У двух горнов (№ 4, № 7) обжигательная камера была округлой в плане, но топка была овальной формы, больше напоминающей прямоугольник со скругленными углами. Во всех горнах зафиксировано параллельное расположение РТ. Это не первые специальные обжиговые устройства, открытые на памятниках чирикрабатской культуры. При раскопках городища Бабиш-мола в начале 60-х годов XX в. были обнаружены прямоугольные в плане двухъярусные обжигательные горны, которые были «врезаны» в стены здания предыдущего периода. Топочная камера шириной 0,6 м и длиной 2 м была обложена поставленными на ребро сырцовыми кирпичами. Перекрытие топки было образовано установленными наклонно сырцовыми кирпичами (Воробьева, 1961. С. 171; Вайнберг, Левина, 1993. С. 24). Отличие горнов, открытых на городище, от горнов, раскопанных на поселении Бабиш-мола 7, помимо небольших размеров и способа перекрытия топочной камеры состоит еще и в том, что их топка была полностью заглублена ниже уровня древней дневной поверхности. Остатки еще одной производственной конструкции, которая также, по всей видимости, являлась прямоугольным в плане обжиговым устройством, открыты в одной из усадеб на поселении Баланды (см. выше – Глава 2).

Прямоугольные в плане горны, которые можно было бы датировать последней третью I тыс. до н. э., не известны не только на территории Южного Приаралья, но и всей Средней Азии. Все обжигательные горны, раскопанные на территории Хорезма, являются двухъярусными с прямой вертикальной тягой, округлой в плане обжигательной камерой и относятся к одному типу. Только у двух горнов на городище Калалы-Гыр 1 была круглая обжигательная камера и прямоугольная топка, которая, по сути, является продолжением топочного канала (Воробьева, 1959, с. 209, рис. 52; Болелов, 2002б, с. 90–95). Единственная историко-культурная область на Среднем Востоке, где в эпоху античности использовалась прямоугольная двухъярусная конструкция, – это Бактрия. Здесь прямоугольные обжигательные горны со сводчатым перекрытием топочной камеры появляются не ранее рубежа н. э. (Пугаченкова, 1973, с. 205–215), а до этого времени (в эпоху РЖВ и в период ранней античности) на территории области, также как и во всей Средней Азии, были только округлые двухъярусные обжигательные горны (Болелов, 2001, с. 19–22; его же, 2010, с. 27). При этом следует заметить, что и у прямоугольных и у округлых в плане среднеазиатских горнов камера была полностью заглублена ниже уровня древней поверхности.

Среди горнов, открытых на поселении Бабиш-мола 7, выделяются горн № 4 и горн № 7 с округлой обжигательной камерой и прямоугольно-овальной в плане топкой. Такая конст-

рукция очень схожа с двумя, упоминавшимися уже горнами, раскопанными на городище Калалы-Гыр 1, которые были устроены в цоколе крепостной башни уже давно запустевшего (или недостроенного) городища. Топочная камера была перекрыта стрельчатым сводом в виде двух, наклонно поставленных и опирающихся друг на друга, сырцовых кирпичей. Следует заметить, что такой же тип перекрытия прослеживается и у горна № 4, открытого на Бабиш-моле 7 и, безусловно, зафиксирован на городище Бабиш-мола 1. Расположение РТ у горнов № 4 и № 7 полностью соответствует конструкции тепловодно-разделительного блока (ТРБ – по А. А. Бобринскому) у горнов на городище Калалы-Гыр 1 (Воробьева, 1959, с. 210). Таким образом, горны на Калалы-Гыр 1 являются практически полной аналогией горну № 4 на поселении Бабиш-мола 7. Разница состоит лишь в том, что топка горнов на Калалы-Гыр 1 вырублена в строительной конструкции (цоколь башни), а ТК горна на Бабиш-моле 7 лишь на треть заглублена в материковый грунт, и стены ее целиком сложены из пахсы. Значительный хронологический разрыв между этими двумя объектами, который составляет минимум 400 лет (горны Калалы-Гыр 1 по сопутствующему материалу датируются II–III вв. н. э.), не дает основание связывать их напрямую.

Остальные горны, раскопанные на Бабиш-моле 7, являются уникальными по двум причинам. Во-первых, у них, также как и на городище Бабиш-мола 1, обжигательные камеры были прямоугольными, или близкими к прямоугольным в плане. Во-вторых, топочная камера, в отличие от всех остальных среднеазиатских горнов III–II вв. до н. э., была построена из пахсы практически на уровне древней дневной поверхности, и лишь максимум на треть своей высоты была заглублена в материковый грунт. В мастерской № 1 топочные камеры горнов построены на культурных слоях предыдущего периода. Не вызывает сомнения тот факт, что прямоугольные двухъярусные обжигательные горны появляются в низовьях Сырдарьи уже как готовая, полностью сформировавшаяся конструкция, причем привнесенная извне. Во всяком случае, специальных устройств для высокотемпературного обжига керамики, которые можно было бы датировать ранее III в. до н. э., в низовьях Сырдарьи пока не обнаружено. Вся местная керамика сакского периода лепная и была обожжена в костре. На одной из усадеб на поселении Баланды обнаружено прямоугольное в плане теплотехническое устройство, в котором, предположительно, могла обжигаться глиняная посуда, однако конструкция его остается неясной из-за плохой сохранности (Курманкулов, Утубаев, 2013. С. 113–115).

Несколько подробнее следует остановиться на конструкции перекрытий бабишмолинских горнов. В горне № 4, как уже отмечалось выше, Т.К., по всей видимости, была перекрыта, наклонно поставленными и опирающимися друга на друга, прямоугольными сырцовыми кирпичами. Незначительная ширина топки в верхней части вполне позволяла использовать именно этот тип перекрытия. Аналогичное устройство ТРБ зафиксировано и на цитадели городища Бабиш-мола 1. В других горнах поселения топочные камеры были значительно шире (ширина ТК горна № 1 – 0,9–1,2 м), что, в общем, исключает возможность перекрытия пространства

топки обычными сырцовыми кирпичами указанным выше способом. На основании полученных в ходе раскопок данных, можно говорить о другом способе перекрытия. Наличие в верхних частях стен ТК гнезд от горизонтально уложенных деревянных жердей позволяет предполагать плоское перекрытие топки, когда деревянный каркас обмазывается толстым слоем глины с большим количеством самана. В процессе эксплуатации горна перекрытие топки обжигалось до твердого состояния. Следует заметить, что такой же строительный прием зафиксирован на Саратепе 2 – гончарном производственном центре в округе Афрасиаба, который датируется V–IV вв. до н. э. Здесь ТРБ сооружался из пахсы с обильными добавлениями выгорающей растительности. В одном случае выявлены следы деревянной арматуры (Иваницкий, 1992, с. 23). Таким образом, можно предположить, что у некоторых горнов на Саратепе 2 также было плоское перекрытие, основой которого был деревянный каркас из уложенных горизонтально жердей. Различие лишь в том, что на Саратепе горны округлые в плане, а на Бабиш-моле 7 они прямоугольные.

Единственной, но отнюдь не прямой и весьма отдаленной территориально аналогией горнам Бабиш-молы 7 являются специальные обжиговые устройства, раскопанные в Западном Прикаспии, на территории Кавказской Албании. Они представляли собой двухъярусное прямоугольное в плане сооружение из сырцовых кирпичей. Топочная камера перекрывалась сводом, опиравшимся на прямоугольные выступы на стенках топки. Здесь следует заметить, что стены топочной камеры, независимо от того, сооружалась ли она в специально вырытом котловане, или была немного заглублена в грунт, всегда строились из сырцовых кирпичей или пахсы. Самые ранние из этих горнов (Мингечаур) датируются III–II вв. до н. э. (Ионе, 1949, с. 42–52). Такая конструкция обжигательных горнов практически без изменений существовала и в более позднее время (Халилов, 1965, с. 157–159).

В последней трети I тыс. до н. э. активно функционировал водный путь по Узбою, который через Каспий связывал Хорезм и области Западного и Юго-Западного Прикаспия (Болелов, 2005, с. 229–232). В это же время функционировал торговый сухопутный путь из Хорезма в область древней дельты Сырдарьи. Об этом свидетельствуют находки импортных, не только хорезмийских вещей, но и предметов из Северного Причерноморья и Закавказья на памятниках чирикрабатской культуры (Болелов, 2015, с. 24–25). Учитывая это обстоятельство, в качестве предварительной рабочей гипотезы можно предположить, что по этим торговым путям импортировались не только предметы роскоши, но и новые прогрессивные технологии и идеи. Возможно, именно с этим связано появление не позднее начала III в. до н. э. далеко на Востоке, в низовьях Сырдарьи, совершенно новой производственной конструкции – двухъярусного прямоугольного обжигательного горна с прямым вертикальным движением горячих газов.

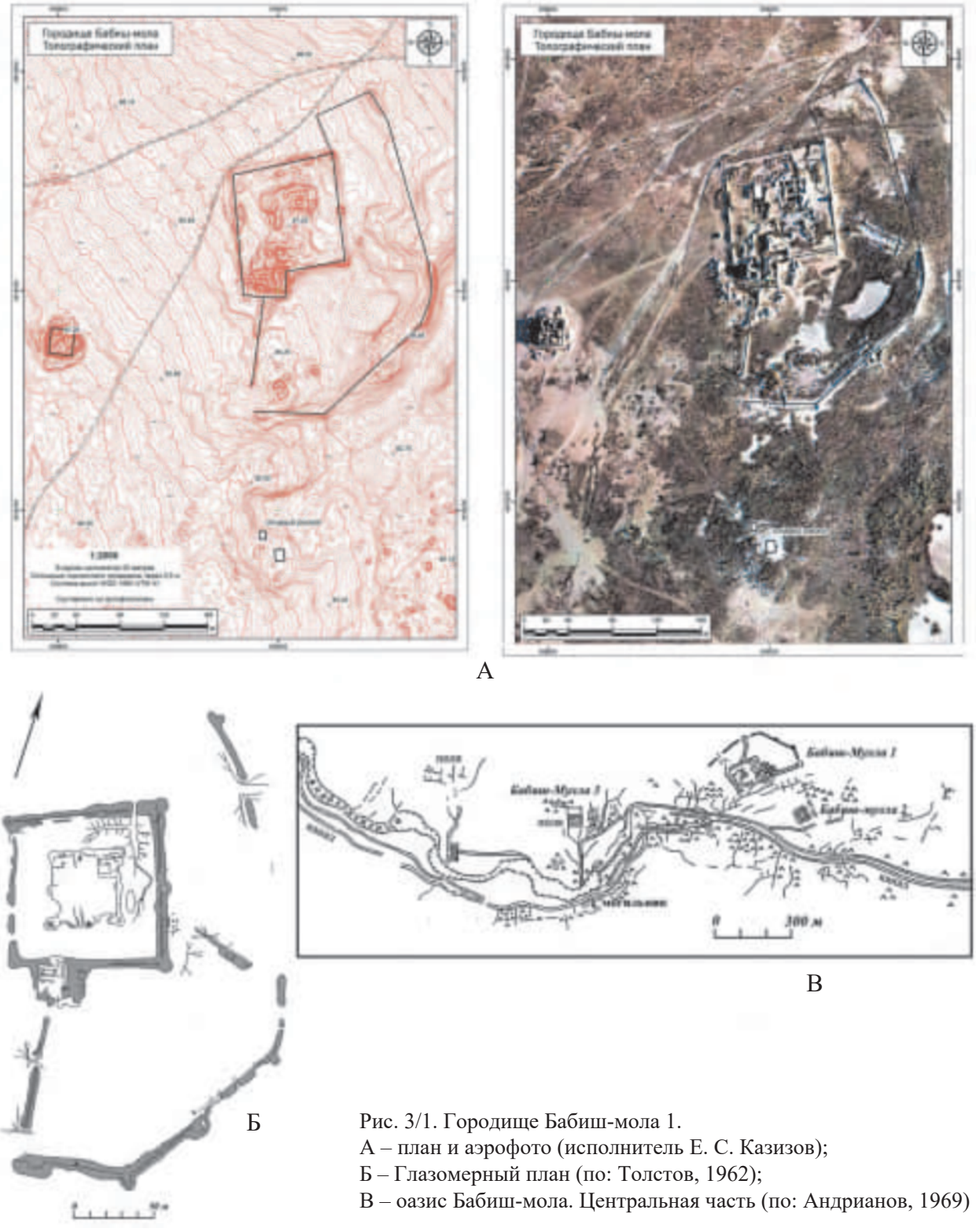

Рис. 3/1. Городище Бабиш-мола 1.
А – план и аэрофото (исполнитель Е. С. Казизов);
Б – Глазомерный план (по: Толстов, 1962);
В – оазис Бабиш-мола. Центральная часть (по: Андрианов, 1969)

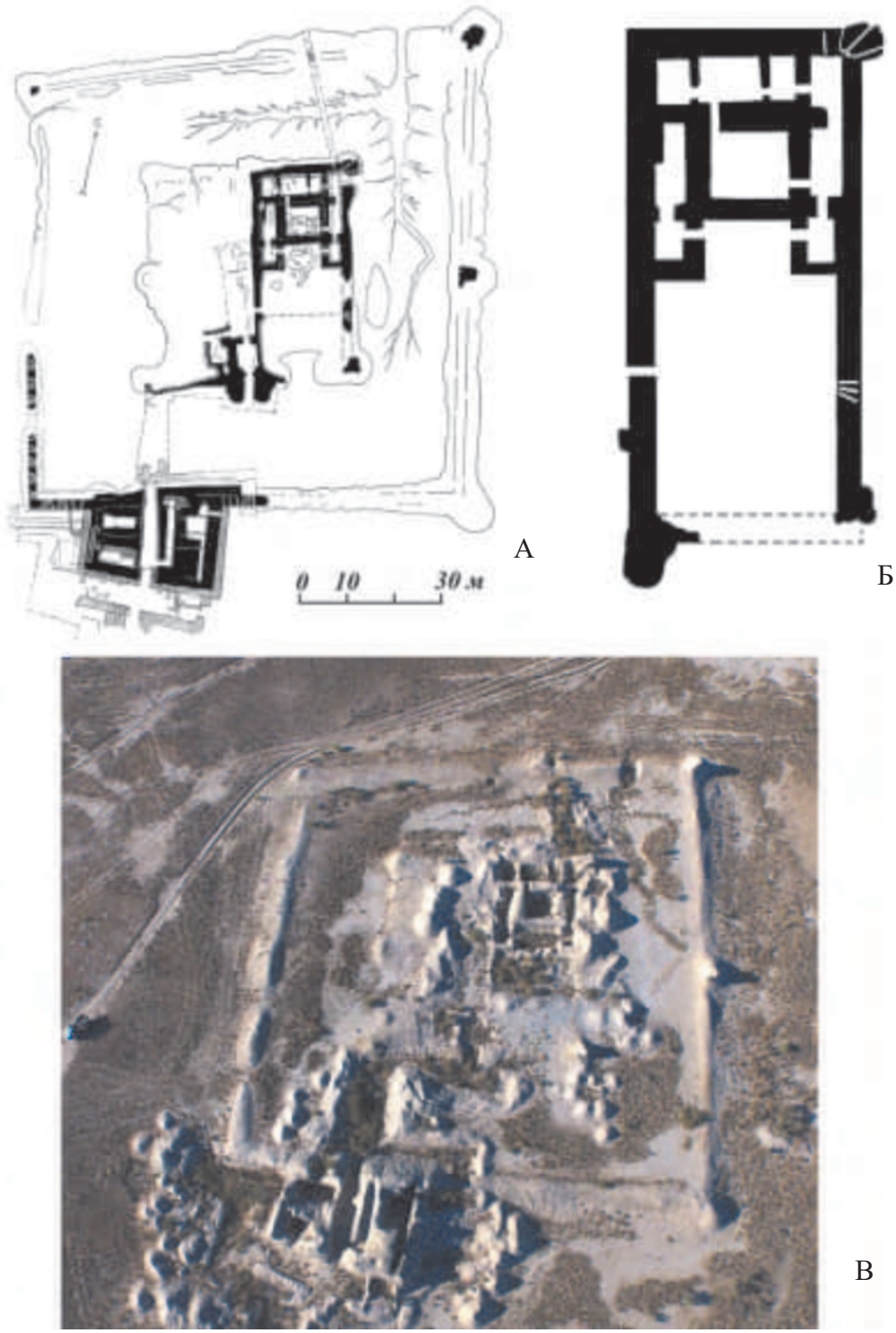

Рис. 3/2. Городище Бабиш-мола 1. А – цитадель. «Большой дом». План (по: Толстов, 1962);
Б – цитадель. Восточная часть «Большого дома». План с элементами графической реконструкции;
В – цитадель. Вид с птичего полета

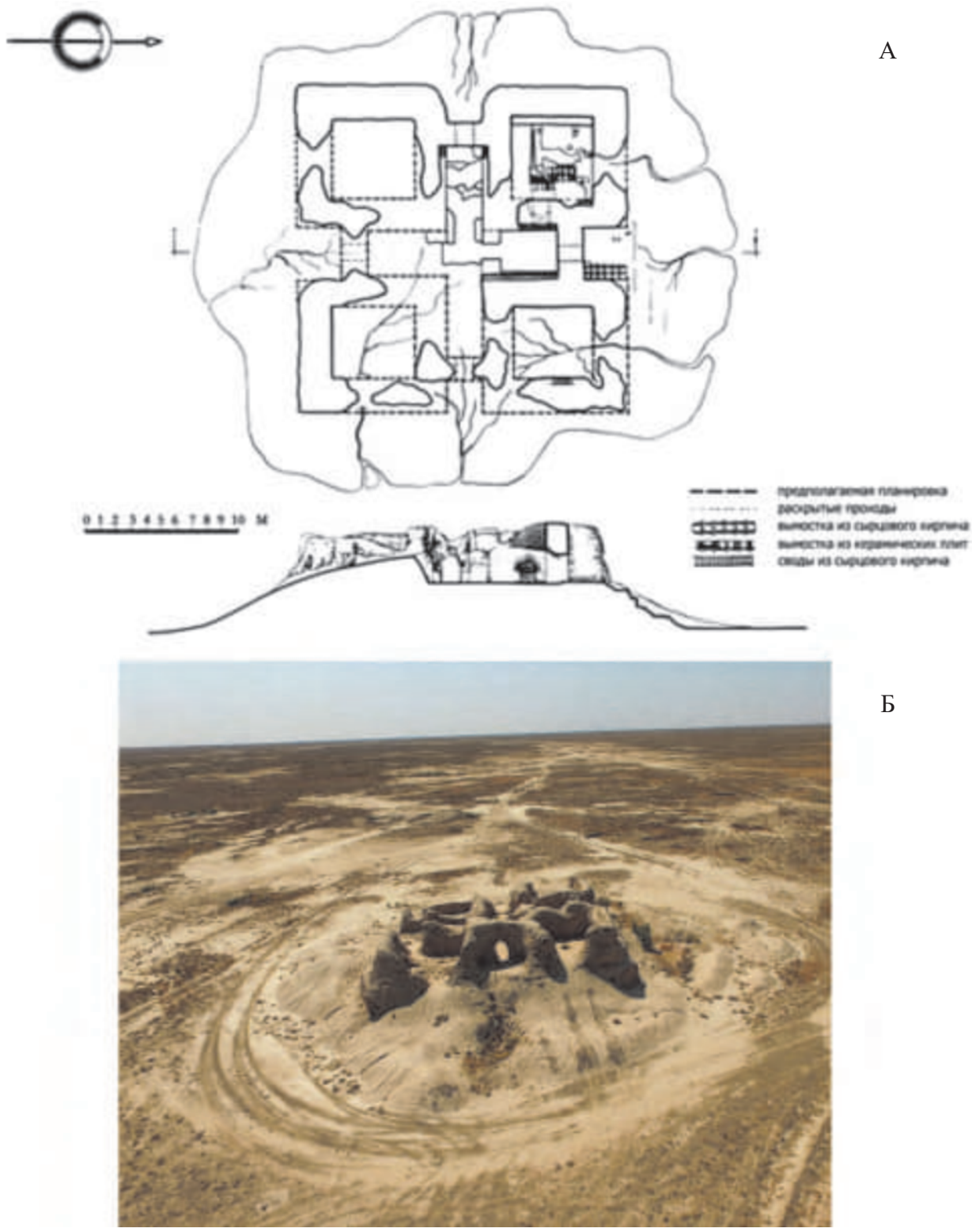

Рис. 3/3. Мавзолей Бабиш-мола 2. А – план и разрез (по: Толстов, 1962); Б – вид сверху

Рис. 3/4. Мавзолей Бабиш-мола 2. А – вид с востока; Б – обходной коридор (фото О. Белялова)

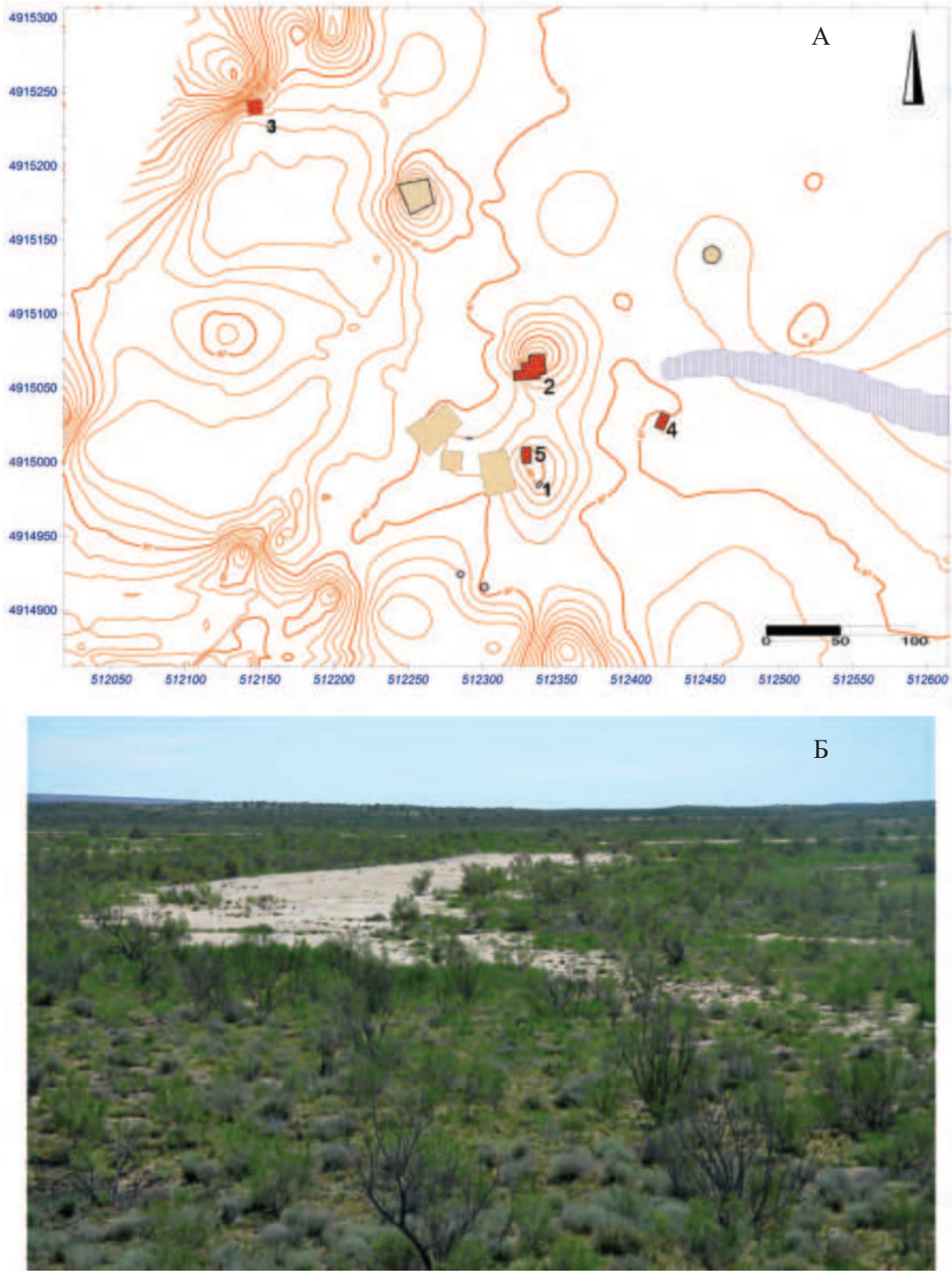

Рис. 3/5. Поселение Бабиш-мола 7. А – план поселения (исполнитель Д. А. Байтлеу);
Б – остатки ирригационной системы (канала-водохранилища)

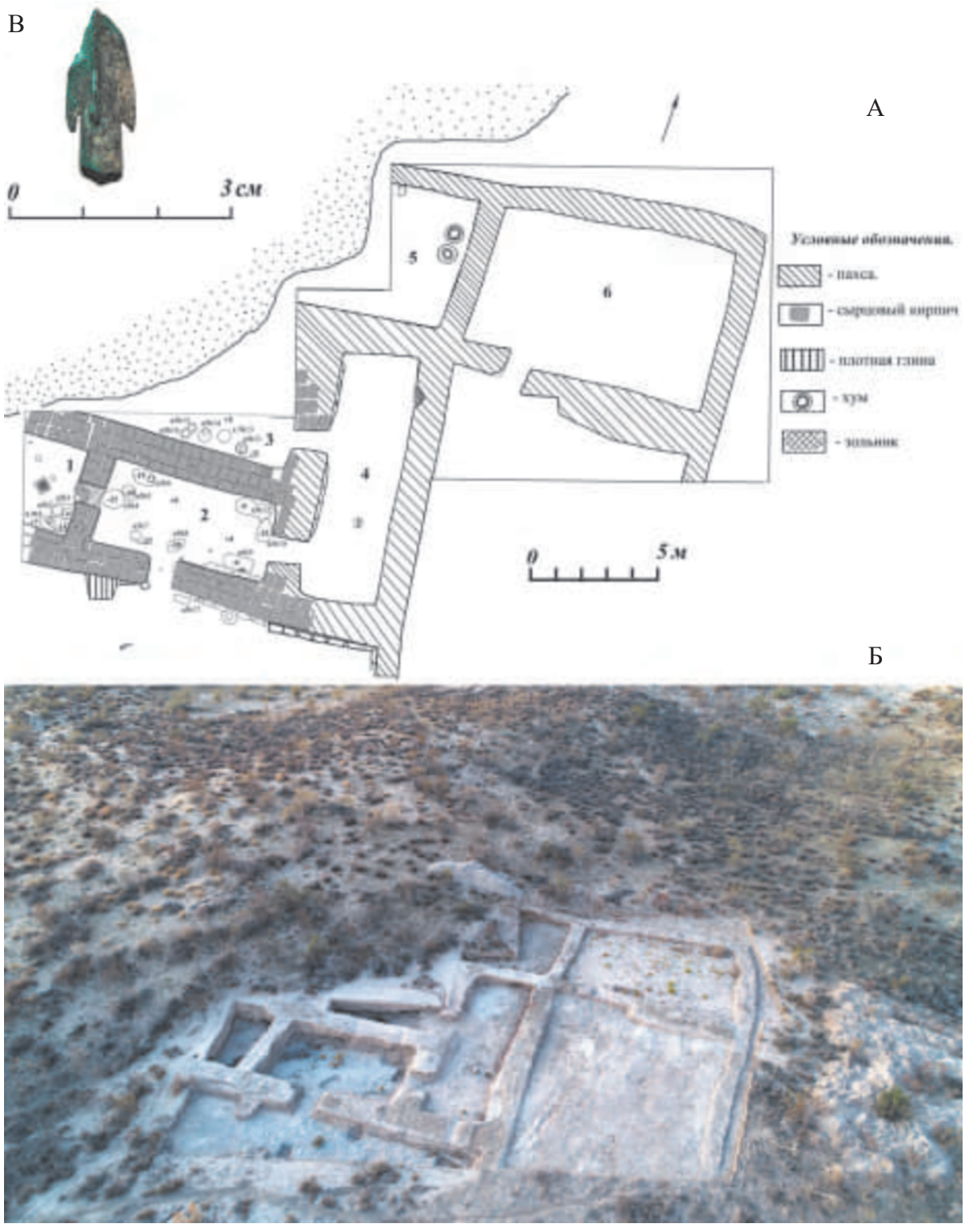

Рис. 3/6. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 3. Усадьба.
А – план раскопа; Б – вид сверху; В – бронзовый трехлопастной наконечник

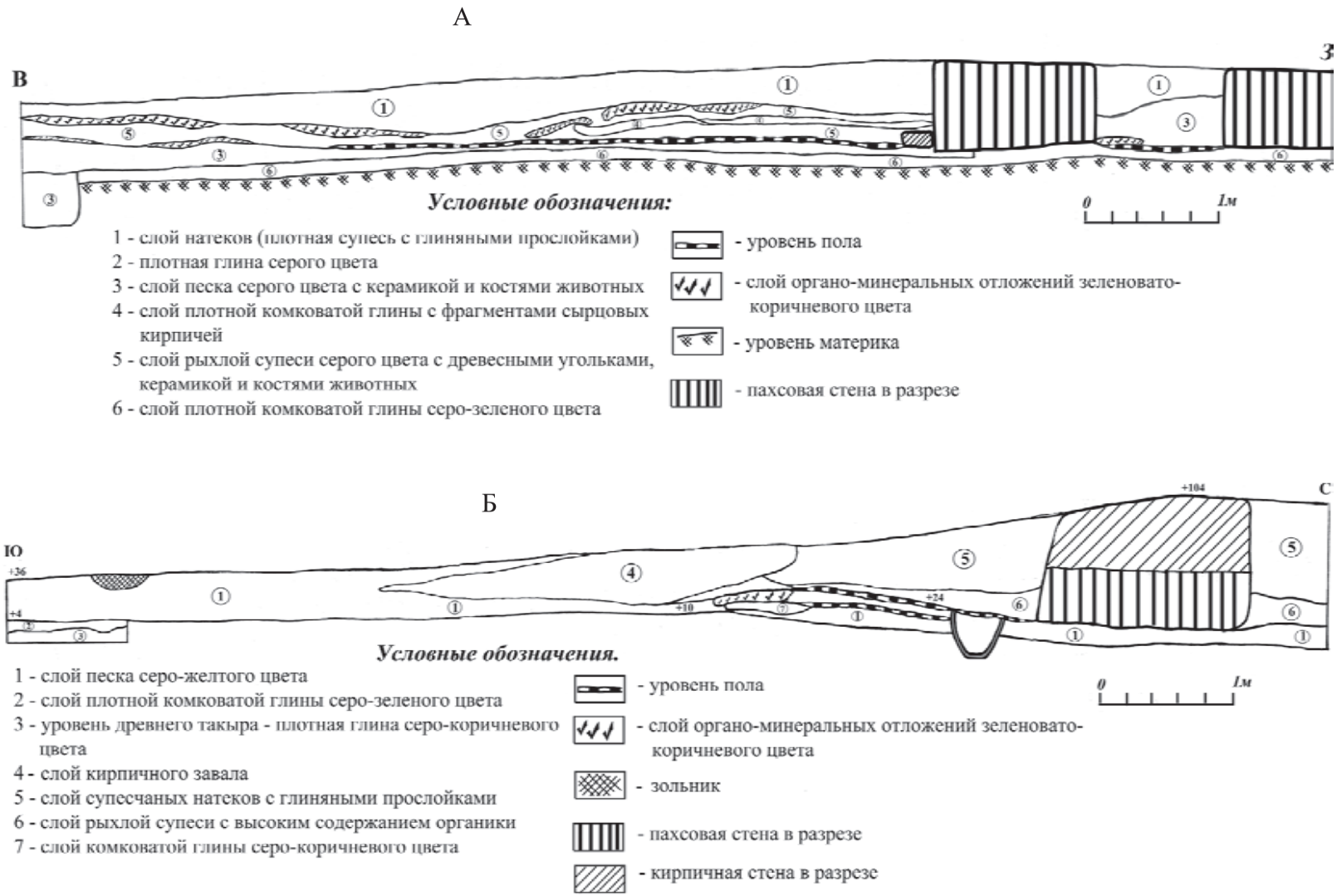
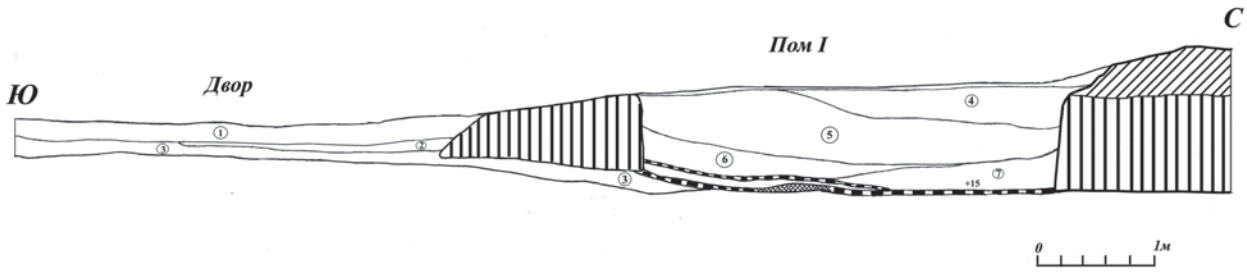

Рис. 3/7. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 3. Усадьба. А – центральный широтный стратиграфический разрез; Б – центральный меридиональный стратигафический разрез

Рис. 3/8. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 3. Усадьба. А – западная часть усадьбы. Вид с юго-востока; Б – помещение 2 и южный двор. Вид с востока

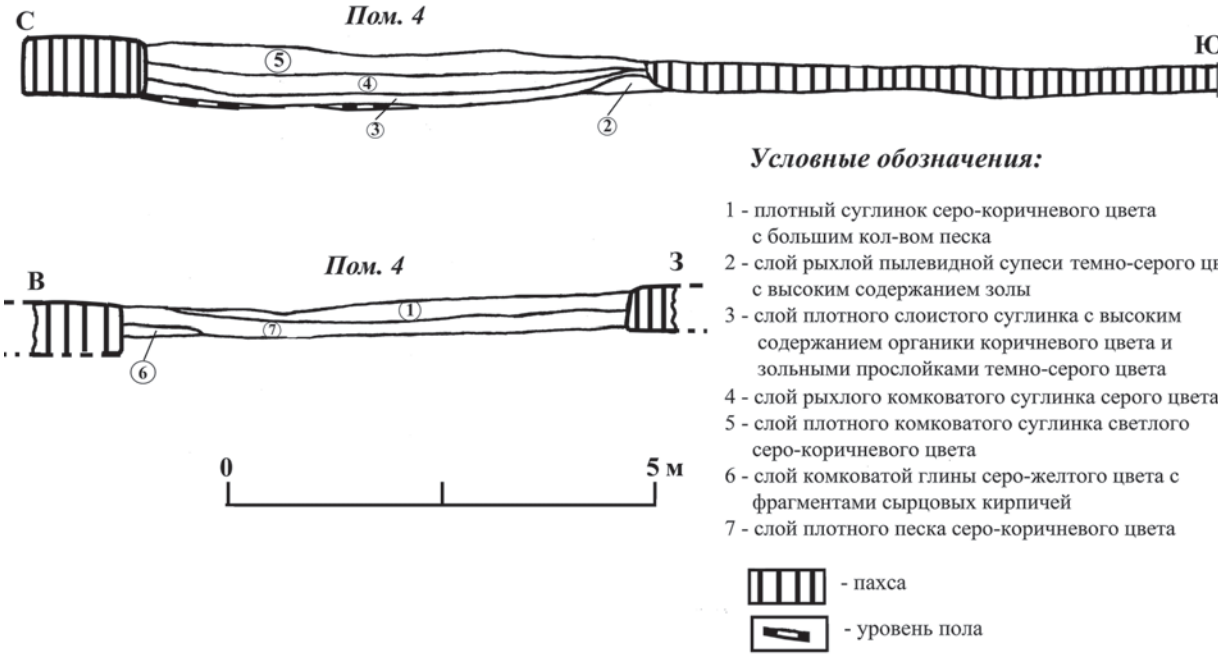

Условные обозначения:

1 - слой супеси коричневого цвета с угольками и керамикой
2 - слой плотной глины светло-серого цвета
3 - слой песка серо-коричневого цвета
4 - слой кирпичного завала
5 - слой супесчаных натеков с глиняными линзами и прослойками (натеки)
6 - слой рыхлого комковатого суглинка с керамикой и костями животных
7 - слой рыхлой супеси серо-коричневого цвета с керамикой и костями животных

- уровень пола
- зольник
- пахсовая стена в разрезе
- кирпичная стена в разрезе

Рис. 3/9. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 3. Усадьба. Разрез. Западный борт раскопа

Условные обозначения:

1 - плотный суглинок серо-коричневого цвета с большим кол-вом песка
2 - слой рыхлой пылевидной супеси темно-серого цвета с высоким содержанием золы
3 - слой плотного слоистого суглинка с высоким содержанием органики коричневого цвета и зольными прослойками темно-серого цвета
4 - слой рыхлого комковатого суглинка серого цвета
5 - слой плотного комковатого суглинка светлого серо-коричневого цвета
6 - слой комковатой глины серо-желтого цвета с фрагментами сырцовых кирпичей
7 - слой плотного песка серо-коричневого цвета

- пахса
- уровень пола

Рис. 3/10. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 3. Усадьба. Помещение 4. Стратиграфические разрезы

Рис. 3/11. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 3. Усадьба.
А – помещение 4, очаг-камин; Б – помещение 5, общий вид с северо-востока

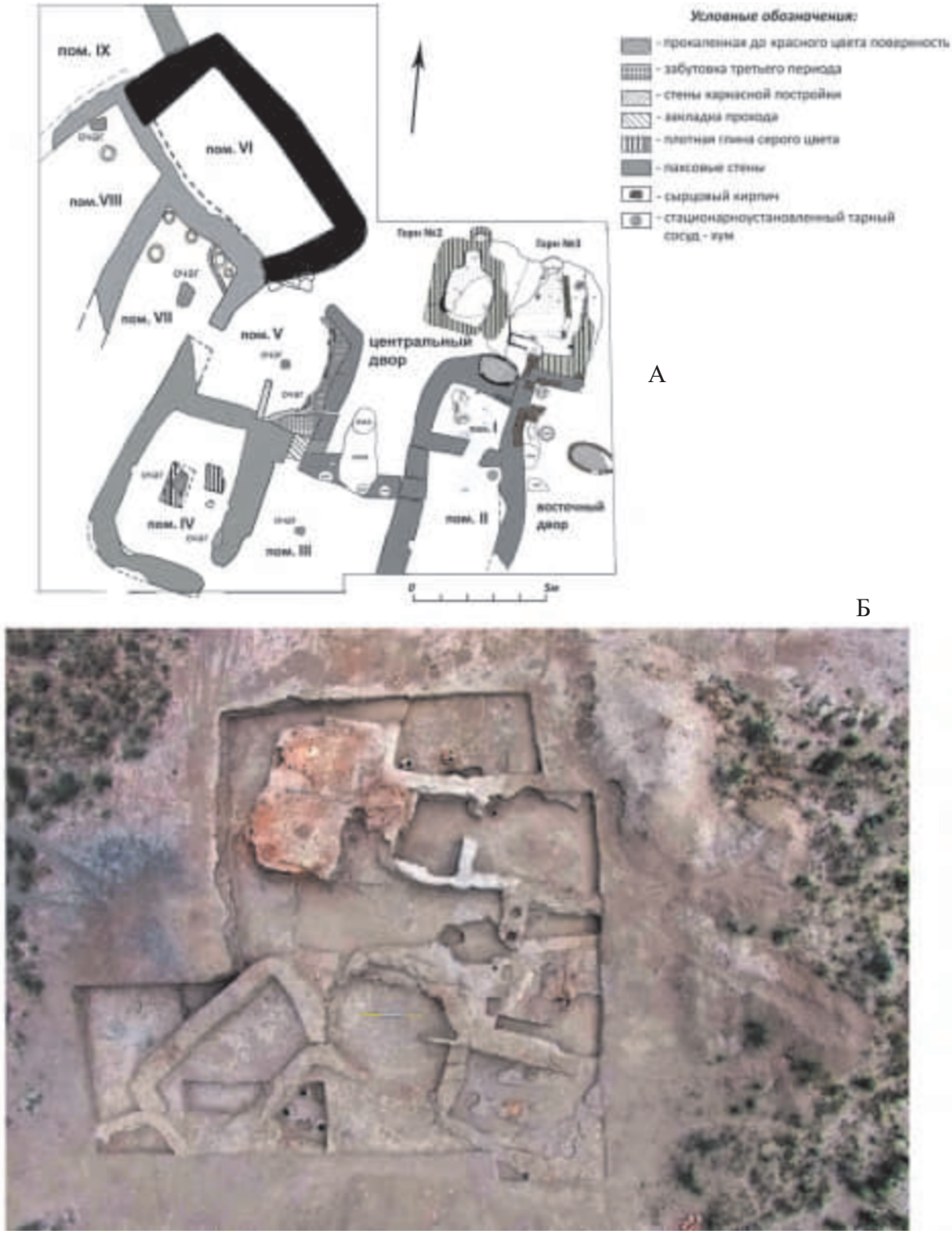

Рис. 3/12. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2. А – план раскопа; Б – общий вид раскопа. Вид сверху

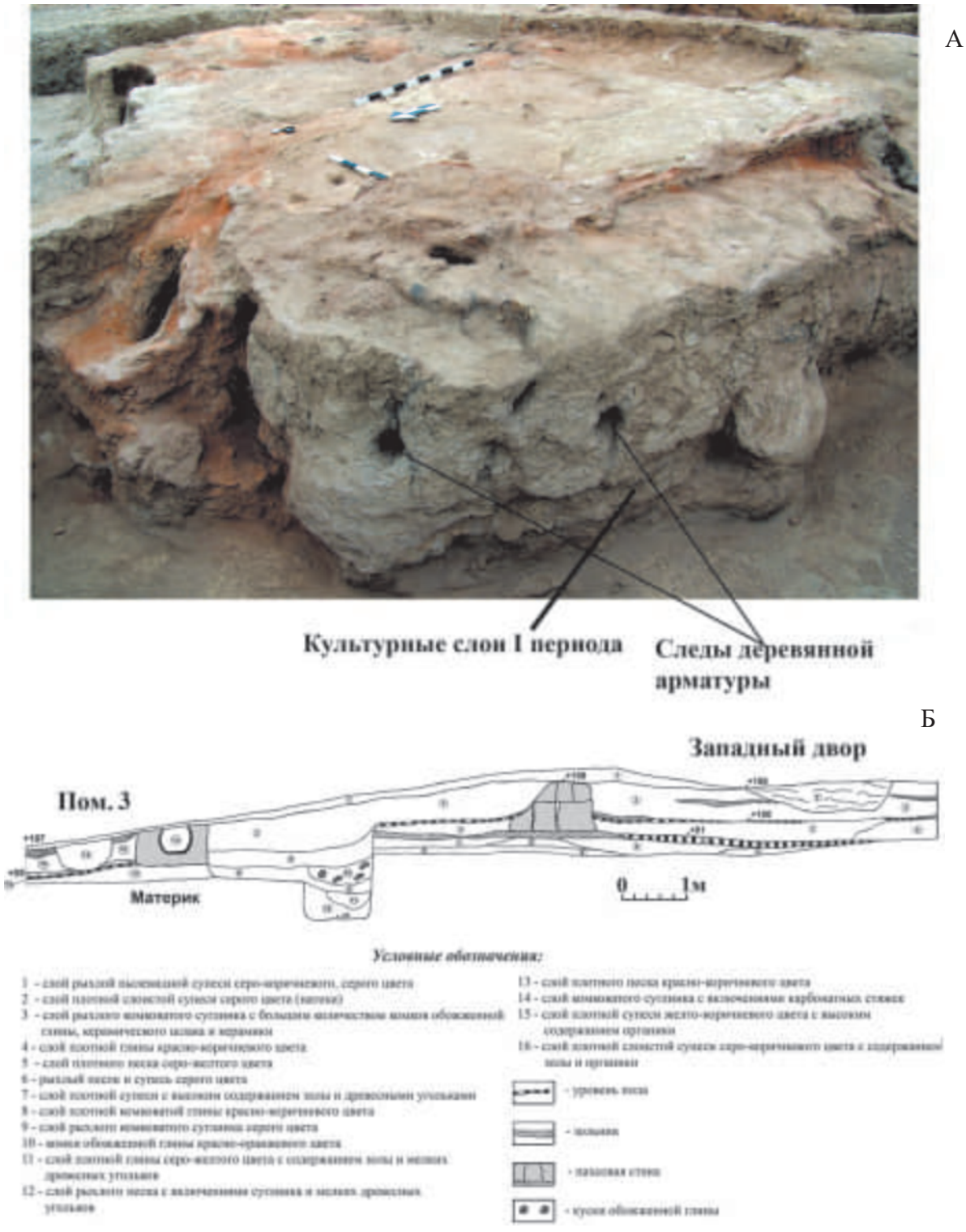
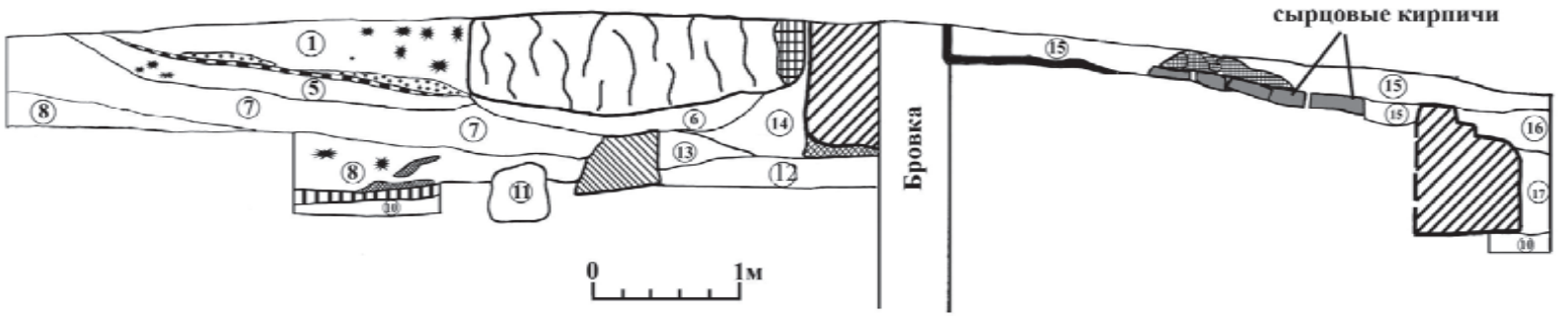

Рис. 3/13. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2.
А – горн № 2. Вид с северо-востока; Б – центральный меридиональный разрез

Условные обозначения:

1. слой рыхлого суглинка с кусками обожженной глины, угольками и керамикой
5. слой рыхлого комковатого суглинка серого цвета с древесными угольками и высоким содержанием золы
6. слой мелкой глиняной крошки обожженной до красного цвета с большим количеством фрагментов керамического шлака
7. слой суглинка серого цвета с фрагментами сырцового кирпича и глиняной крошки
8. слой пылевидной супеси серого цвета с кусками обожженой гины высоким одержанием золы и древесными угольками

- уровень пола (плотная глиная обмазка серо-коричневого цвета)
- керамический шлак
- слой плотной глины прокаленной до красно-оранжевого цвета
- слой прокаленной до белого цвета глиняной крошки
- фасад пахсовой стены ТК горна №2

10. слой песка серо-коричневого цвета (древний бархан)
11. слой рыхлой пылевидной супеси светло-серого цвета
12. слой плотной глины серо-желтого цвета
13. слой комковатого суглинка серо-коричневого цвета с включениями комковатой обожженной глины
14. слой плотной супеси серо-коричневого цвета с золой и мелкими древесными угольками
15. слой рыхлой пылевидной супеси серого цвета с высоким содержанием золы и древесных угольков
16. слой плотной супеси серо-коричневого цвета с древесными угольками и золой
17. слой комковатого суглинка серого цвета

- зольник
- плотный слоистый суглинок красно-коричневого цвета (древний такыр)
- пахсовая стена I периода
- стены II периода

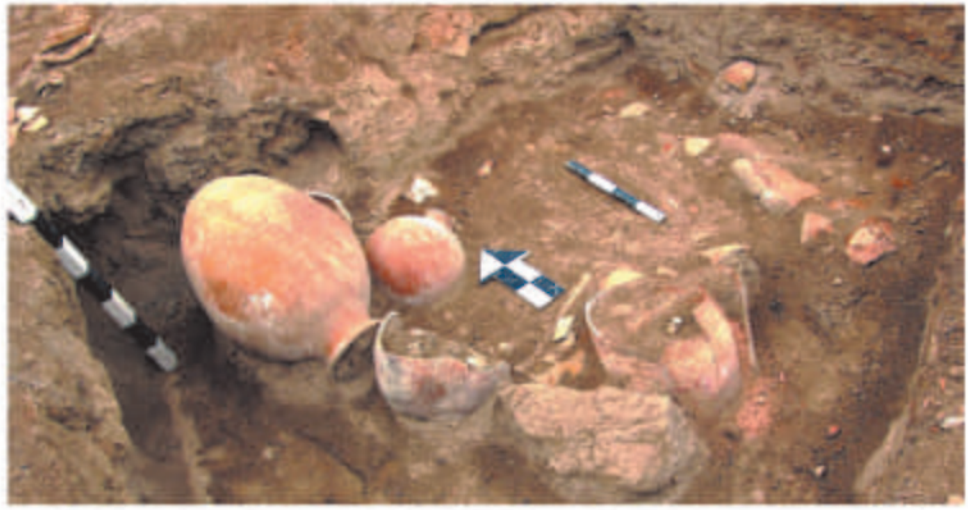
Рис. 3/14. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2. Восточная часть раскопа, центральный широтный разрез

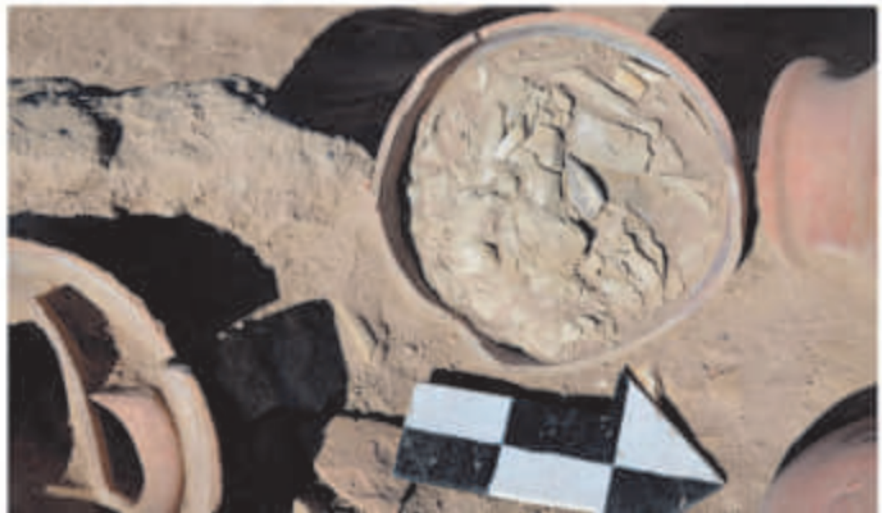
А

Условные обозначения:

1 - слой плотного суглинка красно-коричневого цвета
2 - слой плотной слоистой супеси с песком серого цвета (натеки)
3 - слой комковатой глины с керамикой и кусками обожженной до красного цвета глины
4 - слой плотной супеси серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и древесными угольками
6 - слой рыхлой супеси серого цвета
7 - слой комковатого суглинка серого цвета с кусками керамического шлака, обожженой глины и керамики
8 - слой кирпичного завала

Б

В

Рис. 3/15. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2. А – помещение 1, разрез по линии запад – восток. Вид с юга; Б – помещение 1, общий вид; В – помещение 1, сосуд с кусками промышленной глины и фрагментами сформированных, но необожженных сосудов

Рис. 3/16. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2. А – восточный двор, производственный очаг в восточной части раскопа; Б – восточный двор, общий вид с юго-запада

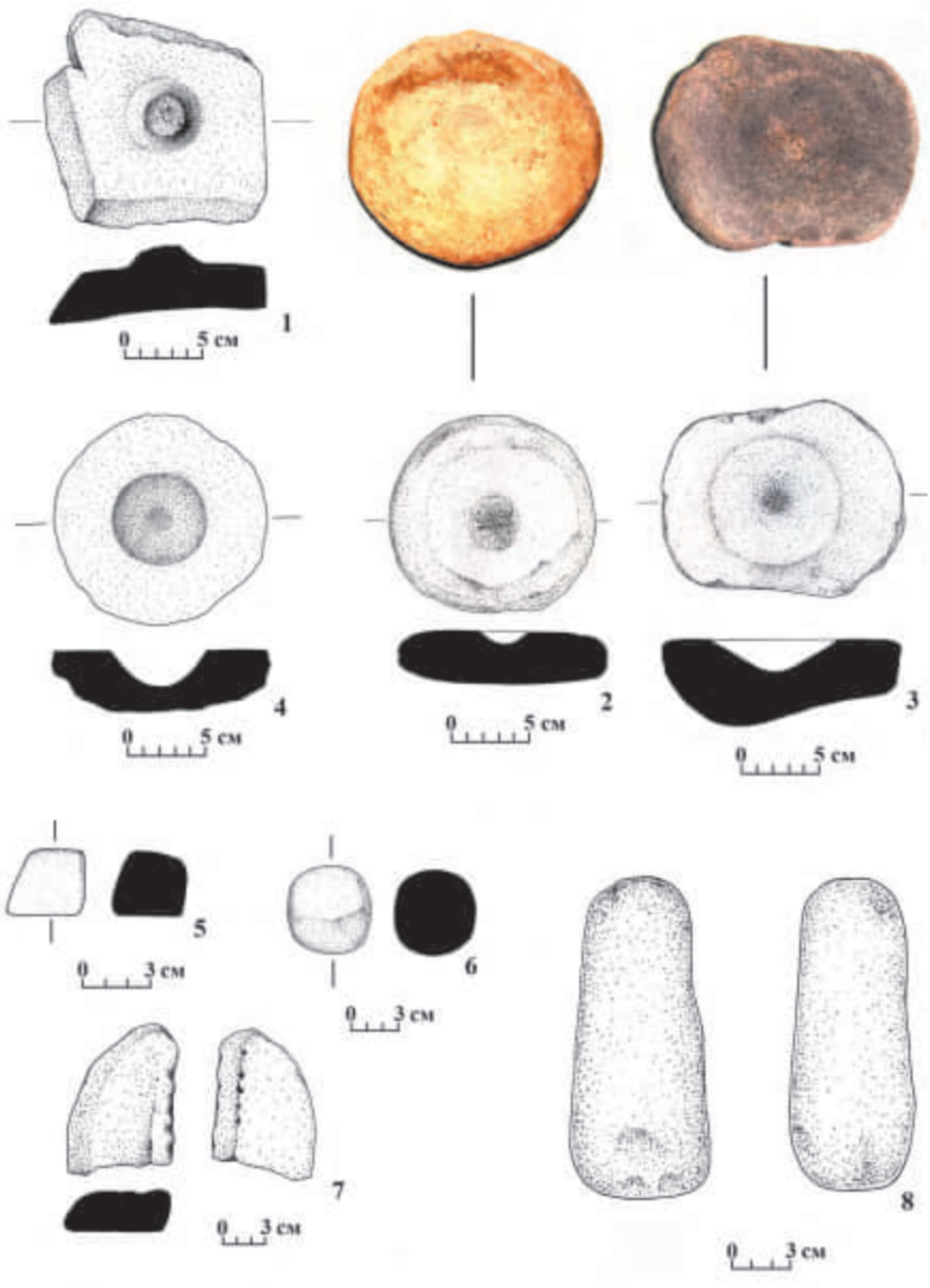

Рис. 3/17. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2. Каменный инструментарий гончарной мастерской

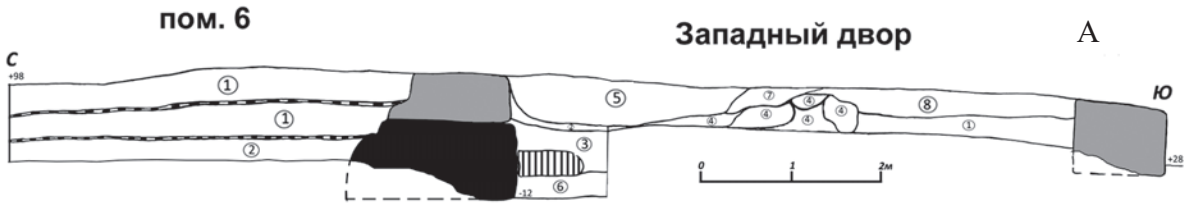
А

Б

Рис. 3/18. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2. А – помещение III. Вид с юга;
Б – северная стена помещения II. Поздние ямы, вид с востока

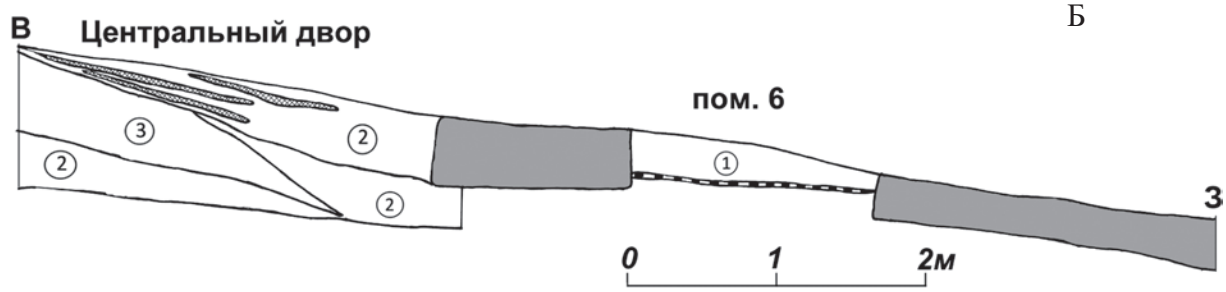
Рис. 3/19. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2.
А – помещение IV. Напольный очаг в центре помещения; Б – общий вид

Условные обозначения:

1- рыхлый комковатый суглинок с кусками обожженой глины и керамического шлака
2 - слой плотного слоистого суглинка с древесными угольками и линзами натеков
3 - слой комковатого суглинка серого цвета
4 - плотная глина серо-желтого цвета
5 - пылевидная супесь серого цвета
6 - слой комковатого суглинка серого цвета с высоким содержанием песка
7 - слой рыхлого комковатого суглинка серо-коричневого цвета
8 - слой рыхлого комковатого суглинка серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы, фрагментами керамики и костями животных

- пахсовые стены 1-го периода
- пахсовые стены 2-го периода
- плотная глина серого цвета
- уровень пола

Условные обозначения:

1 - плотная супесь серого цвета
2 - слой комковатой, сильно обожженной глины с кусками прокаленнойглиняной обмазки и керамического шлака
3 - рыхлая супесь с большим количеством кусков обожженной глины и древесных угольков

- пахсовая стена
- зольник
- уровень пола

Рис. 3/20. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2.
А – центральный меридиональный разрез; Б – западная часть раскопа, широтный разрез

Рис. 3/21. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2.
А – помещение V. Напольный очаг 2-го периода; Б – помещение V. Очаг-камин 3-го периода

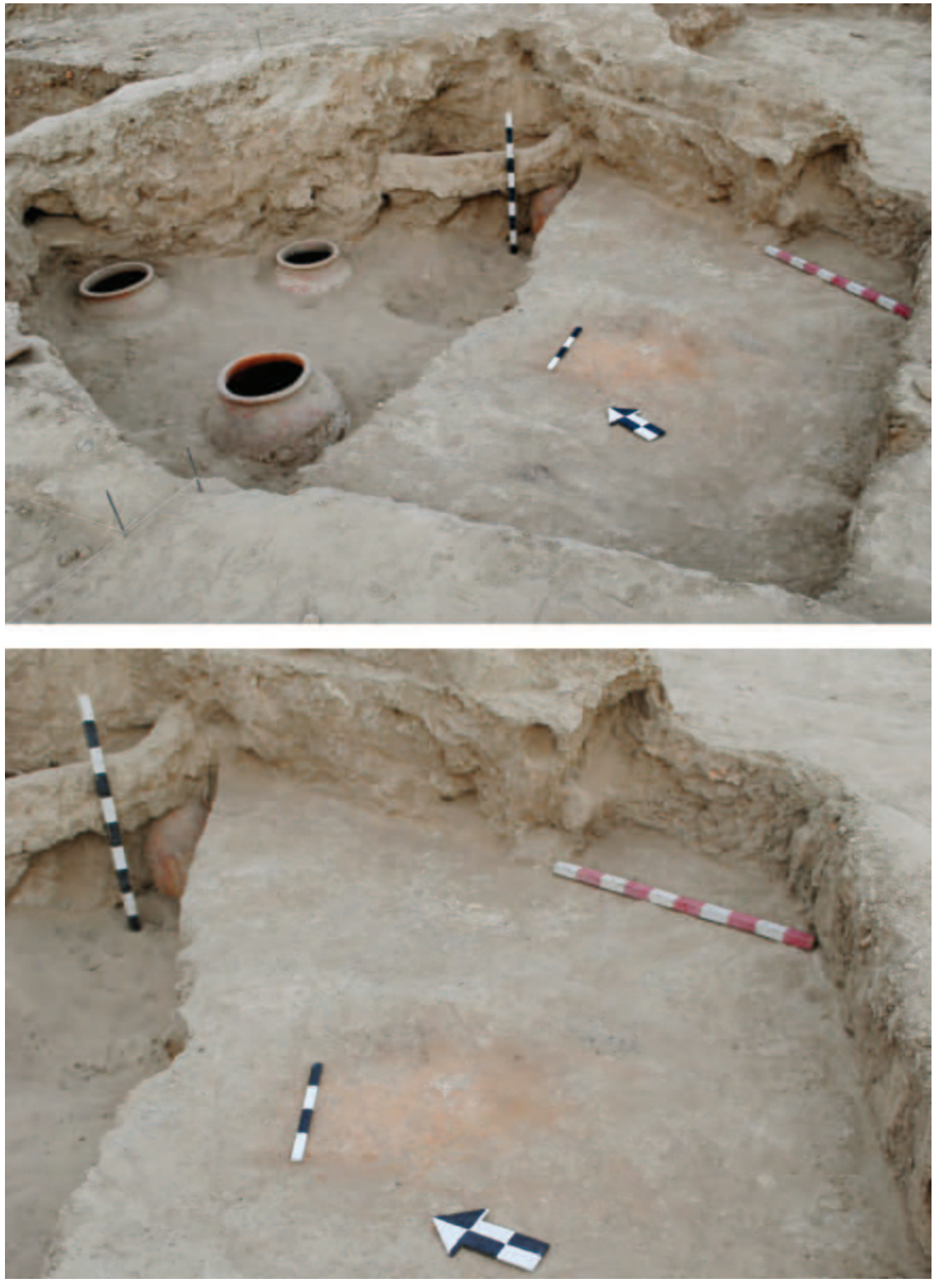

Рис. 3/22. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2. Помещение VIII

Рис. 3/23. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2. Помещение VIII. Хумы раннего периода

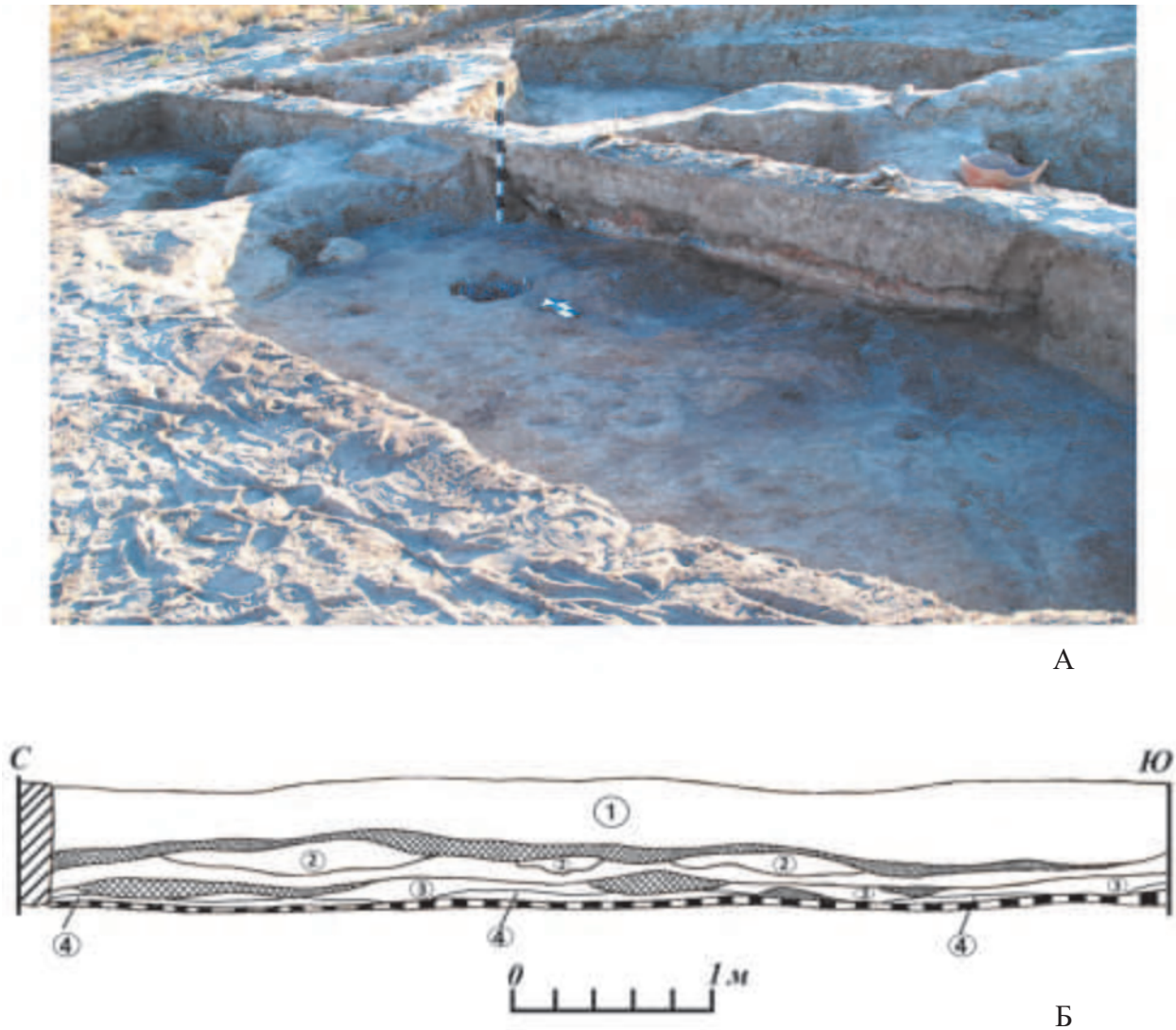
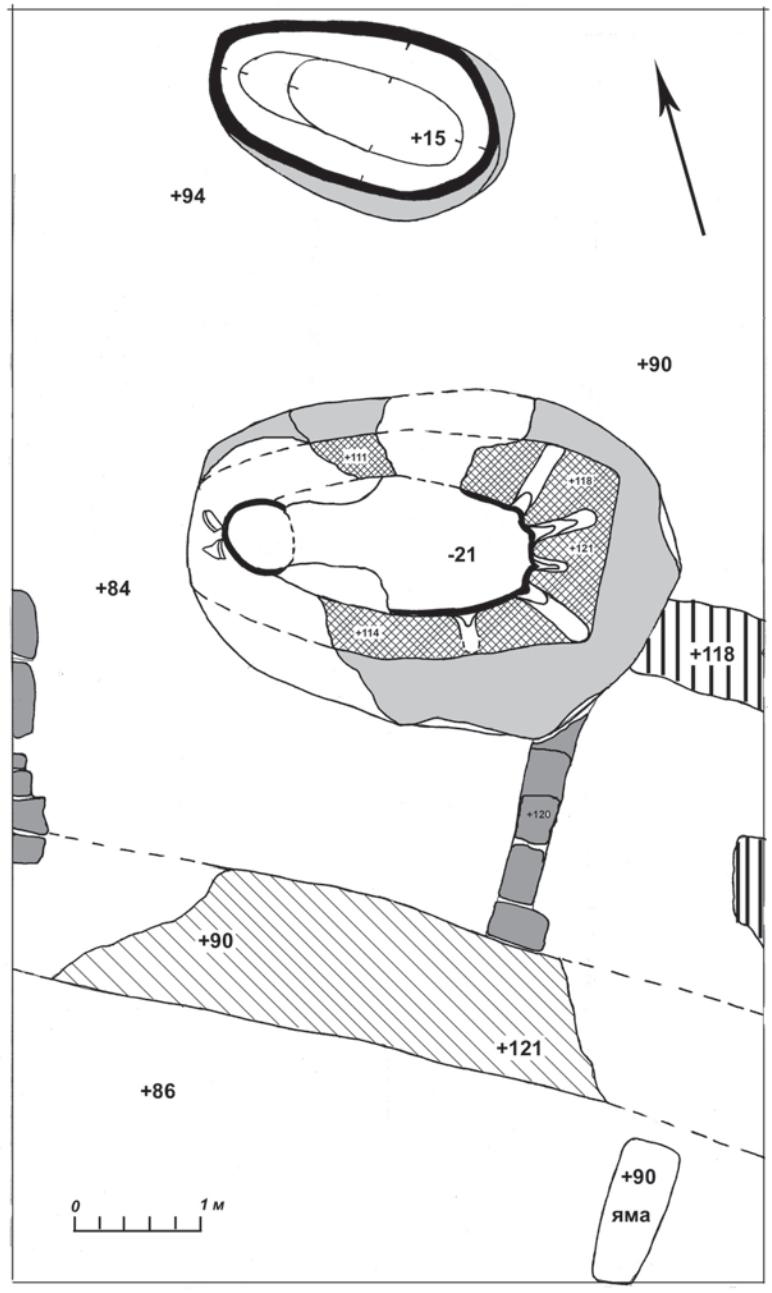

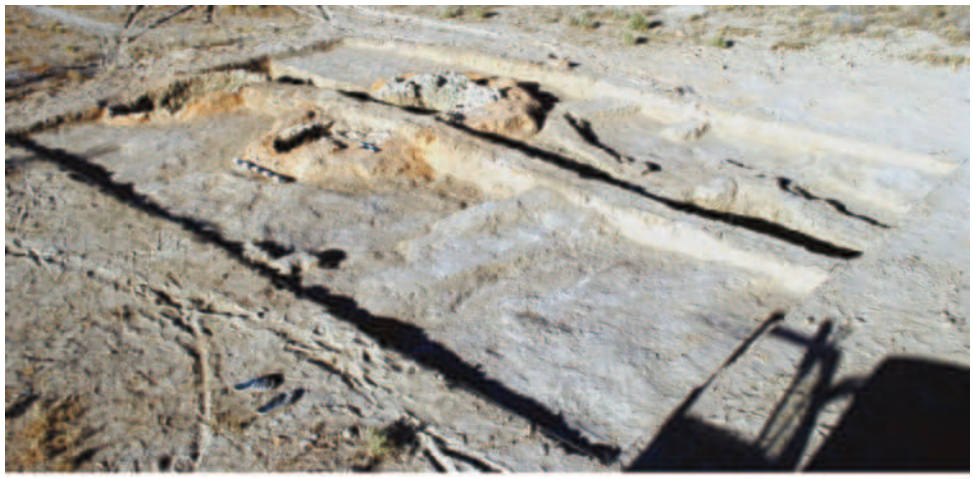
Рис. 3/24. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 2. А – Помещение VIII. Центральная меридиональная бровка. Вид с запада; Б – разрез по меридиональной бровке

Условные обозначения:

- пахсовая стена топочной камеры
- стена помещения
- плотная глина
- ошлакованная поверхность топочной камеры
- прокаленная до красного цвета поверхность
- сырцовый кирпич

Рис. 3/25. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 5. План

А

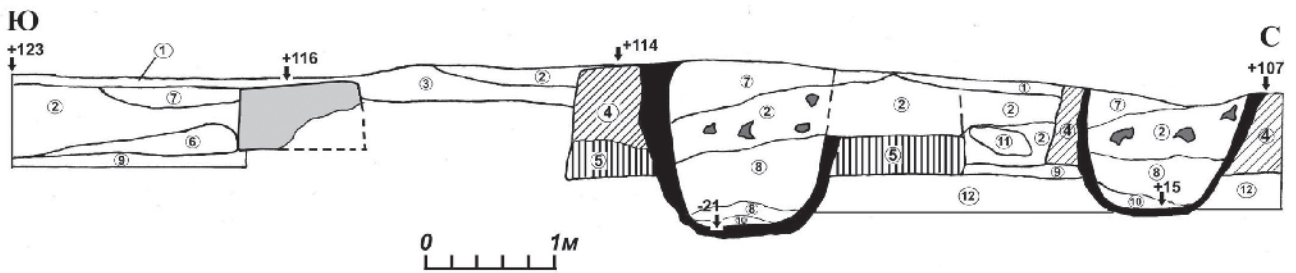

Б

В

Рис. 3/26. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 5. А – общий вид раскопа; Б – горны № 5 и № 6; В – горн № 6. Вход в топочную камеру

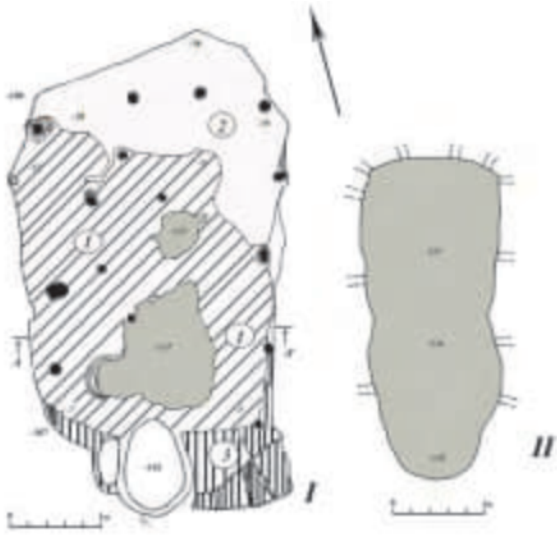
Условные обозначения:

1 - слой супеси серо-коричневого цвета
2 - слой рыхлой супеси серого цвета с большим кол-вом комков обожженной глины и керамического шлака
3 - слой рыхлого комковатого суглинка серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы
4 - плотная глина-пахса
5 - плотная глина серо-коричневого цвета
6 - слой плотной комковатой глины коричневого цвета с кусками сырцового кирпича
7 - рыхлая пылевидная супесь серого цвета
8 - слой комковатого суглинка красно-коричневого цвета с комками прокаленной до красного цвета глиной и фрагментами оплакованных кирпичей
9 - плотный слоистый суглинок коричневого цвета
10 - плотный слой спекшейся золы и пепла серого цвета
11 - слой прокаленного до красного цвета песка
12 - плотный песок коричневого и светло-коричневого цвета

- пахсовая стена в разрезе

Рис. 3/27. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 5. Разрез по линии юг – север

А

Условные обозначения:

I.1 - прокаленная до красно-оранжевого цвета плотная поверхность пода обжигательной камеры
I.2 - обожженная до красного цвета глина
I.3 - пазса

Условные обозначения:

III.1 - рыхлая пылевидная супесь серого цвета (слой надувного лесса)
III.2 - слой плотной супеси серого цвета
III.3 - прокаленные докрасна глинянные обмазки
III.4 - пахсовые стены
III.5 - рыхлый комковатый суглинок с большим кол-вом кусков керамического щлака
III. 6 - глинисто-супесчаные натеки
III. 7 - плотная супесь серо-коричневого цвета
III.8 - плотный комковатый суглинок
III.9 - слой золы и пепла с большим кол-вом древесных угольков

Б

Рис. 3/28. Поселение Бабиш-мола 7. Горн № 1. А – план и разрез топочной камеры; Б – вид с юга

Рис. 3/29. Поселение Бабиш-мола 7. Горн № 4

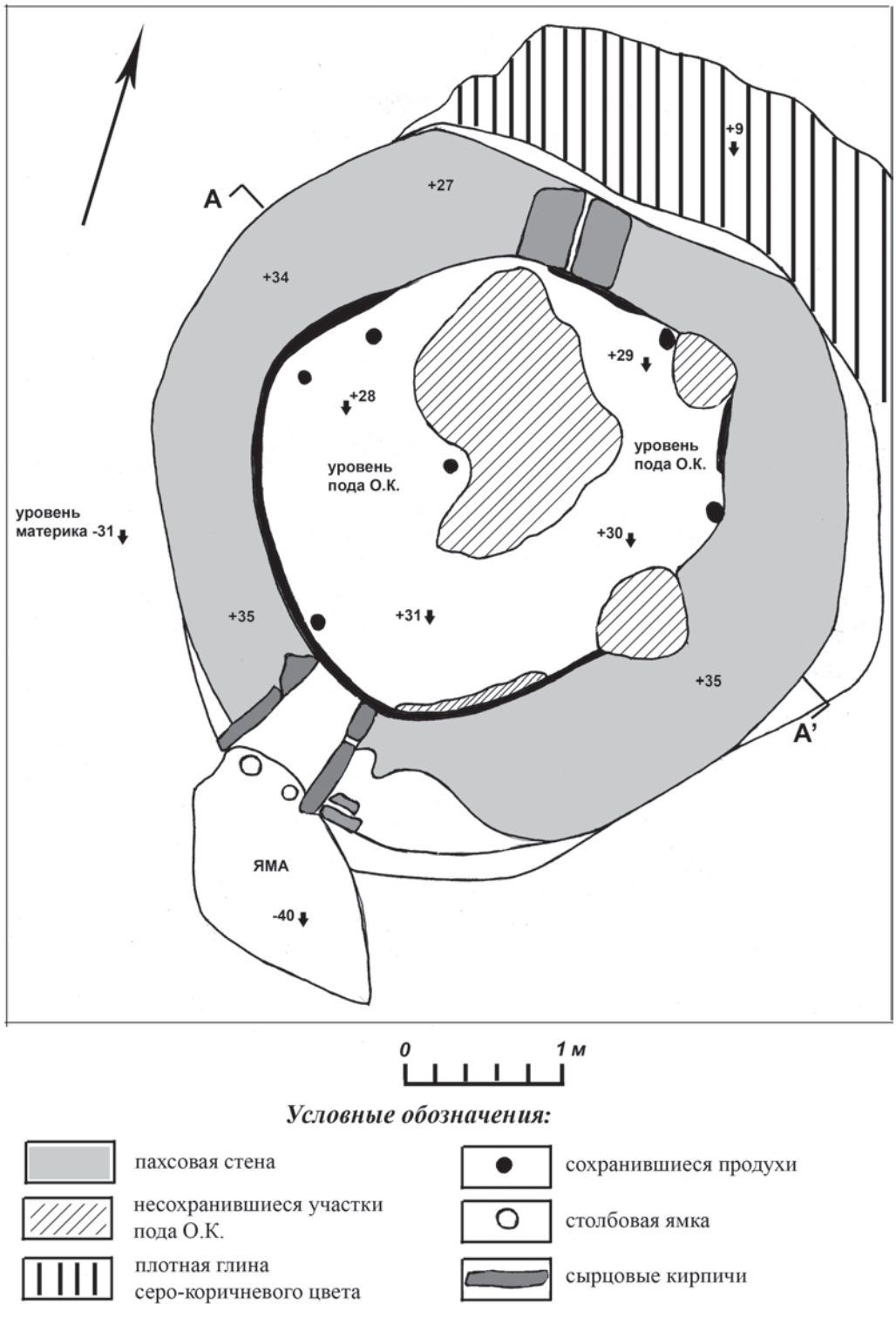
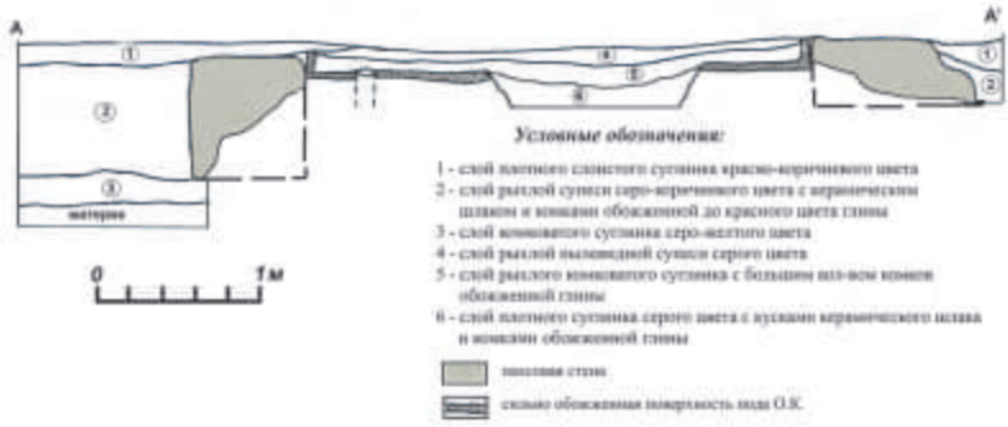

Рис. 3/30. Поселение Бабиш-мола 7. Горн № 4. План раскопа

А

Б

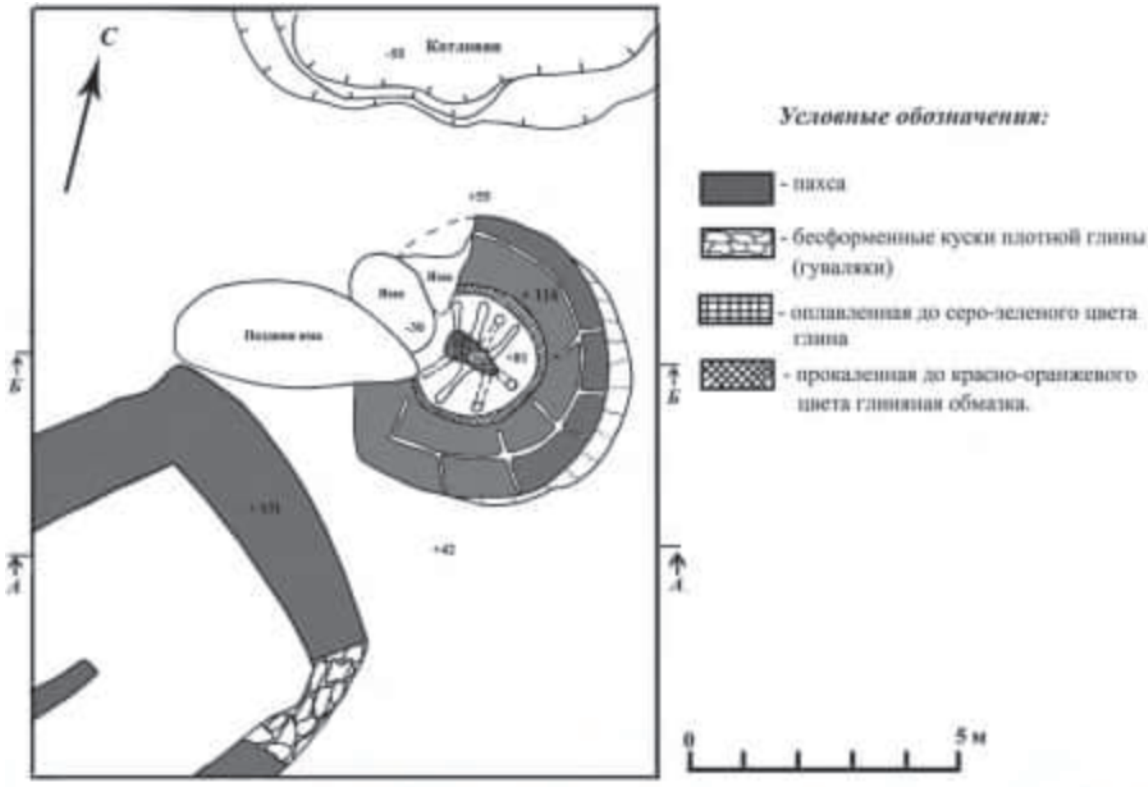

В

Рис. 3/31. Поселение Бабиш-мола 7. Горн № 4. А – разрез по уровню обжигательной камеры по линии; Б – разрез у ровню топочной камеры по линии восток – запад; В – топочная камера горна. Вид с севера

А

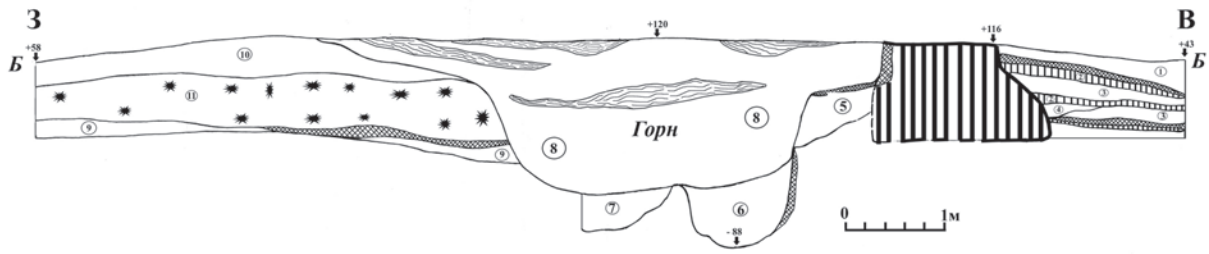
Б

Рис. 3/32. Поселение Бабиш-мола 7. Горн № 7. А – план раскопа; Б – общий вид раскопа

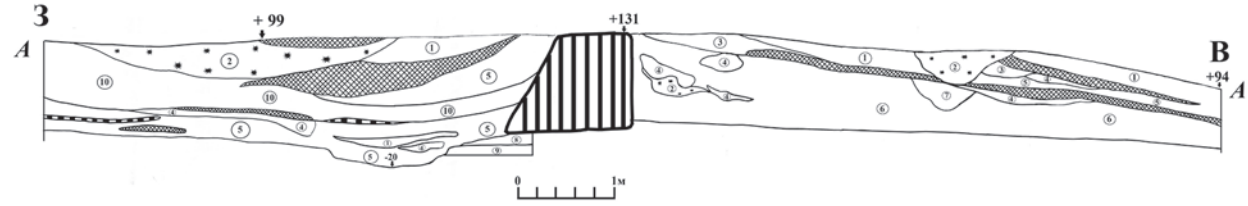
Рис. 3/33. Поселение Бабиш-мола 7. Горн № 7.
А – общий вид горна; Б – восточная стена топочной камеры. Вид с востока

Условные обозначения:

1 - слой рыхлой комковатой супеси с высоким содержанием золы
2 - слой плотного суглинка серого цвета
3 - слой плотной супеси серого цвета с древесными угольками и керамикой
4 - плотная глина серо-желтого цвета
5 - плотный слой прокаленной до красного цвета глиняной обмазки
6 - плотный слой обожженной глиной обмазки и глиняной крошки
7 - слой рыхлой комковатой супеси с прокаленной глиняной крошкой и кусками обожженной глиняной обмазки
8 - слой плотной супеси с высоким содержанием песка и супесчаными натеками
9 - слой плотной глины серо-коричневого цвета
10 - слой рыхлой пылевидной супеси серого цвета с высоким содержанием золы, глиняной крошки и кусками обожженной глиняной обмазки
11 - слой рыхлого комковатого суглинка желтого цвета с высоким содержанием золы

Рис. 3/34. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 6. Центральный широтный разрез

Условные обозначения:

1 - слой рыхлой пылевидной супеси с высоким содержанием золы и мелкими древесными угольками
2 - слой, прокаленной до красного цвета, глиняной крошки и фрагментов прокаленной глиняной обмазки
3 - слой рыхлой супеси серого цвета
4- слой, прокаленной до светло-серого цвета, глиняной крошки
5 - слой пылевидной супеси серо-коричневого цвета с высоким содержанием и мелких древесных угольков
6 - слой комковатой супеси с включением комковатого суглинка, древесными угольками и фрагментрами обожженной глиняной обмазки
7 - слой комковатого суглинка желто-серого цвета с древесными угольками
8 - слой рыхлой супеси серого цвета
9 - слой плотного суглинка серо-желтого цвета
10 - слой рыхлой супеси серого цвета с высоким содержанием золы, с керамикой и древесными угольками
11 - слой плотной глины серо-желтого цвета

Рис. 3/35. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 6. Центральная меридиональная бровка

А

Б

Рис. 3/36. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 6.
А – мусорные слои к югу от горна № 6. Центральная меридиональная бровка. Вид с востока;
Б – керамическая фляга. Слой запустения к юго-западу от горна № 7

А

Б

Рис. 3/37. Поселение Бабиш-мола 7. Раскоп 6. А – яма к северу от горна № 7. Центральная бровка; Б – южная часть помещения к юго-западу от горна № 7. Вид с запада

Рис. 3/38. Поселение Бабиш-мола 7.
Горн № 1. Графическая реконструкция (исполнитель Г. Ю. Пересветов)

Рис. 3/39. Фото участников Бабишмолинского отряда Чирик-рабатской археологической экспедиции

ГЛАВА 4

Керамика чирикрабатской культуры по материалам раскопок поселения Бабиш-мола 7

Керамический комплекс, полученный в результате раскопок памятников чирикрабатской археологической культуры, уже являлся предметом специального исследования. В монографии Б. И. Вайнберг и Л. М. Левиной дан подробный анализ керамики из раскопок, проведенных Хорезмской экспедицией в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века на городищах Чирик-рабат и Бабиш-мола, а также на поселении Баланды. Весь имеющийся в то время массив керамики, преимущественно на основании стратиграфических данных, был разделен на три относительно разновременных комплекса, которые, по мнению исследователей, последовательно сменяли друг друга. Наиболее ранний комплекс был датирован в пределах рубежа V–IV – последней трети IV вв. до н. э.; более поздний – от последней трети IV до середины III вв. до н. э.; наконец, комплекс, соответствующий финальному этапу чирикрабатской культуры, был датирован в пределах второй половины III в. до н. э., но не позднее начала II в. до н. э. Вся керамика, представленная в выборке, по «технологическим характеристикам» была разделена на две группы: 1 – сосуды грубой ручной лепки кострового обжига явно домашнего изготовления; 2 – сосуды, в основном, сформованные на гончарном круге, обожженные в горне. Внутри каждой группы были выделены формы, типы и подтипы сосудов (Вайнберг, Левина, 1993, с. 56-85).

В ходе раскопок поселений Баланды и Бабиш-мола 7, проведенных Чирик-рабатской археологической экспедицией, получена довольно многочисленная и представительная коллекция керамики. Следует сразу же оговориться, что эти два комплекса значительно различаются как качественно, так и количественно.

Керамический комплекс из раскопок укрепленной усадьбы Баланды 1 по количеству учтенных фрагментов керамики значительно уступает коллекции из поселения Бабиш-мола 7.

По технологическим признакам, на основании вновь полученных материалов, всю керамику чирикрабатской культуры можно разделить на три основные группы.

1 группа – керамика, изготовленная способом ручной лепки, в единичных случаях с использованием вращающейся поставки. На поселении Баланды 1 посуда этой группы составляет 32% от общего количества керамики в комплексе. На поселении Бабиш-мола 7 количество керамики первой группы сильно колеблется на разных раскопах. Минимальное количество лепных сосудов найдено в ходе раскопок обжигательных горнов (раскопы № 1 и № 4) – 2 и 1 %, соответственно (табл. 4/1; 4/4). Значительно больше сосудов первой группы представлено в комплексах из раскопок гончарных мастерских (раскопы № 2 и № 5) – 11 и 24 %, соответственно (табл. 2/4; 2/5). В археологическом комплексе из раскопа 3 (усадьба) фрагменты сосудов первой группы составляет 8 % от общего количества керамики (табл. 4/3).

Эта посуда сформована из глины с обильными примесями шамота, органики, в меньшей степени, дресвы и гипса. Почти во всех случаях фиксирует примесь сухой глины. Фрагменты сосудов этой группы, изготовленных из глины с примесью шамота и органики, в комплексе поселения Баланды составляют 66 %; с примесью сухой глины – 16 %, а с примесью гипса – 16 %. В единичных случаях отмечены незначительные примеси охры (см. Приложение № 1).

В качестве искусственных примесей в керамике 1 группы на поселении Бабиш-мола 7 использовались органика, возможно, навоз жвачных животных (зафиксирован во всех изученных фрагментах), почти во всех фрагментах отмечен шамот (90 %), значительно реже, в качестве примеси, использовалась дресва (тальк – 10 %). (см. Приложение № 1). Основными методами конструирования начинов являются донно-емкостная и донная программа. Конструирование полого тела сосуда осуществлялось жгутовым налепом. Примерный диаметр жгута составляет 2–2,5 см. В отдельных случаях отмечается ленточный налеп, и лишь в одном случае на поселении Баланды 1 зафиксирован спиральный налеп[23].

Практически вся керамика этой группы обжигалась в костре, причем, безусловно, преобладает обжиг в восстановительной среде. Таким образом, есть основания предполагать, что обжиг производился на открытой площадке или в небольшом углублении, куда помещались предварительно подсушенные сосуды. Сверху они обкладывались, скорее всего, сухим навозом в несколько слоев, затем топливо поджигалось. Подобный способ обжига лепной посуды практиковался вплоть до конца XX века в домашнем гончарстве в горных районах Средней Азии (Пещерева, 1959, с. 40–43). Функциональное назначение сосудов первой группы не вызывает сомнения, они использовались, в основном, для приготовления пищи на открытом огне или в очаге (см. Приложение № 1).

2 группа. Керамика, отнесенная к этой группе, также формовалась от руки, и большая часть сосудов подправлялась на вращающейся подставке или однодисковом гончарном круге.

[23] Здесь и далее используется термины, предложенные А. А. Бобринским для описания различных стадий изготовления сосудов. См.: А. А. Бобринский Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Об этом красноречиво свидетельствуют непараллельные и неглубокие следы пальцев на внутренней поверхности горловины или верхней части сосуда, а также отсутствие четких следов ротации на внутренней поверхности придонной и центральной части сосуда. На поселении Баланды 1 керамика этой группы составляет 32 % от общего количества фрагментов в выборке. На поселении Бабиш-мола 7 количество фрагментов сосудов этой группы на разных раскопах колеблется от 24 до 41 % от общего количества керамики в комплексе (табл. 4/1–4/5).

В качестве отощителя глины, чаще всего, использовался мелко измельченный кварцит (размеры частиц – 0,3–0,5 мм), кроме того, в глину добавлялся гипс и мелкоизмельченная сухая глина. Лишь в единичных случаях отмечены примеси органики (мелкоизмельченная солома). По всей видимости, в качестве органической примеси в исходное сырье добавлялась шелуха семян зерновых (?) В трех фрагментах необожженных сосудов, найденных в помещении гончарной мастерской (Бабиш-мола 7, раскоп 2), органика встречается в виде чешуйчатой пленки от семян растений (см. Приложение № 1).

Можно предполагать, что нижняя часть большинства сосудов конструировалась по донно-емкостной программе. Дно формировалась жгутами по спирали в виде глиняной «лепешки» и наращивалось лентами и жгутами на поворотном столике. Конструирование полого тела, судя по исследованным фрагментам, выполнялось жгутовым налепом – 22 %, но больше половины сосудов – 54 % изготовлены способом ленточного налепа. Все сосуды подправлялись и заглаживались мягкой тканью на поворотном столике. Большая часть керамики этой группы – 72 % снаружи была покрыта ангобом красного, красно-коричневого или коричневого цвета. Вся посуда второй группы была обожжена в горне в окислительной среде, о чем красноречиво свидетельствует равномерный красный, красно-коричневый или светлый красно-коричневый цвет черепка в изломе. В то же время следует отметить, что режим обжига не всегда был равномерным, то есть окислительный режим строго выдерживался не всегда. Об этом, в частности, можно судить по неоднородному окрасу черепка; во всяком случае, многие фрагменты толстостенных сосудов (крупные толстостенные горшки, хумы) в изломе красно-черного или красно-серо-черного цвета. Функциональное назначение керамики второй группы также не вызывает сомнения – это хозяйственная посуда, которая использовалась для переработки, хранения и транспортировки продуктов.

3 группа. Посуда, отнесенная к этой группе, изготавливалась на двухдисковом круге быстрого вращения, о чем красноречиво свидетельствуют четко определяемые следы вращения в виде параллельных рельефных полос на внутренней поверхности сосуда. На поселении Баланды керамика этой группы составляет 32 % от общего количества. Значительно больше ее в керамическом комплексе Бабиш-мола 7: от 51 до 67 % из общего количества керамики в коллекции (табл. 4/1–4/5). Вся посуда сформована из хорошо промешанной глины. Почти во всех фрагментах отмечены примеси мелкотолченого пережженного гипса. Кроме того,

в глине присутствует примесь толченого кварца мелкой фракции. Конструирование тулова сосуда, в большинстве случаев, производилась по донно-емкостной программе. В отдельных случаях отмечена емкостная программа с одноэлементным начином. В первую очередь, подобный способ формовки фиксируется у небольших сосудов открытых форм – чаши, кубки, небольшие горшки. Большая часть сосудов этой группы – 80–85 %, была покрыта плотным красным ангобом. Причем, открытые формы, в подавляющем большинстве, были покрыты двухсторонним ангобом красного или красно-коричневого цвета.

Как уже отмечалось выше, керамические комплексы усадьбы Баланды 1 и поселения гончаров Бабиш-мола 7 значительно отличаются друг о друга не только по количеству, но и, что кажется более значимым, по составу и разнообразию форм сосудов. Возможно, это объясняется различным статусом и функциональным назначением памятников. Баланды – это укрепленная усадьба, центр небольшого сельского поселения; Бабиш-мола 7 – это сравнительно крупный производственный гончарный центр, расположенный в ближайшей округе столичного центра Бабиш-мола 1. В то же время оба памятника относятся к чирикрабатской археологической культуре и датируются в пределах одного хронологического периода. По этой причине весь массив керамики, полученной в ходе раскопок обоих памятников, рассматривается в целом.

Прежде чем перейти к классификации и выделению типов керамики, необходимо сделать несколько общих замечаний, поясняющих алгоритм классификации. В первую очередь отметим, что материал, представленный в выборке, в значительной степени фрагментирован. По это причине, во многих случаях, не всегда можно восстановить полную форму сосудов. В такой ситуации группы керамики выделялись по технологическим признакам и функциональному назначению, форма сосуда определялась, зачастую, интуитивно; при определении типа сосуда учитывались, прежде всего, морфологические признаки, а также параметрические, когда это было возможно.

Весь массив керамики, полученной в ходе раскопок указанных выше памятников[24], на интуитивном уровне, но с учетом, в первую очередь, технологических признаков (см. выше) по своему функциональному назначению разделяется на три группы: кухонную, хозяйственную, включающую в себя подгруппу тарной, и столовую посуду. Каждая группа, в свою очередь, уже по параметрическим признакам подразделяется на отделы – сосуды открытой и закрытой формы. Затем, уже внутри этих отделов, также по параметрическим признакам, когда это возможно, а зачастую и на интуитивном уровне, выделяются отдельные формы сосудов – миски, чаши, кубки, горшки, кувшины и т. д. На следующем уровне классификации

[24] В предложенной ниже классификации учитывались только фрагменты профильных частей сосудов, обладающие определенным набором морфологических и параметрических признаков. Ввиду того, что керамический материал, в основном, фрагментирован на многих фрагментах, они реализовывались не полностью. Почти 90 % керамики в выборке происходит из раскопок Бабиш-молы 7, они и послужили базой для данной классификации и типологии. Учитывая эти обстоятельства, предложенную классификацию следует считать предварительной.

уже по морфологическим и, по возможности, параметрическим признакам выделяются типы сосудов[25].

Кухонная посуда – группа А.

Вся керамика, отнесенная к этой группе, изготовлена вручную из глины с обильными минеральными и органическими примесями (1-ая технологическая группа). В этой группе, безусловно, значительно преобладают сосуды закрытых форм – I отдел. К сожалению, целых сосудов в выборке нет. По этой причине типы и варианты формы выделяются, насколько это возможно, по профильным фрагментам верхней части сосуда.

Подавляющее большинство сосудов в группе относятся к отделу I (закрытые формы). По сути, все они являются горшками – ***А. I. Г.***

Так как все сосуды представлены во фрагментах, то форма определялась по соотношению диаметра горловины – ***Д2*** и максимального диаметра тулова – ***Д3*** (в тех случаях, когда этот признак реализовывался на объекте). У горшков этот показатель не превышает 1 (максимальный – 0, 96 зафиксирован у горшка почти банкообразной формы), но не меньше 0,7.

В комплексе выделяются широкогорлые горшки – диаметр устья ***Д1*** – 24–27 см и умеренно широкогорлые сосуды – ***Д1*** – 15–18 см. Кроме того, у нескольких сосудов ***Д1*** немного меньше – 8–12 см. Видимо, при большем количестве сосудов группы «А» в выборке можно предполагать выделение и узкогорлых горшков.

У всех горшков венчик не выделен. Можно только отметить у некоторых сосудов слегка утолщенный верхний край. У большинства сосудов он имеет округлые очертания, но, иногда, верхний край горшков уплощен и немного скошен внутрь сосуда (рис. 4/1; *9, 18, 21, 23*). Значительно меньше сосудов, у которых уплощенный верхний край венчика скошен наружу (рис. 4/1; *13, 16*). Этот технологический признак является свидетельством обработки верхней части сосуда на вращающейся подставке при помощи плоского «правила», в качестве которого использовалась или плоская кость, или дощечка (Пещерева, 1959, с. 30–31; Бобринский, 1978, с. 49–51). Можно предполагать, что при достаточном количестве объектов в выборке, по этому признаку можно будет выделить отдельный вариант типа горшков. У всех горшков группы «А» верхний край, в большей или меньшей степени, отогнут наружу, в результате чего выделяется шейка и, собственно, в результате этого действия при конструировании полого тела сосуду придается форма горшка. Степень отогнутости верхнего края сосуда определяется по соотношению разности диаметров устья и горловины – ***Д1–Д2*** и высоты шейки

[25] В тексте функциональные группы керамики обозначены большими латинскими буквами: А – кухонная посуда; В – хозяйственная посуда; С – столовая посуда. Отделы пронумерованы римскими цифрами: I – закрытые формы; II – открытые формы. Формы сосудов обозначаются заглавными буквами: горшок – Г, кувшин – К, чаша – Ч и т. д. Типы сосудов пронумерованы арабскими цифрами. Варианты или подтипы, выделенные в составе типа, обозначаются индексами в виде латинских букв – a, b, d и т.д. Кроме того, в каждой группе керамики выделяются редкие формы, которые описываются отдельно.

сосуда – ***Н1*** (индекс **F**). По этому параметру большую часть горшков в выборке можно отнести к типу ***Г1*** – сосуды с умеренно отогнутым верхним краем, у которых значение индекса **F** определяется в интервале – 0,29–0,58 (рис. 4/1; *8, 9, 11, 13, 16, 19, 20–23*). Среди сосудов этого типа обращают на себя внимание фрагменты с более или менее выделенным уступом на внутренней поверхности устья сосуда (рис. 4/1; *3, 5*).

Кроме того, можно предполагать и существование типа горшков со слабо отогнутым или почти прямым верхним краем – ***Г2***, у которых индекс **F** определяется в интервале от 0 до 0,2. Следует отметить, что у некоторых горшков этого типа, в том случае, когда максимальный диаметр тулова расположен ниже середины профиля сосуда, форма тулова приближается к банкообразной (рис. 4/1; *1, 7, 10*). Среди горшков этого типа обращает на себя внимание фрагмент с четко выраженным моделированным подтрехугольным в вертикальном сечении венчиком (рис. 4/1; *25*). Также в выборке представлено несколько сосудов с сильно отогнутым наружу венчиком, у которых индекс **F** определяется в интервале между 0,9 и 1,6 (рис. 4/1; *24, 26*). Это дает основание, при большем объеме выборки, прогнозировать выделение еще одного типа ***Г3*** – горшки с сильно отогнутым наружу верхним краем. Надо полагать, в более представительной в количественном отношении выборке, выделенные типы горшков будут различаться и по более существенным параметрическим признакам, например, по соотношению основных параметров тулова сосуда.

Л. М. Левина выделяла в группе лепной керамики (первая группа) в отделе закрытых форм горшковидные и котлообразные сосуды, однако критерии, по которым выделяются эти формы, в публикации не приводятся. Вместе с тем, в публикуемой таблице между горшковидными сосудами типа «С» и котлами по параметрическим и морфологическим признакам, характеризующим профиль сосуда, на визуальном уровне различий, в общем, не прослеживается (Вайнберг, Левина, 1993, с. 57–58). Л. М. Левина среди горшкообразных сосудов выделяет три подтипа, которые, судя по опубликованной таблице, соответствуют выделенным выше типам лепных горшков. Все горшки в публикуемой серии были плоскодонными; в большинстве случаев дно сосуда с внешней стороны выделено более или менее выраженным уступом. Данный признак является свидетельством донно-емкостной программы конструирования полого тела сосуда, когда на заготовленной заранее круглой глиняной «лепешке» методом налепа формируется тулово сосуда.

Среди лепных горшков в коллекции Бабиш-мола 7 орнаментированных сосудов практически нет. Лишь в одном случае, на фрагменте верхней части сосуда, на плечиках, отмечена орнаментация, но по небольшому фрагменту орнаментальный мотив определить не представляется возможным (рис. 4/1; *21*). Однако в комплексах, полученных в результате раскопок других памятников, изредка встречаются горшки, украшенные прочерченным по сырой глине орнаментом в виде зигзага или ломанной неровной линии (Толстов, 1962, с. 170, рис. 96). Несколько сосудов, орнаментированных подобным образом, найдены в нижних культурных

слоях на городище Чирик-рабат. Так, на плечики одного из лепных горшков был нанесен прочерченный орнамент в виде неровного зигзага из прерывающихся «V-образных знаков». Следует отметить, что подобным образом орнаментированные лепные сосуды встречаются в комплексах из курганов сарматского времени, раскопанных на Устюрте (Ягодин, 1990, с. 58, рис. 12). Примечательно, что в этом же комплексе представлен круглодонный сосуд с носиком-сливом. В коллекции керамики Бабиш-молы 7 таких горшков пока не найдено, но на других памятниках чирикрабатской культуры подобные сосуды (Л. М. Левина называет их «чайниками») встречаются (Вайнберг, Левина, 1993, рис. 72). В то же время необходимо заметить, что в Хорезме в IV–II вв. до н. э. (древнехорезмийский археологический комплекс) на кухонных сосудах, изготовленных вручную, весьма близких по форме горшкам, описанным выше, орнаментация не встречается (Воробьева, 1959, с. 135–136; Кой-Крылган-кала…, 1967, с. 116–117; с. 319, табл. VI; Калалы-Гыр 2 …, 2004, с. 93–102). На хорезмийских лепных сосудах она появляется значительно позднее, а именно, в первые века н. э. (Кой-Крылган-кала, 1967, с. 325, табл. X; Древности Южного Хорезма, 1991, с. 200–204; Неразик, 1987).

Сосуды, отнесенные к отделу II (открытые формы), представлены в комплексе небольшим количеством фрагментов. Среди них можно выделить две формы.

Крупные чаши – А. II. Ч – это сравнительно крупные плоскодонные сосуды с резервуаром полусферической формы. Диаметр устья сосуда – 20–24 см. Так как эта форма представлена во фрагментах, о диаметре дна и высоте сосуда мы можем только догадываться. Венчик у сосудов не выделен. Во всех случаях он является продолжением стенки сосуда, иногда немного утолщенным и скругленным по верхнему краю (рис. 4/2; *3*). У некоторых сосудов верхний край немного загнут внутрь сосуда, но чаще всего он прямой. В коллекции керамики городища Бабиш-мола 1, опубликованной ранее, эта форма составляла 5,3 % от общего количества керамики в комплексе, причем следует отметить, что среди мисок и чаш группы А были выделены формы с немного приостренным верхним краем (Вайнберг, Левина, 1993, с. 58).

Жаровни – А. II. Ж.

Эта форма лепной посуды также немногочисленна в комплексе. По сути, жаровня представляет собой глиняный диск толщиной 1,5–2,5 см с невысоким бортиком-стенкой по краю. Толщина стенки не менее 1 см. Верхний край или скруглен, или немного скошен наружу в результате вторичной обработки сосуда на вращающейся подставке. Диаметр устья жаровен колеблется от 20–25 см до 40 см (рис. 4/2; *6, 7*). В большинстве случаев внутренняя поверхность сосуда закопчена. В коллекции чирикрабатской керамики, опубликованной ранее, сковороды-жаровни составляли 6 % от общего количества (Вайнберг, Левина, 1993, с. 59). Функциональное назначение этих сосудов, в общем не вызывает сомнения, они использовались для переноски горячих углей. Это предположение косвенно подтверждается этнографическими материалами. Так, в Среднем Каратегине (Южный Таджикистан) еще в первой полови-

не XX века, бытовали переносные керамические очажки – *дегдончаи гардонак, учоқи гардон*, в которые помещались горячие угли. Они использовались для обогрева помещений, а также для кипячения чая и выпекания небольших лепешек (Кисляков, Писарчик, 1970, с. 44).

В археологической литературе уже давно утвердилась точка зрения о том, что происхождение комплекса чирикрабатской лепной керамики связано с более ранней сакской культурой низовьев Сырдарьи. В то же время нельзя не отметить определенные, зачастую очень близкие, параллели с лепной керамикой из сарматских курганов Южного Приуралья и Поволжья. Прежде всего, это касается декорирования сосудов. Орнаментация на сарматских лепных горшках III–II вв. до н. э., которая встречается изредка, была сильно упрощена – чаще всего это беспорядочно расположенные вертикальные и косые полосы, напоминающие прерывистый зигзаг, полоса из круглых вдавлений и т. д. (Мошкова, 1963, с. 25; Скрипкин, 1990, с. 41; рис. 10). Этот вид орнамента находит себе прямые аналогии среди лепной керамики чирикрабатской археологической культуры. Кроме того, следует отметить нижнюю часть небольшого сосуда, как можно предполагать, усеченно-конической формы со сквозным боковым отверстием в придонной части, сделанным до обжига (рис. 4/2; *2*). Небольшие лепные сосуды с боковыми сквозными отверстиями, которые в литературе называются «курильницами» или «светильниками» весьма широко представлены среди погребального инвентаря сарматских курганов Южного Приуралья (Мошкова, 1963, с. 29–30; Краева, 2016, с. 113–121). Следует также отметить нижнюю часть, надо полагать, крупного массивного сосуда с двумя конусообразными налепами в нижней части (рис. 4/2; *1*). Не исключено, что это нижняя часть крупной курильницы или светильника, однако об этом можно только догадываться, так как аналогии этому сосуду нам не известны.

Хозяйственная посуда – группа В.

В этой группе, безусловно, преобладают закрытые формы керамики – ***отдел I.***

На интуитивном уровне обычно выделяются кувшины, крупные кувшиновидные сосуды без ручки, горшки, крупные горшковидные сосуды, керамические фляги, хумы и хумчи. Все эти сосуды по функциональному назначению подразделяются на хозяйственные и тарные. К хозяйственным отнесены те сосуды, которые использовались для переработки и хранения продуктов питания в домашних условиях. Тарными традиционно считаются крупные сосуды, которые использовались для длительного хранения продуктов сельского хозяйства – жидких или сыпучих. Кроме того, в этой же группе выделяются характерные формы сосудов, которые гипотетически использовались для транспортировки продуктов в качестве транспортной тары.

В коллекции керамики из поселения Бабиш-мола 7 целые формы закрытых хозяйственных сосудов представлены единичными экземплярами (крупный кувшиновидный сосуд в пом. 2 в мастерской № 1 и кувшин с вертикально уплощенным сферическим туловом в пом. 5),

в коллекции керамики из поселения Баланды их нет вовсе. Кроме того, в мастерской № 1 на поселении Бабиш-мола 7 найдена целая полусферическая фляга. Собственно, этим и ограничиваются целые или археологически целые формы в комплексе. По этой причине, объектом исследования являются многочисленные профильные фрагменты верхних и нижних частей сосудов, на которых реализуется хотя бы часть параметрических и морфологических признаков: диаметр устья – Д1, диаметр горловины – Д2, максимальный диаметр тулова – Д3, высота горловины – Н1, высота плечиков – Н2. По соотношениям этих параметров выделялась форма сосуда, если это было возможно. Кроме того, при выделении варианта типа сосуда учитывалась форма и вид венчика сосуда, если он был. На основании этих материалов, используя метод сравнительно-морфологического анализа, можно предварительно выделить типы и варианты сосудов определенной формы.

Наиболее многочисленными формами в отделе I группы В являются кувшины (кувшиновидные сосуды) – 132 сосуда и крупные горшковидные сосуды – 35 фрагментов в комплексе. Так как материал, как уже не раз отмечалось выше, сильно фрагментирован, то основным критерием для выделения этих форм послужил диаметр устья сосуда. У кувшинов и кувшиновидных сосудов диаметр устья колеблется от 9 до 17–18 см, причем явно доминируют сосуды с диаметром устья 9 – 13–14 см – от 67 до 80 % от общего количества кувшинов в комплексе. У крупных горшковидных сосудов диаметр устья колеблется в пределах от 22,5 см до 36 см. Весьма показательным критерием является соотношение диаметра устья – ***Д1*** и высоты горловины или шейки ***Н1 – М = Н1/Д1***. У крупных горшковидных сосудов этот показатель колеблется в диапазоне 0,06–0,18 (рис. 4/7; табл. 8; рис. 4/8; табл. 10). Причем выделяются сосуды с низкой шейкой – ***М*** = 0,06–0,08 и более высокой шейкой – ***М*** = 0,1–0,12, но есть сосуды и с просто высокой шейкой, у которых показатель ***М*** колеблется от 0,18 до 0,27. У кувшинов и кувшиновидных сосудов индекс ***М*** больше: от 0–14 – 0,18 до 0,26. Здесь также выделяются кувшины со сравнительно низкой горловиной – ***М*** = 0,14–0,2 и кувшины с более высокой горловиной – ***М*** = 0,22–0,26. Можно предполагать и выделение в дальнейшем кувшинов с просто высокой горловиной. Во всяком случае, в комплексе Бабиш-мола 7 есть несколько сосудов, у которых показатель ***М*** отмечен в интервале – 0,34 до 0,4 (рис. 4/7; табл. 7). Дополнительным критерием является толщина стенки сосуда на уровне горловины или шейки. У горшковидных сосудов она всегда более 1 см. Безусловно, как отдельная форма рассматриваются хумы и хумчи, которые отличаются, прежде всего, по параметрам: Д1 – 35–42 см, Д3 – 50–70 см, высота сосуда в тех случаях когда ее удавалась замерить, была не менее 70 см, а у некоторых сосудов, установленных в помещении стационарно, она иногда превышала 1 м. Кроме того, эти крупные тарные сосуды выделяются и по некоторым морфологическим признакам, о чем подробно будет сказано ниже. Вьючные фляги довольно четко выделяются по форме полусферического тулова. Однако по морфологическим признакам, прежде всего по конфигурации венчика, они мало чем отличаются от крупных кувшинов. Это обстоятельство не позволя-

ет достоверно определить количество этих сосудов в комплексе. По умолчанию к этой форме отнесены только те фрагменты, у которых сохранилась верхняя часть тулова ниже горловины и четко фиксируется переход к плоской стороне полусферического тулова.

В количественном отношении в группе «В», как уже отмечалось выше, преобладают кувшины – ***В. I. К.***

Следует отметить, что в комплексе подавляющее большинство кувшинов не имеют ручки, то есть это – крупные кувшиновидные сосуды, которые, как можно предполагать по параметрическим признакам, вполне сопоставимы с крупными кувшинами без ручки, широко представленными в керамическом комплексе периода ранней государственности в Хорезме (IV–II вв. до н. э.) (Воробьева, 1959, с. 101; Калалы-Гыр 2…, 2004, с. 108–109). Об этом, в частности, можно судить по нескольким целым формам из комплекса мастерской № 1 на поселении Бабиш-мола 7 (рис. 4/6), а также по сосудам из опубликованного ранее керамического комплекса чирикрабатской культуры (Вайнберг, Левина, 1993, с. 69–70)[26]. Вместе с тем по морфологическим признакам, прежде всего по конфигурации венчика, немногочисленные фрагменты кувшинов с ручкой мало отличаются от остальных сосудов в этом комплексе (рис. 4/3: *2, 3*). Во всяком случае, на данном этапе исследования, даже учитывая тот факт, что наличие ручки у сосуда является существенным дискретным признаком, мы не можем выделить кувшины с ручкой в отдельный тип, прежде всего, из-за их малочисленности. По этой причине все кувшины рассматриваются в совокупности. В представительных комплексах, где целые формы представлены в достаточном количестве (в первую очередь, это относится к могильникам), типы сосудов определяются по конфигурации тулова, соотношению параметров горловины и тулова и т. д. (см., например: Литвинский, 1973, с. 10–11; Мандельштам, 1975, с. 45–46). В поселенческих комплексах, где бóльшая часть коллекции представлена во фрагментах, типы кувшинов определяются значительно труднее. Чаще всего разновидности сосудов, в нашем случае кувшинов, определяются по виду венчика, форме и размеру горловины, соотношению параметров верхней части сосуда и т. д. На поселении Бабиш-мола 7, как уже отмечалось выше, найдено несколько целых сосудов. На основании этих находок можно предполагать, что эта форма представлена двумя типами сосудов: крупные кувшиновидные сосуды со сравнительно высоким туловом овоидной формы (Шишкина, Болелов, 2010, с. 34) и невысокой горловиной (рис. 4/6; *2*) и невысокие кувшиновидные сосуды с уплощенным по вертикали сферическим, сравнительно широким в центральной части туловом и сравнительно невысокой горловиной (рис. 4/6; *1*). Следует заметить, что по виду венчика или моделировке

[26] Здесь следует заметить, что термин «горшковидные кувшины», предложенный Л. М. Левиной, в котором, на наш взгляд, совмещены названия двух различных по соотношению параметрических признаков форм сосудов, кажется не совсем корректным. У кувшинов показатель соотношения высоты сосуда – Н и максимального диаметра тулова не менее 1,5, у горшков этот же показатель не превышает 1,2, а, чаще всего, равен или меньше 1. Кроме того, весьма характерным параметрическим признаком, по которому различаются эти две формы, является показатель соотношения диаметра горловины и максимального диаметра тулова. У горшков в числовом выражении он значительно больше.

верхнего края сосуда, указанные выше типы кувшинов, не различаются. В комплексе, опубликованном ранее, по данным Л. М. Левиной, безусловно, преобладают (34,8% от общего количества гончарной посуды) кувшины первого типа. Это сосуды с «яйцевидным» туловом, невысокой «плавно изогнутой» горловиной. Максимальное расширение тулова фиксируется в большинстве случаев в центральной части профиля сосуда. Размеры сосудов сильно разнятся, например, высота колеблется от 10–15 до 45 см. Так как сравнительного анализа по соотношению линейных параметров не проводилось, все они отнесены к одному типу. (Вайнберг, Левина, 1993, с. 69). Однако на опубликованной сводной таблице даже на визуальном уровне можно выделить отдельные типы, которые различаются не только по размерам (некоторых из них, по всей видимости, можно назвать кринками), но и по форме тулова, крутизне плечиков, соотношения высоты горловины и общей высоты тулова (Вайнберг, Левина, 1993, рис. 78). Примечательно, что кувшинов с уплощенным в горизонтальной плоскости сферическим туловом, которые в комплексе Бабиш-мола 7 предварительно выделены как тип 2, в опубликованном ранее комплексе не представлено.

При детальном рассмотрении морфологических признаков (в первую очередь, это касается конфигурации венчика) в комплексе Бабиш-мола 7 можно выделить несколько вариантов типа кувшинов. Определяющим признаком в данном случае является вид венчика, который выделяется по форме вертикального сечения верхнего края сосуда.

B. I. K. a. – 58,5 % от общего количества кувшинов в комплексе. Это сосуды с выделенной невысокой или средневысокой горловиной. В большей или в меньшей степени отогнутый наружу, утолщенный верхний край моделирован в виде венчика. У всех сосудов это более или менее четко выраженный округлый валик. Можно отметить несколько модификаций моделировки венчика. В одних случаях, нижний край валика подрезан под прямым углом к стенкам сосуда, в этом случае венчик имеет довольно резкую конфигурацию (рис. 4/4; *2, 3, 7, 10, 12, 13*), в другой вариации, нижний край валика подрезан под тупым углом к горловине, тогда венчик имеет более плавные очертания (рис. 4/4; *1, 5, 6, 11, 14*). Кроме того, у некоторых сосудов венчик практически не выделен. Он представляет собой в большей или в меньшей степени отогнутый наружу, округлый в вертикальном сечении, утолщенный верхний край горловины (рис. 4/4; *15, 18–21*). Надо полагать, что указанные выше различия связаны с одним из этапов производства сосудов, когда уже сформованный на круге, слегка подсушенный сосуд, дополнительно обтачивался на круге.[27] У отдельных кувшинов этого варианта на внутренней стороне устья отмечен более или менее выраженный желобок (рис. 4/4; *19)*. Кроме того, у некоторых кувшинов переход от горловины к тулову сосуда подчеркнут горизонтальным вали-

[27] Как известно по этнографическим и, в меньшей степени, по археологическим данным, процесс производства сосудов включает в себя несколько этапов (Сайко, 1982, с. 70–71) или стадий (по А. А. Бобринскому), которые, в свою очередь, разделяются на ступени. Одной из определяющих тип и профиль будущего сосуда стадий является механическая обработка поверхности сосуда (Бобринский, 1978, с. 14). Именно на этой стадии моделируется профиль венчика и рельефные декоративные детали, определяющие тип или вариант типа формы сосуда.

ком или желобком (рис. 4/4; *3, 5, 15, 16, 18, 21*). В отдельных случаях валик располагался или в верхней, или в центральной части горловины (рис. 4/4; *19, 20*). Следует заметить, что этот, в общем-то, декоративный характеризующий признак отмечается на кувшинах с венчиком третьей модификации, отмеченных выше. Среди прочих следует отметить кувшин, который по внешней поверхности был украшен росписью красной краской, как можно предполагать, в виде «спирали» (рис. 4/4; 7). Сосуды с подобным видом орнаментации однозначно находят себе ближайшие аналогии в древнехорезмийском керамическом комплексе, причем этот декоративный элемент в Хорезме встречается только у определенных типов хозяйственных сосудов (Болелов, 2010, с. 135–140).

B. I. K. b. – 34,3 % от общего количества кувшинов в комплексе. Основным определяющим признаком, по которому выделяются сосуды этого варианта, является вид венчика. Он имеет конфигурацию, близкую к треугольнику. Верхняя часть венчика имеет или более резкие, или менее резкие очертания, но во всех случаях он в большей или в меньшей степени заострен (рис. 4/3). В этом варианте сосудов по моделированию нижнего края венчика также можно выделить несколько модификаций.

В одном случае, в процессе обтачивания уже сформованного сосуда на гончарном круге, он подрезался под прямым углом к горловине сосуда, и тогда в вертикальном срезе форма венчика была близка треугольнику (рис. 4/3; *8–12, 21*). В другом случае, нижний край венчика подрезался под острым углом к горловине сосуда, тогда он приобретал очертания «клювовидного» (рис. 4/3; *1,4,5,13*). Кроме того, среди кувшинов этого варианта выделяется небольшая группа сосудов, у которых венчик, в общем, не выделяется столь четко, но отогнутый наружу верхний край немного заострен и имеет очертания треугольника, а иногда его конфигурация напоминает ромб (рис. 4/3; *14, 15*). По виду венчика к этому же варианту предварительно отнесено несколько кувшинов, у которых достоверно зафиксированы следы ручки (рис. 4/3; *2, 3*).

B. I. K. c. – представлены в комплексе наименьшим количеством фрагментов – 3,5 % от общего количества кувшинов. У сосудов этого варианта конфигурация отчетливо выделенного венчика близка прямоугольнику, что является результатом дополнительной обработки-обтачивания сосуда на гончарном круге, когда верхний край намеренно уплощался по верхней горизонтальной плоскости при помощи правила (рис. 4/5; *7–11*). Следует отметить, что по параметрическим признакам горловины или верхней части сосуда они мало отличаются от кувшинов первых двух вариантов, о которых говорилось выше.

В комплексе Бабиш-мола 7, ввиду того, что подавляющее большинство кувшиновидных сосудов представлено фрагментами, и параметры тулова у них неизвестны, предварительно все они отнесены к одному типу. К сожалению, ввиду того, что большая часть параметрических признаков на фрагментах не реализуется, не представляется возможным корректно выделить подтипы и варианты типа именно по линейным параметрам. В то же время по соотношению некоторых параметрических признаков (преимущественно по верхней части сосуда)

можно выделить несколько вариантов типа[28]. Так, например, по индексу ***F*** (соотношение разности диаметров устья и горловины – ***Д1–Д2*** и высоты горловины от минимального диаметра до устья – ***H1***) выделяются кувшины с прямым (***F = 0–0,16***), отогнутым (***F= 0,16–0,64***) и, возможно, сильно отогнутым наружу верхним краем (***F – 0,8–1,12***) (рис. 4/8; табл. 9), в большинстве случаев моделированным как венчик. В первом случае горловина имеет форму цилиндра (рис. 4/5: *6–9*), в последнем случае она приобретает скорее форму раструба (рис. 4/3: *5, 9*; 4/5: *11, 12*). Кроме того, по тем фрагментам, где реализуется несколько большее количество параметрических признаков, например, максимальный диаметр тулова сосуда, можно выделить сравнительно низкогорлые кувшины и сосуды с относительно средней высотой горловины. Этот признак – ***Q*** определяется по соотношению параметров ***H1*** (высота горловины) и ***H2*** (высота верхней части сосуда от минимального диаметра горловины – ***Д2*** до максимального диаметра тулова сосуда – ***Д3***). У кувшинов с низкой горловиной этот показатель колеблется от 0,2 до 0,3; у сосудов со средней по высоте горловиной, он составляет 0,4–0, 5. Следует заметить, что по соотношению показателя ***Q*** и величины максимального диаметра тулова сосуда ***Д3***, кажется, намечается обратно пропорциональная зависимость между двумя величинами, то есть более низкая горловина встречается у сосудов с большим показателем ***Д3*** и, соответственно, более крутыми «плечиками» (рис. 4/9: табл. 11). Это позволяет предполагать, что тулово у этих сосудов было или шаровидным, или близкой к шару формы. У кувшинов с горловиной средней высоты, соответственно, «плечики» более пологие, а это дает основание предполагать, что тулово у них было эллипсоидной (овоидной) формы, что, собственно, и подтверждается несколькими целыми сосудами, представленными в комплексе Бабиш-мола 7. Кроме того, на полигоне (рис. 4/9: табл. 11) можно отметить некоторую корреляцию между параметрическими и морфологическими признаками, а именно у кувшинов с пологими плечиками преобладают венчики первого варианта, выделенного выше – ***B.I.K.a.*** Для сосудов с более крутыми плечиками более характерны венчики второго варианта – ***B.I.K.b.*** В свою очередь, отметим, что на корреляционном поле взаимозависимости параметрических соотношений **Q** и **F** (рис. 4/9: табл. 12) корреляция между параметрическими и морфологическими признаками (вид венчика), кажется, не прослеживается. В то же время обращает на себя внимание немногочисленная группа кувшинов первого варианта – ***B.I.K.a,*** у которых сравнительно высокая горловина и покатые плечики сочетаются с сильно отогнутым верхним

[28] Следует заметить, что все выделенные ниже отличительные признаки, вряд ли следует считать сколь-нибудь существенными хронологическими или этно-культурными индикаторами. Как представляется, морфологические различия, выделенные в процессе детального анализа комплекса, являются, на наш взгляд, не столько устойчивыми морфологическими признаками, определяющими период бытования сосуда, сколько результатом выбора мастера, на что в свое время уже указывал Б. И. Маршак (Маршак, 1970, с. 26). В данном случае мы рассматриваем керамический комплекс с точки зрения системного анализа. Весь комплекс в целом рассматривается как единая система форм и типов, бытующая в определенный период времени, а отсутствие того или иного типа в комплексе, или существенные изменения морфологических признаков типа определенной формы, также как и трансформация декоративных признаков, зафиксированных статистически, рассматриваются как хронологические признаки.

краем (рис. 4/9: табл. 12). Кроме того, следует отметить также единичные сосуды этого же варианта, у которых практически прямой верхний край (цилиндрическая горловина) сочетается с умерено покатыми плечиками (рис. 4/9: табл. 12). Наши наблюдения о взаимозависимости параметрических и морфологических признаков, безусловно, пока не являются весомыми аргументами для выделения отдельных типов кувшинов. Однако нельзя исключать того, что в более представительной и многочисленной выборке, и при наличии в ней достаточного числа целых форм, взаимосвязи признаков проявятся более отчетливо.

Помимо уже выделенных выше вариантов кувшинов первого типа, следует отметить немногочисленные кувшины, которые по конфигурации верхнего края явно отличаются от описанных выше. В первую очередь это немногочисленные сосуды с отчетливо профилированным венчиком – хорошо выраженный желобок на внешней боковой поверхности венчика (рис. 4/5; *4,5*). Кроме того, в комплексе представлено несколько фрагментов кувшинов, которые можно определить как эйнохоевидные (рис. 4/5; *2,3*). Обращает на себя внимание единственный в комплексе фрагмент сравнительно узкогорлого и, как можно предполагать, высокогорлого красноангобированного кувшина (рис. 4/5; 1). Характерной особенностью этого сосуда являются четко выраженные валики на горловине. В археологической литературе уже давно утвердилось мнение, что такие кувшины изготавливались в подражание металлическим сосудам. Например, в Хорезме III–II вв. до н. э. красноангобированные столовые кувшины с ручкой или без таковой и четко выраженными валиками и желобками на горловине и в месте перехода от горловины к плечикам, являются одной из наиболее характерных форм в комплексе столовой посуды. Практически все известные в настоящее время крупные фрагменты кувшинов с «львиноголовыми» ручками также имеют четко выраженные валики на горловине и на плечиках сосуда (Кой-Крылган-кала…., 1967, рис. 46; Калалы-Гыр 2…., с. 137).

Следует отметить, что по морфологическим признакам кувшины и крупные кувшиновидные сосуды из коллекции керамики Бабиш-молы 7 находят большое количество аналогий в археологических комплексах последней трети I тыс. до н. э. на территории всей Средней Азии. Во всяком случае, пока не удается выделить устойчивые характерные особенности в профиле сосуда или конфигурации венчика, что дало бы основание говорить о каких-то принципиальных отличиях чирикрабатских кувшинов от сосудов этой формы из южных областей Средней Азии и Хорезма. Прежде всего, следует отметить практически полное отсутствие в комплексе сложно профилированных венчиков кувшинов. Такая же особенность отмечена и в более ранней публикации чирикрабатской керамики (Вайнберг, Левина, 1993, с. 69). Надо сказать, что это характерно для закрытых форм последней трети I тыс. до н. э. как в южных эллинизированных областях Средней Азии, так и в Хорезме. При этом все отмеченные выше варианты и модификации профиля венчика, выделенные выше, находят практически полные аналогии в южных комплексах. Кроме того, следует отметить и такой, достаточно характерный признак, как рельефный валик в нижней части горловины сосуда (Рутковская, 1962, с. 49; Кабанов, 1973, с. 60,

рис. 13: *30-32*; Ртвеладзе, Болелов, 2000, с. 104, рис. 2; Калалы-Гыр 2…, 2004, с. 108; Болелов, 2011, с. 79, рис. 6: *23, 26, 31, 30, 40*). Таким образом, в комплексе керамики чирикрабатской культуры отмечается, общая для всей античной Средней Азии тенденция, а именно, сложно профилированные валиками и желобками венчики на закрытых формах посуды как характерный массовый признак, появляются не ранее рубежа н. э., причем в этот же период широко распространяется орнаментация на хозяйственных сосудах. Особенно четко это прослеживается на многослойных памятниках (Пугаченкова, Ртвеладзе и др…; 1978, с. 149, 155; Пилипко, 1985, табл. XXIV; Пугаченкова, 1987, с. 29–31, рис. 5; Болелов, 2006).

Особняком в коллекции керамики поселения Бабиш-мола 7 стоит фрагмент сосуда, представленного в единственном экземпляре. Это фрагмент верхней части высокогорлого, предположительно, кувшиновидного светло-глиняного (черепок в изломе светло-коричневого цвета) сосуда с двумя ручками, верхняя часть которых крепилась к горловине немного ниже устья. Венчик, в виде треугольника округлых очертаний в вертикальном сечении, четко выделен и немного отогнут наружу. Нижняя часть горловины подчеркнута двумя рельефными валиками (рис. 4/10; *1*). По параметрическим характеристикам он значительно отличается от всех сосудов этой формы, описанных выше. Так, например, высота горловины соотносится с диаметром устья как 1,2:1, что совершенно не характерно для чирикрабатской керамики. По морфологическим и параметрическим признакам этот фрагмент очень напоминает верхнюю часть амфоры. Прежде всего, следует отметить сравнительно узкую и высокую горловину, немного расширяющуюся в нижней части. По этим параметрам, найденный на Бабиш-моле 7 фрагмент, напоминает верхнюю часть гераклейских амфор Северного Причерноморья (Античные государства…, 1984, с. 256: Ломтадзе, 2015, с. 12–14). Фрагмент сосуда, если это действительно амфора, является пока единственной находкой греческой керамической тары на территории Южного Приаралья. В тоже время находки гераклейских амфор известны на территории Южного Урала в комплексах второй половины IV – начала III в. до н. э. Так, почти целая гераклейская амфора вместе с мечом «прохоровского» типа была найдена в погребении 1 кургана №3 Ново-Мусинского могильника (Васильев, 2001, с. 169). Первоначально погребение было датировано последней четвертью IV в. до н. э., но позднее эта дата была пересмотрена в сторону омоложения и комплекс был отнесен к последним годам IV – первым десятилетиям III в. до н. э. (Васильев, Сиротин, 2004, 179–180; Монахов, 2006, с. 92). Еще один фрагмент, судя по всему, гераклейской амфоры (ножка) найден в насыпи кургана № 1 могильника Филипповка 2. Этот фрагмент был отнесен к типу амфор I-А (Монахов, 2003, с. 132–134) и датирован концом 50–30 годами IV в. до н. э. (Балахванцев, 2016, с. 123–126). Таким образом, нельзя исключать того, что амфора, фрагмент которой найден на поселении Бабиш-мола 7, могла попасть в низовья Сырдарьи с территории Южного Приуралья.

Кувшины или кувшиновидные сосуды с двумя ручками неизвестны в керамических комплексах Южного Приаралья последней трети I тыс. до н. э. Исключение составляют амфоро-

видные ритоны с двумя отверстиями-«сосками» в придонной части. Эти сосуды, безусловно, являются культовыми, во всяком случае, два целых таких ритона найдены в культовом центре Калалы-Гыр 2 (Вайнберг, 2000, с. 144–145), еще несколько фрагментов представлены в археологическом комплексе культового центра Кой-Крылган-кала.

В керамических комплексах эллинистического периода на территории Согда кувшины с двумя ручками также не встречаются (Шишкина, 1975, с. 60–77; Сулейманов, 2000, с. 165–167). На территории Северной Бактрии, в культурных слоях III–II вв. до н. э., подобные сосуды также, кажется, отсутствуют (Некрасова, Пугаченкова, 1978, с. 144–146; Пилипко, 1985, с. 138, табл. XXII; Сверчков, Восковский, 2006, с. 21–42; Мкртычев, Болелов, 2006, с. 46–48). Единственный фрагмент кувшина с двумя боковыми, симметрично расположенными ручками, верхние концы которых крепились немного ниже верхнего края сосуда, представлен в керамическом комплексе 3 периода крепости Курганзол (Сверчков, 2006, с. 123, рис. 15: *33*). В этом же комплексе обращает на себя внимание фрагмент уникального сосуда с двумя ручками (возможно, амфора) верхние концы которого, прикрепленные к верхней закраине устья, оформлены в виде головок птицы (?) (Сверчков, 2007, с. 52, рис. 13; *13*). Кувшины с двумя ручками, которые крепились к плечикам сосуда, широко распространяются и становятся одной из ведущих керамических форм немного позднее, а именно в комплексах кушано-бактрийского периода, в эпоху правления Великих кушанских царей (II–III вв. н. э.) (Некрасова, Пугаченкова, 1978, с. 151, рис. 103; Пилипко, 1985, с. 140, табл. XXIV; Болелов, 2002в, с. 49–51; Болелов, 2004а, с. 71–74). Наиболее широко эта форма кувшинов, которые часто называют «амфоровидными», была распространена на территории Бактрии в более поздний кушано-сасанидский период (Завьялов, 2008, с. 172, рис. 85). По мнению Н. С. Сычевой, прототипами этих сосудов могли быть двуручные небольшие причерноморские амфоры (Сычева, 1975, с. 142).

Несколько другая ситуация отмечается в левобережной Южной Бактрии. Здесь, в отличие от Северной Бактрии, найдены как целые амфоры, так и их фрагменты. Например, в комплексе Ай-Ханум представлены как классические остродонные амфоры, так и плоскодонные амфоры на кольцевом поддоне. Следует заметить, что у остродонных амфор верхний конец ручек крепился к горловине сосуда немного ниже венчика, тогда как у плоскодонных амфор ручки располагались на плечиках. Вместе с тем, следует отметить, что в керамическом комплексе Афинской Агоры эпохи позднего классицизма и раннего эллинизма хорошо известны амфоры на плоском кольцевидном поддоне с ручками, верхний конец которых крепился к горловине сосуда немного ниже венчика, а нижний – к плечикам сосуда (Sparkes, Talcott, 1970, Pl. 60–64; Fig. 12). У всех сосудов венчик выделен. В поперечном сечении он имел форму валика, прямоугольника или, что примечательно, треугольника с округлой вершиной (Gardin, 1973, с. 161–162; Lyonnet, 2013, Fig. 89). Таким образом, наиболее близкой аналогией или параллелью фрагменту из Бабиш-молы 7, если это, действительно, амфора, являются амфоры из Ай-Ханум.

Крупные горшковидные сосуды – ***В. I. Г*** в количественном отношении значительно уступают кувшинам и кувшиновидным сосудам. Тем не менее, этого вполне достаточно, на наш взгляд, для того, чтобы охарактеризовать данную форму и предварительно выделить типы и варианты.

Как уже говорилось выше, это сравнительно крупные толстостенные сосуды с хорошо выделенным венчиком и невысокой горловиной-шейкой (рис. 4/11). К сожалению, ни одного целого сосуда не было найдено. По этой причине ничего нельзя сказать о форме тулова в данном комплексе. Однако ее можно представить на основании аналогий в комплексах, публиковавшихся ранее. Это были сравнительно высокие, плоскодонные сосуды с овоидным (яйцевидным) туловом (***Д3*** расположен в верхней трети профиля сосуда) и хорошо выделенной горловиной (Вайнберг, Левина, 1993, с. 65–67, рис. 76).

Среди сосудов этой формы, безусловно, преобладают горшки с массивным, округлым в сечении венчиком в виде валика, в большей или меньшей степени отогнутым наружу, и четко выраженной невысокой шейкой (рис. 4/11: *1–5, 7–11*). По всей видимости, эти сосуды можно предварительно выделить в отдельный тип горшков – ***В. I. Г. 1.*** В то же время по виду венчика эти горшки несколько различаются. Прежде всего, следует отметить угол подрезки нижнего края венчика по отношению к стенке горловины. Также как и у кувшиновидных сосудов, он может быть тупым скругленным, и тогда венчик имеет округлые очертания. Нижний край может быть подрезан и под прямым углом, и тогда нижний край венчика немного заострен (рис. 4/11: *1*). В отдельных случаях нижний край венчика подрезался под острым углом к вертикальной оси горловины. Кроме того, при дополнительной обработке верха устья у отдельных сосудов, внешняя боковая поверхность венчика обтачивалась под углом к центральной оси, и тогда верхний край сосуда имел резкие очертания, близкие к треугольнику или ромбу (рис. 4/11: *9, 21*). Вряд ли эти разновидности венчика можно рассматривать как принципиальные морфологические различия. Наиболее вероятным представляется, что это, также как и в случае с кувшинами, выбор конкретного мастера-гончара, и в этом случае, выявленные различия следует отнести к случайным колебаниям параметров форм сосудов (подробно об этом см.: Цетлин, 2017, с. 221–222). Более существенным отличием, которое можно рассматривать как признак варианта типа – ***В.I.Г.1а***., является хорошо выраженный уступ-желобок на внутренней поверхности венчика (рис. 4/11: *10*). Учитывая тот факт, что этот признак фиксируется и на некоторых фрагментах кувшиновидных сосудов (см. выше) его следует, по всей видимости, считать характерной особенностью чирикрабатского археологического комплекса, во всяком случае, в группе хозяйственных сосудов. Можно предполагать, что он имел не столько декоративное, сколько функциональное назначение, а именно являлся уступом для крышки, которой закрывались сосуды. Необходимо отметить, что в группе хозяйственной и тарной посуды в древнехорезмийском керамическом комплексе этот признак, кажется, неизвестен. В тоже время крупные горшки с массивным венчиком

в виде валика и хорошо выраженным желобком или ложбинкой на внутренней поверхности венчика представлены в комплексе Хумбузтепа II в Южном Хорезме, который относится к позднему (Дингильджинскому) этапу РЖВХ II – вторая половина V – середина IV вв. до н. э. (Болелов, 2004, с. 51).

Надо полагать, что еще одним вариантов первого типа горшков ***В.I.Г.1.b*** являются сравнительно крупные горшки с массивным венчиком в виде округлого валика, у которых шейка практически не выделена, при этом плечики у отдельных экземпляров очень покатые, или почти прямые. По-видимому, форма тулова этих сосудов больше напоминает банку, чем горшок. Почти у всех горшков этого варианта на плечиках отмечается четко выраженный горизонтальный валик (рис. 4/11: *6*). Следует отметить, что валики на покатых плечиках крупных тарных сосудов – хумов и хумчей с массивным валикообразным венчиком являются одним из самых характерных признаков керамики этой группы в комплексе позднеархаического и древнехорезмийского периода (Воробьева, 1973, с. 125, рис. 36; Болелов, 2004, с. 414; Калалы-Гыр 2…, 2004, с. 110, рис. 3/9; Баратов, 2017, с. 21, рис. 15).

Среди крупных горшковидных сосудов из комплекса Бабиш-мола 7 выделяется небольшое количество фрагментов, которые можно, на наш взгляд, выделить как отдельный тип – ***В.I.Г.2.*** Это горшковидные сосуды со сравнительно высокой и четко выраженной горловиной, заметно расширяющейся к верху, таким образом, в плоской проекции она напоминает трапецию основанием вверх. Наиболее показательным параметрическим признаком этого типа горшков является соотношение ***М = Н1/Д1,*** который фиксируется в интервале 0,18–0,27, тогда как у горшков типа ***В.I.Г.1.*** этот же показатель имеет значения от 0,1 до 0,14 (см. выше). У горшков этого типа верхний край немного утолщен и оформлен в виде округлого, слабо выраженного валика (рис. 4/11: *15,16*). Кроме того, как характерный признак можно отметить четко выраженный валик в месте перехода от горловины к плечикам сосуда, а также более или менее четко выраженное рифление на внешней поверхности горловины. Следует отметить, что горшки этого типа, кажется, не находят себе близких аналогий в комплексах второй половины I тыс. до н. э. на территории Приаралья и южных областей Средней Азии. В некоторой степени, прежде всего по форме горловины и наличию валиков и рифления, они напоминают фрагменты верхней части крупных широкогорлых кувшинов, в небольшом количестве представленных в комплексе Афрасиаб II (Шишкина, 1974, с. 36, рис. 3; *11*). Следует также заметить, этот тип горшков не отмечен в предыдущей публикации чирикрабатской керамики (Вайнберг, Левина, 1993, с. 62–67).

Еще одним, отдельным типом крупных горшков – ***В.I.Г.3.***, являются сосуды с невыделенной или слабо выделенной шейкой и массивным, сильно уплощенным в верхней горизонтальной плоскости подтрехугольным в сечении венчиком, наклоненным внутрь устья (рис. 4/11: *18)*, который иногда приобретает Т-образные очертания. Характерным признаком этого типа горшков является довольно плотный красный или красно-коричневый ангоб по внешней по-

верхности. В опубликованном ранее комплексе из раскопок, в основном городища Бабиш-мола, крупные тарные сосуды с подобным видом венчика выделены в отдельный тип – тип 1 (35,6 % от общего количества тарной посуды по Л. М. Левиной) (Вайнберг, Левина, 1993, с. 62–64). Примечательно, что в Хорезме полные аналогии этим сосудам неизвестны. В тоже время, они, прежде всего по конфигурации венчика, в некоторой степени близки отдельным фрагментам хорезмийских кратеров. Можно вспомнить, например, фрагмент верхней части кратера с антропоморфным налепом на плечиках из Калалы-Гыр 2 (Калалы-Гыр 2…., 2004, с. 134, рис. 3/20). Следует обратить внимание еще и на тот факт, что хорезмийские кратеры, также как и сосуды из Бабиш-молы, с внешней стороны были покрыты плотным красным ангобом. Наиболее близкой аналогией, прежде всего, по виду венчика, этим сосудам являются крупные хумы или корчаги, представленные в ранних эллинистических слоях периода Афрасиаб II (Кабанов, 1973, с. 54, рис. 12: *26,27*; Шишкина, 1974, с. 47, рис. 8: *9*). Очень близкие по виду венчики кратеров хорошо известны в бактрийских керамических комплексах III–II вв. до н. э., например, на Ай-Ханум, (Gardin, 1973, с. 146, fig. 20; Lyonnet, 2013, fig. 97). В определенной степени, по морфологическим признакам, прежде всего, по виду венчика, они близки крупным сосудам с массивным, горизонтально уплощенным «манжетовидным» венчиком, сильно наклоненным внутрь сосуда, которые представлены в эллинистических комплексах Малой Азии, например, в слоях IV–III вв. до н. э. в Пергаме (de Luca, Radt, 1999, с. 42).

Керамические фляги – ***В.I.Ф.*** представлены в комплексе единичными экземплярами[29], в основном это фрагменты верхней части тулова сосудов, у которых сохранились горловина и плечики, до места перехода к основной части тулова. Благодаря находке целого сосуда в производственном помещении мастерской № 1, а также в заполнении здания около горна № 7 (раскоп 6) на поселении Бабиш-мола 7, мы можем уверенно говорить об этой форме тарной керамики. Это ассиметричные сосуды с туловом полусферической, или близкой к ней, формы. Горловина невысокая, чаще всего цилиндрической формы, но есть фрагменты, у которых верхний край горловины значительно отогнут наружу, в этом случае она имеет форму раструба. Венчик сосудов, в виде округлого валика в вертикальном сечении, четко выделен, и в большей или меньшей степени отогнут наружу (рис. 4/10: *6,7*; рис. 4/12). Переход от плечиков к плоской стороне тулова подчеркнут более или менее выделенным ребром. Все немногочисленные фрагменты фляг, представленные в комплексе, с внешней стороны покрыты плотным красным или красно-коричневым ангобом. Здесь следует отметить, что в комплексе керамики городища Бабиш-мола 1, опубликованном ранее, отмечены красноглиняные фляги, снаружи покрытые светлым ангобом (Вайнберг, Левина, 1993, с. 71). В комплексе Бабиш-мола 7 ни одного фрагмента светлоангобированных фляг не представлено. чирикрабатские фляги находят себе прямые аналогии на территории Хорезма (в первую оче-

[29] Аналогичная ситуация уже отмечалась в предыдущей публикации комплекса чирикрабатской керамики, где фляги составляли всего 0,5 % от общего количества круговой гончарной посуды (Вайнберг, Левина, 1993, с. 71).

редь) (Кой-Крылган-кала….., 1967, с. 106–107; Калалы-Гыр 2…., 2007, с. 117–119, рис. 3/14). Близкие по форме тулова фляги известны на территории Парфии, где они представлены наряду с симметричными флягами с эллипсоидным в вертикальном боковом сечении туловом (Пилипко, 1975, рис. 35; Кошеленко, Пилипко, 1985, с. 369, табл. LXXXI). На территории Бактрии находки фляг исчисляются единицами[30], тем не менее, асимметричные фляги с немного выпуклой плоской стороной известны в комплексе Ай-Ханум (Gardin, 1973, с. 163). В южных областях Средней Азии фляги появляются не ранее самого конца IV – начала III вв. до н. э. (Мкртычев, Болелов, 2006, с. 46; Сверчков, 2007, с. 52). В тоже время в Хорезме, где керамические вьючные фляги являются одной из ведущих форм хозяйственной тарной посуды в древнехорезмийском археологическом комплексе, они известны уже в середине – второй половине V в. до н. э. (Воробьева, 1973, с. 137). В это же время, а, скорее всего, еще раньше, керамические фляги нескольких типов были широко распространены на территории Ирана (Girschman, 1954, Pl. XXXV; Schmidt, 1957, Pl. 72, *12,13*; Stronach, 1978, P. 260; см. также: Литвинский, 1973, с. 136–138). Примечательно, что в Хорезме фляги появляются уже как полностью сформированная керамическая форма, что дает основание считать ее привнесенной. Надо полагать, именно из Хорезма асимметричные полусферические фляги попали на территорию Нижней Сырдарьи и стали непременной составляющей чирикрабатского керамического комплекса. Это подтверждается еще и тем, что в одном из курганов на Чирик-рабате была найдена хорезмийская фляга с хорезмийской надписью (рис. 4/12: 5). Кроме того, еще одна, безусловно, хорезмийская фляга найдена на поселении Бабиш-мола 7 – это обычная асимметричная форма с короткой, четко выделенной, горловиной. Выпуклая сторона сосуда декорирована четко выраженными рельефными концентрическими кругами и росписью красной краской в виде «креста» по центру (рис. 4/12: 4). Надо полагать, что первые хорезмийские фляги попали в низовья Сырдарьи с торговыми караванами по восточному отрезку «Великого Индийского пути» (Болелов, 2014, с. 1–27), также, как во второй половине I тыс. до н. э., они были привезены в сарматские кочевья Южного Урала и Волго-Уральского междуречья (Васильев, 2006, с. 58–60; Болелов, 2012, с. 208–219).

Крупные тарные сосуды хумы и хумчи – ***B.I.X.*** по нашей классификации являются непременным атрибутом в любом керамическом комплексе на территории Центральной Азии. Они стационарно устанавливались в помещениях и использовались для длительного хранения жидких или сыпучих продуктов. Это крупные толстостенные сосуды с овоидным усеченным округлыми биконическим туловом, более и менее отчетливо выделенной шейкой и сравнительно покатыми плечиками. В археологической литературе их иногда называют «боченко-

[30] Исключение составляет археологический комплекс из крепости Узун-Дара в Западном Гиссаре, где асимметричные керамические фляги являются одной из ведущих форм в группе хозяйственной посуды. Материал готовится к публикации. Авторы выражают благодарность руководителю раскопок крепости Н. Д. Двуреченской за возможность ознакомиться с материалом.

видными», но это только в том случае, когда шейка практически не выделяется, а тулово сосуда скорее напоминает цилиндр. В керамическом комплексе Бабиш-мола 7 у большинства хумов и хумчей шейка выделена. Довольно часто нижняя часть шейки при переходе к плечикам подчеркнута валиками и желобками (рис. 4/13: *1,4,6,7,8*). Все сосуды имеют хорошо профилированный утолщенный венчик округлых очертаний. По сути, это массивный валик, но у большинства сосудов нижний край его подрезан под прямым или острым углом к стенке сосуда и в этом случае он приобретает очертания клювовидного, с округлым верхним краем (рис. 4/13; *1–8*). Таким образом, почти все хумы в комплексе можно отнести к различным вариациям одного типа – ***B.I.X.1.***, причем варианты выделяются по виду венчика. Среди них выделяется один сосуд с отогнутым наружу клювовидным венчиком и очень покатыми плечиками, таким образом, форма тулова его близка банкообразной. На внешней поверхности этого сосуда есть следы росписи красной краской в виде спирали. Подобный орнаментальный мотив является одним из наиболее типичных, характеризующих признаков хорезмийской тарной посуды последней трети I тыс. до н. э. (Воробьева, 1959, с. 93, рис. 9; Калалы-Гыр 2…., 2004, 3/7; Болелов, 2010, 122–143). В тоже время следует заметить, что у хорезмийских хумов венчики имеют другую форму, чаще всего это – валик и округлый венчик подпрямоугольной в сечении формы (в археологической литературе такой профиль венчика часто называют «округлый манжет») (Калалы-Гыр 2…., 2004, с. 108). В этом они значительно отличаются от чирикрабатских, о форме которых сказано выше.

В комплексе Бабиш-мола 7 обращают на себя внимание несколько фрагментов хумов, форма венчиков которых отличается от описанных выше. В первую очередь отметим, что горловина у этих сосудов не выделена, а массивный венчик, наклоненный внутрь сосуда, имеет подтреугольные очертания (рис. 4/13: *10*). Подобные венчики крупных сосудов на территории Хорезма, кажется, не встречаются, в то же время, близкие по очертанием венчики, известны на территории Бактрии (Gardin, 1973, с. 155: Fig. 25). Однако они не являются типичными в эллинистических комплексах юга Средней Азии, где, безусловно, преобладают венчики хумов в виде валиков или скругленных манжетов (Некрасова, Пугаченкова, 1978, с. 144–146, рис. 100).

Столовая посуда – группа С.

В комплексе керамики Бабиш-мола 7 и тем более на Баланды 1 сложно выделить сосуды закрытых форм, которые, безусловно, можно было бы считать столовыми. Весьма вероятно, что к таковым можно отнести красноангобированный кувшин, изготовленный в подражание металлическим сосудам, о котором говорилось выше. Кроме того, нельзя исключать, что также к группе столовой керамики относятся немногочисленные, также красноангобированные эйнохоевидные кувшины, представленные в комплексе единичными фрагментами устья сосудов. Нельзя также исключать, что к этой же группе относится фрагмент кувшина (?) с прямым

верхним краем и четко выраженным резко выступающим валиком, расположенным немного ниже устья сосуда (рис. 4/10: *2*). Аналогии этому сосуду нам не известны, и можно только предполагать, что это кувшин со сравнительно высокой горловиной, который закрывался крышкой.

По всей видимости, к отделу I группы «С» относятся небольшие плоскодонные горшки со сферическим или горизонтально уплощенным сферическим туловом, сформованные на двухдисковом гончарном круге и покрытые снаружи плотным красным или красно-коричневым ангобом (рис. 4/10: *4, 5*). У этих сосудов была хорошо выраженная невысокая шейка и немного утолщенный отогнутый наружу, округлый в сечении, верхний край. Венчик не выделен. Подобные сосуды отмечены в чирикрабатском керамическом комплексе, опубликованном ранее. Л. М. Левина относит их к горшкам 2-го типа (Вайнберг, Левина, 1993, с. 67, рис. 77; *72,73*). Сама по себе форма этих сосудов, по нашему мнению, не является ни хронологическим, ни тем более этническим индикатором. Например, небольшие лепные горшочки идентичной формы, которые М. И. Филанович совершенно справедливо, на наш взгляд, сравнивает с лепными горшками раннесарматской культуры, найденными в так называемом «Некрополе номадов» на Шаштепе, в Ташкенте (Филанович, 2010, с. 207; Филанович, 2010а, с. 74–79). Аналогичные сосуды, которые датируются первыми веками н. э., вкопанные вверх дном, найдены на городище Ишкурган на Средней Сырдарье (Чач) (Богомолов, 1984, с. 266–267). Более существенными и значимыми, на наш взгляд, являются практически прямые аналогии, которые эти горшки находят в керамическом комплексе усадьбы Дингильдже в Правобережном Хорезме, где к третьему типу горшков отнесены небольшие плоскодонные красноангобированные горшочки высотой до 10 см и диаметром тулова 11,5–13 см с четко выраженной шейкой и немного утолщенным скругленным верхним краем (Воробьева, 1973, с. 133, рис. 39; *1, 3*). Хорезмийские, надо полагать, столовые горшочки, в свою очередь, находят себе близкие аналогии в иранских археологических комплексах ахеменидского периода, например, в археологическом комплексе из Персеполя и Суз (Schmidt, 1957. Pl. 72, *6, 8*; Воробьева, 1973, с. 135–136). Эта форма, во всяком случае, на территории Ирана, видимо, генетически связана с небольшими горшочками, представленными в более ранних, доахеминидских комплексах, например, в керамической коллекции периода РЖВ III городища Зивие (Young, 1965; цит. по Талаи, 2011, с. 191, рис. 46). Из всего сказанного выше, видимо, следует признать, что эта форма появилась в низовьях Сырдарьи в результате торговых и культурных связей с Хорезмом. Вряд ли серьезно можно говорить о прямых связях Нижней Сырдарьи с областями Южного Прикаспия и Северо-Восточного Ирана. Следует заметить, что очень близкий по форме и морфологическим признакам как хорезмийским, так и чирикрабатским сосудам, горшок найден в кургане № 11 могильника Филипповка (Болелов, 2012а, с. 213), Вне всякого сомнения, он попал на Южный Урал по северному сухопутному отрезку «Великого индийского пути».

Открытые формы – отдел II.

Ко второму отделу группы столовой керамики отнесены все сосуды, максимальный диаметр которых является одновременно диаметром устья сосуда или расположен немного ниже закраины или венчика, но не ниже уровня верхней четверти профиля сосуда.

Этот отдел включает в себя кубки, чаши и столовые миски[31]. Всего к отделу СII отнесено 56 фрагментов, на которых в большей или в меньшей степени реализуются как параметрические, так и морфологические признаки, характерные для определенной формы сосудов. Характерным технологическим признаком этой категории столовой посуды является плотный ангоб на внутренней поверхности. Надо полагать, что наличие плотного ангоба на внутренней поверхности открытых форм обусловлено функциональным назначением этих сосудов, в которые наливали жидкость. Плотная облицовка обеспечивала меньшую гигроскопичность керамики.

Столовые чаши и кубки можно отличить от мисок не только на интуитивном уровне, но и по параметрическим признакам. У большего числа столовых чаш и кубков диаметр устья – 14–16 см. Лишь в двух случаях отмечен размер, превышающий указанный интервал – 20 и 22 см. У подавляющего большинства мисок диаметр устья отмечен в интервале – 20–28 см. Вместе с тем несколько сосудов имеют диаметр устья – 15–16 (один из них явно бракованный), немного больше мисок, диаметр устья которых превышает 30 см (рис. 4/14: табл. 13). Кроме того, миски отличаются от кубков и чаш по соотношению параметрических признаков. Так, соотношение максимального диаметра тулова (резервуара) и высоты сосуда у кубков, в том случае, когда эти параметры удалось замерить, не превышает значения 1,5 (чаще всего – 1,2–1,3) у мисок это значение всегда больше 2.

Значительно сложнее выделить по параметрическим признакам чаши и кубки, так как по размеру они близки между собой. В этом случае определяющее значение приобретают морфологические признаки.

Кубки – С.II.К. Форма выделяется, прежде всего, по морфологическим признакам и на основании сравнительно-типологического метода с привлечением близких аналогий из синхронных комплексов.

Это сосуды с цилиндроконической формой резервуара, причем максимальный диаметр тулова практически всегда фиксируется в месте перехода от верхней цилиндрической части к нижней, конической, расположенного в центральной части профиля сосуда. Показатель соотношения высоты верхней части сосуда (***Н1+Н2***) и максимального диаметра тулова сосуда (***Д3***) колеблется в интервале 0,84–1. Место перехода часто выделено или четко выраженным

[31] Практически вся керамика группы С отдела II фрагментирована; целые формы исчисляются единицами. По этой причине все сосуды, которые определены как миски, отнесены к этому отделу группы С. Весьма вероятно, что в ходе анализа более представительной выборки керамики некоторые из этих сосудов можно будет отнести к подгруппе хозяйственной керамики группы В.

валиком, или ребром-уступом (рис. 4/15; *1-5*). Однако у некоторых сосудов, которые можно рассматривать как вариант формы, а при большем количестве сосудов в выборке, возможно, и как тип, этот переход специально не выделен и имеет мягкие, скругленные очертания (рис. 4/15: *6,8,9*). Во всяком случае, именно такой переход отмечен на единственном полностью сохранившемся сосуде (рис. 4/15: *7*). Нельзя не отметить, что при такой конфигурации профиля, прежде всего из-за сравнительно широкого дна, кубок больше напоминает небольшой широкогорлый горшочек, чем классический цилиндро-конический кубок. Вместе с тем, обращает на себя внимание и то, что очертания сосуда, особенно верхней его части, весьма схожи с некоторыми хорезмийскими кубками первого типа, широко представленными в комплексах древнехорезмийского периода (Воробьева, 1959, с. 108, рис. 17; Кой-Крылган-кала, 1967, с. 316, табл. III; Калалы-Гыр, 2004, с. 122, рис. 3/15).

У большинства кубков верхний край прямой, мягко скошенный внутрь резервуара. Как вариант можно отметить несколько фрагментов сосудов, у которых верхний край слегка утолщен и профилирован в виде небольшого округлого валика (рис. 4/15: *1, 7, 9*). У всех сосудов дно никак не выделено, оно или плоское, или немного округлое, диаметром – 4–6 см (рис. 4/15: *10, 11, 14, 15, 16*). Лишь в одном случае, в верхнем слое практически полностью разрушенного горна № 7 на Бабиш-моле 7, найден фрагмент нижней части кубка на невысоком усеченно-коническом кольцевом поддоне, сформованном методом жгутового спирального налепа, который был обточен и смоделирован на гончарном круге (рис. 4/15: *13*). У некоторых кубков в придонной части отмечены знаки, нанесенные до обжига, это одна, две вертикальные или наклонные полосы (рис. 4/15: *14, 15*). В одном случае – это был знак в виде так называемой «куриной лапки» – центральная прямая полоса и две косые полосы по обе стороны от нее (рис. 4/15: *7*). В опубликованном Л. М. Левиной комплексе, в группе керамики, изготовленной на гончарном круге (II группа), в подгруппе открытых форм (отдел II в группе С – по нашей классификации), выделены только миски и чаши (при этом соотношения параметров, по которым выделяются эти формы, не приводится). Среди чаш, которые, по данным Л. М. Левиной, составляют 10,6 % в комплексе, выделяются два типа сосудов. К первому отнесены чаши с приостренным верхним краем и округлым туловом («плавно закругленными стенками» по Л. М. Левиной). Ко второму типу, разделенному, в свою очередь, на несколько вариантов, отнесены глубокие чаши с заметным, но чаще с резким перегибом стенок на уровне середины или верхней трети тулова сосуда. В количественном отношении второй тип явно преобладает – 83,5 % от общего количества чаш в комплексе (Вайнберг, Левина, 1993, с. 75–77). По параметрическим признакам (соотношение максимального диаметра к высоте сосуда – 1,2–1,25), сосуды, выделенные как чаши 2-го типа, по нашему мнению, являются кубками. Л. М. Левина не отмечает валики и желобки, подчеркивающие резкий переход от цилиндрической части тулова к конической. Между тем на чертеже (Вайнберг, Левина, 1993, рис. 74г) такие сосуды (подтип II В по Л. М. Левиной) представлены. Таким образом, два варианта, или типа цилинд-

роконических кубков, выделенные нами в комплексе поселения Бабиш-мола 7, соответствуют двум подтипам чаш (IIA и IIB), которые были выделены Л. М. Левиной.

Кубки с цилиндроконическим туловом, у которых переход от конической части к цилиндрической подчеркнут ребром или выделен четко выраженным валиком, являются одной из ведущих форм столовой посуды в керамических комплексах эллинистического времени на юге Средней Азии. Происхождение эллинистической керамики Средней Азии часто связывают с преобладающим влиянием греческой керамической традиции. Возможно, это действительно относится к некоторым формам эллинистической посуды (эйнохоя, «рыбное блюдо», кратер) (см., например: Гаибов, 2004, с. 600–608), однако большинство форм эллинистической керамики имеют прототипы в более ранних среднеазиатских комплексах. Это относится и к кубкам с цилиндроконической формой резервуара. В комплексах первой половины III в. до н. э. подавляющее большинство сосудов этого типа имеют дисковидный или кольцевидный поддон (Шишкина, 1975, с. 70; Ртвеладзе, Болелов, 2000, с. 100–101). Следует подчеркнуть, что эта характерная деталь сосуда появляется именно в эллинистический период. Например, на Афрасиабе кубки на дисковидном или кольцевидном поддоне известны только начиная с периода Афрасиаб IIa (Шишкина, 1969, с. 230, рис. 3; *20,24*; ее же 1974, с. 38; Lyonnet, 1998, с. 141–159, с. 148; Fig. 2; Лионе, 2014, с. 219, рис. 6). Этот тип кубков довольно хорошо представлен в комплексе Ай-ханума (Gardin, 1973, с. 141–142; Lyonnet, 2013, Fig. 120). В тоже время, например, в комплексах эллинистического периода Этека (подгорная полоса Копетдага) почти все кубки этого типа не имеют поддона (Пилипко, 2015, с. 89, рис. 71; *10-12*).

Плоскодонные столовые сосуды с цилиндроконическим резервуаром достаточно хорошо известны в керамических комплексах, предшествующих по времени эллинистическому периоду. Так подобные сосуды являются одной из ведущих форм в группе столовой керамики усадьбы Дингильдже в Левобережном Хорезме, которую можно датировать в пределах середины V – начала IV вв. до н. э. Они приземисты, имеют сравнительно широкое дно и по внешнему абрису больше похожи на чаши, поэтому в тексте они называются «чашевидными сосудами» (Воробьева, 1973, с. 129–130). Вместе с тем по соотношению параметрических показателей эти сосуды все-таки следует отнести к кубкам. Кроме того, по морфологическим признакам выделяется вариант с четко выраженным валиком в месте перехода от цилиндрической части тулова к конической (Воробьева, 1973, с. 130, рис. 38), а этот признак, как уже упоминалось выше, характерен для цилиндроконических кубков эллинистического периода. Близкие по форме сосуды известны в комплексах типа Яз-III на территории Маргианы, а также в комплексах Кызыл II-III на территории Северной Бактрии (Массон В. М., 1959, табл. XXXVII; Сагдуллаев, 1987, рис. 26; *1, 3*; его же; 1989, с. 42–43; Сарианиди, 1972, рис. 55; Шайдуллаев, 2000, с. 93, рис. 63). Таким образом, вряд ли следует считать кубки с цилиндроконическим резервуаром на дисковидном или кольцевом поддоне целиком привнесенной керамической формой. Скорее, этот тип столовой керамики можно рассматривать как даль-

нейшую трансформацию известной ранее формы. Собственно, заимствованным элементом здесь является дисковидный или кольцевой поддон, который и появляется в эллинистический период. В связи с этим особый интерес вызывает находка на поселении Бабиш-мола 7 (горн № 7) нижней части кубка на дисковидном поддоне (рис. 4/15: *13*).

Кубки с плавным перегибом стенок в центральной части и округлыми очертаниями тулова (2-й вариант или тип по нашей классификации), безусловно, находят себе большое количество прототипов в керамических комплексах доэллинистического периода (Пидаев, 1984, с. 113, рис. 1, Пилипко, 2015, с. 161, рис. 148). Примечательно, что этот тип сосудов в ранних эллинистических комплексах сосуществует с цилиндроконическими кубками на поддоне (Шишкина, 1974, с. 38; Литвинский, Седов, 1984, с. 125; табл. XI; Lionnet, 1997, Fig. 45, *1, 2, 3*; Болелов, 2001, с. 30, рис. 5).

Чаши – С.II. Ч. Эта форма в достаточном количестве представлена в комплексе. От кубков чаши отличаются, прежде всего, очертаниями тулова и соотношением основных параметров: у чаш соотношение ***Д3:Н*** всегда более 1,5. Верхний край сосудов прямой, немного приостренный, иногда скошенный внутрь сосуда и слегка наклонен внутрь резервуара. Во всех случаях венчик никак не выделен (рис. 4/15: *17, 18, 20, 21, 23*). В археологической литературе чаще всего эти плоскодонные сосуды позиционируются как глубокие чаши с резервуаром «полусферической формы». Нам представляется это определение не совсем точным. Строго говоря, резервуар этих сосудов является не полусферой, а *шаровым слоем*[32]. Все сосуды изготовлены на двухдисковом гончарном круге, снаружи и изнутри все они покрыты плотным красным или красно-коричневым ангобом. По параметрическим и морфологическим характеристикам они являются полной аналогией чашам I типа, которые были выделены Л. М. Левиной (11% от общего количества чаш в комплексе) (Вайнберг, Левина, 1993, с. 75, рис. 74г).

Миски – С.II. М. Прежде чем приступить к описанию и характеристике данной формы, следует оговориться, что функциональное назначение этих сосудов, то есть отнесение их к группе В или группе С, не всегда определяется точно. Вполне можно допустить, что некоторые из мисок использовались для переработки или недолгого хранения продуктов, и относятся к группе хозяйственной керамики – «В», но в то же время эти же сосуды вполне могли употребляться и в качестве столовой посуды. Другими словами, миски были сосудами различного, можно сказать, универсального назначения. Все они изготовлены на гончарном круге быстрого вращения и почти все покрыты плотным ангобом коричневого, красно-коричневого или красного цвета, что позволяет, конечно с определенной долей допущения, отнести эти сосуды к группе «С» (столовая посуда). Видимо, косвенным подтверждением об универсальности этой формы сосудов является тот факт, что в комплексе отсутствуют крупные ке-

[32] Шаровой слой (фигура вращения) – это часть шара, заключенная между двумя параллельными секущими плоскостями. Расстояние между секущими плоскостями (в нашем случае, высота сосуда) называется высотой шарового слоя (Маслова, Суходский, 2008, с. 527).

рамические тазы-тагора, которые, безусловно, относятся к хозяйственной посуде. Например, в древнехорезмийском керамическом комплексе как по параметрическим, так и по морфологическим признакам четко различаются тагора и крупные столовые миски (Воробьева, 1959, с. 96; Калалы-Гыр 2, 2004, с. 103–105). Возможно, факт отсутствия крупных специальных открытых форм в Бабишмолинском комплексе свидетельствует о еще недостаточно разработанной стандартизации в гончарном производстве чирикрабатской культуры. В тоже время, как будет указано ниже, в комплексе можно выделить немногочисленную группу крупных мисок с характерными морфологическими признаками, которые гипотетически можно отнести к форме тагора.

По сути, все сосуды в комплексе, определенные как миски, являются вариантами одного типа мисок. Это довольно невысокие плоскодонные сосуды с резервуаром полусферической или усечено-конической формы. Диаметр устья у подавляющего большинства мисок – колеблется в интервале 20–32 см, лишь у единичных экземляров диаметр устья меньше 20 см. В то же время у отдельных сосудов этой формы диаметр устья был более 35 см. Как уже отмечалось выше, соотношение максимального диаметра сосуда – ***Д3***, а чаще всего – это диаметр устья – ***Д1***, к общей высоте – ***Н*** всегда имеет значение более 2–2,5, а в некоторых случаях немного больше 4. Собственно, этот параметрический показатель и является основным признаком, отличающим миски от глубоких чаш (**С.II.Ч**.), и уж тем более, от кубков (**С.II. К**). Практически у всех сосудов верхний край утолщен и в большей или в меньшей степени наклонен внутрь резервуара.

Таким образом, все миски, представленные в комплексе, могут быть отнесены к одному типу сосудов – **С.II. М.1**. Вместе с тем, по конфигурации верхнего края и венчика сосуда (если таковой имеется), являющимся дискретным морфологическим признаком, можно выделить несколько вариантов этого типа сосудов.

С.II. М. 1а. У всех мисок, отнесенных к этому варианту, венчик не выделен. Верхний край всегда был округлых очертаний, заметно утолщен и в большей или в меньшей степени наклонен внутрь сосуда (рис. 4/16: *14*). Диаметр устья у мисок этого варианта – 24–28 см, но есть несколько фрагментов крупных сосудов с диаметром устья 34–38 см. Как разновидность этого варианта можно рассматривать небольшое количество мисок, у которых верхний край с внешней стороны выделен отчетливым желобком и таким образом моделируется некоторое подобие венчика.

С.II. М. 1в. Диаметр устья – 23–27 см, но есть и более крупные миски; у некоторых этот показатель немногим более 30 см. У сосудов этого варианта также венчик специально не выделен. Верхний край значительно утолщен, но, в отличие от мисок первого варианта, он резко загнут внутрь сосуда, конец его значительно утончен, а иногда даже заострен. Таким образом, верхний край, обращенный внутрь сосуда, приобретает вид «клювовидного». В значительной степени это подчеркивается и тем, что верхний край с внешней стороны скошен наружу

(рис. 4/16: *7, 10–13*). Также, как и среди мисок первого варианта, встречаются фрагменты, у которых утолщенный верхний край подчеркнут хорошо выраженным желобком, что также можно расценивать как попытку моделировки венчика и, соответственно, как морфологический признак (рис. 4/16: *1, 2*). Среди мисок второго варианта несколько особняком стоит небольшая миска, сохранившаяся полностью: Д1 – 16,5 см; Н – 4,5 см. Она отличается от остальных не только размерами, но и наличием слабо выделенного сплошного дисковидного поддона (рис. 4/16: *6*), что, в общем, не характерно для столовой керамики чирикрабатской культуры. Кроме того, выделяется довольно крупная миска с незначительно утолщенным верхним краем, по сравнению с остальными. Стенки сосуда украшены четко выраженными горизонтальными опоясывающими желобками, кроме того, в придонной части до обжига был нанесен знак в виде «куриной лапки» (рис. 4/16: *8*).

С. II. М.1с. У мисок этого варианта венчик выделен в большей или в меньшей степени. У некоторых из них, как представляется наиболее типичных сосудов, форма его в вертикальном сечении несколько напоминает букву «Т», наклоненную наружу. У большинства сосудов внутренний край венчика приострен и обращен внутрь резервуара, внешний край горизонтально уплощен, хорошо выделен в виде округлого или уплощенного валика и скошен наружу (рис. 4/16: *3, 4, 5*). Как разновидность этого варианта мисок можно рассматривать сосуды, у которых венчик имеет не очень резкие очертания, но по морфологическим признакам они близки между собой (рис. 4/15: *9*). Во всяком случае, можно предполагать, что при изготовлении сосуда мастер, в просе формовки моделировал венчик, а не выделял его простым желобком, как это отмечалось в первых двух вариантах.

В комплексе обращает на себя внимание немногочисленная группа крупных мисок (диаметр устья более 30 см) с хорошо профилированным массивным венчиком в виде округлого или немного уплощенного по верхнему краю валика, боковая поверхность которого в большей или в меньшей степени скошена наружу (рис. 4/16: *15–17*). Одним из характеризующих признаков этих сосудов являются четко выраженные желобки под венчиком. У одной из мисок, которая сохранилась полностью, желобком выделена и придонная часть (рис. 4/16: *16*) Размеры этих сосудов, а также некоторые параметрические показатели (толщина стенок) дают основание предполагать, что именно этот тип мисок мог использоваться как тагора, то есть крупные глиняные тазы для переработки и хранения продуктов. Следует также отметить, что по форме сосуда и по виду венчика они близки некоторым хорезмийским тагора, но отличаются от них по размеру (Калалы-гыр 2…., 2004, с. 104, рис. 3/6).

В комплексе чирикрабатской керамики, опубликованном ранее, миски составляли 18,6 % в группе посуды, изготовленной на гончарном круге. Л. М. Левина выделяет шесть типов мисок, причем 5 и 6 типы определены как блюда. Таковыми они, собственно, и являются по всем параметрическим показателям. Первый, второй и четвертый типы мисок (по классификации Л. М. Левиной) являются вариантами 1 типа по нашей классификации. Кроме того, Л. М. Ле-

вина выделяет и третий тип сосудов этой формы, который, по аналогиям с южными среднеазиатскими комплексами, называет «рыбными блюдами» (Вайнберг, Левина, 1993, с. 71–74). Следует отметить, что среди столовой керамики Бабиш-молы 7 таких мисок или чаш не найдено даже во фрагментах. Несколько венчиков сосудов этого типа обнаружено среди подъемного материала на городище Бабиш-мола 1. Наконец, один фрагмент, безусловно, «рыбного блюда» представлен в керамическом комплексе Бабиш-мола 8. (Утубаев, Болелов, 2019, с. 164, рис. 2: *1*). Кстати, в комплексе, опубликованном Л. М. Левиной, миски этого типа также немногочисленны – 1,5 процента всех сосудов этой формы. Среди сосудов второго типа, по своей классификации, в подтипе II А Л. М. Левина выделяет миски варианта II.А.2 – миски с профилированным наружу Г-образным венчиком и уплощенным «бережком» (верхняя поверхность устья сосуда) (Вайнберг, Левина, 1993, рис. 74 Г). В комплексе Бабиш-Мола 7 миски такого типа не представлены. Кроме того, Л. М. Левина отмечает в комплексе некоторое количество сплошных дисковидных и кольцевидных поддонов, которые представлены в таблицах (Вайнберг, Левина, 1993, с. 72, рис. 80). Здесь следует заметить, что некоторые из них, судя по углу расширения стенок в придонной части, действительно относятся к мискам, тогда как отдельные фрагменты, представленные на рисунке (Вайнберг, Левина, 1993, рис. 80; *95*), скорее являются частью другой формы сосудов, может быть, кратеров.

Все миски, описанные выше, находят себе прямые аналогии в комплексах южных областей Средней Азии, о чем уже определенно говорилось ранее (Вайнберг, Левина, 1993, с. 75–74). Кроме того, практически все, выделенные по материалам Бабиш-молы 7, варианты этих сосудов очень схожи, а зачастую идентичны мискам, широко представленным в древнехорезмийском керамическом комплексе. Особенно это относится к мискам 1-го и 2-го типов по принятой в Хорезме классификации (Калаы-гыр 2….., 2004, с. 127–131, рис. 3/18). Не вызывает сомнения тот факт, что появление этих типов сосудов на территории Южного Приаралья связано с эллинистической керамической традицией. В предшествующий период (позднеархаический или Дингильджинский) в низовьях Амударьи были распространены совершенно другие типы мисок и чаш, являвшихся одной из ведущих форм в группе столовой посуды. По большей части это открытые сосуды полусферической или усечено-конической формы с прямым, зачастую, приостренным верхним краем. Практически у всех сосудов венчик никак не выделен (Воробьева, 1973, с. 127–129, рис. 37–38). Таким образом, прототипы чирикрабатским мискам, впрочем, также, как и хорезмийским, следует, по всей видимости, искать в южных эллинистических комплексах III–II вв. до н. э. Причем приаральские сосуды можно рассматривать только как реплику хорошо известных типов эллинистической посуды.

Прототипом выделенных выше вариантов мисок *С.II.М.1а* и *С.II.М.1в* являются хорошо известные чаши с наклоненным или «загнутым» внутрь резервуара верхним краем. Причем у некоторых сосудов верхний край может быть слегка утолщенным, в этом случае он имеет округлые очертания (см. например: Шишкина, 1975, рис. 4; *14, 19, 20*; Литвинский, Седов,

1984, с. 224, табл. XI; 12); в другом варианте верхний край, наоборот, немного приострен (Шишкина, 1975, рис. 4; *15, 16*; Болелов, 2001, с. 30, рис. 5; *7*; Сверчков, 2006, с. 122–123, рис. 14, 15; Пидаев, 1987, с. 87–97). На юге Средней Азии чаши этого типа могут быть и плоскодонными, но, чаще всего, они имеют дисковидный плоский или вогнутый поддон, реже – кольцевидный (Ртвеладзе, Болелов, 2000, с. 103, рис. 1; *17*). В связи с этим, обращают на себя внимание отдельные миски варианта *С. II. М. 1в* в комплексе Бабиш-мола 7, у которых отмечается слабо выраженный плоский дисковидный поддон (рис. 4/16: *6*).

Миски варианта *С. II. М. 1с.* По морфологическим признакам, прежде всего по конфигурации венчика, обнаруживают определенное сходство с чашам, у которых венчик по общепринятой среднеазиатской терминологии имеет «Т-образную» форму (см. Шишкина, 1975, с. 60). Конечно, миски Бабиш-молы 7, не являются полной аналогией сосудам, известным в южных комплексах, но то, что эллинистические чаши являются прототипами чирикрабатских мисок, не вызывает никакого сомнения.

Двухдисковый гончарный круг и двухъярусный обжигательный горн, надо полагать, были привнесены на территорию древней дельты Сырдарьи извне. Во всяком случае, в археологических комплексах предыдущего периода керамика, изготовленная на гончарном круге, явно была привозной, а посуда местного производства изготовлена вручную, в лучшем случае с использованием вращающейся подставки. Первые сосуды, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения (двухдискового), по сопутствующему материалу датируются не позднее начала IV вв. до н. э., причем наиболее близкой аналогией этим сосудам являются некоторые типы столовой посуды Древнего Хорезма (Курманкулов, Переводчикова, Болелов, 2009, с. 146–148). Надо полагать, в это же время на территории Нижней Сырдарьи появляются и двухъярусные обжигательные керамические горны с прямым ходом горячих газов.

Керамика является основным датирующим материалом, который получен в ходе раскопок[33]. Керамический комплекс из поселения Бабиш-мола 7 достаточно представительный и большая часть форм и типов сосудов находят себе большое количество аналогий в керамических комплексах эпохи античности на территории Средней Азии. В первую очередь это относится к группе столовой посуды, где открытые формы, как уже подробно разбиралось выше, обнаруживают большое сходство с некоторыми типами столовой керамики из археологических комплексов эпохи эллинизма на территории Бактрии и, в большей степени, Согда. То же можно сказать и о некоторых типах хозяйственной тарной посуды, например, о крупных горшковидных сосудах типа ***В.I.Г.3.*** В то же время сосуды эллинистического облика в комплексе Бабиш-мола 7 не являются прямой аналогией керамике из южных областей Средней Азии. Не вызывает сомнения тот факт, что вся керамика Бабиш-молы 7, за исключением

[33] Единственный бронзовый наконечник стрелы, найденный в слое на Раскопе 3, как уже отмечалось выше (см. Глава 3), по стратиграфическим данным не может служить основой для датировки культурного слоя, относящегося к основному периоду жизни здания.

отдельных, явно, привозных сосудов, отмеченных выше, производилась на месте. Надо полагать, что первоначально чирикрабатские гончары формовали отдельные формы столовой керамики по эллинистическим прототипам, но, со временем, характерные морфологические особенности огрублялись и упрощались. В керамическом комплексе Бабиш-мола 7 явно прослеживается некоторая трансформация классических эллинистических образцов, и таким образом этот комплекс можно охарактеризовать как пример периферийной постэллинистической керамической традиции, причем воспринятой не напрямую, а опосредовано. Основным ретранслятором этой традиции, по всей видимости, следует считать Согд.

Обращает на себя внимание отсутствие в столовом сервизе Бабиш-молы 7 некоторых форм, являющихся непременной составляющей эллинистических комплексов. В первую очередь – это, так называемые, «рыбные блюда». Известны находки единичных фрагментов этих столовых сосудов (Бабиш-мола 8), которые по технологическим признакам, скорее всего, являются импортом. В то же время на Бабиш-моле 7, пока единственным на территории Нижней Сырдарьи гончарным центре, эти сосуды не найдены. Следует отметить практически полное отсутствие как дисковидных, так и кольцевидных поддонов в комплексе. Этот факт не позволяет говорить о присутствии в комплексе классических кратеров. Также не найдено пока ни одного фрагмента сосудов типа леканы, тогда как в древнехорезмийском керамическом комплексе, в котором также отмечается опосредованное влияние эллинистической керамической традиции, такие сосуды, также как и кратеры на кольцевом поддоне, присутствуют (Болелов, 2005б, с. 224–225), и они явно были изготовлены на месте, в подражание эллинистическим образцам (см. например: Rotroff, 1997, с. 364–369; табл. 77–78). Учитывая эти наблюдения, можно предположить, что на раннем этапе формирования комплекса на территории Бабиш-молинского оазиса, в результате контактов с южными земледельческими областями, появились отдельные формы эллинистической столовой керамики, которые и стали для местных гончаров образцами для подражания.

Таким образом, учитывая все сказанное выше, керамический комплекс Бабиш-мола 7, а, следовательно, и все поселение можно датировать никак не ранее конца IV – начала III в. до н. э. Если принимать во внимание гипотезу о том, что, собственно, эллинистический комплекс окончательно сформировался на территории Бактрии и Согда в период владычества Селевкидов, то есть в первой половине III в. до н. э. (Сверчков, 2006, 105–124), то основание поселения гончаров Бабиш-мола 7 и формирование керамического комплекса следует датировать серединой III–II вв. до н. э., то есть вторым этапом существования чирикрабатской археологической культуры.

Кроме сосудов, изготовленных в подражание эллинистическим образцам, в комплексе выделяются формы сосудов, явно испытавшие влияние хорезмийской керамической традиции. В первую очередь следует отметить крупные кувшиновидные сосуды без ручки – транспортная тара, которые явно преобладают в количественном отношении в группе хозяйственной

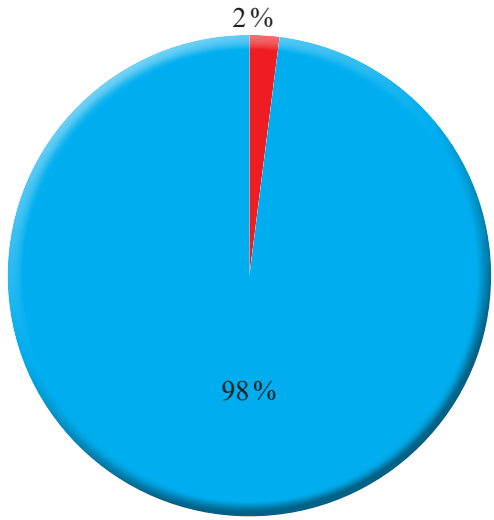
керамики Бабиш-молы 7. На некоторых фрагментах этих сосудов отмечены следы росписи в виде спирали, что является одним из наиболее характерных декоративных признаков именно хорезмийских кувшинов (Болелов, 2010, с. 122–142). Еще одной формой, которая явно была заимствована из Хорезма – это полусферические вьючные фляги, что подтверждается находками, безусловно, хорезмийских фляг на памятниках чирикрабатской культуры, упоминавшихся выше. Видимо, как отголосок хорезмийской керамической традиции можно рассматривать наличие в комплексе некоторого количества глубоких чаш с округлым резервуаром («чашевидных» сосудов по М. Г. Воробьевой) и плоскодонных цилиндро-конических кубков.

В комплексе выделяется группа керамики, которую можно, на наш взгляд, рассматривать как формы, сформировавшиеся уже на территории Нижней Сырдарьи в процессе развития гончарства на этой территории. В первую очередь следует отметить кувшины с приземистым уплощенным по вертикали сферическим, сравнительно широким в центральной части туловом (рис. 4/6; *1*). Видимо, к этой же группе относятся горшковидные сосуды со сравнительно высокой и четко выраженной горловиной, заметно расширяющейся к верху, таким образом, в плоской проекции она напоминает трапецию основанием вверх – ***В.I.Г.2.*** У горшков этого типа верхний край немного утолщен и оформлен в виде округлого слабо выраженного валика (рис. 4/11: *15, 16*). Кроме того, как характерный признак можно отметить четко выраженный валик в месте перехода от горловины к плечикам сосуда, а также более или менее четко выраженное рифление на внешней поверхности горловины.

На основании всего сказанного выше, можно говорить о двух основных факторах, которые влияли на формирование чирикрабатской керамической традиции. На раннем этапе, который пока фиксируется только на Чирик-рабате и, отчасти, на поселении Баланды, это был, по всей видимости, прямой культурный импульс из Хорезма. Позднее отчетливо фиксируется опосредованное влияние эллинистической керамической традиции. Видимо, в этот же период, в процессе развития производства, формируются и новые характерные формы сосудов, присущие чирикрабатскому керамическому комплексу.

Таблица 4/1. Диаграмма по керамике Бабиш-молы 7. Раскоп 1 (2015 г.)

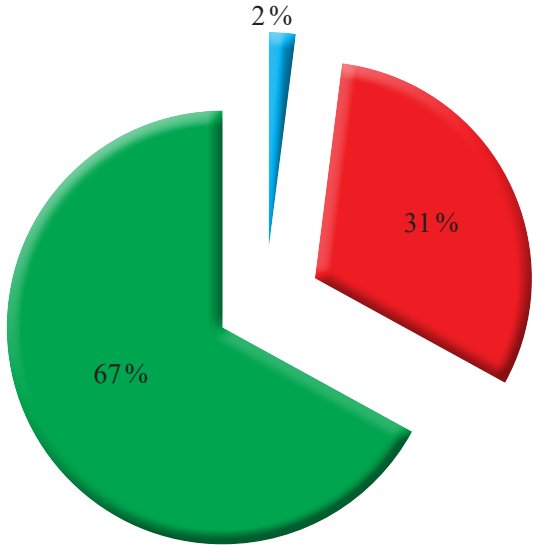
Общий показатель технологии изготовления

– лепная керамика
– гончарный круг

I группа – 3 фрагмента
II–III группа – 144 фрагмента

Разделение по типам

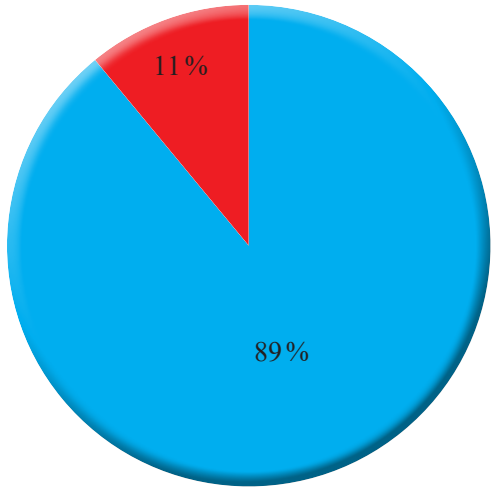
– I группа. Кухонная посуда

– II группа. Хумы, хумчи, крупные горшковидные сосуды, транспортная тара, крупные кувшины без ручки

– III группа. Миски, чаши, кубки, небольшие водоносные кувшины, горшки

Таблица 4/2. Диаграмма по керамика Бабиш-молы 7. Раскоп 2 (2015–2017 гг.)

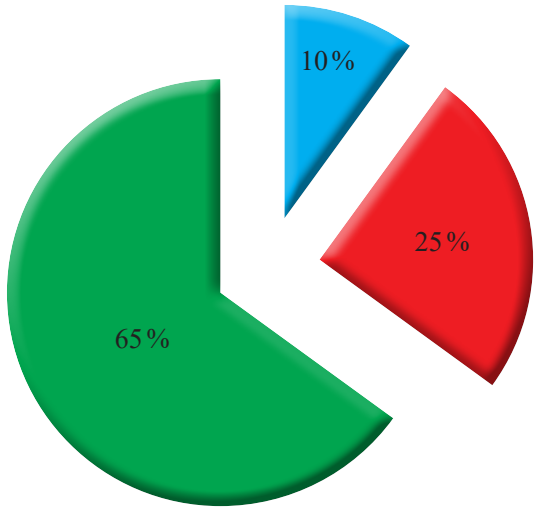
Общий показатель технологии изготовления

– лепная керамика
– гончарный круг

I группа – 85 фрагментов
II–III группа – 684 фрагмента

Разделение по типам

– I группа. Кухонная посуда

– II группа. Хумы, хумчи, крупные кувшиновидные сосуды без ручки, корчаги

– III группа. Миски, чаши, кубки, небольшие водоносные кувшины, горшки

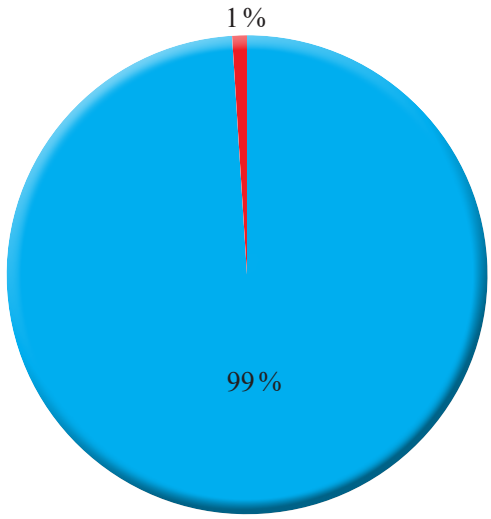
Таблица 4/3. Диаграмма по керамике Бабиш-молы 7. Раскоп 3 (2015, 2017 гг.)

Таблица 4/4. Диаграмма по керамике Бабиш-молы 7. Раскоп 4 (2016 г.)

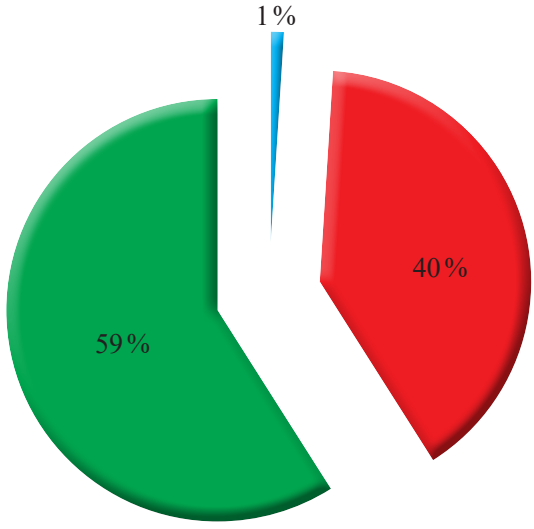
Общий показатель технологии изготовления

– лепная керамика
– гончарный круг

I группа – 1 фрагмент
II–III группа – 99 фрагментов

Разделение по типам

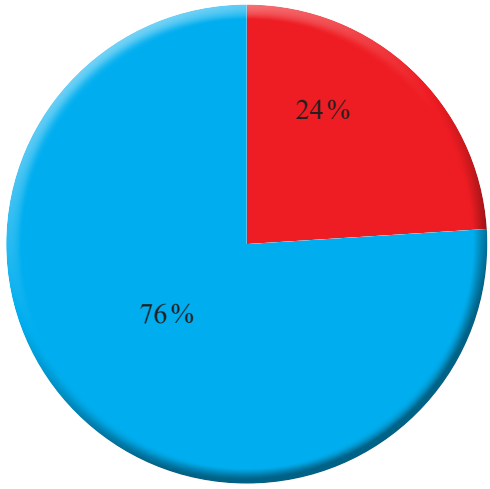
– I группа. Кухонная посуда

– II группа. Хумы, хумчи, крупные горшковидные сосуды, транспортная тара, крупные кувшины без ручки

– III группа. Миски, чаши, кубки, небольшие водоносные кувшины, могут быть горшки

Таблица 4/5. Диаграмма по керамике Бабиш-молы 7. Раскоп 5 (2016 г.)

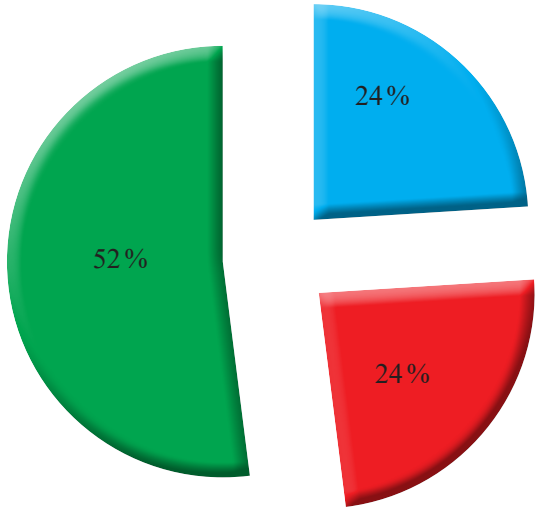
Общий показатель технологии изготовления

– лепная керамика
– гончарный круг

I группа – 4 фрагмента
II–III группа – 13 фрагментов

Разделение по типам

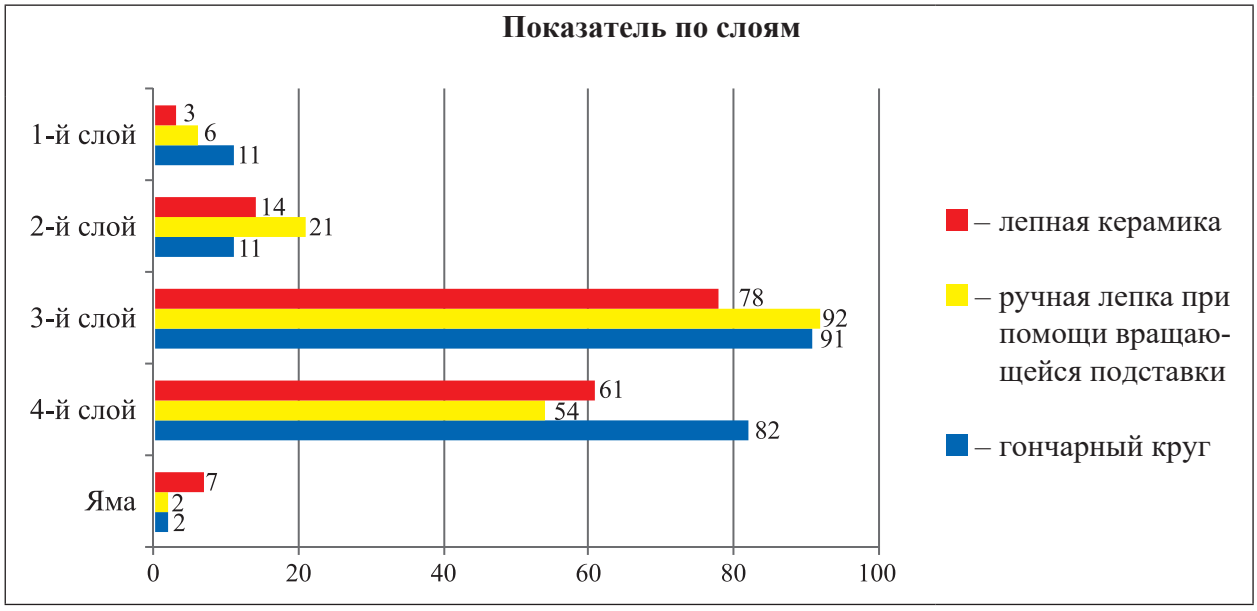
– I группа. Кухонная посуда

– II группа. Хумы, хумчи, крупные горшковидные сосуды, транспортная тара, крупные кувшины без ручки

– III группа. Миски, чаши, кубки, небольшие водоносные кувшины, могут быть горшки

Таблица 4/6. Диаграмма керамики по Баланды (2014 г.)

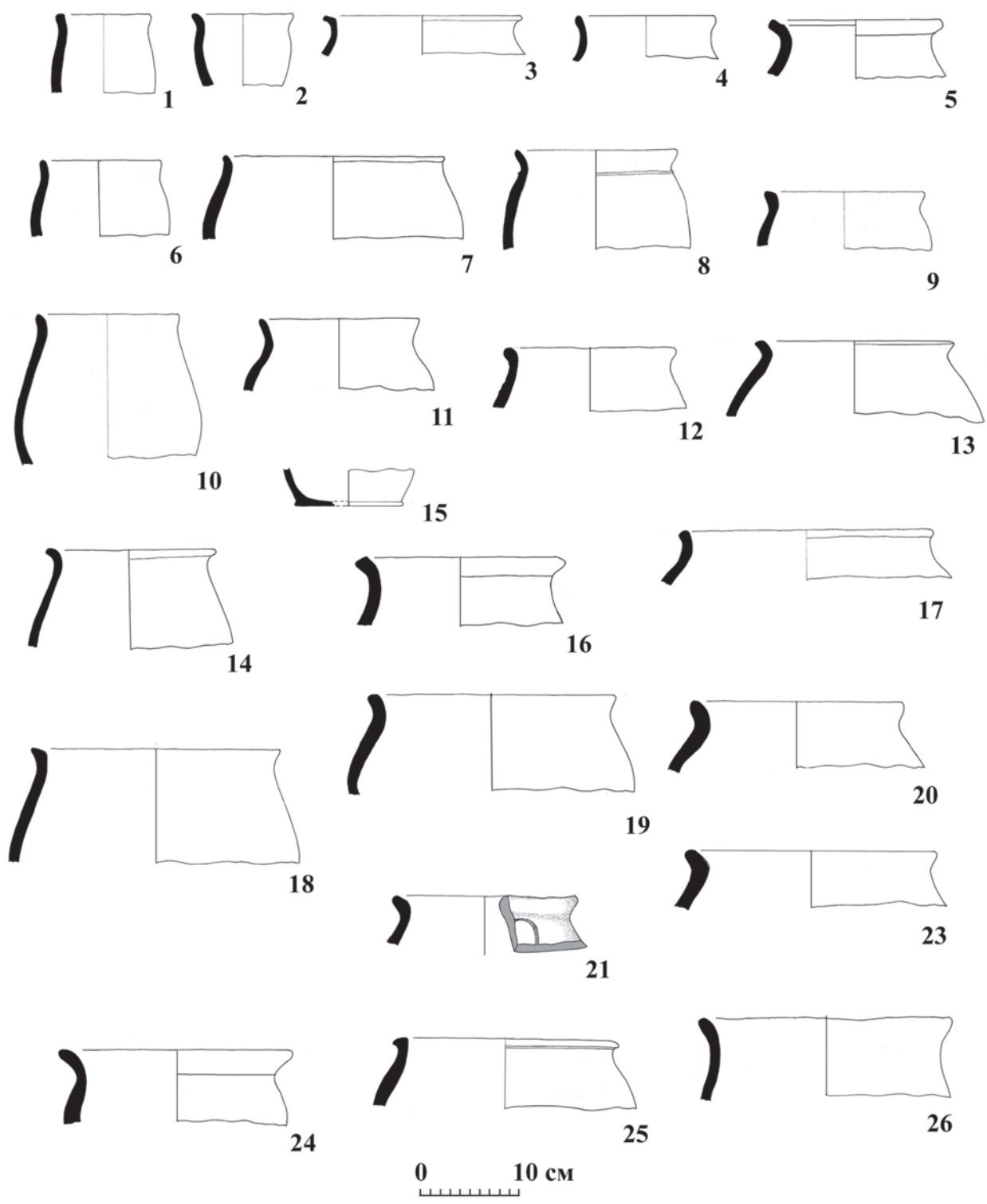

Рис. 4/1. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Кухонная керамика

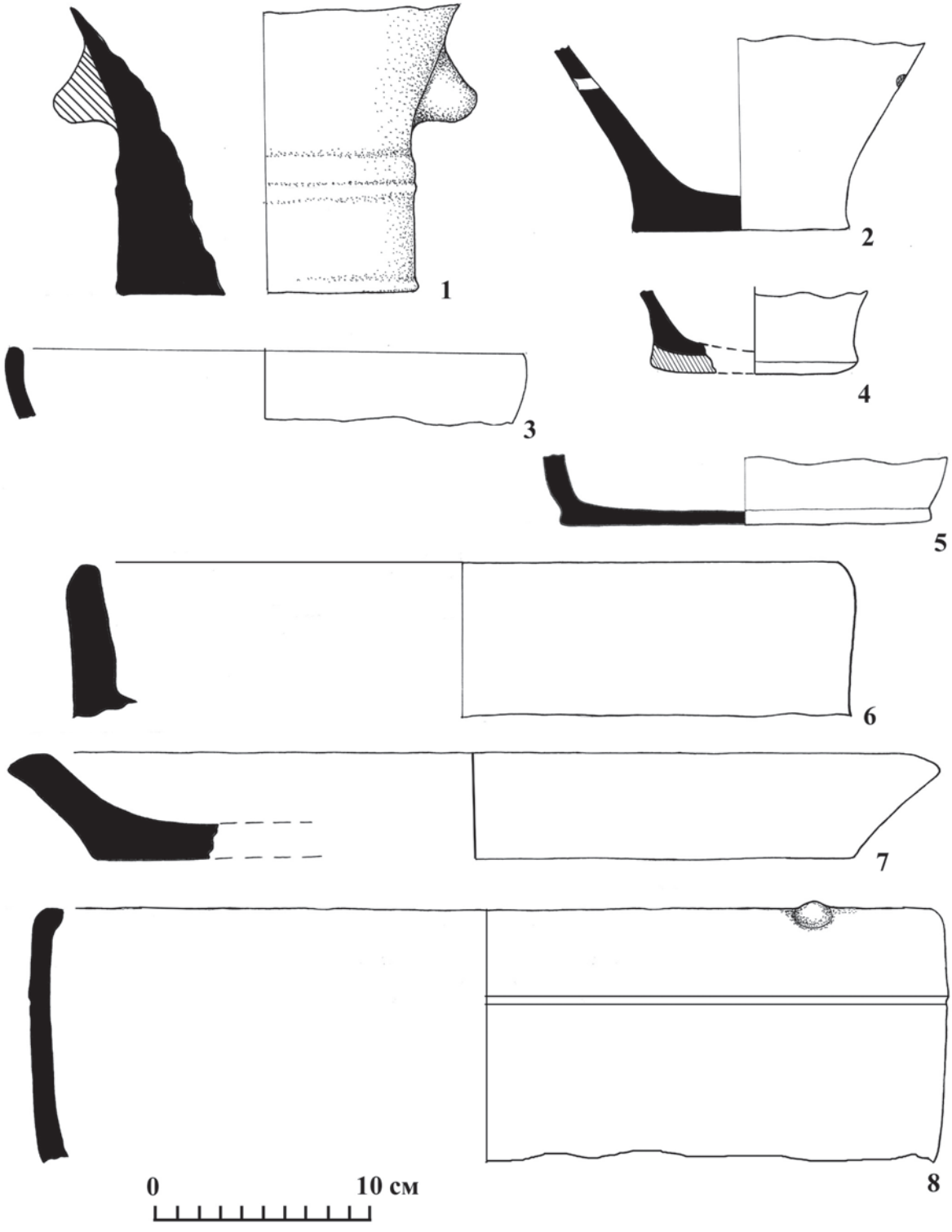

Рис. 4/2. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Лепная керамика. Редкие формы

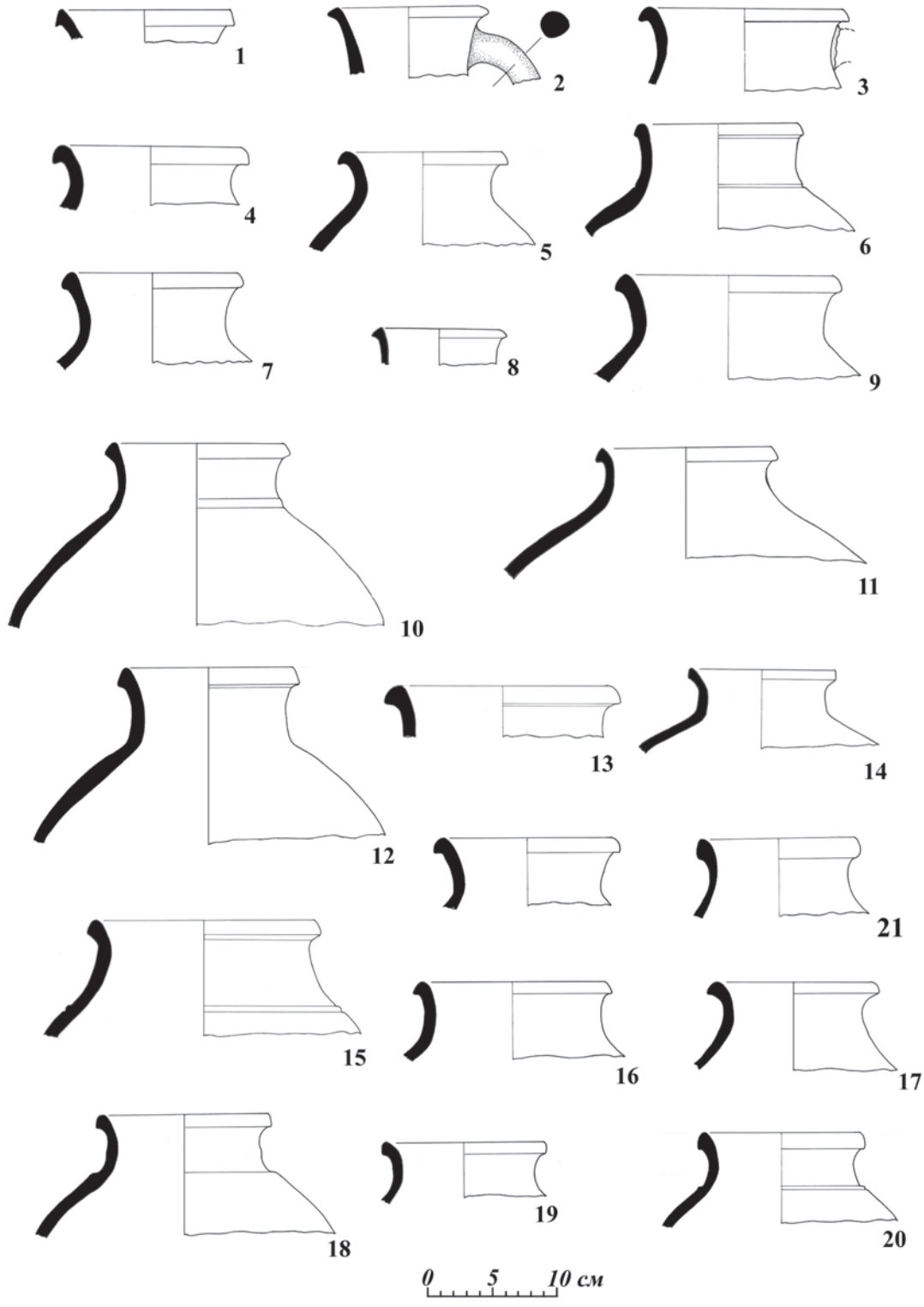

Рис. 4/3. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Кувшины

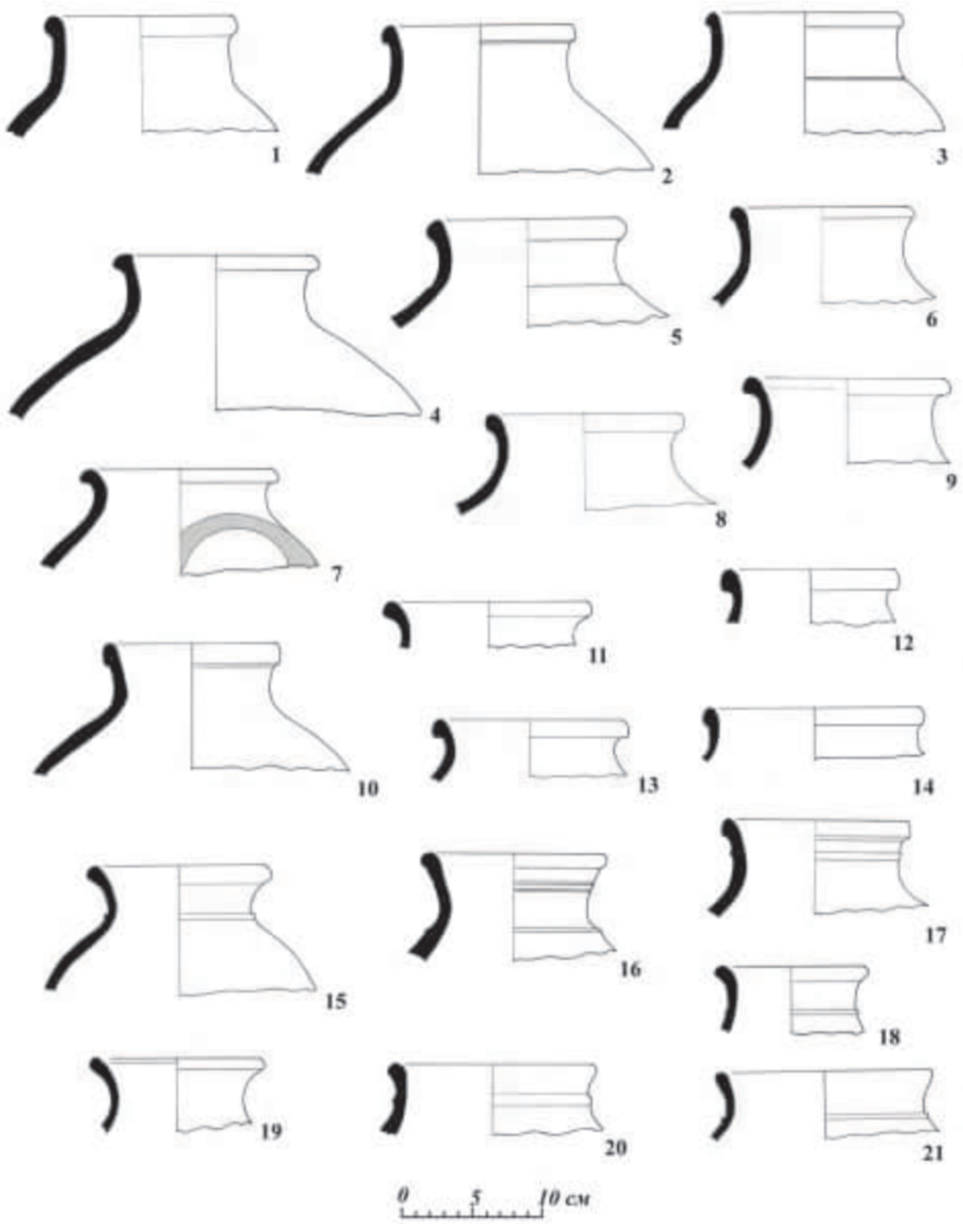

Рис. 4/4. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Кувшины

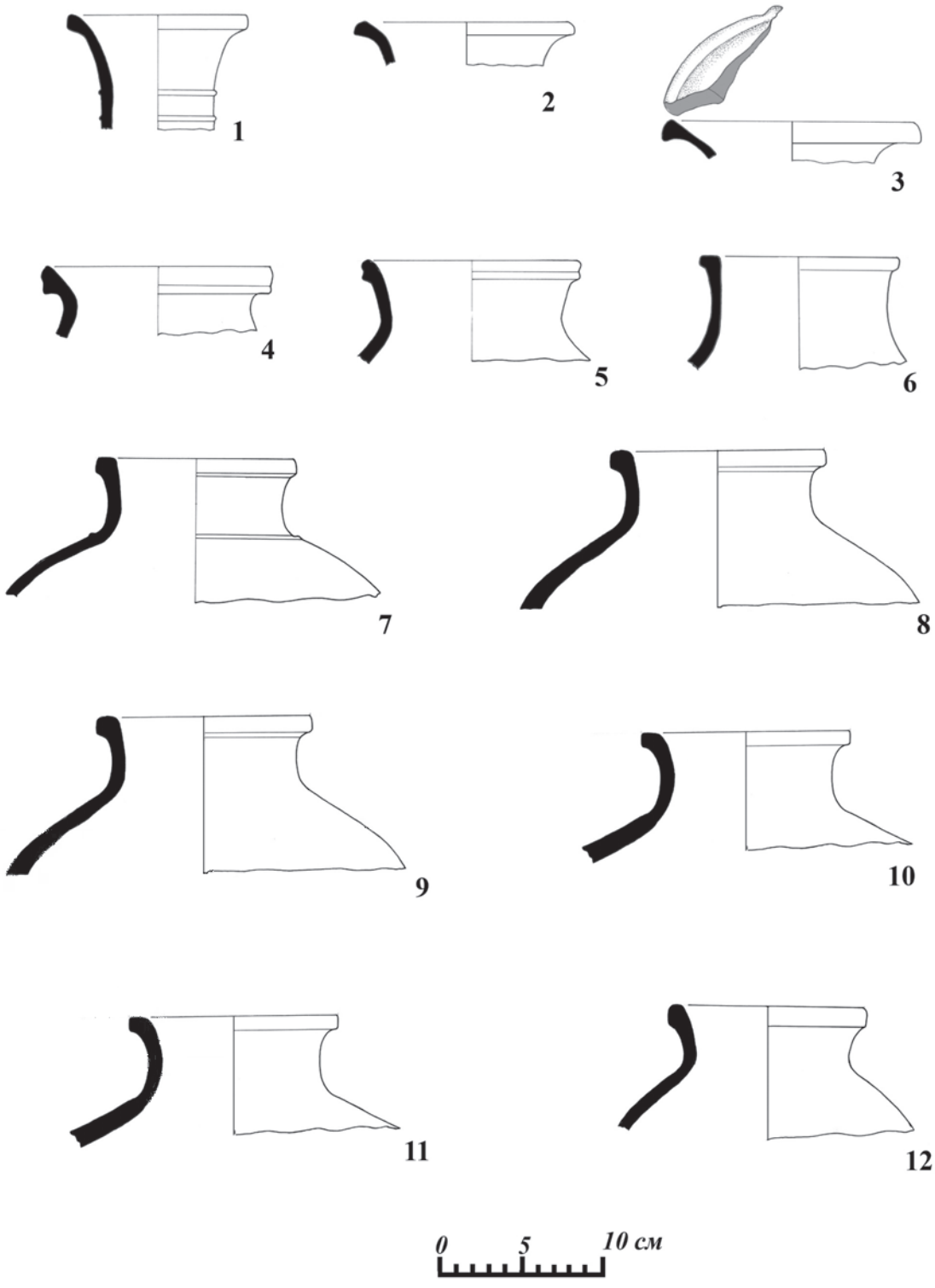

Рис. 4/5. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Кувшины

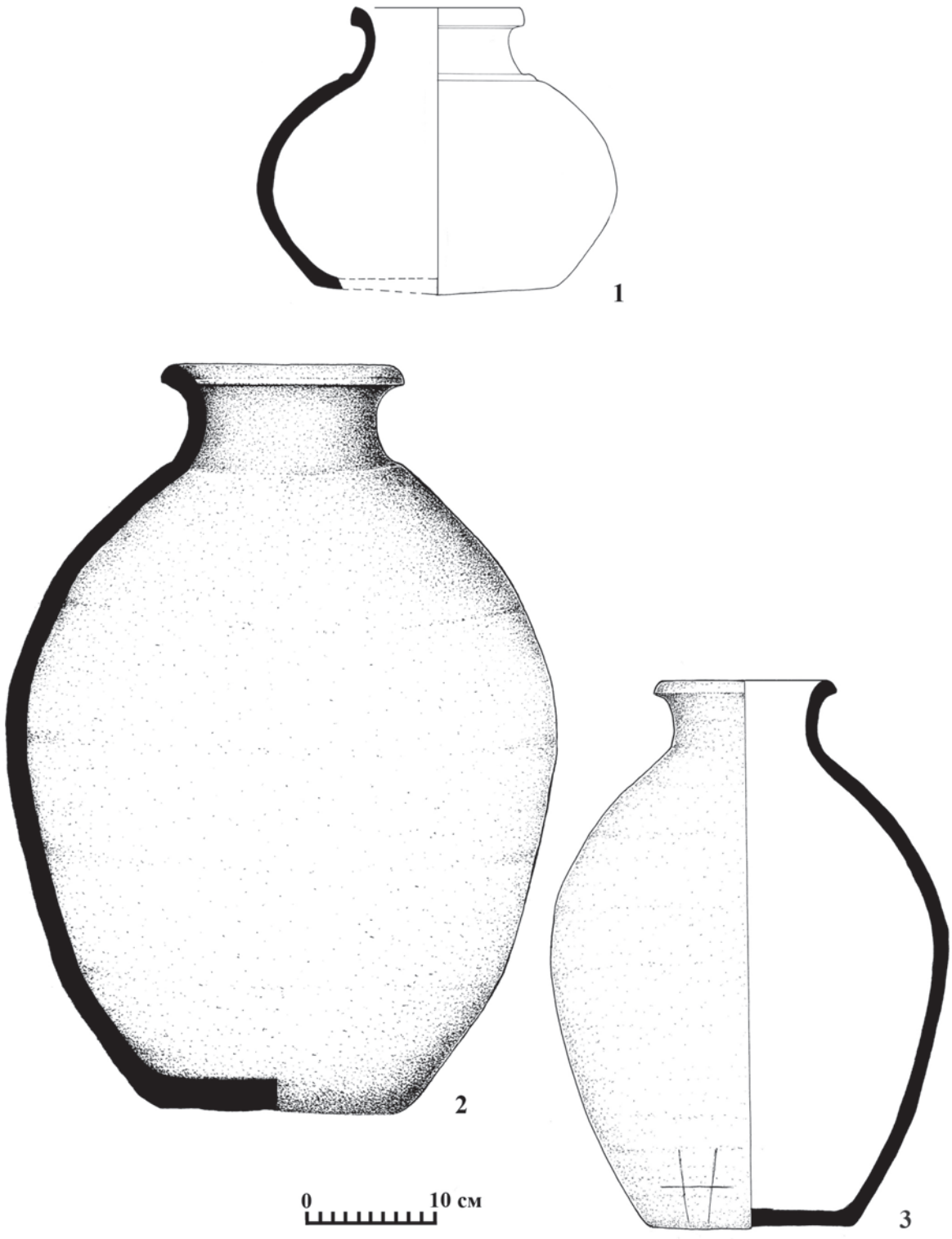

Рис. 4/6. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Кувшины. Целые формы

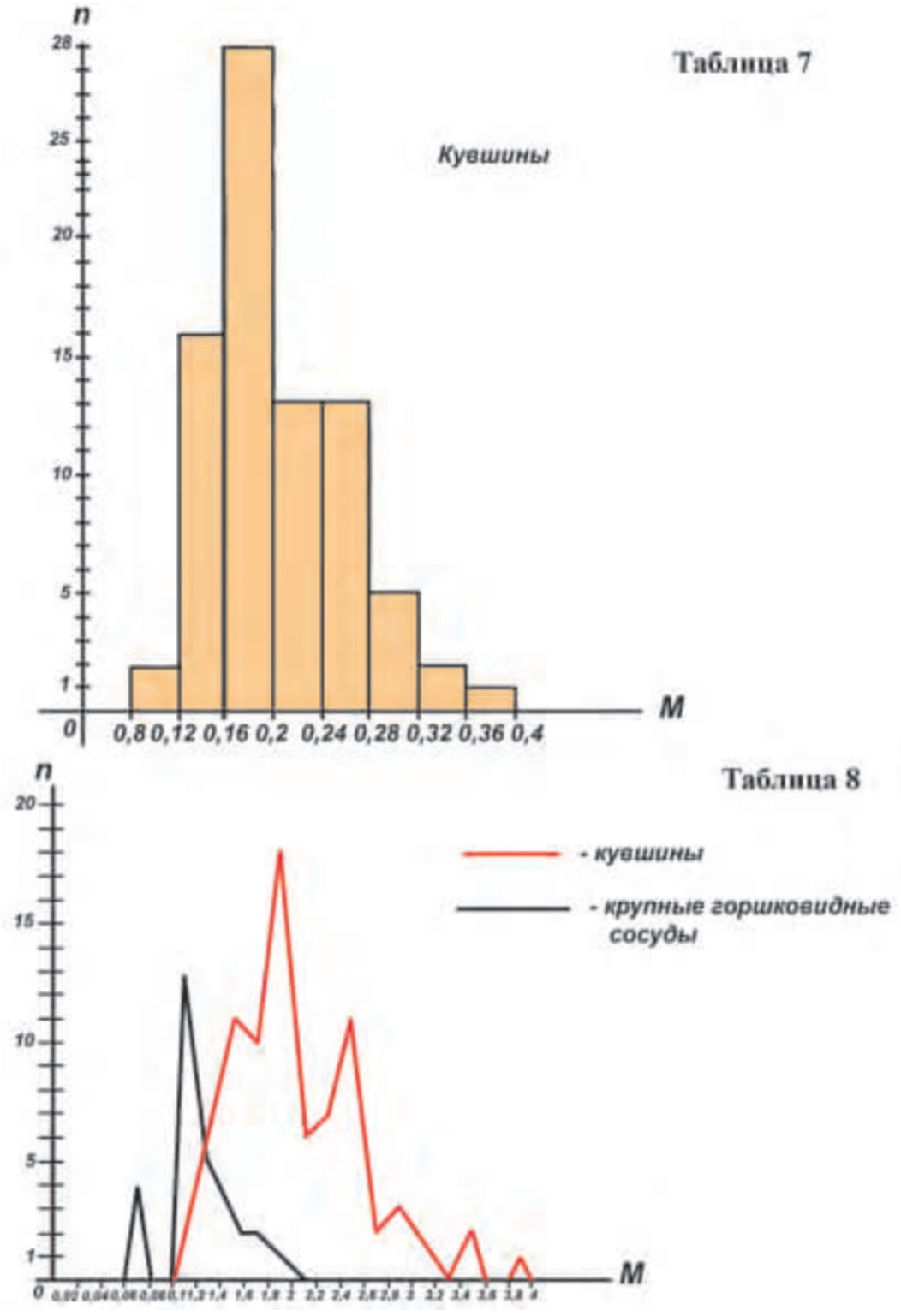
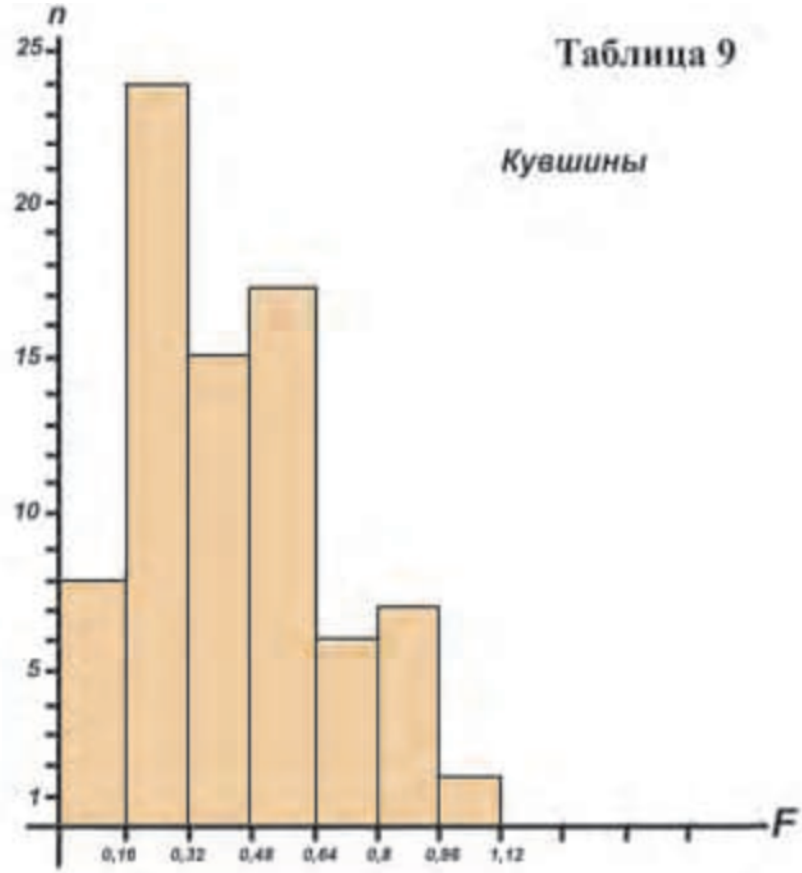

Рис. 4/7. Диаграмма корреляция между параметрическими и морфологическими признаками

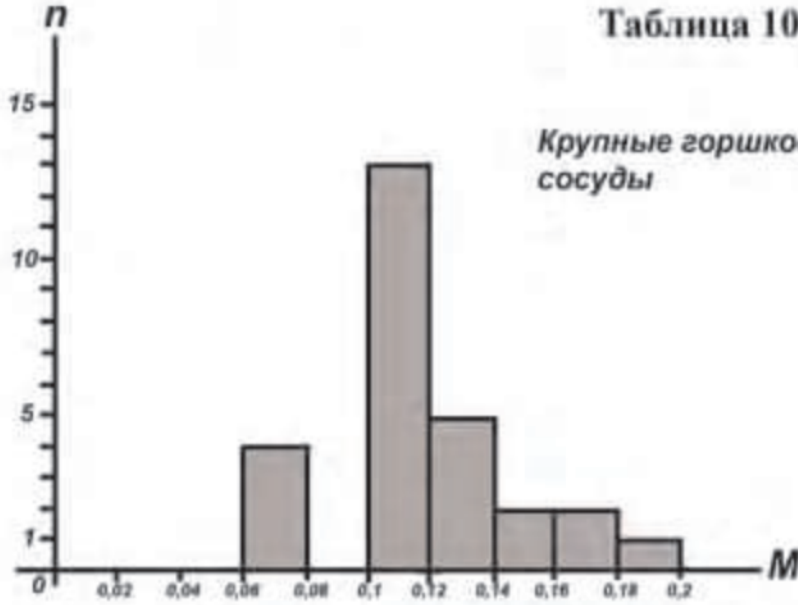

Рис. 4/8. Диаграмма корреляция между параметрическими и морфологическими признаками

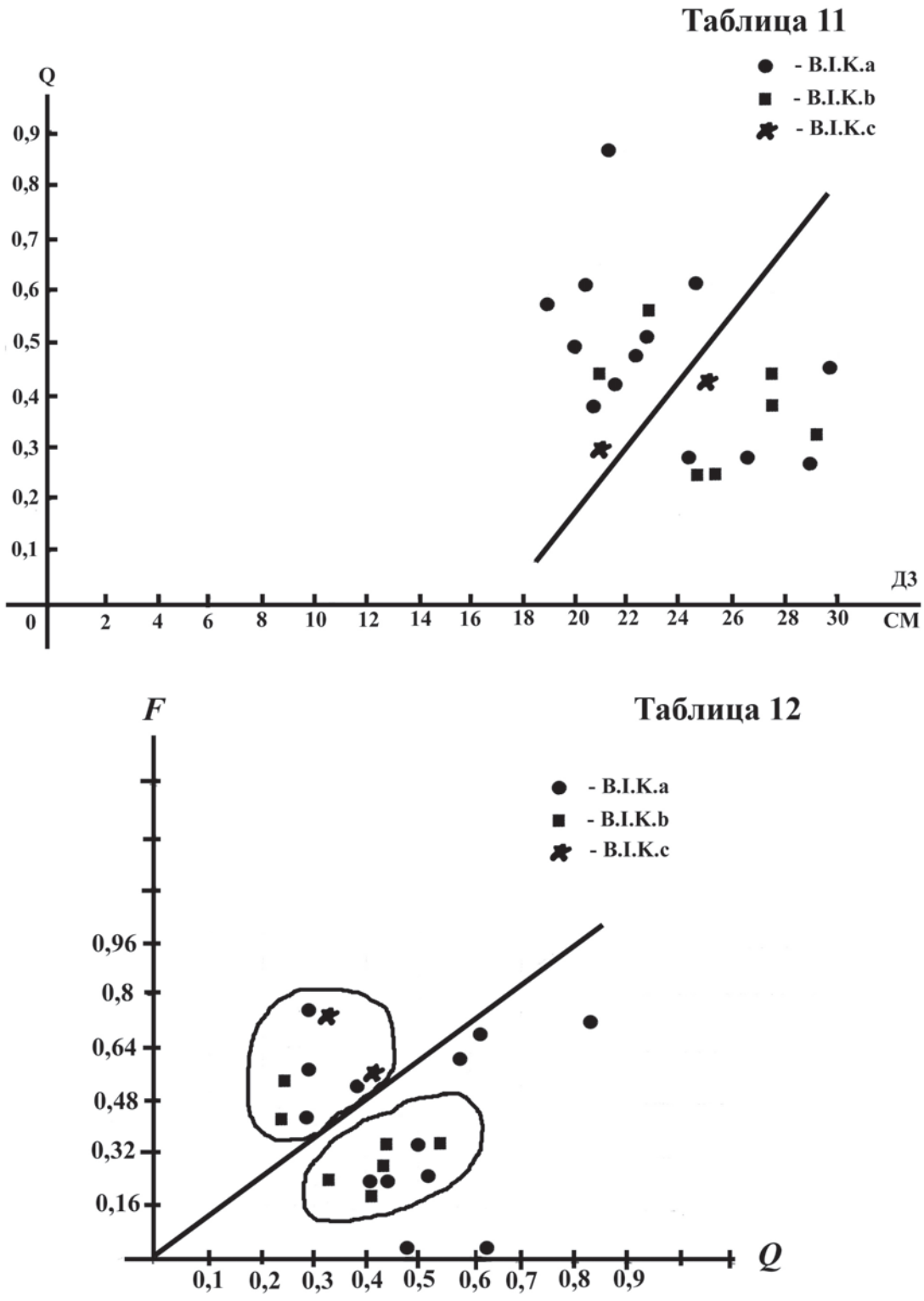

Рис. 4/9. Диаграмма корреляция между параметрическими и морфологическими признаками

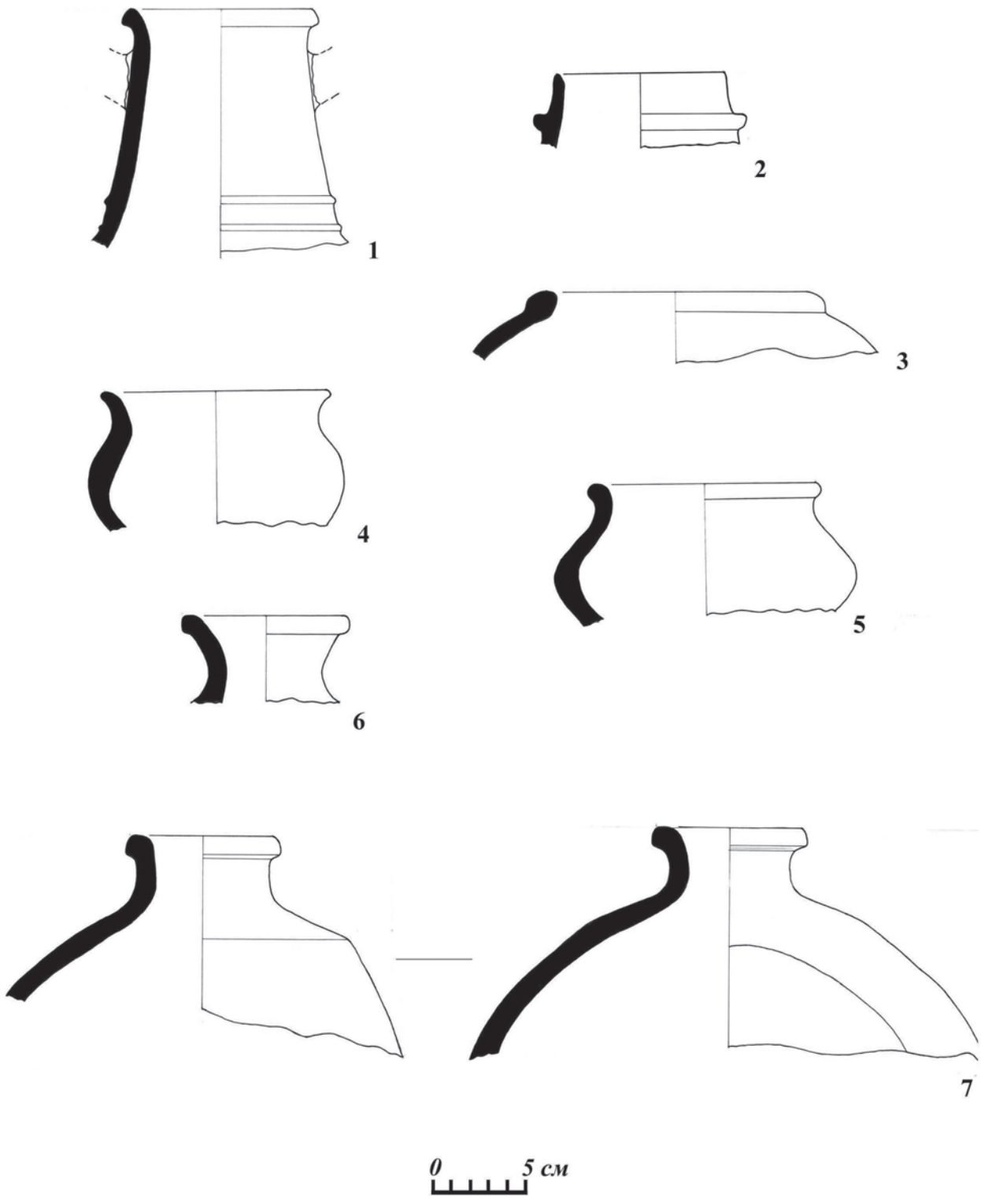

Рис. 4/10. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Редкие формы

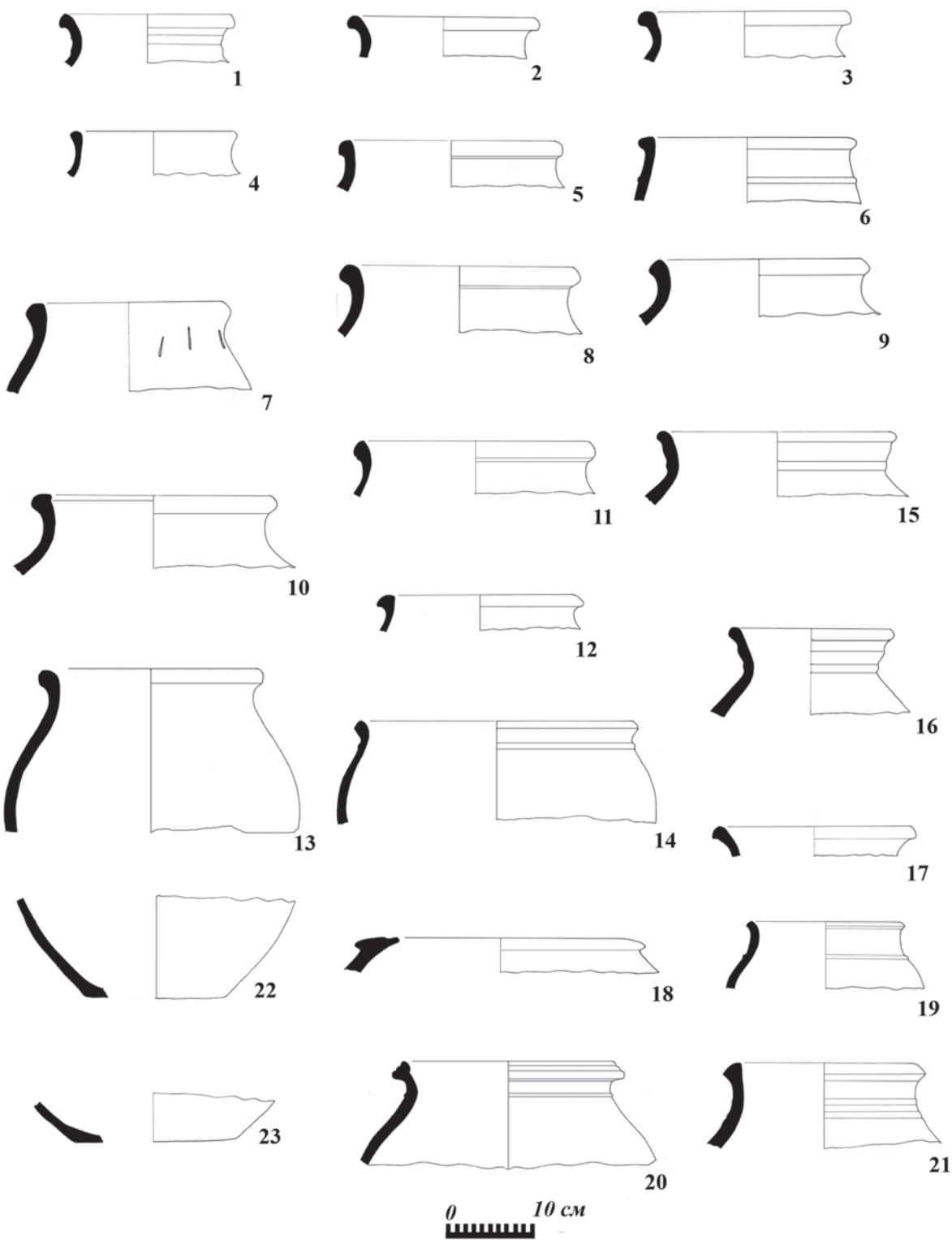

Рис. 4/11. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Горшки и крупные кувшиновидные сосуды

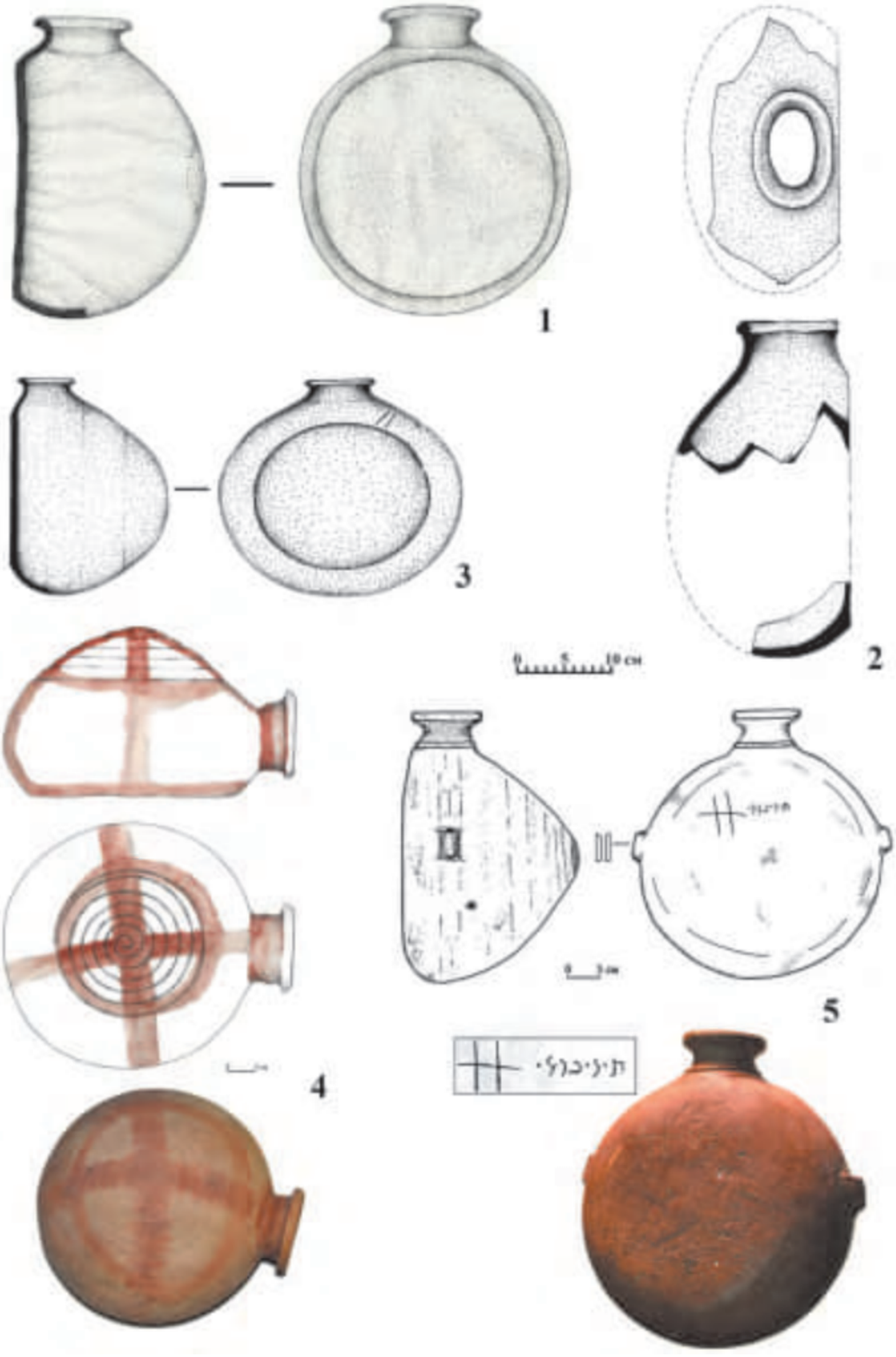

Рис. 4/12. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Фляги

Рис. 4/13. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Тарная керамика

Таблица 13

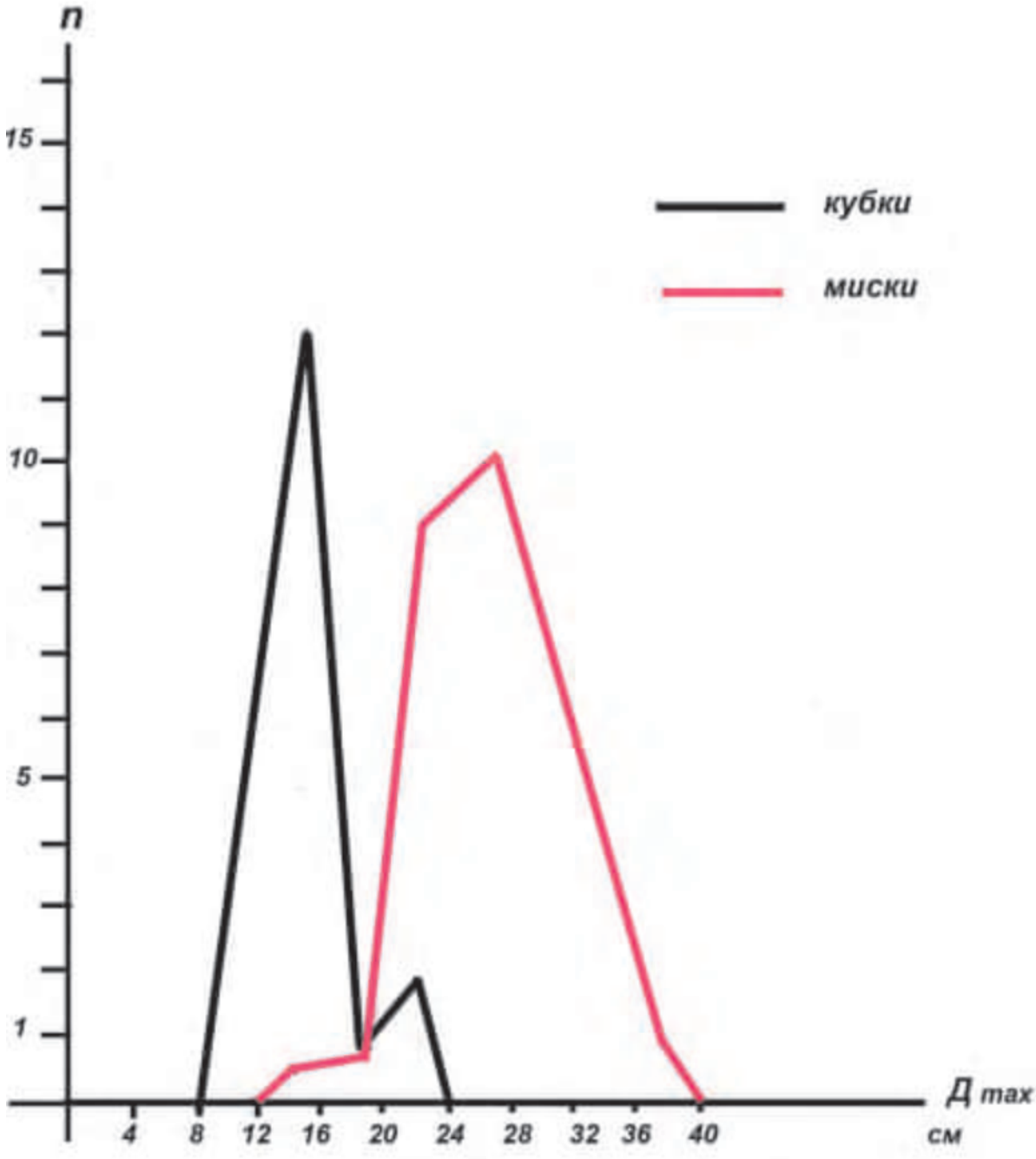

Рис. 4/14. Полигон распределения. Максимальные диаметры открытых форм в группе столовой керамики

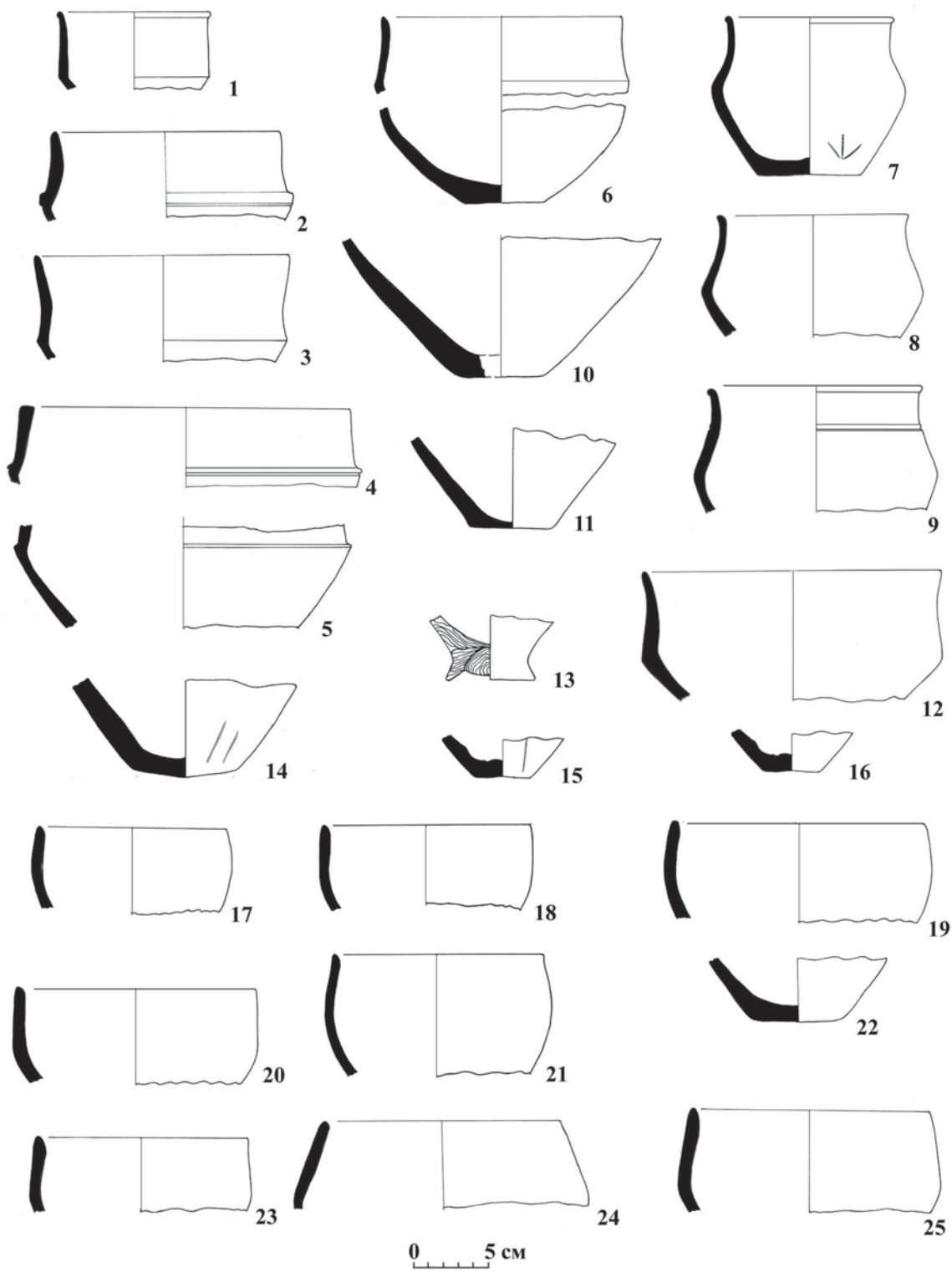

Рис. 4/15. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Столовая посуда. Кубки, чаши

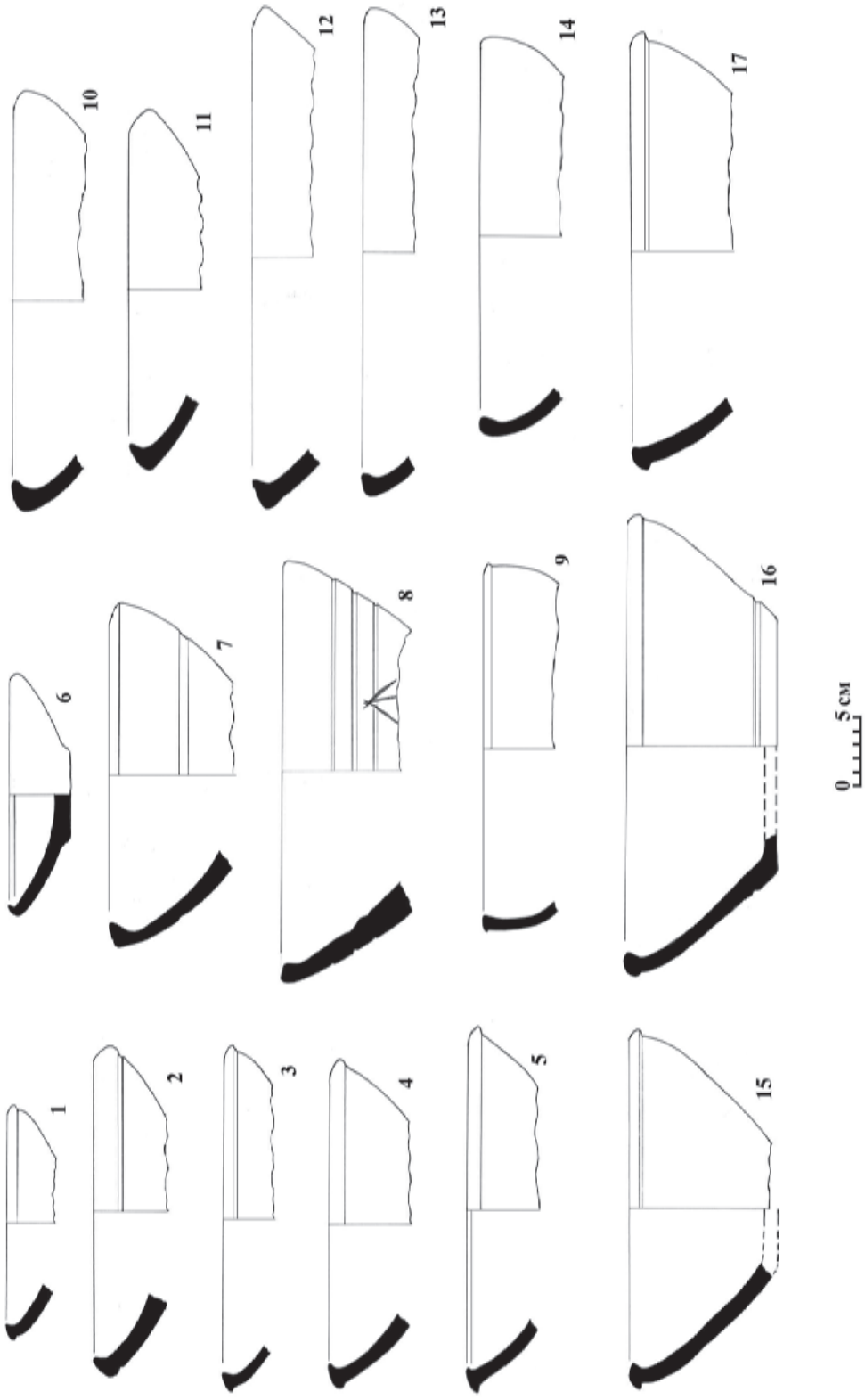

Рис. 4/16. Керамический комплекс Бабиш-мола 7. Столовая посуда. Открытые формы

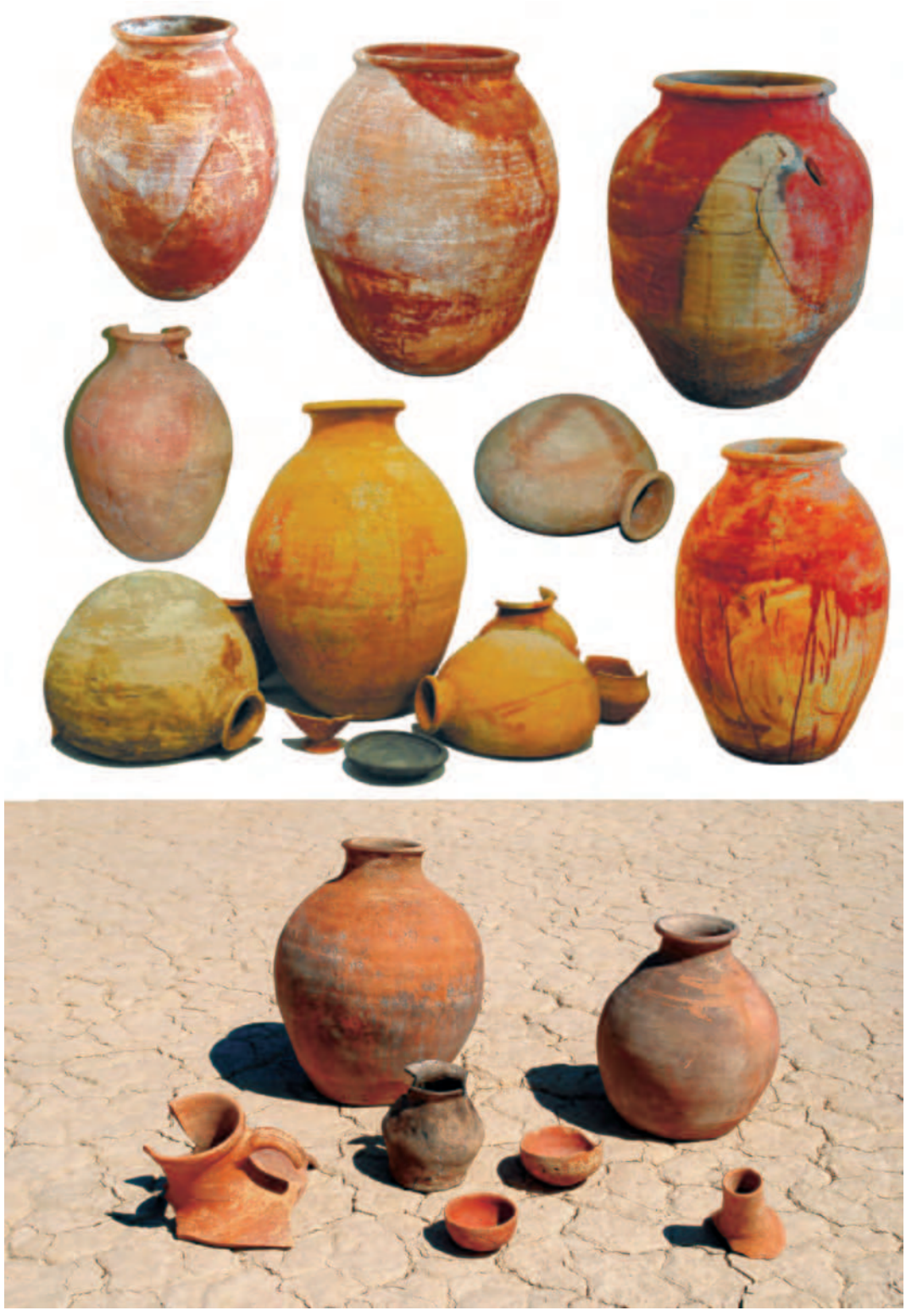

Рис. 4/17. Фото керамики

ГЛАВА 5

Земледельцы низовьев Сырдарьи в системе древних культур Центральной Азии во второй половине I тыс. до н. э.

Вместо заключения

В середине I тыс. до н. э. (на рубеже V–IV вв. до н. э.) изменяется гидрографическая ситуация в области дельты Сырдарьи. На всем своем протяжении формируется русло Жанадарьи, и по нему осуществляется основной сток сырдарьинской воды в Аральское море. Часть отрезков более раннего русла Инкардарьи превращается в старицы и озера (Андрианов, 1991, с. 110; Вайнберг, Левина, 1993, с. 7–14). Таким образом, в юго-западной части дельты создаются условия, весьма благоприятные для формирования оседлой земледельческо-скотоводческой культуры, основой сельского хозяйства которой было ирригационное земледелие. Материалы, полученные в результате исследования античных памятников в бассейне средней Жанадарьи, датируются в пределах от конца V до II вв. до н. э. и по ряду существенных общих признаков объединяются в одну компактную группу. В настоящее время известно более 200 памятников этой культуры: крепости, укрепленные городища, неукрепленные поселения, погребальные сооружения. Первоначально все эти памятники были объединены в так называемую кокча-тенгизскую археологическую культуру, которая, по мнению С. П. Толстова, подразделялась на два варианта – западный (северная дельта Акчадарьи) и восточный (низовья Жанадарьи и Инкардарьи). При этом городища и поселения восточного варианта были отнесены к позднему этапу кокча-тенгизской археологической культуры. С. П. Толстов считал, что истоки ее следует искать в культурах Южного Приаралья эпохи поздней бронзы и указывал на то, что кокча-тенгизская керамика «несет на себе отпечаток традиций бронзового века» (Толстов, 1962, с. 137). Таким образом, культура раннего железного века низовьев Сырдарьи рассматривалась, в определенном смысле, как продолжение культур степной бронзы Южного Приаралья. Позднее, по мере накопления новых археологических материалов, эта точка

зрения не подтвердилась, и в настоящее время формирование культур сакского типа связывается со скачкообразным и хронологически параллельным культурным развитием, которое во многом было обусловлено восточным импульсом в этногенезе ранних саков Приаралья. Этот процесс фиксируется как на археологическом, так и на палеоантропологическом материале и связывается, в значительной степени, с разнонаправленными миграциями населения эпохи поздней бронзы Восточного и Центрального Казахстана, Южной и Западной Сибири (Яблонский, 2015, с. 295; его же: 2017, с. 160).

Безусловно, присырдарьинские саки были частью сако-массагетского этно-культурного массива, занимавшего в эпоху РЖВ территорию всего Южного Приаралья. Если учитывать многочисленные параллели, соответствия, а, зачастую, и прямые аналогии в материальной культуре и погребальном обряде саков Низовьев Сырдарьи и населения VI–V вв. до н. э. Волго-Уральского междуречья и Южного Урала, то можно, по всей видимости, говорить о том, что подвижные скотоводы Юго-Восточного Приаралья являлись частью огромного сако-савроматского мира степной зоны Восточной Евразии (Вишневская, Итина, 1971, с. 197–208; Вишневская, 1973, с. 131–132; Итина, 1992, с. 46; Левина, 1998, с. 45; ее же: 2000, с. 129).

В настоящее время не вызывает сомнение тот факт, что культура оседлых земледельцев и скотоводов второй половины I тыс. до н. э. сформировалась в низовьях Сырдарьи на основе культуры саков раннего железного века. Есть все основания считать, что люди, населявшие земледельческие оазисы были прямыми потомками скотоводов, оставивших раннесакские курганные могильники Южный Тагискен и Уйгарак, а также открытых в последнее время могильников в районе Чирик-рабата и на возвышенности Сенгиртам. Это подтверждается и антропологическими материалами (Трофимова, 1963, с. 232–235; Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 117–118). С. П. Толстов отождествлял носителей чирикрабатской археологической культуры с сакским племенем апасиаков, известным по письменным античным источникам (водные саки, массагеты болот по Страбону [Страб. VIII, с. 483–485]; Толстов, 1948, с. 99), которые, как следует из того же источника, участвовали в разгроме Греко-Бактрийского царства (Гафуров, 1972, с. 130–131; История государственности…., 2009, с. 169; Ртвеладзе, 2009, с. 81). Однако позднее эта точка зрения была подвергнута сомнению. Прежде всего, обращалось внимание на способ хозяйствования населения, основанный на ирригационном земледелии, и наличие укрепленных поселений городского типа, что трудно соотнести с подвижными скотоводами саками-апасиаками, о которых говорится в письменных источниках (Литвинский, 1972, с. 174–175). В настоящее время, на основании вновь полученных археологических данных, с племенем саков-апасиаков связывается западная группа памятников, открытых в районе нижнего течения Узбоя, что, в общем, не противоречит данным письменных источников (подробно об этом см.: Вайнберг, 1999, с. 262). В то же время исследователями не исключается точка зрения С. П. Толстова. Так, по мнению И. В. Пьянкова, с апасиаками можно связывать как памятники Узбоя, так и чирикрабатскую археологическую культу-

ру (Пьянков, 2013, с. 607). Однако если принимать гипотезу И. В. Пьянкова, то нужно признать, что в низовьях Сырдарьи подвижные скотоводы (саки-апасиаки) освоили совершенно новый для себя вид хозяйственной деятельности – ирригационное земледелие, что опять же противоречит данным письменных источников. Много позднее Б. И. Вайнберг предложила отождествить население, освоившее территорию южной части древней дельты Сырдарьи во второй половине I тыс. до н. э., с племенем даев (дахов), известным по письменным источникам. Вслед за В. В. Струве, она ставила знак равенства между «саками, которые за Согдом», и даями (Струве В. В., 1968, с. 58, 113, 114; Вайнберг, Левина, 1992, с. 60–61). Эта точка зрения разделялась не всеми учеными. Так, например, Б. А. Литвинский локализовал «саков, которые за Согдом» на правобережье Сырдарьи, в районе среднего ее течения (Литвинский, 1960, с. 91–96; его же: 1972, с. 169; там же см. обзор мнений исследователей по этому вопросу; Щеглов, 2006, с. 288–289; прим. 14). В связи с проблемой локализации территории расселения «саков, которые за Согдом», как представляется, нельзя не учитывать курганные могильники и отдельные курганы, открытые на территории Центральных и Северных Кызылкумов, которые, по всей видимости, и являлись «скифской пустыней», о которой говорит Арриан [Арриан, IV, 5, 3–4]. Сейчас, учитывая археологические данные, есть основания говорить, что на территории Кызылкумов кочевали группы скотоводов, которые можно отнести к сакскому или сако-сарматскому кругу в широком смысле этого слова. Во всяком случае, курганные могильники, изученные в центральной и северной частях этой среднеазиатской пустыни, датируются в довольно широких хронологических пределах – VI–I вв. до н. э. При этом следует отметить, что, если ранние комплексы (могильник Джузкудук – VI–V вв. до н. э.) с западной ориентировкой погребенного, и по обряду, и по погребальному инвентарю, обнаруживают определенные параллели среди материалов сакских могильников Уйгарак и Южный Тагискен (Манылов, 1990, с. 33–38), то более поздние погребения (группы курганов Кокпатаса и Кулкудука – III–I вв. до н. э.) с меридиональной ориентировкой могильной ямы и преобладающей южной ориентировкой покойного, на основании анализа погребального инвентаря, скорее, относятся к сарматскому кругу (Манылов, 1987, с. 595; Манылов, 1992, с. 59–68). Надо полагать, к этому же кругу памятников принадлежат ранние курганы сакского времени, открытые на Султан-Уиздаге (Манылов, 1975, с. 81–83), а также подкурганные захоронения в западной части Кызылкумов – Уч-очак, Ташкала (Баратов, 2013, с. 47). Таким образом, «скифская пустыня» во второй половине I тыс. до н. э. была не такой уж «пустыней», но ее можно рассматривать как район перекочевок подвижных скотоводов. Не являлись ли эти группы номадов «саками за Согдом», о которых упоминают античные авторы? Безусловно, это предположение требует дополнительной аргументации, но то, что на территории к северу и северо-востоку от Центрального Согда во время походов Александра были кочевья номадов сакского, а позднее – сарматского круга, в широком понимании этого термина, кажется, подтверждается данными археологии. И. В. Пьянков, на основании анализа древнеперсидских текстов,

пришел к выводу, что «саки за Согдом» обитали на северо-востоке Ахеменидской державы, к северо-востоку от Согда, при этом он четко отделяет племена дахов (даев) и от массагетов, и от «саков, которые за Согдом» (Пьянков, 2013, с. 452–458). Этого же мнения придерживался и Б. А. Литвинский (Литвинский, 1960, с. 92). Приблизительно в этом же районе помещал эту группу саков и Тарн, который предполагал что «саками, которые за Согдом» была занята территория между горами к северу от Самарканда (Нуратинский хребет) и Сырдарьей (Яксартом), в которую и входила область Ходжента (Александрия Крайняя)[34] и, может быть, Правобережье Сырдарьи со стороны Ферганской долины (Tarn, 1951, p. 475). Между тем, Арриан, помимо «скифской пустыни» называет еще один район, а именно «равнина перед скифской пустыней», где Спитамен, после снятия осады Мараканды, набрав еще 600 скифских всадников, ждал преследовавший его отряд македонян под командованием Фарнуха. На основании сведений источника, этот район, однозначно, локализуется на северных границах Согда, мало того, есть веские основания предполагать, что это была северо-западная граница Согда, возможно, область нижнего течения Зеравшана, так как после неудачного противостояния, во избежание еще больших потерь, отряд македонцев, «выстроившись квадратом, отошел к реке Политимету (Зеравшану), где находился лес» ([Арриан, IV, 4–6]; Дройзен, 2011, с. 270–280). Надо полагать, «равниной перед скифской пустыней» могла быть степная зона к северу от поймы Зеравшана и ограниченная с севера коренными песками Кызылкумов, где сосредоточены основные курганные могильники Бухарского Согда, которые, по многим признакам, относятся к памятникам сарматского круга (Обельченко, 1992, с. 219–224). В связи с этим внимание заслуживает гипотеза А. С. Балахванцева, который вполне аргументировано, на наш взгляд, предложил соотнести население, оставившее курганы на территории Бухарского Согда, с катакомбами определенного типа (Лавандакский) и подбоями с меридиональной ориентировкой с даями-дахами. Группы этих кочевников, по мнению этого исследователя, сначала (не позднее конца IV–III вв. до н. э.) продвинулись с территории восточных районов Южного Приуралья в западные районы Присаракамышской дельты Амударьи. Затем часть из них ушла на территорию Западного Согда (Балахванцев, 2004, с. 64–67; его же: 2016, с. 11–19; его же: 2017, с. 39–41).

Вполне вероятно, что под этнонимом «даи-дахи» в источниках упоминается не одно племя, а конфедерация племен, которые заселяли пустыню между Оксом и Яксартом и низовья Амударьи. Во всяком случае, Страбон говорит о трех племенах даев: «Из даев одни называются апарнами, другие ксанфиями и третьи – писсурами» [Страбон, VIII, 2].

Таким образом, по античным источникам, к северу от Согда, или на северных границах Согда, в последней трети I тыс. до н. э. выделяются две области, занятые группами коче-

[34] Здесь следует отметить, что Ходжент, где, действительно, обнаружены культурные слои и остатки построек конца IV в. до н. э., и который некоторые исследователи отождествляют с Александрией Эсхатой (Беляева, 1978, с. 41–48; ее же: 1982, с. 281–282; ее же: 1986, с. 379) расположен к востоку от Самарканда, на территории древней Уструшаны.

вого сакского населения, – «равнина перед сакской пустыней», где Спитамен набрал еще 600 «скифских» (сакских) всадников (дахов?) и «скифская пустыня», по которой кочевали группы номадов, и бывшие, возможно, «саками за Согдом», которые упоминались античными авторами. Здесь следует отметить, что области к северу или к северо-востоку от «скифской пустыни», где в южной части Сырдарьинской дельты была распространена чирикрабатская археологическая культура, в античных источниках никак не упоминаются. Это объясняется тем, что спутники Александра и, соответственно, более поздние авторы ничего не знали о нижнем течении Сырдарьи и считали ее европейским Танаисом (Доном), который являлся границей между Европой и Азией. В поле зрения античных авторов находилось только среднее течение Сырдарьи (Пьянков, 2013, с. 604).

Как уже упоминалось выше, по мнению Б. И. Вайнберг, в IV–II вв. до н. э. в юго-западной части древней Сырдарьинской дельты обитали племена дахов (даев). Однако эта гипотеза никак не подтверждается ни письменными источниками, ни археологическими данными (критику гипотезы см.: Пьянков, 2013, с. 598–618). Здесь следует заметить, что по всем источникам дахи позиционируются как кочевники, которые продвинулись на территорию Среднеазиатского междуречья из области «выше Меотиды» (в данном случае – Аральское море), как считает большинство исследователей из районов Южного Приуралья, где была распространена прохоровская археологическая культура. Носителей чирикрабатской археологической культуры никак нельзя считать кочевниками. Как следует из анализа археологического комплекса, они являлись прямыми наследниками саков, населявших южные районы дельты в VII–V вв. до н. э. Таким образом, гипотеза Б. И. Вайнберг о том, что дахи – это автохтонное население дельтовых районов Сырдарьи, никак не соответствует данным античных авторов и не подтверждается археологическими данными.

«Краеугольным камнем» построений Б. И. Вайнберг является ее предположение о том, что Бабиш-мола 1 – это недостроенная сатрапская резиденция наместника Ахеменидской державы, из чего следует, что низовья Сырдарьи и, следовательно, племенное объединение дахов, входили в состав древнеперсидского государства на правах отдельной сатрапии. При этом дахи, ошибочно, на наш взгляд (см. выше), отождествляются с «саками, которые за Согдом» (Вайнберг, 1999, с. 131–132, 261). Однако полученные в последние годы археологические данные не подтверждают это предположение. Археологический комплекс, полученный в ходе раскопок на территории Бабишмолинского оазиса пока нельзя датировать ранее начала III в. до н. э. Более ранние материалы (не ранее конца V – начала IV вв. до н. э.) происходят с городища Чирик-рабат, которое нельзя рассматривать как сатрапскую резиденцию или столичный город (как считалось ранее) – это был огромный погребальный культовый центр.

Предложенной выше датировке комплекса Бабиш-мола I не противоречит тот факт, что планировка восточной части «Большого Дома» в значительной степени близка планам иранским храмов (см. выше: Глава 3). В настоящее время по археологическим материалам можно

считать установленным то, что ахеменидская архитектурная традиция продолжалась в бактрийской архитектуре и в селевкидский, и даже в более поздний греко-бактрийский период. Свидетельством тому является строительство Храма Окса на берегу Амударьи, которое датируется не ранее начала III в. до н. э. В этом монументальном памятнике передневосточная и, прежде всего, ахеменидская архитектурная традиция прослеживается очень ярко (Литвинский, Пичикян, 2000, с. 367–370). Еще одним свидетельством «ахеменидского культурного влияния» на новые районы (дельта Сырдарьи), по мнению Б. И. Вайнберг, является распространение в этой области комплекса гончарной керамики с юга Средней Азии вместе с сырцовым строительством» (Вайнберг, 1999, с. 131). Однако в археологических комплексах, которые мы относим к раннему этапу чирикрабатской культуры (ранний период на городище Чирик-рабат, нижние культурные слои укрепленной усадьбы Баланды), где, кстати, лепная посуда, находящая ближайшие аналогии в сакских и савроматских керамических комплексах, составляет более 50 % от общего количества, форм, которые можно было бы определить как «ахеменидские»[35], известные на юге Средней Азии, практически нет. В то же время в комплексе присутствуют сосуды, находящие себе прямые аналогии среди керамики Хорезма середины – второй половины I тыс. до н. э. (древнехорезмийский керамический комплекс). Достаточно вспомнить фрагменты крупных сосудов с росписью красной ангобной краской на внешней стороне, типичные хорезмийские фляги полусферической формы. Особо следует отметить находки красноангобированных кувшинов с «львиноголовыми» ручками на Чирик-рабате. Традиции строительства из сырцового кирпича также, как уже говорилось выше (см. глава 2), могли быть заимствованы из Хорезма. На более позднем этапе развития культуры (комплекс Бабиш-мола 7) действительно, особенно в гончарном производстве, отчетливо прослеживается влияние южных областей, но это традиции уже эллинистического периода. Учитывая сказанное выше, а также в свете новых данных, полученных в ходе раскопок последних лет, нет никаких оснований говорить о каком-либо «ахеменидском» культурном влиянии, а уж тем более о политической зависимости низовий Сырдарьи от державы Ахеменидов.

В настоящее время нет убедительных аргументов, на основании которых можно было бы соотнести население южной части Сырдарьинской дельты (чирикрабатская культура) с каким-либо известным по античным источникам народом или племенем. В то же время есть все основания считать, что во второй половине I тыс. до н. э. на территории Южного Приаралья, наряду с Хорезмом, в низовьях Сырдарьи существовал крупный земледельческий оазис. Также как и Хорезм, он находился в окружении сарматских и поздних сакских скотоводческих племен, занимавших огромные просторы восточной части степной зоны

[35] В данном случае необходимо уточнить. Набор керамических форм, которые в археологии Средней Азии принято называть «ахеменидским керамическим комплексом» (комплексы Яз II–III) на территории собственно Ирана практически не известен. В настоящее время есть все основания полагать, что этот комплекс сформировался во второй трети – середине I тыс. до н. э. на территории южных областей Средней Азии (Бактрия, Маргиана) и генетически восходит к комплексу гончарной керамики эпохи поздней бронзы –комплексу типа Намазга VI.

Евразии. По всей видимости, эти два земледельческих оазиса можно рассматривать как компоненты огромной социально-экономической мегасистемы – сако-сарматско-массагетского мира, в пределах которой взаимодействовали скотоводы-кочевники, полукочевники и земледельцы.

Начальный этап и дальнейшее развитие чирикрабатской археологической культуры, безусловно, связаны с мощными культурными импульсами извне, которые можно рассматривать как своеобразные «катализаторы» формирования оседлой земледельческой культуры в низовьях Сырдарьи. При этом, кажется, не приходится говорить о переселении каких-то многочисленных групп населения в эту область. Во всяком случае, связь материальной и духовной культуры чирикрабатцев с культурой сакского населения предыдущего периода, которая фиксируется по археологическим данным, представляется неоспоримой. В данном случае просматривается прямая параллель с начальным этапом формирования древнеземледельческой культуры в низовьях Амударьи, где на рубеже VII–VI вв. до н. э., также в результате культурного импульса из южных областей Средней Азии, появляются ирригационные сооружения, распространяются традиции строительства из сырцового кирпича и появляется гончарный круг быстрого вращения. При этом по археологическим данным не фиксируется появление в дельте Амударьи нового населения, скорее, речь может идти об инфильтрации отдельных групп ремесленников из Маргианы и Бактрии на территорию Южного Хорезма (Болелов, 2014, с. 20; его же: 2016, с. 26–28; его же: 2017, с. 100–101).

Характер хозяйства чирикрабатской культуры, безусловно, был производящим, комплексным, с высокой долей ирригационного земледелия. Следует заметить, что условия развития земледелия и характер ирригации в низовьях Амударьи отличались некоторой спецификой, по сравнению, например, с дельтовыми районами Амударьи. В условиях постоянно сокращающегося стока по южным руслам (Инкардарья, Жанддарья) и неравномерного водного режима ирригационные сооружения здесь, прежде всего, являлись накопителями воды. Распределители, чаще всего, отводили воду на поля из бассейнов-водохранилищ, устроенных в старицах или дамбированных русловых протоках. В центральной части Бабишмолинского оазиса функционировала система водохранилищ, которые представляли собой искусственно углубленные участки стариц, соединенные между собой небольшими каналами. Вода в них накапливалась во время паводков, и за счет этого обеспечивалась стабильность источника орошения, когда уровень воды в основном русле падал (Андрианов, 1969, с. 193–194; его же: 1991, с. 110; Вайнберг, 1999, с. 86). Следует заметить, что подобный, или очень близкий, способ орошения применялся каракалпаками и казахами еще в XVIII – начале XX вв. Из дельтовых протоков выводились небольшие арыки, посредством которых затоплялись низины и удобные для посевов обвалованные участки. У местного населения эта система орошения называлась «сулама» (Гулямов, 1957, с. 61). Кроме того, в Южном Приаралье для посевов зерновых и бахчевых культур традиционно использовались низины в старых руслах или кот-

ловины высохших озер, где уровень грунтовых вод был достаточно высок, а также межбарханные понижения, где влага от дождей сохранялась длительное время. В Приаральских Каракумах в межбарханных котловинах отмечаются посевы проса и бахчевых.

На территории Хорезма, на памятниках последней трети I тыс. до н. э. (Кой-Крылган-кала, Калалы-Гыр 2) найдены зерна и отпечатки зерен пшеницы, ячменя, проса, косточки винограда и садовых культур (Вайнберг, 1999, с. 84–85). В низовьях Сырдарьи пока только на одном памятнике (Бабиш-мола 7) в культурном слое достоверно зафиксированы зерна проса или сорго (?) (см. Приложение № 2). Остатки проса были найдены в одном из помещений жилого дома, частично раскопанного на территории шахристана городища Бабиш-мола I (Вайнберг, Левина, 1993, с. 28). Тот факт, что просо являлось одной из основных составляющих рациона жителей чирикрабатских поселений, подтверждается в результате анализа стабильных изотопов по материалам из Баланды 1, Чирик-рабата и Бабиш-молы 7, проведенного в Вильнюсском университете в Литве (см. Приложение 3). В геологических слоях, соответствующих периоду существования городища Чирик-рабат, в результате палеонтологического почвоведческого анализа выявлена пыльца маревых, встречается масса 3-лопастных форм, а также пыльца гречишных, бобовых, злаков, ежеголовки. Следы древесных пород единичны – это береза, ольха, лох, сосна. На основании этих анализов установлено, что в это время климат был более влажный, чем современный, с периодическим оживлением водотока по дельтовым протокам (см. Приложение № 4).

Таким образом, у нас есть прямые доказательства, что на территории древней дельты Сырдарьи во второй половине I тыс. до н. э. существовало довольно развитое ирригационное земледелие, о чем красноречиво свидетельствуют не только следы оросительных систем, но и находки зерен сельскохозяйственных культур.

Безусловно, значительное место в хозяйственной системе чирикрабатской культуры занимало и скотоводство. Следует заметить, что стоянок или поселений IV–II вв. до н. э., которые, безусловно, можно было бы считать скотоводческими в пределах территории искусственного орошения в области средней Жанадарьи, пока не найдено. Предполагается, что зоной сезонного отгона скота могли быть районы к северу и к северо-западу от зоны земледелия, а именно на меридиональных руслах Камектинсай, Дайрабай, Ашинсай, по которым шел сток Жанадарьи. Здесь, во время маршрутных исследований Хорезмской экспедиции, были обнаружены временные стоянки скотоводов. Пески, среди которых расположены эти стоянки, никоим образом не были пригодны для земледелия. Этим, собственно, и объясняется отсутствие здесь стационарных долговременных поселений. По мнению Б. И. Вайнберг, на меридиональных северных руслах располагались зимовки кочевого населения дельты Сырдарьи (Вайнберг, 1999, с. 54). Вместе с тем отсутствие в этой зоне сколько-нибудь крупных курганных могильников не дает оснований предполагать, что зимовки здесь проходили на протяжении длительного периода времени. Кроме того, нет никаких оснований считать, что здесь были зимовки

каких-то групп кочевников, не связанных с чирикрабатской культурой. Более вероятным кажется, что в этих районах были сезонные выпасы скота, который перегоняли из южной части дельты, где были расположены земледельческие оазисы. Следы подтопления, зафиксированные на стоянках, свидетельствуют о неустойчивости водного режима в северных меридиональных руслах. Однако этот факт можно рассматривать еще и как подтверждение того, что северные русла были достаточно обводнены в последней трети I тыс. до н. э. Видимо, в данном случае можно говорить о типе скотоводческого хозяйства, основанного на естественных водных источниках (дельтовых протоках), при котором скорость движения во время перегона скота была гораздо меньше, чем при кочевании с использованием искусственных источников (колодцев) в аридной зоне. Ритм кочевания, по всей видимости, был более размеренным, а стоянки – более продолжительными (Масанов, 1989, с. 75). Разновидностью этого типа хозяйствования можно считать отгонное сезонное скотоводство, когда скот отгонялся на сезонные пастбища, при этом длина перекочевок была сравнительно небольшой. А. М. Хазанов называет эту форму пастушеское, или отгонно-пастбищное скотоводство, обычно присущее обществам с большим или меньшим преобладанием земледелия. Но и скотоводство в них также является важной отраслью хозяйства, «настолько важной, что экономика в целом иногда приближается к смешанной» (Хазанов, 2008, с. 66–67). По этнографическим данным различаются способы ведения хозяйства у полукочевого и полуоседлого населения. При втором виде хозяйствования, средства к существованию добывались не только скотоводством, а не в меньшей, или даже в большей степени, земледелием и другими занятиями. Скот пасли пастухи. Основная же часть населения была занята в основных отраслях хозяйства. На какие бы отдаленные пастбища не перегонялся скот, скотоводство было отгонным (Марков, 1976, с. 283). Следует заметить, что подобный тип содержания скота четко фиксируется и по этнографическим данным, например, у туркмен долины Ахала (Оразов, 1975, с. 206–219) и туркмен-теке в долине Теджена (Бабаджанов, 1975, с. 220–227).

Весьма схожий вид хозяйства отмечается для второй половины XIX в. в Даукаринском районе Амударьинского отдела, в восточной части амударьинской дельты. Природные условия в этом районе в этот период времени, как представляется, были близки природным условиям средней Жанадарьи во второй половине I тыс. до н .э. Земледелие здесь сочеталось с сильно развитым скотоводством. Доля мелкого рогатого скота, по данным обследования, туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области составляет 87,75 %; Количество лошади в стаде – 3,1 %, верблюд – 4,91 %, крупный рогатый скот – 4,1 %. Рядом с Даукаринским районом находился огромный Кызылкумский естественно-хозяйственный район, население которого занималось, исключительно, кочевым скотоводством – разведением мелкого рогатого скота и верблюдов. Летом мелкий рогатый скот, прежде всего овцы, паслись в жарких открытых песках, на свежем воздухе, так как в прибрежных оазисах, где много влаги и сырости, для выпаса овец и коз условия были небла-

гоприятные. В тоже время дельта Амударьи и побережье Аральского моря, где была густая камышовая растительность, а в зимний период снега выпадало мало, были весьма удобными местами для зимовок. Скот пасся здесь на подножном корму (Шалекенов, 1973, с. 164–165). Можно предположить, что именно такой вид скотоводческого хозяйства в сочетании со стойловым содержанием скота, наряду с ирригационным земледелием, и являлся основой палеэкономической системы чирикрабатской культуры. Этот хозяйственно-культурный тип был схож с палеоэкономической системой, которая, как известно по археологическим данным, сформировалась на рубеже II–I тыс. до н. э. в низовьях Амударьи – «хозяйственно-культурный тип плужных земледельцев с ирригацией и отгонным скотоводством (Итина, 1981, с. 9; Андрианов, 1989, с. 14).

Этому предположению, на первый взгляд, противоречат результаты изучения археозоологической коллекции из раскопок поселения Бабиш-мола 7 (раскопки 2017 года), где кости МРС составляют 74 %, КРС – 9,9 % и кости лошади – 10,2 %. Кости верблюда, осла и козы, также как и кости диких животных (архар, сайга, заяц) представлены единичными экземплярами (см. Приложение № 4). Такое соотношение домашних копытных животных характерно для кочевого хозяйства в аридных зонах, где количество МРС колеблется от 69 до 84 % в стаде (Масанов, 1989, с. 76–77). Крупный рогатый скот кочевники не разводили, а появление его у полукочевников означало разложение экстенсивного скотоводства и переход к полуоседлости и оседлости (Марков, 1976, с. 282). Для районов полукочевого отгонного скотоводства характерно значительно большее количество КРС, а также лошади и верблюда в стаде. Так, например, на поселении Куюсай 2 и на городище Кюзели-Гыр в левобережном Хорезме кости этих домашних животных в совокупности составляли 55 % и 42,8 % от общего количества, соответственно (Вайнберг, 1979, с. 24). В поселенческих комплексах памятников IV–I вв. до н. э. на территории Хорезма доля МРС в стаде не превышала 60 %, в то время как на долю лошади верблюда и КРС приходилось немногим более 20 % (Цалкин, 1966, с. 150). На городище Алтын-Асар, где, судя по всему, основным видом хозяйственной деятельности оседлого населения было отгонное скотоводство, КРС составлял 21,2 %, лошадь – 8,2 % (Толстов, 1952, с. 19). На территории степной зоны евразийского субконтинента, где был распространен «евразийский степной тип», доля КРС увеличивалась по мере оседания кочевников, наиболее ярко эти процессы фиксируются по этнографическим данным (Хазанов, 2008, с. 88–89).

Большое количество костей МРС на поселении Бабиш-мола 7 не кажется необычным, если учитывать то, что это было специализированное ремесленное поселение, основным занятием жителей которого было производство керамики. При этом, следует заметить, что следов других видов хозяйственной деятельности в ходе раскопок памятника пока не зафиксировано. По всей видимости, специально скот здесь не разводили, но использовали как пищу. Это подтверждают и результаты палеозоологического анализа. Нельзя исключать и того, что какая-то часть МРС поступала сюда в качестве оплаты за произведенную продукцию. В связи

с этим весьма любопытна параллель с палеозоологическим анализом костных остатков из раскопок «Высокого дворца» на городище Топрак-кала в Хорезме. Здесь также очень высока доля МРС – 78,3 % (Толстов, 1952, с. 19). Формально из этого следует, что основным занятием обитателей крупнейшего культового династического центра древнего Хорезма являлось полукочевое или кочевое скотоводство. Безусловно, это было не так. Надо полагать, что баранина просто занимала значительное место в рационе питания обслуги и жителей дворца.

Как следует из археологических материалов, полученных в результате раскопок последних лет, значительное место в палеоэкономической системе чирикрабатской культуры занимало ремесло. На поселениях и отдельных усадьбах выявлены следы как домашнего, так и профессионального специализированного ремесла.

На одной из усадеб в Бабишмолинском оазисе зафиксировано производство примитивных глиняных статуэток, изготовленных от руки (Толстов, 1962, с. 158). Аналогичные, судя по всему, бракованные статуэтки найдены в одном из помещений жилого дома на городище Бабиш-мола 1, условно названным «производственным». В этом помещении были раскопаны ямы производственного назначения, в которых найдены как целые лепные глиняные женские статуэтки примитивных форм, так и фрагменты аморфных статуэток неизвестных (точнее сказать, неопределяемых) форм. В этом же помещении расчищено очажное устройство длиной 1,8 м и глубиной 0,5–0,6 м явно производственного назначения, вырубленное в стене. Сохранилась нижняя часть сильно прокаленных стенок и фрагменты пода. Рядом с раскопанными помещениями, надо полагать на территории двора, также зафиксированы остатки каких-то очажных конструкций. Рядом с ними найдены керамические шлаки и бронзовые литки (Вайнберг, Левина, 1993, с. 27–28). Следы домашнего производства зафиксированы и на поселении Баланды, где, в пределах одной из усадеб, расчищена нижняя часть обжигательного горна. На этой же усадьбе найдено сравнительно большое количество каменных лощил и терочников. Здесь же были найдены примитивные лепные глиняные фигурки, некоторые из них напоминали пернатых, какую-то часть этих статуэток можно было отнести к категории антропоморфных (Курманкулов, Утубаев, 2013, с. 115–117). Все эти факты свидетельствуют о существовании на чирикрабатских поселениях домашнего ремесла. Пока с уверенностью можно говорить об изготовлении в домашних условиях примитивных глиняных статуэток. Находки медных литков свидетельствуют о бронзоволитейном производстве. Установленным фактом следует считать существование на чирикрабатских поселениях переработки шерсти и ткачества. Об этом красноречиво свидетельствуют находки пряслиц в культурных слоях.

В настоящее время наиболее изученным объектом, со следами специализированного ремесленного производства на территории южной части древней дельты Сырдарьи, является гончарный центр – поселение Бабиш-мола 7[36]. Здесь, безусловно, функционировало высокотехнологичное специализированное гончарное производство, которое, по всей видимости,

[36] Подробное описание памятника дано в главе III.

обеспечивало керамикой если не всю, то большую часть населения оазиса. Как уже отмечалось, по объему производства оно вполне сопоставимо с производственными центрами, известными на территории Хорезма. Различия состоят в том, что в низовьях Амударьи это было сезонное производство, а на поселении Бабиш-мола 7 гончары работали круглый год. Это дает основание считать его ремесленным поселением. В Южном Приаралье ремесленные поселения известны. Наиболее изученное из них – это Нурумский микрооазис в Левобережном Хорезме. Однако, в отличие от Бабиш-мола 7, Нурумское поселение было многофункциональным. Здесь, помимо крупного гончарного производства (не менее 40 обжигательных горнов; 2–4 горна около каждой усадьбы), достоверно зафиксированы следы бронзолитейного, кузнечного производства. Находки стеклянных шлаков и заготовок для стеклянных бус позволяют предполагать существование стеклоделия. Кроме того, на территории оазиса зафиксированы следы агропланировок и виноградников, примыкающих к центральной части поселения, где располагались жилищно-производственные комплексы, достоверно выявлены остатки не менее 6 винодавлен с большим количеством хумов рядом с ними (Вайнберг, Болелов, 1999, с. 46–61; Болелов, 2005, 100–101). Следует отметить еще одно отличие, на основании которого можно предположительно определить место этих двух памятников в палеоэкономической системе области. Нурумское поселение, как и еще один крупный гончарный центр – Гяур-кала 3, а также группа небольших поселений с остатками гончарного производства на Чермен-Ябе у мыса Тарым-кая расположены на северо-западной окраине Хорезма, в зоне обитания и зимовий кочевых и полукочевых скотоводческих племен, возможно, отчасти включенных в систему хорезмийской государственности. Надо полагать, именно для этих потребителей и была предназначена керамика и другие ремесленные изделия, производившиеся на Нурумском поселении. Крупное ремесленное производство перемещалось к окраинам оазиса, чтобы приблизиться к потребителю (Вайнберг, 1981, с. 125; Болелов, 2006, с. 116–126). Поселение Бабиш-мола 7 расположено в непосредственной близости от укрепленного центра крупного оазиса, посреди значительной по площади орошаемой зоны. Это обстоятельство дает основание считать, что это производство было ориентировано на земледельцев, населявших Бабишмолинский оазис. Здесь целесообразно, на наш взгляд, провести параллель с отдельными специализированными сезонными производствами Хорезма, которые удовлетворяли потребности в керамической продукции земледельческие поселения Правобережного Хорезма (Болелов, 1997, с. 69–72).

В отличие от Хорезма, это крупное производство было рядом со столичным городом, поэтому можно предполагать, что оно организовано и контролировалось центральной властью. В связи с этим предположением следует отметить, что к поселению, специально из русла Жанадарьи был подведен канал, и здесь было устроено водохранилище. Так как никаких следов агропланировок в ближайших окрестностях не зафиксировано, то есть все основания полагать, что эти мероприятия были осуществлены исключительно для нужд гончаров. Строительство

канала и устройство водохранилища связано со сравнительно большими трудовыми затратами, и вряд ли могло быть осуществлено силами только обитателей поселения Бабиш-мола 7. Надо полагать, для производства этих работ были привлечены дополнительные людские ресурсы. Не исключено, что для этого был использован и административный ресурс центральной власти.

Выше уже отмечалось, что в настоящее время у нас нет никаких сведений античных письменных источников, где бы упоминалась область нижней Сырдарьи. В то же время, на основании археологических данных, по всей видимости, можно говорить о существовании в этой области раннего государственного образования. Во всяком случае, это определяется по формальным признакам. Таковыми являются существование крупного центра городского типа Бабиш-мола, крупного культового, сакрального центра Чирик-рабат, наличие высокоразвитого ремесленного производства Бабиш-мола 7, неукрепленных поселений, систем искусственного орошения, для строительства которых требовались значительные трудовые затраты. Видимо, в данном случае можно говорить о существовании комплексной, взаимосвязанной и в значительной степени сбалансированной единой социальной и палеоэкономической системы в пределах области.

Здесь, кажется, целесообразно несколько подробнее остановиться на социально-экономической структуре чирикрабатского общества, насколько об этом можно судить по археологическим данным. Выше мы уже кратко упоминали об открытых сельских поселениях, исследованных Чирик-рабатской археологической экспедицией (см.: Вступление). Более подробно (глава 2) описано поселение Баланды, где небольшие усадьбы располагались вдоль русла канала или дельтового протока. Эти усадьбы были небольшой площади, во всяком случае, значительно меньшей, чем усадьба на поселении Бабиш-мола 7. Этот факт дает определенные основания полагать, что первичным, или, если можно так сказать, низовым элементом социально-экономической системы этой историко-культурной области являлись семьи земледельцев, которые проживали в рассредоточенных сельских поселениях. Как пример такого поселения можно рассматривать поселение Баланды, а также другие памятники этого типа открытые в зоне орошения Инкардарьи и Жанадарьи, упомянутые во вступлении. По формальным признакам они практически идентичны рассредоточенным сельским поселениям античного Хорезма, о чем уже говорилось во II главе. Кроме того, такой тип поселений, которые первоначально были названы «крестьянскими хуторами», состоящий из компактных групп небольших отдельных усадеб, достаточно хорошо известен на территории подгорной полосы Копет-Дага (Южный Туркменистан) в парфянский период. По данным В. Н. Пилипо, в это время они составляли наиболее многочисленную группу населенных пунктов Парфиены (Росляков, 1955, с. 83–85; Пилипко, 1970, с. 86–87; его же, 1975, с. 105–107). Следует заметить, что этот тип поселений на территории Южного Туркменистана появляется в более раннее время. Например, в округе Елькен-депе разбросаны многочисленные, обычно неболь-

шие – до 30 м в диаметре, сильно оплывшие холмы (развалины былых усадеб) (Марущенко, 1959, с. 58). В низовьях р. Теджен в ахеменидский период они являются основным типом сельских поселений (Качурис, 1966, с. 109–115). Видимо, аналогичная ситуация фиксируется в низовьях Мургаба, где обнаружено большое количество поселений эпохи раннего железного века, которые представляют собой группы небольших по площади оплывших холмов на берегу перефирийных каналов. В большинстве случаев эти небольшие холмы (высота 1,5–2 м) группируются вокруг более значительного по размерам депе, которое, по мнению исследователей, было центром поселения (Масон В. М., 1959, с. 63–92).

Как наиболее близкую параллель поселению Баланды можно, на наш взгляд, рассматривать Джанбаскалинское поселение, где общая площадь жилых домов, которые, как правило, состояли из трех жилых и нескольких подсобных помещений, не превышала 200 кв. м (Неразик, 1976, с. 216). По мнению исследователя памятника Е .Е. Неразик, каждый такой дом, если считать, что отдельное помещение выделялось для одной брачной пары, являлся жилищем небольшой двух-трех поколенной семьи, насчитывающей не более 7–10 человек (Неразик, 1978, с. 16–18; ее же, 1979, с. 45). К этому же типу домов относится и полностью раскопанная усадьба № 15 на Нурумском поселении в Левобережном Хорезме (Болелов, 2005б, с. 108), а также полностью раскопанный жилой дом на поселении Капыр-кала у Каушута (Южный Туркменистан) (Пилипко, 1990, с. 74–75). Следует отметить, что этот тип домов вполне сопоставим с небольшими обособленными секциями в жилом массиве кушанского времени в крепости Кампыртепа, где также могли проживать малые двух-трех поколенные семьи (Болелов, 2018, с. 314–315).

На поселении Баланды из-за плохой сохранности определить площадь домов довольно трудно. На основании зачисток и рекогносцировочных раскопок, а также визуального анализа планировки усадеб, можно предположить, что площадь жилых домов вряд ли превышала 200–250 кв. м (рис. 2/6, 2/8; см. также: Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 68, рис. 32). Видимо, такие же небольшие дома располагались рядами вдоль канала, около укрепленной усадьбы Сенгир-кала 2 (см. Вступление). Безусловно, без раскопок трудно что-либо сказать о планировке этих небольших зданий. Мы можем только предполагать, что в этих небольших постройках, также как и в домах Джанбас-калинского поселения, обитали малые двух-трех поколенные семьи. Если принимать это предположение, то есть, по всей видимости, некоторые основания для гипотезы о том, что на территории южной части Сырдарьинской дельты в IV–II вв. до н. э. общество находилось на стадии выделения малой семьи, которая могла вести самостоятельное хозяйство. В связи с этим обращает на себя внимание группа небольших усадеб к северо-востоку от укрепленной усадьбы Баланды 1, расположенных компактно, неподалеку друг от друга. В связи с этим обстоятельством целесообразно еще раз обратиться к материалам Хорезма, где в группе близлежащих домов селились обычно родственники, что подтверждается этнографическими данными (Кисляков, 1969, с. 30; Жилина, 1989, с. 108),

однако степень их хозяйственной самостоятельности могла быть различной (Неразик, 1976, с. 216). В классической этнографии такие семейно – родственные группы, состоявшие из нескольких (от 2–5 до 10–15 семей) малых семей, объединенных экономическими интересами и находившиеся в опреленной степени родства, выделяются в процессе разложения большой семьи (Абрамзон, 1951, с. 152–156; Кисляков, 1969, с. 29–31). Видимо, в данном случае речь может идти о союзе нескольких небольших семей, главы которых ведут свое происхождение от одного общего предка (Периханян, 1983, с. 51–52). По мнению В. Н. Пилипко, такие небольшие усадьбы принадлежали свободным, небольшим, надо полагать, уже выделившимся из большой неразделенной семейной общины, семьям. В то же время они принадлежали к более масштабному объединению, которое можно назвать соседско-родственной общиной. Причем, групповое расселение в это время, судя по наличию отдельно стоящих домов, уже считалось необязательным (Пилипко, 1975, с. 104). По мнению Е. Е. Неразик, которая очень подробно рассматривает социально-экономическую структуру Джанбас-калинского поселения, это были небольшие семейно-родственные (агнатические или патрономические) группы, во владении которых находились пахотные участки. При этом существовали уже окончательно выделившиеся участки, находившиеся (надо полагать, автономно) в пользовании одной малой семьи (Неразик, 1979, с. 45).

Анализируя материалы, полученные в ходе раскопок и рекогносцировочных исследований поселений в оазисах нижней Сырдарьи, можно предполагать, что небольшие рассредоточенные поселения на берегах каналов и протоков были местом обитания соседских сельскохозяйственных общин. Отдельные семьи, ведущие самостоятельное хозяйство, являвшиеся основным стуктурным элементом соседской общины, были объеденены территориально-соседскими связями и, по всей видимости, совместной собственностью на главные средства производства (землю, пастбища, промысловые угодья) (Хазанов, 1975, с. 104–105). В то же время нельзя исключать, что члены этой общины (малые семьи) в той или иной степени были связаны между собой кровными узами. Возможно, в данном случае уместно провести паралелль с известной практически во всех древних обществах организацией семей, ведущих свое происхождение от предка по мужской линии, которое фиксируется на ранней стадии разложения патриархальной домашней общины (Дьяконов И. М., 1968, с. 12–13). В древних индийских и иранских источниках подобные родственные объединения названы терминами gotrá и nāfa, соответственно (Периханян, 1983, с. 52–63). Такие семейно-родственные группы, составлявшиеся во время полевых и ирригационных работ и различавшиеся по количеству семей в них (от трех до семи), по этнографическим данным были известны и в конце XIX, и в начале XX вв. (Рассудова, 1987, с. 70–73; см. также: Губаева, 1978, с. 28–35). На основании данных, полученных в результате рекогносцировочных археологических исследований, можно предполагать, что основную часть населения чирик-рабатских поселков, располагавшихся на берегах дельтовых протоков и каналов, составляли

небольшие двух-трех поколенные семьи свободных земледельцев. Вполне вероятно, что они были объединены в семейно-родственную общину, обладающую совместной собственностью на землю и воду. В то же время нельзя не отметить, что на этих поселениях были и значительно более крупные по размеру усадьбы, например, Сенгир-кала 2. Кроме того, остается неясным функциональное назначение Баланды 1. Остатки крупного недостоенного здания внутри двора дают некоторые основания предполагать, что изначально она планировалась как резиденция правителя или старейшины поселения. То же самое можно, по всей видимости, сказать и о крупных укрепленных усадьбах на поселении Сенгир-кала и Иркибай. Безусловно, особняком следует рассматривать крупную жилую усадьбу на поселении Бабиш-мола 7, где, как уже говорилось выше, мог проживать глава ремесленного поселения. Все эти данные дают некоторые основания говорить о возможной социальной стратификации чирикрабатского общества второй половины I тыс. до н. э., которое в это время находилось на стадии выделения малых семей и формирования слоя родовой знати. Надо думать, что в этот период времени создаются предпосылки для формирования в низовьях Сырдарьи раннего государственного образования.

Видимо, как непременный атрибут государственности следует рассматривать наличие на границах территории распространения чирик-рабатской археологической культуры укрепленных памятников, которые с полным основанием можно называть крепостями, возможно, государственными. На северных границах – это крепости Алып и Кабыл, которые контролировали границы Чирикрабатского и Бабишмолинского оазисов на северо-западе. На юго-западе Чирикрабатского оазиса, на правобережье Жанадарьи, были расположены «крепости-казармы для гарнизона» Чирик 3 и Карабас.

Крепость **Кабыл** находится в 18 км к северо-западу от городища Бабиш-мола, за полосой пустынных песчаных гряд. Крепость была выявлена впервые и частично обследована в 1957 г. во время Жанадарьинского маршрута ХАЭЭ (Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, стр. 15–16, рис. 9). В 2005 г. Были определены географические координаты (N 44°28′17,60″», E 062°54′23,60″»). Рекогносцировочные раскопки велись в 2012 г. отрядом ЧРАЭ (Тажекеев, 2007, стр. 220). Крепость, которая в плане имеет вид не вполне правильного прямоугольника (55×50 м) с воротами в юго-восточной стене и предвратным сооружением перед ними (рис. 5/1), фланкированным двумя сильно выступающими башнями, расположена на границе оазиса. Длина стен: северо-восточной и северо-западной – 58 м, юго-западной – 56,5 м, юго-восточной – 52 м. Высота стен 4–5 м, толщина около 1,5 м. Стена снабжена двумя рядами стреловидных бойниц, расположенных в шахматном порядке. Расстояние между бойницами равно – 2 м, башни вдоль стен отсутствуют.

Посреди долины, где расположена крепость, проходит широкая ложбина, некогда заполненная водой, вытекающей из Жанадарьи. Заметно, что местами ложбинка была углублена вручную и превратилась в русло канала. По сторонам русла частично прослеживаются остат-

ки агро-ирригационных планировок. Также на берегах канала были расположены в один или в два ряда жилые усадьбы, следы которых сейчас определяются по россыпям керамики, останкам строительных материалов и обломков каменных орудий.

По подъемному материалу памятник относится к чирикрабатской культуре (IV–II вв. до н. э.). По внешнему виду сооружение, в определенной степени, близко античной хорезмийской крепости Джанбас-кала (IV в. до н. э.) (Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, стр. 16).

Крепость **Алыб** расположена на северо-восточной границе Чирикрабатского оазиса, на небольшом возвышении, которое окружено со всех сторон сухими руслами древних дельтовых протоков Куандарьи. Памятник был открыт во время авиаразведок Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова в 1946 г. (Толстов, 1948). В 2005 г. были повторно исследованы и определены географические координаты (N 45°22′47,60″», E 063°00′32,30″»), проведена фотофиксация (Тажекеев, 2007, стр. 219).

Памятник представляет собой почти квадратную крепость (57×57×56×54 м) с закругленными углами, с крепостными стенами, сохранившимися на высоту до 6 м (рис. 5/2). Стены с оборонительным коридором (шириной 2,2 м – внешней 1,2 м – внутренней) и множеством стреловидных бойниц, устроенных на двух уровнях, но без башен. Расстояние между бойницами – 1,6–2 м, высота бойниц – 1 м. Въезд на крепость расположен в середине южной стены (1,3 м). Внутри памятника ровный такыр; никаких следов застройки в пределах оборонительных стен зафиксировать не удалось. В результате зачисток на разрушенных участках на восточной и западной стенах крепости удалось проследить систему кладки внешних стен памятника. Нижняя часть высотой в 1 м и шириной 0,6 м была сложена из двух рядов пахсовых блоков. Уже с нижнего уровня бойниц стена была построена из прямоугольных сырцовых кирпичей размерами: 49–49,5×26–27×8,5–9 см. (Толстов, 1948, стр. 126). Стреловидные бойницы и строительные приемы, использовавшиеся при строительстве крепости Алыб, довольно широко известны в памятниках античного времени среднеазиатских земледельческих оазисов, прежде всего, Хорезма, а ближайшие аналогии мы находим в постройках в бассейне Жанадарьи, прежде всего, в таких подквадратных в плане крепостях без башен, как Кабул-кала и др. (Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, стр. 15–16, рис. 9; Вайнберг, Левина, 1993, стр. 31, рис. 16; Тажекеев, 2007, стр. 220).

Крепость **Чирик 3** расположена на естественной возвышенности, напротив Чирик-рабата, в 600 м к западу от него, на правом берегу Жанадарьи. Это прямоугольное (108×122 м) в плане сооружение с закругленными углами. Стены, ширина которых в нижней части была немногим более 3 м, сохранились на высоту до 1,5 м. В стенах были стреловидные бойницы высотой 1,3 м, располагавшиеся в один ряд на высоте 1,2 от основания крепостных стен, на расстоянии 2 м друг от друга. В отличие от крепости Алыб, на Чирике выявлены следы внутренней застройки. Получение материалы в ходе раскопок позволили отнести крепость к чирикрабатской культуре (Вайнберг, Левина, 1993, стр. 22–23).

Крепость **Карабас** расположена в 9,5 км к западу от городища Чирик-рабат, на правом берегу Жанадарьи. Памятник был открыт в 2006 г. маршрутной группой Чирик-рабатской археологической экспедиции (Тажекеев, 2007, стр. 226). В 2014 г. Отрядом ЧРАЭ на памятнике былы начаты стационарные археологические раскопки (Курманкулов, Утубаев…., 2014, стр. 165–170).

Укрепление Карабас в плане представляет собой трапециевидное глинобитное сооружение, ориентированое углами по странам света. Длина восточной стены составляет 130 м, западной – 105 м, северной – 15 м и южной – 40 м. Толщина стен, которые сохранились на высоту около 2–2,5 м, – 1,5–2 м. На внешних стенах и на углах четко прослеживаются контуры семи башен (рис. 5/3). В стенах одной из них сохранились стреловидные бойницы. Вход в крепость был в центральной части юго-восточной стены. В настоящее время место его расположения можно определить по промоине. Внутри крепости, в юго-восточном и юго-западном углах, были зафиксированы остатки отдельных, по всей видимости, прямоугольных в плане сооружений, размерами 20×10 м и 10×10 м. По подъемному материалу памятник датируется IV–II вв. до н. э. Можно предполагать, что крепость Карабас выполняла функцию крепости, в которой, судя по наличию в пределах оборонительных стен построек, размещался небольшой гарнизон.

Вероятно, основной функцией этих укреплений, расположенных на границах древнеземледельческой области, была охрана «чирикрабатских» земель от внешнего врага. В данном случае можно провести прямую параллель с Хорезмом, особенно правобережной его частью. Здесь, на границах территории, освоенной земледельцами, на естественных возвышенностях также были построены крепости, у подножья которых располагались открытые поселения земледельцев. Строительство всех этих крепостей (Бурлы-кала, Аяз-кала 1, Малая Кырк-кыз-кала, Большая Кырк-кыз-кала, Кургашин-кала, Джанбас-кала) датируется не ранее начала IV в. до н. э., то есть ранним этапом становления древнехорезмийского государства. Надо полагать, кроме того, что эти крепости были убежищами и, одновременно, складами-хранилищами, они, конечно, были и опорными пунктами обороны в случае нападения внешнего врага. Об этом красноречиво свидетельствует, прекрасно разработанная для своего времени, система фортификации памятников (Хожаниязов, 1984, с. 39–45; Коляков, 1985). Видимо, в данном случае наличие крепостей на окраинах земледельческих областей следует рассматривать как своеобразные пограничные пункты, а линию расположения этих крепостей можно воспринимать как границу государства.

Таким образом, на основании изложенного выше, есть основания говорить о существовании на территории Южного Приаралья во второй половине I тыс. до н. э. двух ранних государственных образований – Хорезмийского государства, которое обрело свою самостоятельность где-то на рубеже V и IV вв. до н. э. (Балахванцев, 2006, с. 365–375) и государства, или, может быть, раннего государственного образования в пределах южной части древней

Сырдарьинской дельты. По всей видимости, южную часть сырдарьинской дельты (область среднего течения Жанадарьи) можно рассматривать как единицу общественного устройства ***дахью*** – область, населенную племенем или союзом племен, которая упоминается в Яштах. Если это действительно так, то городище Бабиш-молу можно трактовать как резиденцию ***дахьюпати*** – правителя области (см. об этом: Пьянков, 2013, с. 334; Болелов, 2014, с. 22).

То, что низовья Сырдарьи не упоминаются в известных в настоящее время письменных источниках, совершенно не означает, что эта область находилась в изоляции и не имела культурных и экономических связей с другими областями Центральной Азии. Археологические данные свидетельствуют как раз об обратном.

На раннем этапе, безусловно, фиксируются устойчивые культурные и экономические связи чирикрабатской культуры с Хорезмом. Достаточно вспомнить находку фляги с хорезмийской надписью в одном из курганов на городище Чирик-рабат. Кроме того, об этом же говорят многочисленные находки хорезмийской керамики в комплексах из раскопок городища Чирик-рабат и крепости Баланды 1 (см. выше). Видимо, уже в конце V в. до н. э. формируется маршрут торгового пути между Хорезмом и низовьями Сырдарьи, который впоследствии становится одним из отрезков межконтинентального «Великого Индийского или Индо-Каспийского пути». Иначе трудно объяснить присутствие в археологических комплексах чирикрабатской культуры сердоликовых бус с наведенным содовым орнаментом (etched beads), местом изготовления которых традиционно считается Северная Индия (Литвинский, 1972, с. 80–82). Такие бусы были найдены в культурных слоях VI–V вв. до н. э. на городище Кюзели-Гыр. Некоторые из них, возможно, происходят из ремесленных центров Ирана и, может быть, Сирии (Аникеева, 2012, с. 182–183; ее же: 2016, с. 21–30). Эти ювелирные изделия также могли попасть на Южный Урал по северному, сухопутному отрезку «Великого Индийского пути» через территорию Хорезма. Кроме того, следует отметить многочисленные находки бус и подвесок из бадахшанского лазурита и изделий из слоновой кости (Трудновская, 1963, с. 210), которые также могли попасть в дельту Сырдарьи только по западному отрезку «Великого Индийского пути» из Хорезма. На городище Чирик-рабат, в грабительском выбросе из погребальной камеры кургана 1, найдена сердоликовая бусина типа «etched agate beads», безусловно, индийского происхождения. На этом же памятнике в круглом погребальном сооружении найден фрагмент халцедоновой печати со сценой противоборства царя с львиноголовым грифоном, безусловно, относящейся к категории ахеминидских древностей (Толстов, 1962, с. 147).

Как представляется, в эллинистический период торговые связи между Хорезмом и низовьями Сырдарьи только увеличиваются. На памятниках чирикрабатской культуры найдено большое количество предметов западного происхождения, которые могли попасть сюда по сухопутному пути транзитом из Хорезма (северо-восточный отрезок трансконтинентального «Великого Индийского пути»).

В первую очередь, следует отметить находки на укрепленной усадьбе Баланды I. Здесь, в небольшом по площади раскопе, было обнаружено несколько прямоугольных костяных пластин, украшенных резным орнаментом, который находит себе прямые параллели в комплексах Северного Причерноморья («бегущая волна», «плетенка») (см. Глава II). Между пластинок, которые образовывали рамку, была заключена тонкая дощечка, со всех сторон обложенная слюдой, через которую была видна роспись. Кроме того, рядом с этими предметами были найдены небольшие стилизованные листья аканта, изготовленные из бронзы. По мнению исследователей памятника, все это детали оформления небольшой шкатулки с усеченно-конической крышкой (Вайнберг, Левина, 1993, с. 88). Можно предполагать, что композиция декора шкатулки, найденной на Баланды I, была схожа с оформлением боковых панно шкатулки, найденной в храме Окса на городище Тахти-Сангин. Близки между собой и декоративные элементы, например, «бегущая волна» (Литвинский, 2004, с. 24–25). Вместе с костяными пластинками были найдены предметы, которые, по всей видимости, находились внутри шкатулки – жемчужины (скорее всего, индийского происхождения) и фрагменты стеклянных сосудов с росписью, позолотой и рельефными узорами (вероятно, сирийского производства) (Толстов, 1962, с. 173–174). Помимо этого, следует отметить находки на поселении Баланды неглубоких каменных чаш-плакеток, выточенных из плотного камня черного цвета (см. Приложение № 6). Эти предметы находят себе полные аналогии в комплексе культового центра Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме, причем, следует подчеркнуть, что в Хорезме эти плакетки были предметами импорта или же изготовлены местными мастерами по эллинистическим образцам (Болелов, 2005, с. 223). Не вызывает сомнения и то, что на территорию Сырдарьинской дельты эти предметы также были привезены. Наиболее близкой аналогией каменным блюдцам и плакеткам, найденным в Южном Приаралье, являются каменные сосуды, представленные в археологических комплексах эллинистического периода на территории Бактрии (Ай-Ханум) (Francfort, 1984, табл. IX, XIV; Rapin, 1992, табл. 76). Безусловно, привозными были небольшие деревянные сосуды из самшита, по всей видимости, пиксиды, фрагменты которых были найдены в некоторых погребальных сооружениях (Вайнберг, Левина, 1993, с. 89). Следует заметить, что пиксиды, изготовленные из самшита, весьма вероятно, из Причерноморья или Юго-Западного Прикаспия, в достаточном количестве представлены в комплексе культового центра Калалы-Гыр 2 в Левобережном Хорезме (Болелов, Двуреченская, 2004, с. 269–270). Особняком стоит находка двух алабастров с греческими надписями, обнаруженных в ходе раскопок того же склепа на городище Чирик-рабат, где были найдены фрагменты, уже упоминавшихся стеклянных сосудов (Құрманқұлов, Жетібаев, 2009, с. 90–96).

Набор импортных предметов, представленных в комплексе чирикрабатской культуры однозначно свидетельствует о связях низовьев Сырдарьи в IV–II вв. до н. э. с областями Причерноморья, Северной Индии и Бактрии. Следует заметить, что те же направления торговых и культурных связей в это же время четко прослеживаются по археологическому материалу,

найденному на территории Древнего Хорезма. По мнению первых исследователей памятников чирикрабатской культуры, все эти предметы могли попасть на территорию древней дельты Сырдарьи через юг Средней Азии от участников походов Александра Македонского (Вайнберг, Левина, 1993, с. 89). Однако сколь-нибудь весомых аргументов в пользу этой гипотезы в настоящее время нам не известно. Также нет никаких, даже косвенных фактов, свидетельствующих о присутствии в низовьях Сырдарьи войск Александра Великого, впрочем, также, как и более поздних греческих царей. Вместе с тем не исключено, что изделия ювелиров Индии и Бактрии могли поступать на эту территорию через посредничество кочевников Кызылкумов, курганы которых в предгорьях Букантау (Центральные Кызылкумы) датируются в пределах VI–I вв. до н. э. Это предположение косвенно подтверждается еще и тем, что в одном из курганов могильника Джузкудук-2 найдены индийские сердоликовые бусы с наведенным содовым орнаментом (Манылов, 1990, с. 33–39; его же: 1992, с. 59–69). В то же время каких-либо предметов греческого или эллинистического импорта в кызылкумских курганах не обнаружено. Как представляется, греческие и малоазиатские изделия могли попасть в низовья Сырдарьи из Хорезма по восточному участку «Великого индийского пути», возможно, по этому маршруту шли на Сырдарью и некоторые товары из Индии, минуя кочевья скотоводов в Кызылкумах. О прямых связях Хорезма с поселениями чирикрабатской культуры свидетельствует значительный процент хорезмийской посуды в керамическом комплексе городищ Бабиш-мола, Чирик-рабат, поселения Баланды и т. д.

Обращает на себя внимание и тот факт, что подавляющее большинство хорезмийских сосудов относятся к группе хозяйственной тарной посуды. Это крупные кувшиновидные сосуды без ручки, украшенные росписью (спираль), и керамические вьючные фляги. Л. М. Левина отмечает полусферические светло-ангобированные фляги, представленные в комплексе, и обращает внимание на сходство их с хорезмийскими. При этом исследователь считает, что основным отличием чирикрабатских фляг от хорезмийских является полное отсутствие орнаментации (Вайнберг, Левина, 1993, с. 71). Однако орнаментация как раз и не является характерной особенностью всех хорезмийских фляг. Сосуды этого типа, украшенные росписью, и фляги с оттиснутым рельефным орнаментом на плоской стороне, никак не преобладают в керамическом комплексе древнехорезмийского периода, а основную часть составляют неорнаментированные фляги (Калалы-Гыр 2…, с. 117–120), полной аналогией которым как по морфологическим, так и по параметрическим признакам являются фляги, представленные в комплексах чирикрабатской культуры. Обращает на себя внимание тот факт, что набор хорезмийской тарной керамики в чирикрабатских комплексах почти полностью соответствует комплексу хорезмийской посуды, представленной в синхронных комплексах из курганов Южного Приуралья. Это дает основание предполагать, что контакты чирикрабатцев с Хорезмом были не спорадическими, но носили постоянный характер на уровне устойчивых торговых связей, осуществлявшихся караванами по сухопутному маршруту, который по дельте

Акчадарьи выводил в низовья Жанадарьи и далее, к восточному побережью Аральского моря, откуда караваны попадали уже на Илек. Учитывая тот факт, что низовья Сырдарьи, также, как и низовья Амударьи, были традиционным местом зимовок кочевников, можно говорить о довольно устойчивых как экономических, так и культурных связях между оседлым населением чирикрабатской культуры и номадами Южного Приуралья. Прямым свидетельством этих связей являются находки чирикрабатской керамики в курганах Южного Приуралья (Болелов, 2012, с. 211). Возможно, по указанному выше маршруту шли хорезмийские караваны в XIX в., которые по южному побережью Аральского моря из Ургенча выходили к Казалинску в дельте Сырдарьи (Джанкент), а затем через Иргиз и Орск доходили до Оренбурга (Сазонова, 1978, с. 81). Последний отрезок этого пути довольно подробно описан русскими путешественниками первой половины XIX в. (Мейендорф, 1975. С. 27–38; Записки о Бухарском ханстве, 1983. С. 26–30).

На основании всего изложенного выше, по всей видимости, есть все основания полагать, что во второй половине I тыс. до н. э. в южной части древней Сырдарьинской дельты, в бассейнах Жанадарьи и Инкардарьи были созданы все предпосылки для формирования на этой территории раннего государственного образования. Так как в письменных источниках эта область не упоминается, это заключение базируется исключительно на археологических данных. Видимо, античные авторы не располагали сколь-нибудь достоверными сведениями об этих районах, и традиционно считали эту территорию местом обитания кочевников-саков. Однако археологические материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, дают все основания считать, что на этой территории, в указанный выше хронологический период, была распространена оседлая земледельческо-скотоводческая культура, базировавшаяся на искусственном орошении, и на территории которой фиксируются формальные признаки государственности. Принимая во внимание все эти факты, можно с определенной долей уверенности констатировать, что во второй половине I тыс. до н. э. на территории Южного Приаралья, помимо Древнего Хорезма, существовало или начало формироваться еще одно государственное образование, в полной мере взаимодействующее как с древнеземледельческими государствами юга Средней Азии, так и со скотоводческими кочевыми племенами степной зоны Евразии. Можно также говорить, что область среднего и нижнего течения Жанадарьи занимала определенное место в палеоэкономической мегасистеме, которая сложилась в этой части Центральной Азии во второй половине I тыс. до н. э.

Рис. 5/1. Крепость Кабыл

Рис. 5/2. Крепость Алып

Рис. 5/3. Крепость Карабас

Литература

Абрамзон, 1951 – Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Материалы и исследования. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, том XIV. М., 1951.

Агаджанов, 1969 – Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.

Алимова, Филанович, 2009 – Алимова Д. А., Филанович М. И. История Ташкента (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 2009.

Андрианов,1969 – Андрианов Б. И. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

Андрианов, 1991 – Андрианов Б. В. Из истории орошения в бассейне Аральского моря // Аральский кризис. М., 1991.

Андрианов, Левина, 1979 – Андрианов Б. В., Левина Л. М. Некоторые вопросы исторической этнографии восточного Приаралья в I тыс. н. э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Аникеева, 2012 – Аникеева О. В. Украшения ахеменидского круга из цветного камня (на примере изучения каменных бус из курганов ранних кочевников Южного Приуралья) // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). Том 1. М., 2012.

Аникеева, 2016 – Аникеева О. В. Закономерности появления наборов бус из погребений ранних кочевников Южного Урала (конец VI–II в. до н. э.) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург, 2016.

Античные государства…, 1984 – Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

Антонова, 1984 – Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.

Антонова, 1986 – Антонова Е. В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М., 1986.

Аржанцева, Болелов, Тажекеев, 2018 – Аржанцева И. А., Болелов С. Б., Тажекеев А. А. История исследования Хорезмской экспедиции на землях Сыра. Часть I. Кызылорда – М., 2018.

Байпаков, 2012 – Байпаков К. М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Книга I. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Алматы, 2012.

Балахванцев, 2006 – Балахванцев А. С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // ЗВОРАО, новая серия, т. II (XXVII). СПб., 2006.

Баратов, 2017 – Баратов С. Р. О проблеме истоков урбанизированной культуры Древнего Хорезма // Археология Узбекистана, 2017, № 2 (15).

Бартольд, 1963 – Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения, т. 1. М., 1963.

Бобринский, 1978 – Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Бобринский, 1989 – Бобринский А. А. Методика изучения организационных форм гончарных производств // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.

Бобринский, 1991 – Бобринский А. А. Гончарные мастерские и горны восточной Европы. М., 1991.

Богомолов, 1984 – Богомолов Г. И. К вопросу об одном из домусульманских обрядов Средней Азии // ИМКУ, вып. 19. Ташкент, 1984.

Богомолов, Ильясова, 2010 – Богомолов Г. И., Ильясова С. Р. К дискуссии о зданиях с крестообразной планировкой в Чаче // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Ташкент, 2010.

Болелов, 1993 – Болелов С. Б. Керамические курильницы из склепов могильников Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыасарская культура. Склепы. Часть I. М., 1993.

Болелов, 1997 – Болелов С. Б. Гончарство Древнего Хорезма: формы организации ремесла (VI в. до н. э. – IV в. н. э.) // ЭО, 1997, № 2.

Болелов, 2000 – Болелов С. Б. К вопросу о соотношении типов и орнаментов в керамике (по материалам Калалы-Гыр 2 в Левобережном Хорезме) // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000.

Болелов, 2001 – Болелов С. Б. Гончарная мастерская III–II вв. до н. э. на Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы ТАЭ, вып. 2. Ташкент, 2001.

Болелов, 2002а – Болелов С. Б. Нурумское поселение в Левобережном Хорезме // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002.

Болелов, 2002б – Болелов С. Б. Керамические обжигательные горны на территории Южного и Юго-Восточного Приаралья (вторая половина I тыс. до н. э. – первые века н. э.) // ИМКУ, вып. 33. Ташкент, 2002.

Болелов, 2002в – Болелов С. Б. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа (раскопки 2000-2001 годов) // Археологические исследования Кампыртепа. МТЭ, вып. 3. Ташкент, 2002.

Болелов, 2004 – Болелов С. Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // TRANSOXIANA. История и культура. Ташкент, 2004.

Болелов, 2004а – Болелов С. Б. Кушано-бактрийский археологический комплекс по материалам раскопок Кампыртепа // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология. История. Этнология. Культура. СПб., 2004.

Болелов, 2005а – Болелов С. Б. Раскопки усадьбы в Нурумском оазисе (Северная Туркмения) // ПИФК, XV. М. – Магнитогорск.

Болелов, 2005б – Болелов С. Б. К вопросу о южных и юго-западных связях Хорезма во второй половине I тыс. до н. э. по археологическим данным // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005.

Болелов, 2006а – Болелов С. Б. Гончарные производства Средней Азии во второй половине I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. // РА, 2006, № 3.

Болелов, 2006б – Болелов С. Б. Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000–2002 гг.) // МТЭ, вып. 6. Елец, 2006.

Болелов, 2010 – Болелов С. Б. Расписная хозяйственная посуда Древнего Хорезма (по материалам Калалы-гыр 2) // ПИФК, 2010, № 1. М. – Магнитогорск, 2010.

Болелов, 2011 – Болелов С. Б. Производственный центр эпохи эллинизма на цитадели Кампыртепа // МТЭ, вып. 8. Елец, 2011.

Болелов, 2012 – Болелов С. Б. Ремесло Хорезма во второй половине I тыс. до н. э. (опыт палеоэкономического исследования) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Книга 2. СПб., 2012.

Болелов, 2012а – Болелов С. Б. Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья // Влияние ахеменидской культуры в южном Приуралье. М., 2012.

Болелов, 2013 – Болелов С. Б. Ремесло Древнего Хорезма на ранних этапах развития государственности // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. Труды ГЭ, LXII. Отв. Ред. П. Б. Лурье, А. И. Торгоев. СПб.: Издательство ГЭ. С. 29–44.

Болелов, 2014 – Болелов С. Б. Древний Хорезм на перекрестке торговых путей во второй половине I тыс. до н. э. // Вестник истории, литературы и искусства. Вып. X. М., 2014.

Болелов, 2014а – Болелов С. Б. Кампыртепа – античная крепость на Оксе: стратиграфия, периодизация, хронология // SCRIPTA ANTIQUA. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Том III, М., 2013.

Болелов, 2015 – Болелов С. Б. Древний Хорезм на перекрестке торговых путей во второй половине I тыс. до н. э. // Вестник истории литературы и искусства ОИФН РАН. Том X. М., 2015.

Болелов, 2016 – Болелов С. Б. К вопросу о формировании ранней земледельческой культуры в низовьях Амударьи // SCRIPTA ANTIQUA. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Том V. М., 2016.

Болелов, 2018 – Болелов С. Б. Укрепленные поселения кушанской Бактрии в свете раскопок Кампыртепа // Кампыртепа – кушанская крепость на Оксе. Археологические исследования. М.–СПб., 2018.

Вадецкая, 1975 – Вадецкая Э. Б. Тагарские погребальные ложа // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

Вайнберг, 1973 – Вайнберг Б. И. Удельный чекан раннесредневекового Кердера // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973.

Вайнберг, 1991а – Вайнберг Б. И. История обводнения Присаракамышской дельты Амударьи в свете археологических работ последних десятилетий // Аральский кризис. М., 1991.

Вайнберг, 1991б – Вайнберг Б. И. Изучение памятников Присаракамышской дельты Амударьи в 70-е–80-е годы XX столетия // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Часть I. М., 1991.

Вайнберг, 1997 – Вайнберг, 1997 – Вайнберг Б. И. Экология Приаралья в древности и средневековье // ЭО, 1997, № 1.

Вайнберг, 1999 – Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.

Вайнберг, 2000 – Вайнберг Б. И. Техника изготовления культовых сосудов второй половины I тыс. до н. э. в Хорезме // Средняя Азия. История. Археология. Культура. М., 2000.

Вайнберг, Левина, 1993 – Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикрабатская культура. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М., 1993.

Вайнберг, Болелов, 1999 – Вайнберг Б. И., Болелов С. Б. Нурумский оазис на западе Хорезма // Культурные ценности 1997–1998. Спб. 1999.

Вактурская, 1979 – Вактурская Н. Н. Новые данные о городище Асанас // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Вактурская, Воробьева, 1952 – Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции АН СССР // Труды ХАЭЭ, том I. М., 1952.

Васильев, 2001 – Васильев В. Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н. э. МАВДС. Вып. 1. 2001.

Васильев, 2006 – Васильев В. Н. К хронологии вьючных фляг ранних кочевников Южного Урала // Южный Урал, 2006.

Васильев, Сиротин, 2004 – Васильев В. Н., Сиротин С. В. Ново-Мусинский курган // УАВ, 2004, вып. 5.

Виноградов, 1963 – Виноградов А. В. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры // МХЭ, вып. 6, М., 1963.

Виноградов, 1981 – Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. Труды ХАЭЭ, том XIII. М., 1981.

Виноградов, Итина, Яблонский, 1986 – Виноградов А. В., Итина М. А., Яблонский Л. Т. Древнейшее население низовий Амударьи. Труды ХАЭЭ, том XV. М., 1986.

Вишневская, Рапопорт, 1997 – Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Городище Кюзели-Гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ, 1997, № 2.

Вишневская, Итина, 1971 – Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М., 1971.

Воробьева, 1959 – Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. Труды ХАЭЭ, том IV. М., 1959.

Воробьева, 1961 – Воробьева М. Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // Материалы к историко-этнографическому Атласу Средней Азии и Казахстана. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, том XLVIII. М.–Ленинград, 1961.

Воробьева, 1973 – Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в Древнем Хорезме. М., 1973.

Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963 – Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. МХЭ, вып. 6. М., 1963.

Гаибов, 2004 – Гаибов В. А. Раннеэллинистическая керамика Маргианы // ПИФК, XIV. М.–Магнитогорск, 2004.

Гертман, 1998 – Гертман А. Н. Знаки на кирпичах и некоторые вопросы организации древневосточного строительства (по материалам Древнего Хорезма) // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Горбунова, 1994 – Горбунова Н. Г. Поселение Арк-тепе в Южной Фергане // РА, 1994, № 4.

Горбунова, Иванов и др., 1974 – Горбунова Н. Г., Иванов Г. П., Кулик Т. И., Мирзалиев Г., Оболдуева Т. Г. Ферганская экспедиция // АО – 1973, М., 1974.

Граков, 1971 – Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.

Губаева, 1978 – Губаева С. С. Патронимия в топонимии Ферганской долины // Ономастика Средней Азии. М., 1978.

Дарменов, 2014 – Дарменов Р. Т. К истолкованию погребального обряда на могильниках чирик-рабатской культуры // Всадники Великой степи: традиции и инновации. Астана, 2014.

Дарменов, Утубаев, 2011 – Дарменов Р. Т., Утубаев Ж. Р. Баланды 2 (Буланды). Культовое сооружение чирик-рабатской культуры IV–II вв. до н. э. // Археология Казахстана в эпоху Независимости: итоги и перспективы. Том II / Алматы, 2011.

Дарменов, Тажекеев, 2012 – Дарменов Р. Т., Тажекеев А. А. К вопросу об интерпретации мавзолеев чирик-рабатской культуры // Вестник Казахского государственного университета им. Аль-Фараби. Серия историческая. 2012, № 3.

Дьяконов И. М., 1968 – Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ, 1968, № 3.

Жилина, 1989 – Жилина А. Н. Традиционные поселения Хорезмского оазиса (XIX – начало XX вв.) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.

Завьялов, 2008 – Завьялов В. А. Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок на городище Зартепа). СПб., 2008.

Заднепровский, 1985 – Заднепровский Ю. А. Городище Биловуртепе (Восточная Фергана) // КСИА, № 184. М., 1985.

Заходер, 1944 – Заходер Б. Н. История восточного средневековья. М., 1944.

Иваницкий, 1992 – Иваницкий И. Д. Саратепе 2 – поселение керамистов середины I тыс. до н. э. под Самаркандом // ИМКУ, вып. 26. Ташкент, 1992.

Итина, 1977 – Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья. Труды ХАЭЭ, том X. М., 1977.

Итина, 1992 – Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Итина, 1998 – Итина М. А. К истории изучения бронзового века Южного Приаралья // Приаралье в древности и средневековья. М., 1998.

Итина, Вактурская, Левина, 1973 – Итина М. А., Вактурская Н. Н., Левина Л. М. Работа Хорезмской экспедиции в низовьях Сырдарьи // АО – 1972., М., 1973.

Итина, Яблонский, 1997 – Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки нижней Сырдарьи. М., 1997.

Итина, Яблонский, 2001 – Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001.

Кабанов, 1973 – Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // сб. Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973.

Кисляков, 1969 – Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Ленинград, 1969.

Калалы-гыр 2, 2004 – Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. Отв. Ред. Б. И. Вайнберг. М., 2004.

Качурис, 1966 – Качурис К. К изучению Овлиядепинского оазиса в нижнем течении р. Теджена // КСИА, № 108. М., 1966.

Кой-Крылган-кала, 1967 – Кой-Крылган-кала. Памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н. э. – IV в. н. э. Отв. Ред. С. П. Толстов, Б. И. Вайнберг. М., 1967.

Коляков, 1991 – Коляков С. М. Раскопки крепости Кургашин-кала // Новые открытия в Приаралье. Вып. 1. М., 1991.

Кошеленко, Пилипко, 1985 – Кошеленко Г. А., Пилипко В. Н. Северная Парфия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.

Кузьмина, 1986 – Кузьмина Е. Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М., 1986.

Курманкулов, Переводчикова, Болелов, 2009 – Курманкулов Ж. К., Переводчикова Е. В., Болелов С. Б. Новые данные о раннем слое на городище Чирик-Рабат // Маргулановские чтения – 2009. Петропавловск, 2009.

Курманкулов, Утубаев, 2013 – Курманкулов Ж. К., Утубаев Ж. Р. Баланды (Буланды) – памятник античности. Алматы, 2013.

Левина, 1979 – Левина Л. М. Поселения VII–V вв. до н. э. и «шлаковые курганы» южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ, т. XI, М., 1979.

Левина, 1997 – Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

Левина, 1998 – Левина Л. М. К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье. М.,1998.

Левина, 2000 – Левина Л. М. Древности низовьев Сырдарьи // В низовьях Окса и Яксарта. Образы Древнего Приаралья. М., 2000.

Лекюйо, 1987 – Лекюйо Г. Айханум. Жилищное строительство // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987.

Лелеков, 1976 – Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н. э. // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.

Лионе, 2014 – Лионе Б. Недавние исследования керамических комплексов Согдианы (с конца эпохи бронзы до арабского завоевания): вклад в историю Средней Азии // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Том I. Самарканд, 2014.

Литвинский, 1972 – Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1982.

Литвинский, 1973 – Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.

Литвинский, Седов, 1984 – Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.

Литвинский, Пичикян, 2000 – Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса. Т. I. М., 2000.

Ломтадзе, 2015 – Ломтадзе Г. А. Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III в. до н. э. «царской хоры» Европейского Босфора. Царская хора Боспора (по материалам раскопок а Крымском Приазовье). Том 3. М., 2015.

Лоховиц, 1963 – Лоховиц В. А. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. МХЭ, вып. 6. М., 1963.

Маршак, 1970 – Маршак Б. И. Код для описания керамики Пенджикента V–VI вв. // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Марущенко, 1959 – Марущенко А. А. Елькн-депе (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) // Труды ИИАЭ АН Туркмеской ССР, V. Ашхабад, 1959.

Маслова, Суходский, 2008 – Маслова Т. Н., Суходский А. М. Справочник школьника по математике. М., 2008.

Массон, В. М., 1959 – Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА № 73, М., 1959.

Махортых, 2019 – Махортых С. В. Каменные блюда VII–VI вв. до н. э. из скифских памятников лесного Поднепровья // Маргулановские чтения – 2019. Нур-Султан. 2019.

Медведская, 1972 – Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА, 1972, № 3.

Медведская, 1980 – Медведская И. Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийский степей II – второй половины I тыс. до н. э. // СА, 1980, № 4.

Мкртычев, Болелов, 2006 – Мкртычев Т. К., Болелов С. Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. Материалы ТАЭ, вып. 5. Ташкент, 2006.

Монахов, 2003 – Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. М.–Саратов, 2003.

Монахов, 2006 – Монахов С. Ю. О хронологии сарматского погребения с гераклейской амфорой из Башкирии // Liber Archaelogicue. Ростов-на-Дону, 2006.

Некрасова, Пугаченкова, 1978 – Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А. Керамика Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Неразик, 1976 – Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Труды ХАЭЭ, том IX. М., 1976.

Неразик, 1978 – Неразик Е. Е. Поселения и жилище Хорезма как источник для исследования семьи в I – XIV вв. н. э. // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии. М., 1978.

Неразик, 1979 – Неразик Е. Е. Материалы по землепользованию и землевладению в Хорезме первых веков н. э. // Археология и этнография Средней Азии. М., 1979.

Неразик Е. Е. Археологический комплекс первых веков н. э. из Хорезма // СА, 1987, № 2.

Ольховский, 1978 – Ольховский В. С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА, 1978, № 4.

Периханян, 1983 – Периханян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.

Пидаев, 1984 – Пидаев Ш. Р. Керамика Джигатепа (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. Материалы САЭ, вып. 3. М., 1984.

Пидаев, 1987 – Пидаев Ш. Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.

Пилипко, 1970 – Пилипко В. Н. Раскопки парфянского поселения в местности Гарры-Кяриз (Парфиена) // КД, вып. III. Ашхабад, 1970.

Пилипко, 1975 – Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975.

Пилипко, 1985 – Пилипко В. Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985.

Пилипко, 1990 – Пилипко В. Н. Раннеантичное поселение Капыр-кала у Каушута // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990.

Пилипко, 2015 – Пилипко В. Н. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. СПб., 2015.

Пичикян, 1991 – Пичикян И. Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.

Пугаченкова, 1973 – Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и восточной Парфии // ВДИ, 1973, № 1. Бактрия

Пугаченкова, 1973а – Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Пугаченкова, 1973б – Пугаченкова Г. А. Керамические печи кушанского периода в Южном Узбекистане // СА, 1973, № 2.

Пугаченкова, 1976а – Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Северная Бактрия. Материалы САЭ 1969–1973 гг. М., 1976.

Пугаченкова, 1976б – Пугаченкова Г. А. Бактрийский жилой дом (к вопросу об архитектурной типологии) // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.

Пугаченкова, 1979 – Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979.

Пугаченкова, 1987 – Пугаченкова Г. А. Шортепа // ИМКУ, вып. 21. Ташкент, 1987.

Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978 – Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990 – Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории культуры. Ташкент, 1990.

Раевский, 1977 – Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.

Раевский, 1985 – Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Раевский, Переводчикова, 1981 – Раевский Д. С., Переводчикова Е. В. Еще раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.

Рапопорт, 1971 – Рапопорт Ю. А. Из истории религии Древнего Хорезма. М., 1971.

Рапопорт, 2000 – Рапопорт Ю. А. Хорезм в древности // В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000.

Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963 – Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. МХЭ, вып. 6. М., 1963.

Рассудова, 1987 – Рассудова Р. Я. Семейные группы: одна из форма организации труда в орошаемых районах Средней Азии (XIX – первая половина XX вв.) // Страны и народы Востока, вып. XXV. М., 1987.

Росляков, 1955 – Росляков А. А. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада // Труды ЮТАКЭ, том V. Ашхабад, 1955.

Ртвеладзе, 2009 – Ртвеладзе Э. В. Историческое прошлое Узбекистана. Ташкент, 2009.

Ртвеладзе, 2017 – Ртвеладзе Э. В. Кампыртепа – Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время. МТЭ, вып. X. Ташкент, 2017.

Ртвеладзе, Болелов, 2000 – Ртвеладзе Э. В., Болелов С. Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепа в Северной Бактрии // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000.

Рутковская, 1962 – Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва // Труды ЮТАКЭ, том XI. Ашхабад, 1962.

Сагдуллаев, 1987 – Сагдуллаев А. С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.

Сагдуллаев, 1989 – Сагдуллаев А. С. Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии. // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.

Сайко, 1982 – Сайко Э. В. Техника и технология керамического гончарного производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.

Сверчков, 2006 – Сверчков Л. М. Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыртепа, Термез, Джигатепа, Курганзол) // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. Материалы ТАЭ, вып. 5. Ташкент, 2006.

Сверчков, 2007 – Сверчков Л. М. Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007.

Сверчков, Восковский, 2006 – Сверчков Л. М., Восковский А. А. Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоев Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. Материалы ТАЭ, вып. 5. Ташкент, 2006.

Смағұлов, 2019 – Смағұлов Е. Ә. Түркістан қаласының пайда болуы хақында // Археология Казахстана № 2 (4) 2019. 23–38.

Степная полоса…, 1992 – Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Сулейманов, 2000 – Сулейманов Р. Х. Древний Нахшеб. Ташкент, 2000.

Сычева, 1975 – Сычева Н. С. Керамика Кара-тепе // Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975.

Тажекеев, 2007 – Тажекеев А. А. «Шлаковый» курган Тастобе // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. Алматы, 2007.

Тажекеев, 2011 – Тажекеев А. А. Крепости чирик-рабатской культуры // Отан тарихы, № 4, Алматы, 2011.

Тажекеев, 2012 – Тажекеев А. А. Памятники кельтеминарской культуры Нижней Сырдарьи // Отан тарихы. № 1 (57).

Тажекеев, 2013 – Тажекеев А. А. История обводнения южных протоков нижней Сырдарьи по археологическим данным. Жанадарья // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана. Том 2. Астана, 2013.

Тажекеев, 2014 – Тажекеев А. А. История обводнения южных протоков Нижней Сырдарьи по археологическим данным. Инкардарья // Основные аспекты изучения археологии Приаралья. Алматы, 2014.

Тажекев, Дарменов, 2010 – Тажеккев А. А., Дарменов Р. Т. Еримбет-жага – стоянка эпохи бронзы // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010.

Тажекеев, Дарменов, 2012 – Тажекеев А. А., Дарменов Р. Т. Предварительный отчет о работе на могильнике Сенгир-там в 2012 г. // Маргулановские чтения – 2012. Астана, 2012.

Тажекеев, Онгар, Шораев, 2013 – Тажекеев А. А., Онгар А., Шораев Б. К. Тапа – памятник эпохи бронзы Северо-Восточного Приаралья // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана. Том 2. Астана, 2013.

Талаи, 2011 – Хассан Талаи Археология и искусство Ирана в I тыс. до н. э. М., 2011.

Толстов, 1947 – Толстов С. П. Города гузов // СЭ, 1947, № 3.

Толстов, 1948 – Толстов С. П. По следам Древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

Толстов, 1958 – Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Труды ХАЭЭ, том II. М., 1958.

Толстов, 1961 – Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи) // СЭ, 1961, № 4.

Толстов, 1962 – Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960 – Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 году // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 году. МХЭ, вып. 4. М., 1957.

Толстов, Жданко, Итина, 1963 – Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1958–1961 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. МХЭ, вып. 6. М., 1963.

Топоров, 1982 – Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов Мира. М., 1982.

Трофимова, 1963 – Трофимова Т. А. Приаральские саки (Краниологический очерк) // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. МХЭ, вып. 6. М., 1963.

Утубаев, 2013 – Утубаев Ж. Р. Погребальные сооружения Баландинского оазиса // Известия НАН РК Серия общественных и гуманитарных наук. 3 (289). Алматы, 2013.

Утубаев, Болелов, 2019 – Утубаев Ж. Р., Болелов С. Б. Новые данные к изучению культуры древних земледельцев в низовьях Сырдарьи // Поволжская археология № 3 (29). Казань, 2019.

Филанович, 2009 – Филанович М. И. Ташкент: зарождение города и развитие городской культу-

ры в древности и средневековье // Столице Узбекистана Ташкенту – 2 200 лет (Материалы международной конференции). Ташкент, 2009.

Филанович, 2010 – Филанович М. И. Древний Чач на пути евразийских миграций номадов (данные археологии и историческая традиция) // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Ташкент, 2010.

Филанович, 2010а – Филанович М. И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент, 2010.

Филанович, Дуке, 1990 – Филанович М. И., Дуке Х. О древнейшем поселении на Шаштепе в Ташкенте // ИМКУ, вып. 24, Ташкент, 1990.

Формозов, 1949 – Формозов А. А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК, вып. 25. М., 1949.

Хазанов, 1975 – Хазанов А. М. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975.

Хазанов, 2008 – Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.

Хожаниязов, 1981 – Хожаниязов Г. История развития фортификации античного Хорезма // СА, 1981, № 2.

Хожаниязов, 1982 – Хожаниязов Г. Акчунгуль – новый памятник эпохи античности Северо-Западного Хорезма // Археология Приаралья, вып. I. Ташкент, 1982.

Хожаниязов, 1984 – Хожаниязов Г. Оборонительные сооружения городища Кургашин-кала // Археология Приаралья. Вып. II. Ташкент, 1984.

Цетлин, 2017 – Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М., 2017.

Шалекенов, 1973 – Шалекенов У. О сочетании скотоводства и земледелия в разных географических зонах Каракалпакии в конце XIX – начале XX вв. // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Ленинград, 1973.

Шишкина, 1969 – Шишкина Г. В. Материалы первых веков до н. э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб, вып. I. Ташкент, 1969.

Шишкина, 1974 – Шишкина Г. В. Керамика конца IV–II вв. до н. э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб, вып. I. Ташкент, 1974.

Шишкина, 1975 – Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА, 1975, № 2.

Шишкина, Болелов, 2010 – Шишкина Г. В., Болелов С. Б. Опыт классификационного описания керамики Самаркандского Согда (по материалам работ Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ) // Материальная культура Востока, вып. 5. М., 2010.

Юсупов, 1998 – Юсупов Х. Ю. Выдающиеся архитектурные памятники древнего Гурганджа. // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Яблонский, 2004 – Яблонский Л. Т. Хронология древнейших памятников раннего железного века Средней Азии и Казахстана (по материалам из Приаралья) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004.

Яблонский, 2015 – Яблонский Л. Т. Саки в дельте Окса. Теория и практика этногенетического исследования. М., 2015.

Яблонский, 2017 – Яблонский Л. Т. На востоке скифской Ойкумены. М., 2017.

Ягодин, 1990 – Ягодин В. Н. Курганный могильник Дев-Кескен 4 // Археология Приаралья, вып. IV. Ташкент, 1990.

Ягодин, 2008 – Ягодин В. Н. Кочевники и Хорезм в Приаральском микрорайоне в IV–III вв. до н. э. – IV–V вв. н. э. // Археология Приаралья, вып. VII. Ташкент, 2008.

Baimatowa, 2008 – Baimatowa N. S. 5000 Jare Architetektur in Mittelasien. Archäologie in Iran und Turan. Band 7. Mainz, 2008.

Bernard, 1973 – Bernard P. Campagne de fouilles á Äi-Khanoum (Afhanistan) // CRAIBL. 1973

De Luca, Radt, 1999 – Giola de Luca, Wolfgang Radt. Sondagen im Fudament des Grossen Altars // Pergamenische Forsungen. Band 12. Deutsches Archeologiches Institut. Berlin – New York. 1999.

Francfort, 1984 – Francfort H-P. Le Sanctuare du Temple a Niches Indentées // Fouilles d'Aï-Khanoum. Tome XXVII. Paris, 1984.

Gardin, 1973 – Gardin J-C. Les céramiques // MDAFA. Paris, 1973.

Girschman, 1954 – Girschman R. Village Perse-Achéménide (Memoris de la Mission archéologique en Iran), Tome 36. Paris, 1954.

Lyonnet, 1997 – Lionnet B. Céramique et peuplement du chalcolithique á la conquête Arabe. Prospections Archéologiques en Bactriane Orientale (1974–1978). Volume 2. Paris, 1997.

Lyonnet, 1998 – Lyonnet B. Les Grecs, les Nomades et l′indépedace de la Sogdiane, d′apes l′occupation compare d′Aï Khanum et de Marakanda au cours des derniers siécles avant notre ére // Bulletin of the Asia Institute. 1998 New Series / Volum 12. New-York.

Lyonnet, 2013 – Lyonnet B. La Céramique de la Maison du Quartier sud-oust d'Aï-Khanum // Foulles d'Aï-Khanum. IX L´HABITAT. MDAFA, tome XXXIV, Paris, 2013.

Reuther, 1967 – Reuther O. Parthian Architecture // SPA. V. 1. 1967.

Rotroff, 1997 – Rotroff S. Hellinistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade. Table ware and related material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton, New Jersey. 1997.

Schmidt, 1957 – Schmidt E. F. Persepolis II. Contents of the Treasure and Oth Discoveries (OIP. Vol. LXIX). Chicago, 1957.

Sparkes, Talcott, 1970 – Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Potteri. Part 2. The Athenian Agora. V. XII. Princeton, 1970.

Stronach, 1978 – Stronach D. Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Oxford, 1978.

Young, 1965 – Young T. C. A Camparative Ceramic Chronology for Western Iran 500–1500 B.C. // Iran, № 3, 1965.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Технико-технологический анализ керамики Баланды и Бабиш-мола 7

Калиева Ж. С.
(Институт археологии им. А. Х. Маргулана)

Технико-технологический анализ керамики укрепленной усадьбы Баланды

Технико-технологическому анализу были подвергнуты фрагменты керамики из раскопок укрепленной усадьбы и крепости Баланды в разные годы (2008 г., 2010 г., 2012 г., 2014 г.). В коллекции представлены керамические фрагменты разных размеров, которые варьируются в пределах 4–20 см. Всего представлено 19 фрагментов керамики, которые разделены по месту нахождения на две группы: в первой группе просмотрена керамика из крепости – 7 фрагментов: из них 4 фрагмента круговой керамики, 1 фрагмент ручки и 2 фрагмента лепной керамики. (1) Баланды 2014; крепость-участок Ж, сл. 2; *2)* Баланды 2014; крепость – уч. Е, слой 3; *3)* Баланды 2014; крепость – уч. Е, слой 3; *4*) Баланды 2014; крепость – уч. Е, слой 3; *5)* фрагмент ручки – Баланды 2014; крепость – Р4, сл. 4, уч. Б); 2 фрагмента лепной керамики: 1) Баланды 2014; крепость – уч. Б, Р4, сл. 4; *2*) Баланды 2014; крепость – уч. С, слой 3).

Ко второй группе отнесена керамика с усадьбы № 2 – 17 фрагментов, из них 5 глиняных игрушек, 4 фрагмента круговой керамики и 8 фрагментов лепной керамики. (1) Баланды 2012; усадьба № 2, инв. 2; *2*) Баланды 2008; Р3, инв. 15; *3*) Баланды 2012; усадьба № 2 инв. 9; 4) Баланды 2014; фрагменты лепной керамики; Баланды 2010, усадьба № 2/3. 8 фрагментов лепной керамики (1) Баланды 2010; усадьба № 2/3; *2*) Баланды 2010; усадьба № 2/3; *3*) Баланды 2012; усадьба № 2; *4*) Баланды 2012; усадьба № 2; *5*) Баланды 2010; усадьба № 2/11, инв. 11; *6*) Баланды 2012; усадьба № 2, инв. 8; *7*) Баланды 2008; Р3, 12; *8*) Баланды 2010, Р4, инв. 22; Баланды 2010; глиняные игрушки – 5 фрагментов, усадьба № 2, *90*)

Технико-технологическое исследование включает в себя: фотосъемку фрагментов, обработка фотоматериала, макрофотосъемку следов, связанных с конструированием, определение способов обработки поверхности, определение особенностей исходного пластичного сырья и т. д.

Определение выполняется в рамках историко-культурного подхода в изучении древнего гончарства по методике, разработанной А. А. Бобринским и основанной на бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования (Бобринский, 1978).

На основе визуального осмотра и бинокулярной микроскопии, были отобраны и зафиксированы образцы с сохранившимися следами формовки и обработки поверхности, также спаи лент при конструировании полого тела. Анализ процесса изготовления сосудов был разделен по следующим стадиям:

Стадия 1 – подготовительная, а именно, определение:

Ступень 1 – отбора исходного сырья;

Ступень 2 – добыча исходного сырья;

Ступень 3 – обработка исходного сырья;

Ступень 4 – принципы составления формовочной массы.

Стадия 2 – созидательная:

Ступень 5 – конструирование начина сосуда;

Ступень 6 – конструирование полого тела;

Ступень 7 – придание сосуду формы;

Ступень 8 – механическая обработка поверхности сосуда.

Стадия 3 – закрепительная:

Ступень 9 – придание прочности сосуду;

Ступень 10 – принципы устранения влагопроницаемости его стенок;

Ступень 11 – конструирование служебных скульптурных частей;

Ступень 12 – орнаментация поверхности.

Керамика с крепости Баланды, по способу изготовления, разделена на две группы: 1-я – гончарная и 2-я группа – лепная.

Отобранные на технологический анализ образцы керамики имеют различные информативные возможности в силу своей сохранности, в этой связи не по всем ступеням гончарной технологии получена полная информация, так как образцы представлены во фрагментарном виде. Возможность определения конструирования начина, конструирование полого тела и придание сосуду формы в большинстве случаев невозможно.

В результате исследования получены следующие результаты:

Подготовительная стадия

В основном в качестве исходного сырья для изготовления посуды памятника Баланды использовали ожелезненную глину. Чаще всего использовалась жирная глина, во всех фрагментах в естественной примеси присутствует кварц мелких фракций (0,3–0,5 мм) и в 3-х фрагментах включения охры (03 – 05 мм).

Исходное сырье очищено от грубых примесей, которые мешают процессу изготовления сосудов. Керамическая посуда Баланды изготавливалась из отмученной глины, предварительно просеянной от крупных частиц.

В качестве искусственных примесей добавляли гипс и сухую глину. (2 фрагмента керамики с примесью гипса, и 2 фрагмента с сухой глиной). Помимо гипса и глины, встречаются незначительные включения органических добавок в виде измельченной соломы. Характеризуются в виде белесых обугленных остатков и отпечатками стеблей растений.

В составе двух фрагментов лепной керамики в качестве искусственных примесей выявлена органика и шамот. Органика в виде выгоревших аморфных пустот местами с обугленными

остатками. Кроме того, можно проследить следы травянистых стеблей растений. Примесь шамота (толченая керамика) размерами 1–1,5 мм сходная с основой, то есть для шамота использовалась своя же керамика.

При анализе составления формовочной массы по одной группе (4 фрагмента гончарной керамики), было определено, что в данном случае использовались следующие рецепты:

1) исходное пластичное сырье + гипс + органика;

2) исходное пластичное сырье + глина.

При изготовлении лепной керамики в подготовке сырья использовался один рецепт:

1) исходное пластичное сырье + шамот + органика

Созидательная стадия

Основными методами конструирования начинов являются донно-емкостная и донная программы, но, так как в нашем случае исследовались фрагменты венчиков 2 ед., придонной части 1 ед., и фрагмент стенки 1 ед., а также 2 фрагмента венчика лепной керамики, определить способ формовки начина не удалось.

Конструирование полого тела сосуда, судя по одному фрагменту гончарной керамики, как это прослеживается по сколу, производилось методом жгутового налепа. Примерный диаметр жгута составляет 2,5–3 см, по фрагментам сосудов ручной лепки также можно сказать, что и они конструировались жгутовым налепом.

Определить основные приемы формообразования в данном случае невозможно по вышеизложенным причинам. Но по исследованным образцам можно сказать, что сосуды имели плавный профиль, венчики закругленные, прямые, и слегка выгнутые наружу, баночной формы горшки с плоским дном, заглаженные на гончарном круге кувшины, а также фрагмент от ручки сосуда.

Поверхность фрагментов керамики с крепости окрашена минеральной краской (ангоб) – 3 фрагмента. Поверхность одного фрагмента керамики ручной лепки покрыта нагаром, поверхность второго фрагмента отбита, на внутренней стенке отпечатки мелких стеблей растительности.

Закрепительная стадия

5 фрагментов станковой керамики из крепости обжигалась в окислительной среде, и 2 фрагмента лепной керамики – в восстановительной среде.

Как дополнительная скульптурная часть анализировался фрагмент ручки сосуда кувшин (?), которая крепилась с внешней стороны дополнительным куском глины и придавливалась пальцем, след которого оставлен на внутренней поверхности сосуда.

Один фрагмент керамики орнаментирован минеральной краской (ангоб), и один фрагмент орнаментирован каннелюрой.

Во второй группе просмотрены фрагменты керамики с усадьбы № 2.

Использовалась ожелезненная глина, в семи фрагментах в качестве естественной примеси присутствует кварц мелких фракций (0,3–0,5 мм), в пяти фрагментах – с более крупной фракцией – 0,5–1 мм; в одном фрагменте в качестве примеси отмечены включения охры (0,5–1 мм).

В качестве искусственных примесей во фрагментах станковой посуды встречается гипс (4 фрагмента).

В составе восьми фрагментов лепной керамики в качестве искусственных примесей выявлена органика и шамот. Органика в виде выгоревших аморфных пустот местами с обугленными остатками. Примесь шамота (толченая керамика) размерами 1–1,5 мм сходная с основой, то есть для шамота использовалась своя же керамика.

При анализе состава формовочной массы в четырех фрагментах гончарной керамики было определено, что в данном случае использовался следующий рецепт подготовки глиняной массы:

1) исходное пластичное сырье + гипс.

При анализе состава формовочной массы лепной керамики отмечается несколько другая композиция при подготовки глиняной массы:

1) исходное пластичное сырье + шамот + органика.

Основными методами конструирования начинов являются донно-емкостная и донная, но так как, в нашем случае исследовались фрагменты венчиков – 2 шт., придонной части – 1 шт., и фрагмент стенки – 1 шт., а также 2 фрагмента венчика лепной керамики, определить конструкцию начина не удалось.

Конструирование полого тела сосуда у трех фрагментов, по сколам определяется жгутовой налеп. Примерный диаметр жгута составляет 2–2,5 см, по четырем фрагментам – ленточный налеп, и в одном случае отмечена формовка дна сосуда методом наращивания по спирали.

Определить основные приемы формообразования в данном случае также невозможно по вышеизложенным причинам. Но по исследованным образцам можно сказать, что сосуды имели плавный профиль, венчики закругленные, прямые, и слегка выгнутые наружу, горшки с плоским дном, а также вытянутые на гончарном круге кувшины и хумы.

Обработку поверхности смогли определить лишь по трем фрагментам, из них два заглажены мягкой кожей и один – деревянным инструментом.

Анализируемая керамика с усадьбы: 4 фрагмента станковой керамики и 5 образцов игрушек обжигались в окислительной среде, и 8 фрагментов лепной керамики – в восстановительной среде.

Фрагменты игрушек лепились из чистой глины, без добавления искусственных примесей.

Технико-технологический анализ керамики поселения Бабиш-мола 7

Просмотрен 41 фрагмент керамики из раскопок поселения Бабиш-мола 7. Коллекцию составляют керамические фрагменты разных размеров от 7 до 20 см, керамику разделили на две группы: лепная – 20 фрагментов (сформованная вручную) и круговая – 21 фрагмент (изготовленная с использованием гончарного круга). Исследование включает в себя: фотосъемку фрагментов, обработку фотоматериала, определение при помощи макрофотосъемки через микроскоп следов, связанных с конструированием, орнамент, способы нанесения его,

обработка поверхности, особенности исходного пластичного сырья и т. д., технико-технологическое изучение керамики.

Определение выполняется в рамках историко-культурного подхода в изучении древнего гончарства по методике, разработанной А. А. Бобринским, и основанной на бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования.

На основе визуального осмотра и бинокулярной микроскопии, были отобраны и зафиксированы образцы с сохранившимися следами формовки и обработки поверхности, также спаев лент при конструировании полого тела. Анализ сосудов был разделен по следующим стадиям:

Стадия 1 – подготовительная, а именно, определение:

Ступень 1 – отбора исходного сырья;

Ступень 2 – добыча исходного сырья;

Ступень 3 – обработка исходного сырья;

Ступень 4 – принципы составления формовочной массы.

Стадия 2 – созидательная:

Ступень 5 – конструирование начина сосуда;

Ступень 6 – конструирование полого тела;

Ступень 7 – придание сосуду формы;

Ступень 8 – механическая обработка поверхности сосуда.

Стадия 3 – закрепительная:

Ступень 9, – придание прочности сосуду;

Ступень 10 –принципы устранения влагопроницаемости его стенок;

Ступень 11 – конструирование служебных скульптурных частей;

Ступень 12 – орнаментация поверхности.

К первой группе относятся фрагменты сосудов, изготовленных способом ручной лепки. Отобранные на технологический анализ образцы керамики обладают различными информативными возможностями в силу своей сохранности. Так как образцы представлены во фрагментарном виде, возможность определения конструирования начина, конструирование полого тела, с последующим приданием сосуду формы, в большинстве случая ограничены. Рассматривались фрагменты (части) тулова сосуда, венчики и донные части от сосудов, размерами от 7–20 см.

Микроскопический анализ проводился при помощи микроскопа. Изучались следы на поверхностях и свежих изломах сосудов.

Подготовительная стадия

Ступень 1–2 – отбор и добыча исходного сырья.

В исходном пластичном сырье памятника Бабиш-мола из двадцати образцов керамики первой группы (лепная посуда) в 16 фрагментах присутствует кварц в мелкой фракции (0,5–1 мм). В четырех фрагментах присутствует кварц средней фракций (1–1,5 мм).

Ступень 3 – обработка исходного сырья.

Исходное сырье отмучивалось и очищалось от грубых примесей, которые мешают процессу изготовления сосудов.

Ступень 4 – составление формовочной массы.

Основной искусственной примесью была органика, возможно навоз жвачных животных, отмечено во всех двадцати образцах первой группы – 100 %. Шамот присутствует в 18-ти образцах – 90 %. Лишь в двух фрагментах отмечена дресва – 10 %.

Зафиксировано 3 рецепта формовочной массы, из которой изготавливалась лепная керамика:

1. ИПС + органика + шамот – 60 % от общего количества фрагментов сосудов в группе;

2. ИПС + шамот + органика – 25 % от общего количества фрагментов сосудов в группе;

3. ИПС + дресва тальковая + органика – 10 % от общего количества фрагментов сосудов в группе.

Традиционно при составлении формовочной массы использовался рецепт: исходное пластичное сырье + органика и исходное пластичное сырье + органика + шамот. В качестве органической добавки использовался навоз жвачных животных. Вероятней всего, добавлялся навоз во влажном состоянии, в изломе характеризуется большими поперечными размерами отпечатков, обломков стеблей растений, наличие вытянутых щелевидных пустот от растительных остатков. В изломах сосудов присутствуют обугленные не догоревшие органические остатки. Наличие экскрементов животных, независимо от температуры обжига, можно определить по образовавшейся раковинистой структуре, также можно заметить следы травянистых стеблей растений (рис. 1: *2, 3, 8, 9*).

Шамот (мелко толченая керамика) с размером частиц 1,5–2 мм – одна из самых распространенных примесей – 90 % от количества фрагментов в выборке. Использовавшийся шамот практически идентичен основному сырью. В некоторых образцах отмечен шамот, который не просеивался и встречается в довольно крупных размерах фракции. Отмечены включения шамота остроугольной формы, чем он резко отличается от других примесей. Дресва тальковая встречается в 10 % предоставленных образцов (рис. 1: *17, 20, 21*).

Созидательная стадия

Ступень 5 – конструирование начина сосуда.

Основные программы конструирования начинов: донно-емкостная и донная. В нашем случае исследовались фрагменты венчиков – 50 % от общего количества фрагментов в группе; придонные и донные части – 40 % от общего количества фрагментов в группе. Тем не менее, полной картины конструирования начина воссоздать не получилось, можно лишь по 40 % донных частей определить донно-емкостный начин. Дно формировалась жгутами по спирали, и наращивались лентами 40 % и жгутами 30 %.

Ступень 6 – конструирование полого тела.

Конструирование полого тела, судя по фрагментам, выполнялось жгутовым налепом – 30 % керамики в группе, и ленточным налепом – 40 % керамики в группе.

Ступень 7 – придание сосуду формы.

Основные приемы формообразования: 1) производилось выдавливание пальцами; 2) при помощи форм-моделей; 3) путем скульптурной лепки на плоскости; 4) выбивание колотушкой. Из исследованных 20 образцов можно сказать, что сосуды имели плавный профиль, венчики закругленные, прямые, и слегка отогнутые наружу Сосуды баночной, или близкой к баночной, формы; горшки с плоским дном.

Ступень 8 – механическая обработка поверхностей.

При обработке поверхности использовалась мягкая кожа – 9 фрагментов, 45 % от общего количества фрагментов в группе, деревянные инструменты – 3 фрагмента, 15 % от общего количества и каменные лощила – 2 фрагмента, 10 % от общего количества. На одном фрагменте отмечена подправка профиля сосуда на поворотном столике.

Закрепительная стадия

Ступень 9–10 – придание прочности сосуду и устранение влагопроницаемости стенок.

Все анализированные фрагменты испытали кратковременное воздействие температуры каления, о чем свидетельствует трехслойный окрас черепка, края светлые, сердцевина черная. Поверхности всех сосудов имели пятнистую окраску, а также различную степень прокаленности стенок, что позволяет предположить их обжиг в костре. Большинство исследованных фрагментов керамики обожжены, в восстановительной среде – 80 %, в нейтральной – 2 %, в окислительной – 2 % от общего количества фрагментов в группе.

Ступень 11 – конструирование скульптурных и служебных частей емкостей.

Как дополнительную скульптурную или служебную часть сосуда, можно рассматривать ремонтные отверстия на двух фрагментах керамики.

Ступень 12 – орнаментация поверхностей; лишь в одном фрагменте зафиксирован валик

По исследованным фрагментам керамики можно сказать, что большинство сосудов использовались в быту для приготовления пищи. Можно отметить фрагменты ЧРАЭ – 2016, БМ-7, Р2, пом. 5, (№№ 11, 12, 13, 14), которые отличаются наличием в составе большого количества органики, а также фрагмент ЧРАЭ – 2016, БМ-7, Р5 (№ 20), где донная часть сосуда выделяется обилием сажистого нагара на внутренней поверхности, и здесь же отмечены отпечатки древесного угля. Этот фрагмент выделяется и по включениям в составе формовочной массы тальковой дресвы.

Во второй группе керамики поселения Бабиш-мола 7 (сосуды, сформованные на гончарном круге) представлены 22 фрагмента. Они принципиально отличаются от первой группы керамики.

Подготовительная стадия

Ступень 1 – 2 – отбор и добыча исходного сырья.

В исходно-пластичном сырье памятника Бабиш-мола 7 из двадцати двух фрагментов керамики 2-й группы во всех образцах присутствуют кварц в мелких фракциях (0,3–0,5 мм).

Ступень 3 – обработка исходного сырья.

Исходное сырье отмучивалось и очищалось от грубых примесей, которые мешают процессу изготовления сосудов. Для изготовления сосудов использовалась отмученная, хорошо предварительно очищенная глина.

Ступень 4 – составление формовочной массы.

В качестве искусственных примесей в формовочной массе использовались: гипс – 12 фрагментов (54 % в группе) (рис. 2: *22, 29, 30, 31, 32, 43, 45, 46*); необожженная сухая глина в виде комочков белого и светло-серого цвета в изломе – 10 фрагментов (45 % в группе) (рис. 2: *23, 24, 26, 27, 28, 33, 36, 38*). На восьми образцах зафиксированы редкие включения и остатки обугленных остатков растительности.

Зафиксировано 2 рецепта формовочной массы:

ИПС + не обожженная сухая глина + органика 59 %

ИПС + гипс 41 %.

В качестве органической добавки использовалась, возможно, измельченная солома. Редко в составе встречаются стебли растений в виде белесых обугленных остатков и отпечатков фрагментов стеблей. В трех не обожженных фрагментах органика встречается в виде чешуйчатой пленки от семян растений (рис. 2: *34, 35, 43*).

Созидательная стадия

Ступень 5 – конструирование начина сосуда.

Основные программы конструирования начинов: донно-емкостная и донная. В нашем случае исследовались фрагменты верхней части сосуда 86 %, и придонные и донные части 13 %. Тем не менее, полной картины конструирования начина воссоздать не получилось, можно лишь предположить по данным фрагментам, что большинство сосудов имели донно-емкостный начин. Дно формировалось жгутами по спирали, и наращивалось лентами и жгутами на гончарном круге.

Ступень 6 – конструирование полого тела.

Конструирование полого тела, судя по фрагментам, выполнялось жгутовым налепом – 22 %, и, в основном, ленточным налепом – 54 % от общего количества керамики, изготовленной на круге быстрого вращения.

Ступень 7 – придание сосуду формы.

Все сосуды имели плавный профиль, венчики закругленные, прямые, и в большей или в меньшей степени отогнутые наружу: кувшины, миски, блюда. Дополнительная обработка и подправка профиля сосудов производились на круге.

Ступень 8 – механическая обработка поверхностей.

Заглаживались сосуды на поворотном круге мягкой тканью. Большинство сосудов окрашены минеральной краской – 72 %, и два не обожженных фрагмента на поверхности со следами заглаживания пучком травы (рис. 2: *40*).

Закрепительная стадия

Ступень 9–10 – придание прочности сосуду и устранение влагопроницаемости стенок.

Все анализированные фрагменты были обожжены в окислительной среде – высокотемпературный обжиг.

Ступень 11 – конструирование скульптурных и служебных частей емкостей.

Дополнительной скульптурной частью в одном фрагменте зафиксирован тонкий валик. Следует отметить также и ручку от сосуда – раскатанный жгут, который скручен и замазан с внешней стороны, на внутренней части фрагмента отмечен отпечаток пальца (рис. 2: *42*).

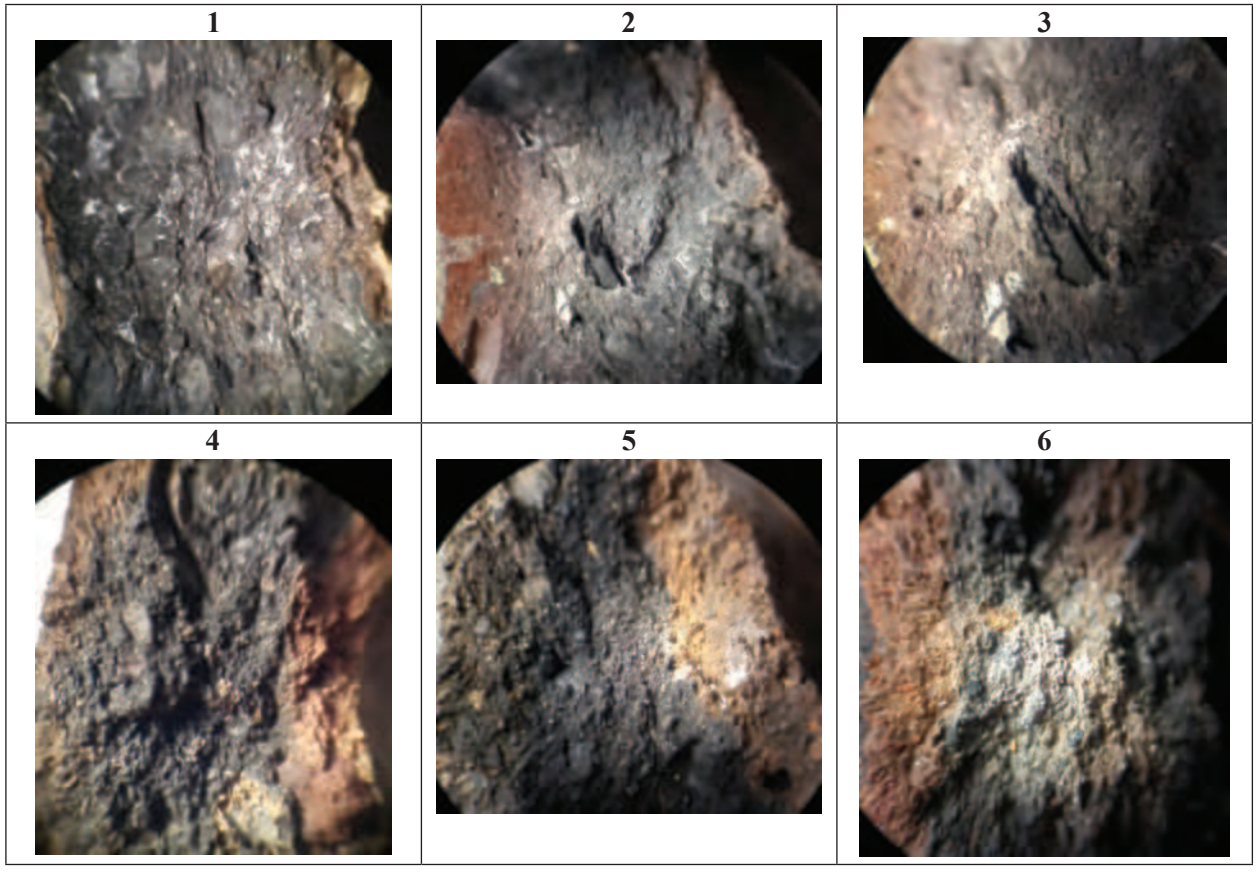
Ступень 12 – орнаментация поверхностей. С внешней стороны сосуды покрывались минеральной краской, один фрагмент – с резным орнаментом.

Литература

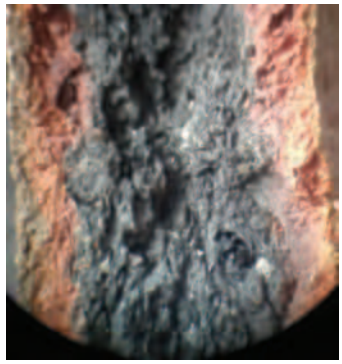
Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука,1978.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: 1999.

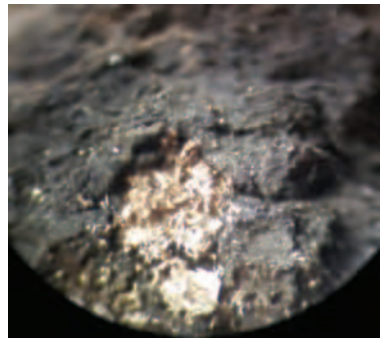
Фото первой группы

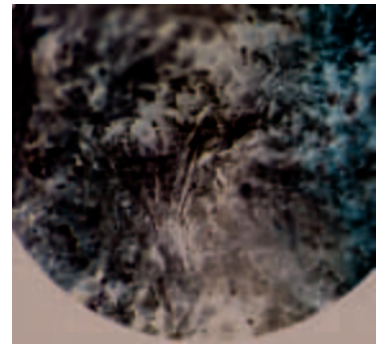
7

8

9

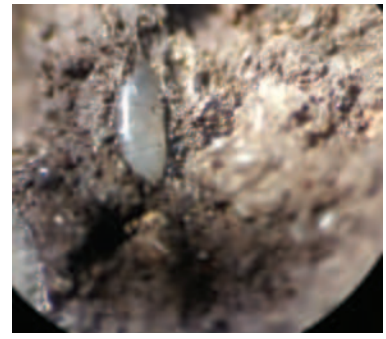
10

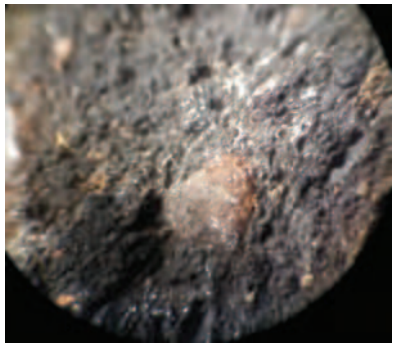
11

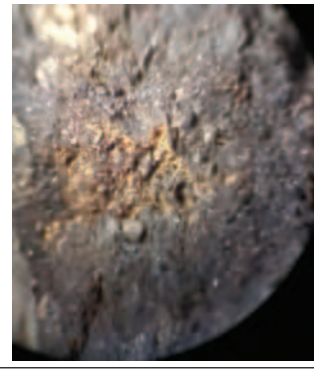
12

13

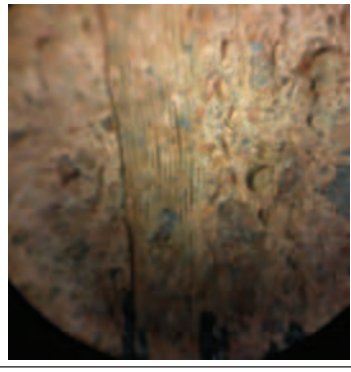
14

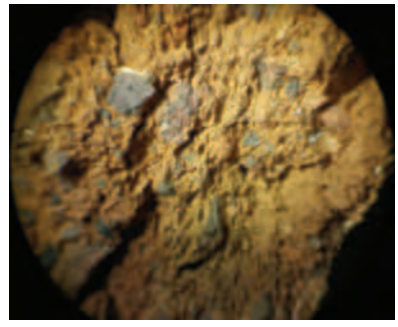
15

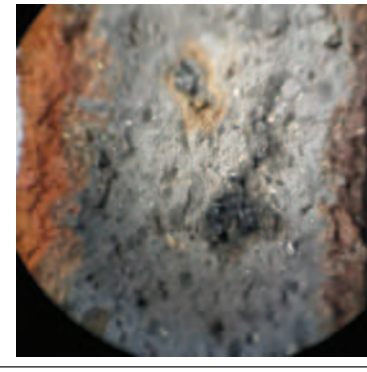
16

17

18

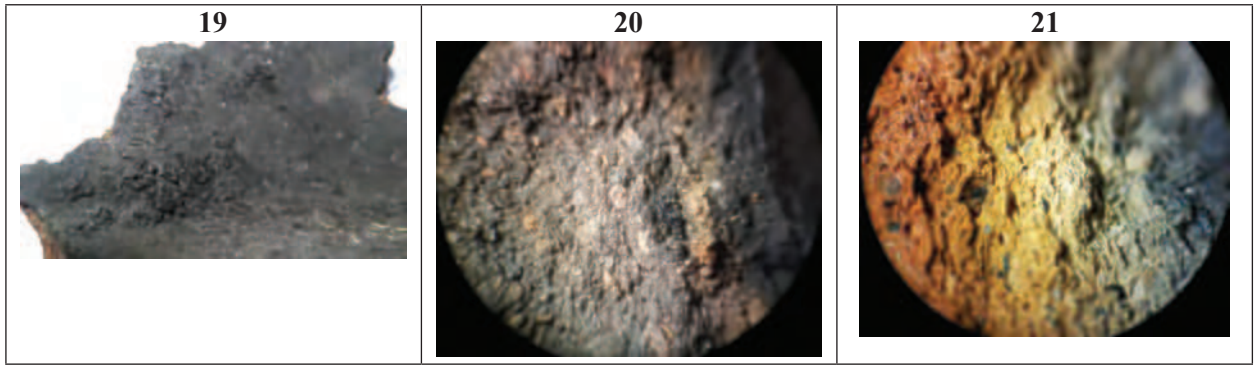
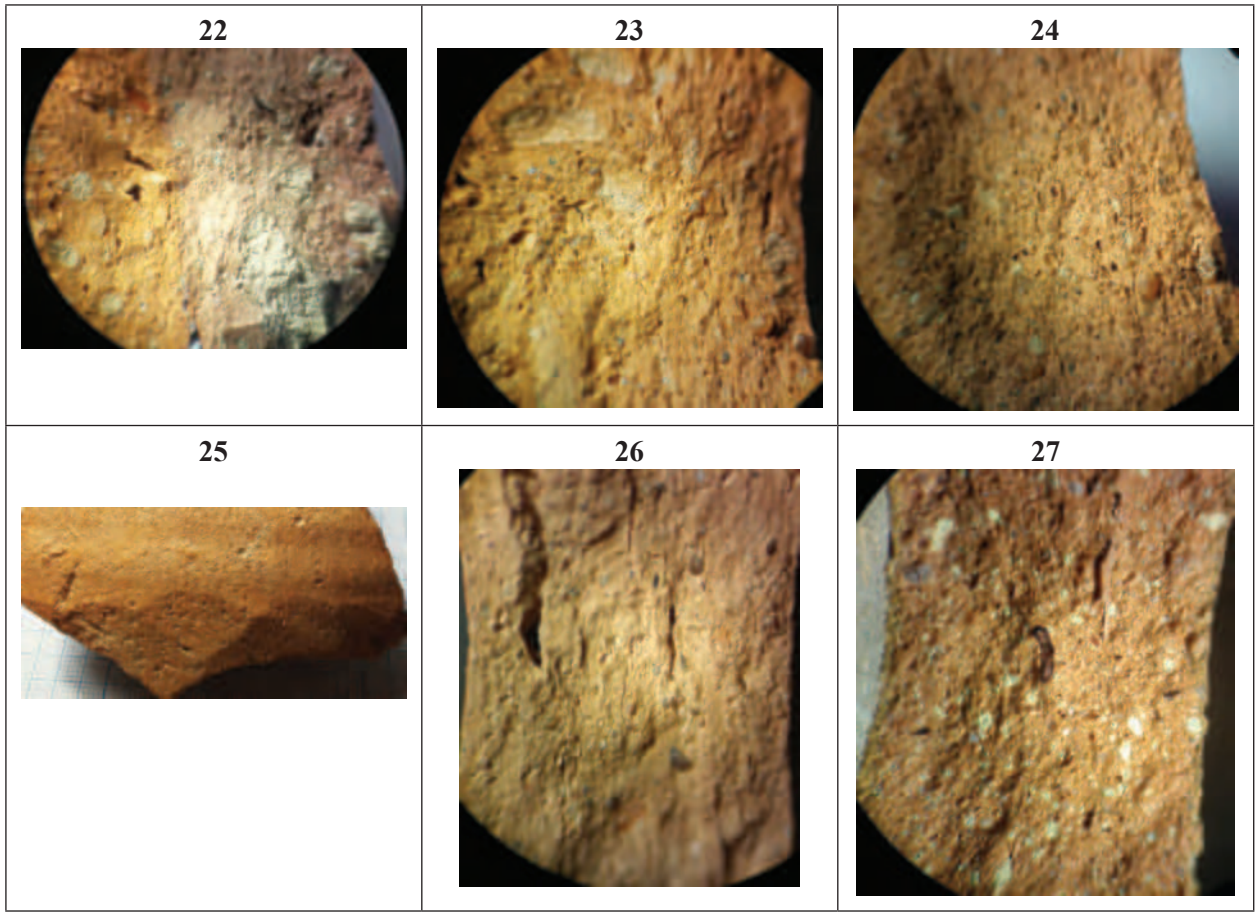
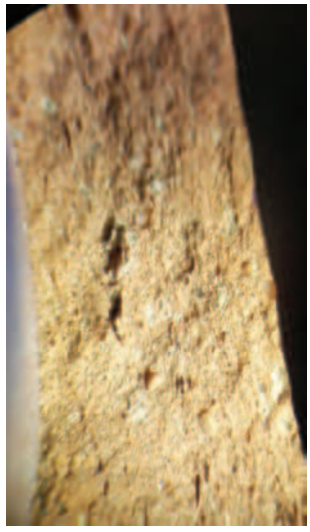

Рис. 1. Микроснимок примесей керамики поселения Бабиш-мола 7:
фото 2, 3, 8, 9 – обугленные остатки растительности;
фото 16 – отпечаток растительности на поверхности сосуда;
фото 17, 20, 21 – примесь шамота;
фото 19 – остатки нагара на внутренней поверхности

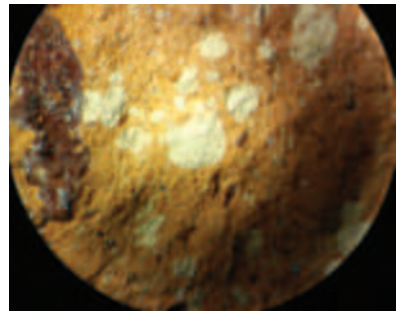
Фото второй группы

28

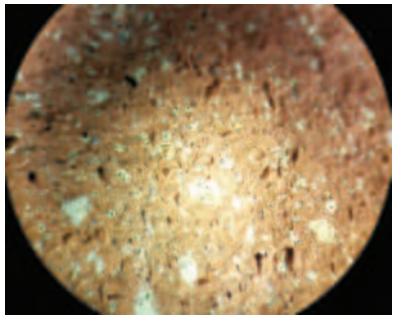
29

30

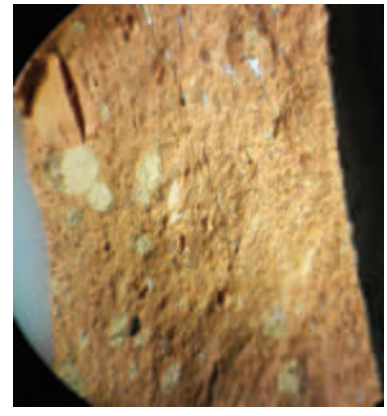
31

32

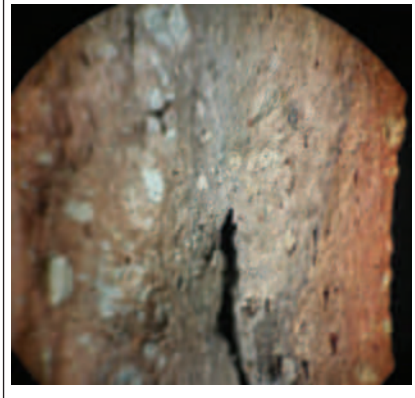
33

34

35

36

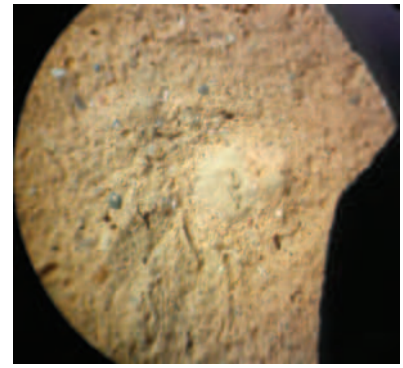

Рис. 2. Микроснимок примесей керамики второй группы поселения Бабиш-мола 7:
фото 34, 35, 44 – обугленные остатки растительности;
фото 22, 29, 30, 31, 32, 43, 45, 46 – примесь гипса;
фото 23, 24, 26, 27, 28, 33, 36, 38 – примесь сухой глины;
фото 40 – обработка поверхности пучком травы;
фото 42 – отпечаток пальца на внутренней стороне ручки сосуда

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

О таксономической принадлежности фрагментов растений из археологического объекта Бабиш-мола 7

д. г.-м. н. Нигматова С. А.
(Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева)

В грунте из археологического объекта Бабиш-мола 7 раскоп 3, кв. 2 при осмотре были установлены растительные чешуйки. При отмывке образцов и изучении под бинокулярной лупой установлено, что чешуйки (цветочные плёнки) округлой формы (полусферы) имеют размер от 1 до 2 мм, кремового цвета. На поверхности наблюдались слабо выраженные малозаметные продольные грани.

По форме пленочек (чешуек), по размерам они принадлежат, вероятнее всего, растению *Panicum miliaceum L.* (Про́со обыкнове́нное) семейства Злаки, или Мятликовые (*Poaceae*). Просо обыкновенное – это однолетнее травянистое растение высотой 0,45–1,5 м. Несколько стеблей образуют кустики. Соцветие-метёлка длиной 10–60 см, на концах веточек сидят двухцветковые колоски длиной 3–6 мм. Плод – округлая, овальная или удлинённая плёнчатая зерновка диаметром 1–2 мм, белой, жёлтой, красной, коричневой или другой окраски. Вегетационный период – от 60 до 120 суток.

Форма зерновки обусловлена сортовой принадлежностью и условиями произрастания. В неблагоприятных условиях выращивания образуется зерно менее выполненное, следовательно, и более удлиненной формы.

Пленки проса под действием ударов и перепада температур сравнительно легко растрескиваются, ядро оголяется, частично раскалывается и дробится. Отсутствие цветочных пленок у проса резко снижает его стойкость при хранении. Такое зерно быстрее подвергается плесневению, быстро прогоркает жир, пшено, выработанное из такого проса, получается низкого качества. Этим и объясняется, что на поселении найдено просо неочищенное, покрытое семенной оболочкой.

Растение теплолюбиво и устойчиво к засухе, а также к засолению почвы. Просо хорошо переносит жару, что позволяет собирать хороший урожай даже при высоких температурах.

Просо – одно из наиболее древних культурных растений Евразии. Впервые его начали возделывать около 7 000 лет назад в Китае и Закавказье, территория Восточного Приаралья находится между Китаем и Закавказьем. Родиной проса, по всей вероятности, являются Монголия и Китай. Оно было известно древним скифам, часть которых была знакома с земледелием (из древнегреческих источников), о чём свидетельствуют частые находки проса при археологических раскопках (например, Недвиговское городище в Ростовской области).

Рисунок 1. Зерно проса в цветочных пленках и метелка повислого проса

Кроме того, мы не исключаем, что описанные выше цветочные пленки могут принадлежать и сорго (лат. *Sorghum*) – однолетним и многолетним травянистым растениям из семейства Злаки (*Poaceae*).

Родина сорго – Экваториальная Африка, вторичные центры распространения Индия и Китай, в Индии сорго выращивали с III тыс. до н. э., а в Китае и Египте с II тыс. до н. э. По мнению академика Н. И. Вавилова (1887–1943), культура сорго ведёт своё начало из Африки, Китая, которые он считал самостоятельными очагами происхождения культурных растений. Вторичным очагом возделывания сорго Н. И. Вавилов называл Индию, где оно является одним из важнейших хлебных злаков. Наиболее древней зоной сеяния сорго является Средняя Азия, где начало возделывания относят к I–V вв. н. э.

Сорго – яровая культура. Отличается теплолюбивостью, очень высокой засухоустойчивостью, солестойкостью. Легко приспосабливается к различным почвам. Вегетационный период 120–130 суток.

Соцветие – метелка длиной от 15 до 70 см.

Плод сорго – пленчатая или голая зерновка. У пленчатых форм цветковые и колосковые чешуи плотно охватывают зерновку, не срастаясь с ней. Зерно белого, серого, коричневого или черного цвета.

Около 50 культурных и диких видов, произрастающих или возделываемых в Азии (преимущественно в юго-западной части), Африке (Экваториальной и Южной), Южной и Северной Америке, Европе (на юге континента).

Зерно сорго перерабатывают на крупу, муку и крахмал, из соломы изготовляют плетёные изделия, бумагу, веники. Зелёная масса идёт на силос, но не любая, поскольку молодые растения многих видов сорго ядовиты.

Целесообразность возделывания сорго в засушливых и полузасушливых регионах планеты обусловливается его универсальностью и высокой продуктивностью. Зелёная масса и зерно охотно поедается многими видами сельскохозяйственных животных. Сорго не только высокоурожайная культура, оно богато углеводами, белками, каротином, дубильными веществами, витаминами, которые играют важную роль в повышении продуктивности животных.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Результаты анализа стабильных изотопов по материалам памятников Бабиш-мола 7, Баланды, Чирик-рабат

PhD, Ананьевская Э.
(Вильнюсский университет)

Анализ стабильных изотопов уже стал стандартным инструментом для изучения питания древних людей и животных. Преимущество данного метода в том, что для проведения лабораторных работ требуется малое количество костного материала, следовательно, анализ стабильных изотопов практически не деструктивен. Этот метод помогает определить, питался ли человек злаками класса C_3 или C_4, или же его диета основывалась на потреблении мясомолочной продукции. На территории Казахстана метод стабильных изотопов использовался не раз для изучения питания древнего населения (Ananyevskayaetal., 2018; Lightfootetal., 2015; Motuzaite Matuzeviciuteetal., 2015, 2016; Svyatko and Beisenov, 2017; Svyatkoetal., 2015; Ventresca Milleretal., 2014). В данной статье опубликованы предварительные результаты изотопного исследования материалов с памятников Бабиш-мола 7, Баланды, Чирик-рабат. Изотопный анализ показал, что домашний скот кормили растительностью С4, то есть просом. Результаты анализа человеческих образцов продемонстрировали, что люди могли питаться как мясом и молоком животных, так и злаками C_3 и C_4.

1. Методология

Образцы для изотопного анализа были отобраны в августе 2017 года в Институте археологии им. А. Х. Маргулана в г. Алматы, а также в Государственном историческом музее в г. Алматы. Всего было отобрано 14 образцов из человеческих захоронений (13 – городище Чирик-рабат, 1 – Баланды) и 8 образцов от костей животных (6 – Бабиш-мола 7, 2 – Чирик-рабат). Из них достоверные результаты были получены от 11 человеческих костей (10 – Чирик-рабат, 1 – Баланды) и 5 костей животных (4 – Бабиш-мола, 1 – Чирик-рабат). Шесть образцов при анализе показали плохую сохранность коллагена (см. ниже), поэтому их показатели не были использованы при интерпретации результатов анализа.

Извлечение коллагена и последующие измерения были выполнены в лаборатории масс-спектрометрии в центре физических исследований и наук (г. Вильнюс, Литва). При получении показателей $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ использовался элементный анализатор, присоединенный к изотопному масс-спектрометру (FlashEA1112 – ThermoVAdvantage) с интерфейсом ConFloIII.

Изотопный анализ проводился на костном коллагене. Извлечение коллагена было выполнено с соблюдением следующих действий. Примерно 0,5 г кости было отделено от каждого образца и помещено в индивидуальные пластиковые пробирки, затем был произведен процесс

деминерализации с использованием раствора 0,5 M aq. HCl, и соблюдением постоянного температурного режима в 3–5 °C. После деминерализации каждый образец был трижды промыт деионизированной водой, заморожен с использованием жидкого азота и помещен в лиофилизатор для сушки. Далее из каждой пробирки было отобрано от 0,85 до 1,0 мг полученного коллагена, помещено в оловянные капсулы и отправлено на изотопные измерения.

Сохранность коллагена и пригодность полученных результатов для последующего анализа оценивались с помощью показателей C:N, которые, согласно De Niro (1985), должны быть между 2,9 и 3,6 для хорошо сохранившегося коллагена. Значения C:N от 3 человеческих и 3 животных образцов оказались за пределами этого диапазона, поэтому их результаты не были учтены в данной статье.

Изотопные показатели $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ костного коллагена позволяют определить типичное питание человека или животного примерно за последние 10 лет жизни (Hedgesetal. 2007). Показатели $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ повышаются на 1–5 ‰ с каждым шагом в пищевой цепочке (Ambroseand Norr, 1993; vander Merweand Vogel, 1978; O'Connelland Hedges, 1999). Растения имеют сигналы $\delta^{15}N$ близкие к нулю, хотя в засушливом климате эти показатели бывают выше – 5–10 ‰ (Chaseetal., 2012; Liuetal., 2016; Shishlinaetal., 2018). Растения класса C_3 – пшеница, овес, картофель отличаются от растений класса C_4 – просо, кукуруза, сахарный тростник по показателям $\delta^{13}C$. Растения и злаки C_3 имеют значение $\delta^{13}C$ равное −27,1±2,0 ‰ в среднем, тогда как показатели $\delta^{13}C$ у злаков C_4 в среднем равняются −13,1 ± 1,2‰ (O'Leary, 1988). Растения C_3 произрастают повсеместно на территории Казахстана, следовательно, на пастбищах животные имеют доступ, в основном к растительности C_3. Редко в степных экосистемах встречаются и свободно произрастающие растения C_4 (Winter, 1981). Человек, потребляющий молоко или мясо животного, пасущегося на пастбищах с растительностью C_3, также получит сигнал $\delta^{13}C$ от потребления злаков класса C_3. Таким образом, высокие изотопные сигналы $\delta^{13}C$, отличные от типичных показателей злаков C_3, могут указывать на содержание проса в питании. Частое потребление пресноводной рыбы также сказывается на изотопных показателях. Рыба, обитающая в пресной воде, имеет сигнал $\delta^{13}C$ примерно равный показателям растений C_3, однако уровень $\delta^{15}N$ в водных экосистемах гораздо выше, чем в земных, поэтому в трофической системе рыба будет находиться на уровне высшего хищника (Ambrose, 1993).

Для анализа результатов была использована программа компьютерного моделирования FRUITS (Fernandesetal., 2014). Эта программа позволяет определить относительное содержание различных ресурсов в питании групп людей или животных с помощью имеющейся информации об изотопных показателях различных ресурсов.

2. Результаты

Большинство показателей $\delta^{13}C$, полученных от человеческих образцов, колеблются между –18‰ и –15‰, что указывает на содержание проса в диете (рис. 1). Один показатель является наиболее отличным от остальных и имеет крайне отрицательное значение $\delta^{13}C$, а также

достаточно высокий показатель $\delta^{15}N$. Это может объясняться специфичной диетой, например, с высоким содержанием пресноводной рыбы, или же ошибкой в измерениях.

Образец человеческой кости, полученный из укрепленной усадьбы Баланды, имеет довольно низкий показатель $\delta^{15}N$, находящийся на одном уровне с показателем от животного с Бабиш-мола 7. Так как антропологически образец точно принадлежит человеку и не мог быть перепутан с костью животного, можно предположить, что данный человек питался в основном растительной пищей и получал мало животного белка.

Результаты, полученные от анализа костей животных, демонстрируют высокие показатели $\delta^{13}C$, что говорит о присутствии растений C_4 в питании домашнего скота. Судя по всему, люди могли получить высокие показатели $\delta^{13}C$ от потребления мясомолочной продукции домашнего скота, а не от содержания проса в питании. Один образец кости животного из городища Чирик-рабат показал очень высокий сигнал $\delta^{13}C$. По всей видимости, это животное питалось исключительно растительностью C_4.

Программа моделирования FRUITS продемонстрировала, что вероятность содержания растений классов C_3 и C_4 в питании домашнего скота была практически одинаковой (рис. 2). При расчете компонентов питания в диете людей, FRUITS показала, что вероятность присутствия мясомолочных продуктов примерно 80 %, тогда как злаки C_3 и C_4 присутствовали в повседневной диете лишь с ~10 % вероятностью.

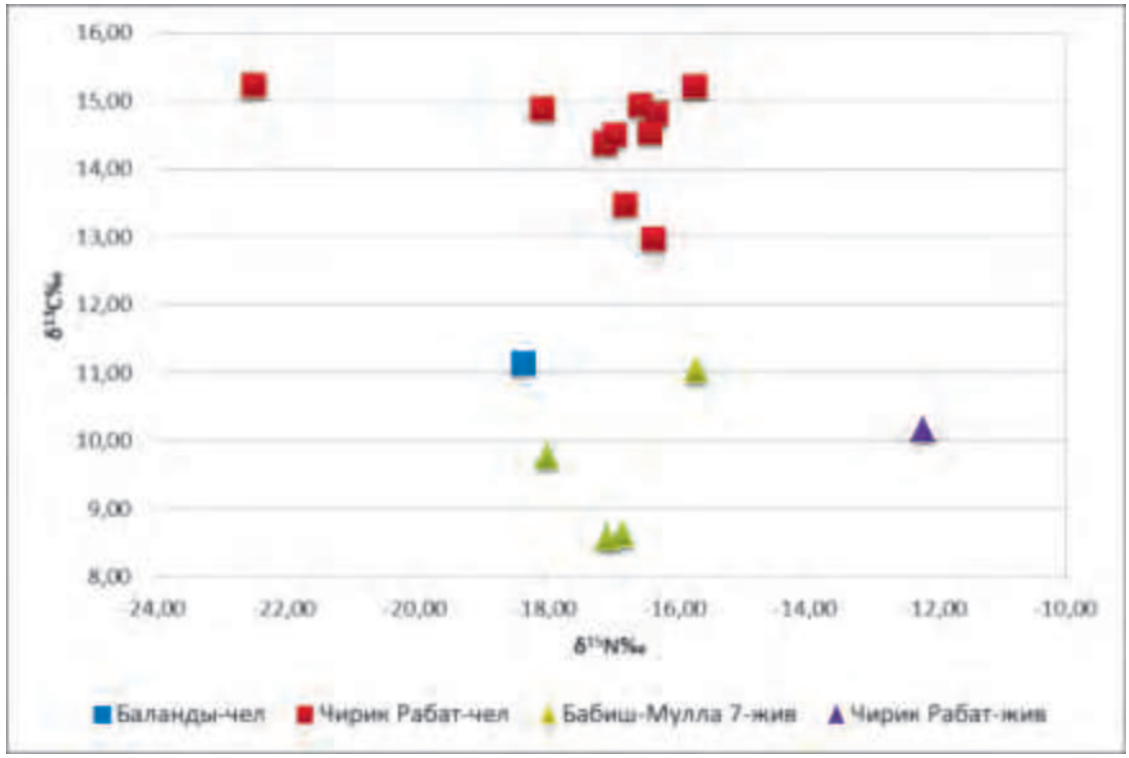

Рис. 1. Результаты изотопного анализа по диаграмме рассеивания

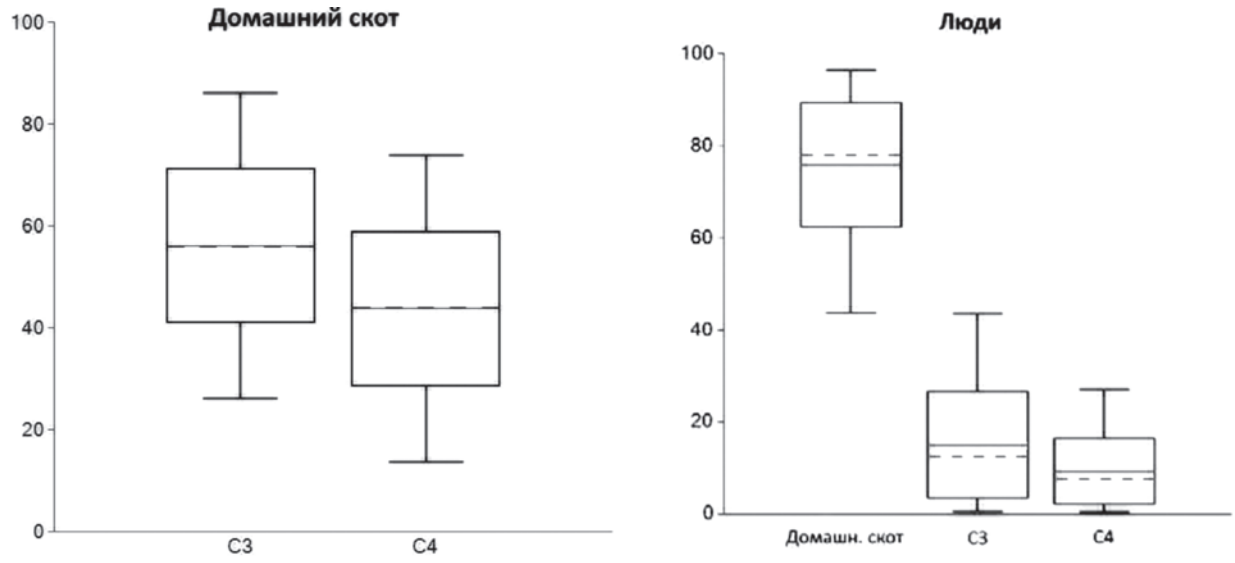

Рис. 2: Распределение вероятностей, полученное в результате компьютерного моделирования FRUITS: домашний скот (слева) и люди (справа). «Ящики» представляют 68 % интервал вероятности, «усы» показывают 95 % интервал вероятности, сплошная линия, проходящая посередине «ящика», обозначает средний показатель, прерывистая линия определяет медиану

3. Дискуссия и заключение

Памятники Бабиш-мола, Чирик-рабат и Баланды расположены неподалеку от Хорезмского оазиса, поэтому климатические условия в прошлом также были схожие. Однако памятники Хорезма несколько лучше изучены с точки зрения археоботаники. Первые доказательства существования сельскохозяйственной экономики в Хорезме были обнаружены на памятниках тазабагьябской и суярганской культуры в конце второго тыс. до н. э. (Андрианов, 1969; Итина, 1977). На памятнике Дингильдже, датируемым серединой первого тыс. до н. э., были обнаружены зерна проса (Briteetal., 2017). Археологические исследования в Хорезмском оазисе показывают, что сельское хозяйство стало более важным аспектом экономики, чем животноводство, охота и рыбалка, примерно в середине второго тыс. до н. э., когда появились первые оросительные системы (Briteetal., 2017). Просо в Хорезм, по всей видимости, пришло с юга, поскольку зерна проса были обнаружены на памятниках дельты Мургаба (Туркменистан), датируемых третьим тысячелетием до н. э. (Rouseand Cerasetti, 2014; Spengleretal., 2014, 2016). Таким образом, на памятники чирикрабатской культуры просо было завезено, скорее всего, уже из Хорезма.

Результаты изотопного исследования показали, что животные на памятниках Бабиш-мола 7 и Чирик-рабат питались растениями C_3 и C_4. Вполне вероятно, что домашний скот, в особенности МРС и лошадь, летом пасся вдали от поселений, а зимой животных кормили запасенным сеном. Люди, в свою очередь, могли иметь доступ к большому количеству ре-

сурсов, включая мясо, молоко животных, злаки C_3 и C_4. Однако злаки, видимо, не составляли большую часть питания человека. Различия в питании у населения Чирик-рабата может объясняться разными социальными ролями. Например, пастухи могли получать больше мяса и молока, а люди, постоянно проживающие на территории городища, могли чаще потреблять растительную пищу.

Литература

Андрианов, Б. В., 1969. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). Москва: Наука.

Ananyevskaya, E., Aytqaly, A. K., Beisenov, A. Z., Dmitriev, E. A., Garbaras, A., Kukushkin, I. A., Loman, V. G., Sapolaite, J., Usmanova, E. R., Varfolomeev, V. V. and Voyakin, D. A., 2018. Early indicators to C4 plant consumption in central Kazakhstan during the Final Bronze Age and Early Iron Age based on stable isotope analysis of human and animal bone collagen. Archaeological Research in Asia, 15, pp. 157–173.

Ambrose, S. H., Norr, L., 1993. Experimental evidence for the relationship of the carbonisotope ratios of whole diet and dietary protein to those of bone collagen and carbonate. In: Lambert, J. B., Grupe, G. (Eds.), Prehistoric Human Bone. Archaeology atthe Molecular Level. Springer-Verlag, Berlin, pp. 1–37.

Ambrose S. H. Isotopic Analysis of Palaeodiets: Methodological and Interpretive Considerations // Investigations of Ancient Human Tissue: Chemical Analysis in Anthropology. – Langhorne: Gordon & Breach, 1993. – P. 59–130.

Brite, E. B. 2016. Irrigation in the Khorezm oasis, past and present: a political ecology perspective. Journal of Political Ecology, 23.

Brite, E. B., Kidd, F. J., Betts, A. and Negus Cleary, M., 2017. Millet cultivation in Central Asia: A response to Miller et al. The Holocene, 27(9), pp. 1415–1422.

Chase, B. M., Scott, L., Meadows, M. E., Gil-Romera, G., Boom, A., Carr, A.S., Quick, L.J., 2012. Rock hyrax middens: a palaeoenvironmental archive for southern African drylands. Quat. Sci. Rev. 56, 107–125.

DeNiro, M. J., 1985. Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction. Nature 317, 806–809.

Fernandes, R., Millard, A. R., Brabec, M., Nadeau, M. J. and Grootes, P., 2014. Food reconstruction using isotopic transferred signals (FRUITS): a Bayesian model for diet reconstruction. PloS one, 9(2), p. e87436.

Hedges, R. E., Clement, J. G., Thomas, C. D. L., O'Connell, T. C., 2007. Collagen turnover in the adult femoral mid-shaft: modeled from anthropogenic radiocarbon tracer measurements. Am. J. Phys. Anthropol. 133 (2), 808–816.

Итина, М. А. 1977. История степных племен Южного Приаралья. Москва: Наука.

Lightfoot, E., Motuzaite-Matuzeviciute, G., O'Connell, T. C., Kukushkin, I. A., Loman, V., Varfolomeev, V., Liu, X. and Jones, M.K., 2015. How 'Pastoral'is Pastoralism? Dietary Diversity in B ronze Age Communities in the Central K azakhstan Steppes. Archaeometry, 57, pp. 232–249.

Liu, X., Reid, R. E., Lightfoot, E., Matuzeviciute, G. M. & Jones, M. K. 2016. Radical change and dietary conservatism: Mixing model estimates of human diets along the Inner Asia and China's mountain corridors. The Holocene, 26, 1556–1565.

Van der Merwe, N. J., Vogel, J. C., 1978. 13C content of human collagen as a measure ofprehistoric diet in woodland North America. Nature 276 (5690), 815–816.

Miller, N. F., Spengler, R. N. & Frachetti, M. 2016. Millet cultivation across Eurasia: origins, spread, and the influence of seasonal climate. The Holocene, 26, 1566–1575.

Motuzaite Matuzeviciute, G., Lightfoot, E., O'Connell, T. C., Voyakin, D., Liu, X., Loman, V., Svyatko, S., Usmanova, E. and Jones, M.K., 2015. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen. Journal of Archaeological Science, 59, pp. 23–34.

Motuzaite Matuzeviciute, G., Kiryushin, Y. F., Rakhimzhanova, S. Z., Svyatko, S., Tishkin, A. A. and O'Connell, T. C., 2016. Climatic or dietary change? Stable isotope analysis of Neolithic–Bronze Age populations from the Upper Ob and Tobol River basins.The Holocene, 26(10), pp. 1711–1721.

O'Connell, T. C., Hedges, R. E., 1999. Investigations into the effect of diet on modern human hair isotopic values. Am. J. Phys. Anthropol. 108 (4), 409–425.

O'Leary, M.H., 1988. Carbon isotopes in photosynthesis. Bioscience 38 (5), 328–336.

Rouse, L. M. and Cerasetti, B., 2014. Ojakly: a Late Bronze Age mobile pastoralist site in the Murghab region, Turkmenistan. Journal of Field Archaeology, 39(1), pp. 32–50.

Shishlina, N., Sevastyanov, V. & Kuznetsova, O., 2018. Seasonal practices of prehistoric pastoralists from the south of the Russian plain based on the isotope data of modern and archaeological animal bones and plants. Journal of Archaeological Science: Reports, 21, 1247–1258.

Святко, С. В. и Бейсенов, А. З., 2017. Первые изотопные данные о диете населения тасмолинской культуры. Самарский научный вестник, 6 (3 (20)).

Spengler, R. N., Cerasetti, B., Tengberg, M., Cattani, M. and Rouse, L. M., 2014. Agriculturalists and pastoralists: Bronze Age economy of the Murghab alluvial fan, southern Central Asia. Vegetation history and archaeobotany, 23 (6), pp. 805–820.

Spengler III, R. N., Ryabogina, N., Tarasov, P. E. and Wagner, M., 2016. The spread of agriculture into northern Central Asia: Timing, pathways, and environmental feedbacks. The Holocene, 26 (10), pp. 1527–1540.

Svyatko, S. V., Mertz, I. V. and Reimer, P. J., 2015. Freshwater reservoir effect on redating of Eurasian Steppe cultures: first results for Eneolithic and Early Bronze Age northeast Kazakhstan. Radiocarbon, 57 (4), pp. 625–644.

Ventresca Miller, A., Usmanova, E., Logvin, V., Kalieva, S., Shevnina, I., Logvin, A., Kolbina, A., Suslov, A., Privat, K., Haas, K. and Rosenmeier, M., 2014. Subsistence and social change in central Eurasia: stable isotope analysis of populations spanning the Bronze Age transition. Journal of Archaeological Science, 42, pp. 525–538.

Winter, K., 1981. C4 Plants of high biomass in arid regions of Asia-Occurrence of C4 photosynthesis in chenopodiaceae and polygonaceae from the Middle East and USSR. Oecologia 48 (1), 100–106.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Природные условия и палеогеографические процессы района археологического памятника Чирик-рабат

Аубекеров Б. Ж., д. г.-м. н. Нигматова С. А., Перевозов С. В.
(Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева)

Введение

Работы на Чирик-рабате проводились в 2008 г. по программе изучения этого уникального объекта, выполняемого казахстанскими и итальянскими археологами. Памятник расположен в пределах древней дельты р. Сырдарьи, на правобережье протоки Жанадарьи (рис. 3). Сейчас это пустынный район со скудной растительностью южных пустынь. Работы были рассчитаны на 2–3 года в зависимости от сложности района и поставленной задачи исследования. Однако финансовые проблемы не позволяют выполнить полномасштабные исследования, поэтому настоящий отчет является окончательным.

На первый год исследований была поставлена задача ознакомиться с районом работ, провести геологическую документацию горных выработок – шурфов, стенок раскопов, провести палинологические, минералогические исследования и определить геоморфологическую позицию памятников.

В дальнейшем предполагалось провести разведку на других участках дельты и ее протоках с целью составления истории развития и геоморфологических позиций археологических и исторических памятников древней дельты р. Сырдарьи.

В 2008 г. были изучены следующие объекты:

Участок поймы и русла реки Жанадарьи в районе городища Чирик-рабат, где на пойме был пройден шурф 1 и отобраны пробы на различные виды анализов.

Два крупных объекта на участке, расположенном на вершине останца, сложенного палеогеновыми глинами и кварцевыми песчаниками. Здесь были сделаны: один раскоп на могильнике, из которого был извлечен скелет и проведено опробование на спорово-пыльцевой и другие виды анализов для получения информации о сезоне и условиях захоронения.

Другим важным объектом исследования на этом участке было изучение юго-восточного угла стены здания квадратной формы. Разрез пересекал наружную и внутреннюю часть стены здания. Из этих разрезов также были отобраны образцы на анализы, и проведена документация.

Изучался также объект, который называется шлаковый курган (рис. 4). Внутри этого сооружения находится большое количество шлака как в виде огромных спекшихся масс, так и отдельных фрагментов, разбросанных по всему внутреннему пространству памятника.

Рис. 1. Схема расположения исследуемого археологического памятника

Рис. 2. Внутренняя часть шлакового кургана

Здесь были собраны образцы шлаков, которые отбирались по принципу отличия друг от друга по цвету, структуре, составу и другим особенностям. Вся коллекция была поровну разделена между специалистами Италии и Казахстана. Предполагается провести анализ химического состава и определить температуру плавления этих шлаков, что будет проведено в дальнейшем. Фотографии образцов шлаков показаны в приложении.

Следующим крупным объектом является мавзолей, расположенный восточнее, в пределах укрепленного городища Чирик-рабат.

Это сложное сооружение, которое имеет как погребальные камеры, так и прочие помещения. Наиболее важный участок был раскопан в центре, и по оставленной бровке была произведена документация геологического строения и отобраны пробы.

В задачу исследований по всем объектам ставилось реконструкция климата в различные эпохи.

Для понимания общей картины изменения климата и палеогеографических условий важнейшими являлись данные по опорному шурфу № 1, пройденному на пойме протоки Жанадарьи.

Ниже будут рассмотрены материалы, полученные в камеральный период 2008–2009 года.

Долина пр. Жанадарья

Так как шурф 1 является опорным и изучался с целью получения информации, которая позволила бы провести корреляцию с объектами, изученными летом 2008 г, то остановимся на результатах этих исследований.

Шурф № 1 располагается на дне русла протоки Жанадарьи.

В настоящее время протока не имеет течения. Шурф показал, что разрез здесь четко делится на две части. Гранулометрический анализ показывает, что нижняя часть сложена хорошо промытым тонкозернистым песком, хорошо окатанным, практически без примеси крупнообломочного материала, с хорошей тонкой, но не ясной слоистостью, серого цвета во влажном состоянии и светло-серого – в сухом состоянии. Вскрытая мощность – 1 м от глубины 2,5 до 1,5 м.

Минералогический анализ песка по минералогическим пробам показал, что большая часть тонко песчаной фракции состоит из кварца (до 60–80 %), полевого шпата (10–15 %) и пластинок слюды (1 %), обломков кремнистых и карбонатно-глинистых пород (до 10 %), обугленных древесных остатков в виде отдельных знаков. В разных пробах встречаются знаки гидроокислов железа, единичные зерна ильменита (в двух пробах), раковинный детрит и обломки карбонатных частиц неизвестного происхождения. В целом состав всех проб очень схож, и отложения могут быть определены как кварцевый или полевошпатово-кварцевый песок.

Хорошая окатанность песчинок и однородный состав песка свидетельствует о длительном переносе, в результате чего в составе песка сохранились наиболее устойчивые к разрушению зерна кварца полевых шпатов.

Верхняя половина разреза состоит из суглинков и завершается морфологически слабовыраженным почвенным слоем мощностью 25 см. Нижняя часть этого суглинистого слоя с глубины с 1,5 до 0,4 м сложена светло-серыми с коричневатым оттенком легкими суглинками (наилок) с примесью тонкозернистого преимущественно кварцевого песка. Суглинки сильно карбонатизированы, слоистые содержат обломки раковин и являются пойменными отложениями протоки Жанадарьи. По минералогическому составу они однородны.

Самая верхняя часть разреза с глубины 0,4–0,25 м – это переслаивание более темных, темно-серых суглинков и супесей с прослоями тонкозернистого песка, сходного по составу с описанными выше. Мощность отдельных слойков 1–3 см. Слоистость горизонтальная четкая.

С глубины 0,25–00 м – современная почва на обсохшем дне протоки, находящаяся в стадии формирования. Это суглинисто-супесчаный слой с корнями растений, раковинами моллюсков.

Из шурфа было отобрано 24 пробы на различные виды анализов с интервалом отбора через 10 см (сплошной задиркой).

Жанадарья (шурф-1)

На палинологический анализ (определение С. А. Нигматовой) было передано 24 образца (с глубины от 2,5 м до поверхностного слоя). В спектрах доминирует пыльца маревых, которые являются фоновыми растениями южных пустынь, однако по количеству пыльцы в спектрах, по соотношению в группе разнотравья мы выделили 5 пыльцевых горизонтов:

Горизонт (снизу вверх) 1. Обр. 1–8 (2,5–1,5 м) – характеризуется бедными палиноспектрами. Единично встречается пыльца маревых, 3-лопастных, полыней, споры папоротника.

Однако бедность пыльцой этого горизонта связана скорее с типом отложений (промытый песок), не способствующим концентрации и сохранению пыльцы. Климат был, вероятно, относительно более влажным и благоприятным для жизни людей, чем сейчас.

Горизонт 2. Обр. 9–13 (1,7–1,1 м) – богатые спектры с доминированием пыльцы маревых и богатым пойменным разнотравьем. Среди древесных установлена пыльца березы, ольхи, лоха, тополя, иногда сосны. Данные спектры характеризуют развитие пойменной растительности в условиях теплого и сравнительно влажного климата.

Горизонт 3. Обр. 14 (гл. 1,1–1,0 м) – очень бедный спектр с единичными маревыми и спорами. Состав спектров – ассоциации пустынь.

Горизонт 4. Обр. 15–19 (1–0,5 м) – постепенное обогащение спектров разнотравьем, спектры близки по составу горизонту 2.

Горизонт 5. Обр. 20–24 (0,5–0,0) – очень насыщенные, богатые спектры. Основу составляет также пыльца маревых, встречается масса 3-лопастных форм, а также пыльца гречишных, бобовых, злаков, ежеголовки. Древесные единичны – это береза, ольха, лох, сосна. Климат более влажный, чем современный, с периодическим оживлением водотока по протоке.

Споро-пыльцевые спектры показывают: формирование нижней песчаной части разреза связано с периодом активного функционирования протоки, во время которого происходило хорошее отмучивание отложений. В дальнейшем изменение климата приводит к уменьшению стока по протоке и периодическому прекращению стока по ней, с чем связано накопление суглинков и постепенным заиливанием.

Был проведен спектральный анализ проб из шурфа 1, который показал, что состав спектра в различных частях разреза шурфа имеет специфические особенности и отличается, особенно в части распределения тяжелых металлов. На рис. 3 хорошо видно, что характер распределения элементов в нижней части разреза (песчаный слой) характеризуется средними значениями основных компонентов состава, и только на границах слоев отмечается колебание и увеличение содержания тяжелых элементов. Что же касается верхней половины разреза – здесь отчетливо видно, что почти по всему разрезу отмечается повышенное содержание тяжелых металлов.

С нашей точки зрения, это связано с тем, что хорошо промытые пески нижней части разреза, благодаря длительному переносу и активному процессу промывания, не давали возможность концентрироваться минералам, содержащим тяжелые металлы. В условиях ослабленного течения и формирования суглинистой верхней части разреза происходила концентрация тяжелых элементов, приносимых из окружающих пространств за счет размыва более древних палеогеновых и неогеновых отложений.

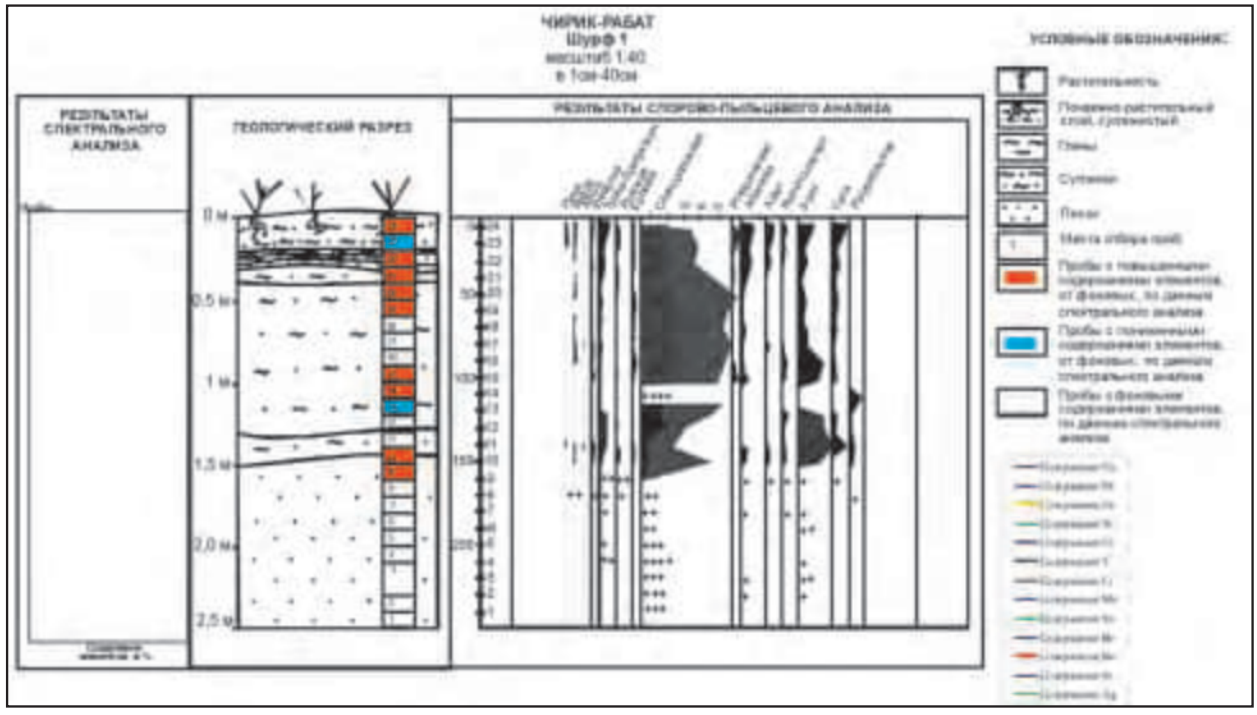

Рис. 3. Разрез шурфа 1 на пойме протоки Жанадарьи с результатами спектрального и спорово-пыльцевого анализов

Таким образом, исследования разреза поймы показало, что экологические условия изменялись неоднократно. Благоприятные условия были на первом этапе, когда протока нормально функционировала и жизнь около нее была благоприятной. Позже наблюдались изменения условий, связанных с ослаблением водного потока в протоке, и даже периодическое прекращение стока по ней. Это было связано с периодами аридизации и засух, что отмечается по палинологическим данным.

Сенгиртам

Важным объектом является раскоп на вершине останца, где археологам удалось вскрыть захоронение со скелетом. Захоронение располагается на центральной части останца, недалеко от восточной стены квадратного ограждения. Дно погребальной камеры располагается на глубине 4,3 м. Погребальная камера в основном выкопана по палеогеновым отложениям, сложенным глинами, коричневато-бурого цвета, с включениями гипса. Глины плотные и на их поверхности сохранились трещины усыхания (рис. 4), расположенные в виде полигонов с длиной сторон от 0,3 до 1,5 м.

Рис. 4. Полигональная система трещин усыхания на палеогеновых глинах

Глубина трещин большая – более 3–4 м. и даже на дне погребальной камеры (рис. 5) отмечено продолжение трещин. Следует отметить, что в трещинах рассыхания глин накапливался как песок, так и супесь. Они имеют более темный цвет.

Рис. 5. Трещины усыхания проходят на большую глубину, даже на дно камеры захоронения

Размер трещинных полигонов составляет в среднем 1–1,5 на 1,0 метр. Полигоны состоят из пятиугольников неправильной формы, иногда шестиугольников

Верхняя часть разреза погребения сложена элювиально – эоловыми отложениями – суглинками и тонкозернистым песком. Современный пустынный почвенный слой не более 5 см

К сожалению, для составления документации и отбора проб не была

оставлена бровка и пробы отбирались из отвала по указанию раскопщиков. Тем не менее по палинологическим данным удалось установить, что захоронение по данным проб из нижних частей разреза (над захоронением) происходило в весеннее – начало летнего времени, на что указывает состав спорово-пыльцевых проб. Ниже приводятся палинологические данные.

Палинологические данные о сезоне захоронения

Проба 6. Среди пыльцы древесных отмечена пыльца лоха. Доминирует пыльца маревых – до 80 %, единично встречена пыльца разнотравья. Отмечаются споры папоротников. В целом такой спектр характерен для растительности южных пустынь (по доминированию маревых).

Проба 4–5. Спектры крайне бедные, доминирует пыльца маревых, единично встречена пыльца 3-лопастных, злаков и полыни.

Проба 3. Богатый спектр с хорошей насыщенностью пыльцой. Маревым принадлежит около 70 %. Большое количество пыльцы ежеголовки и рогоза – 20 %, установлена пыльца полыней, разнотравья: зонтичные, крестоцветные, маковые и др.

Среди древесных установлена пыльца тополя, березы, сосны.

Кроме того, установлены единичные споры папоротника.

Проба 2. Пыльцы много, до 80 % принадлежит пыльце маревых, второе по значение место занимает пыльца злаков и ежеголовки. Кроме того, установлена пыльца разнотравья: василек, цикорий, амброзия, маковые, полынь. Среди древесных встречена пыльца тополя.

Масса древесных углей.

Проба 1. Пыльцы мало, масса обугленных остатков. Среди пыльцы древесных установлена пыльца березы и тополя (единично), а среди травянистых доминирует пыльца маревых и злаков, в том числе и рогоза. Установлена также пыльца сложноцветных (полыни и василька).

При доминировании пыльцы маревых (фоновая солянковая растительность) обращает на себя внимание большое число пыльцы и разнотравья, и эфемеров, и заносной пыльцы древесных. Появление пыльцы мезофильного разнотравья можно связать с весенним или ранним летним сравнительно влагообеспеченным периодом, когда на дельте вокруг останца произрастала разнообразная растительность, которая в летний период высыхает, и здесь сохраняются только саксаульники и солянки.

Изучение химического состава (рис. 6) по спектральному анализу показывает, что концентрация тяжелых элементов падает на палеогеновые отложения или участки разреза, сложенные преимущественно палеогеновыми отложениями. Эти анализы подтверждают увеличение состава тяжелых элементов в более древних палеогеновых отложениях, а близкий состав верхних частей разреза указывает на заполнение погребения породами основания раскопа.

Еще одним объектом, который был исследован на возвышенности Сенгиртам стал «шлаковый» курган.

Траншея пройдена на углу объекта («шлаковый курган») для выяснения строения внутренней части и наружной части объекта (Рис. 7).

По данным траншеи, верхняя часть грунта сложена светло-серым с коричневатым оттенком суглинком и супесью с примесью эолового песка.

Ниже расположены слои – сендвичи – глинистые отложения из глин палеогена (слой 2), ниже – супесчаный слой (слой 3), а под ним – коренной слой глины палеогена (слой 4).

Такая последовательность слоев при наклонном их положении (смотри рис. 8) обеспечи-

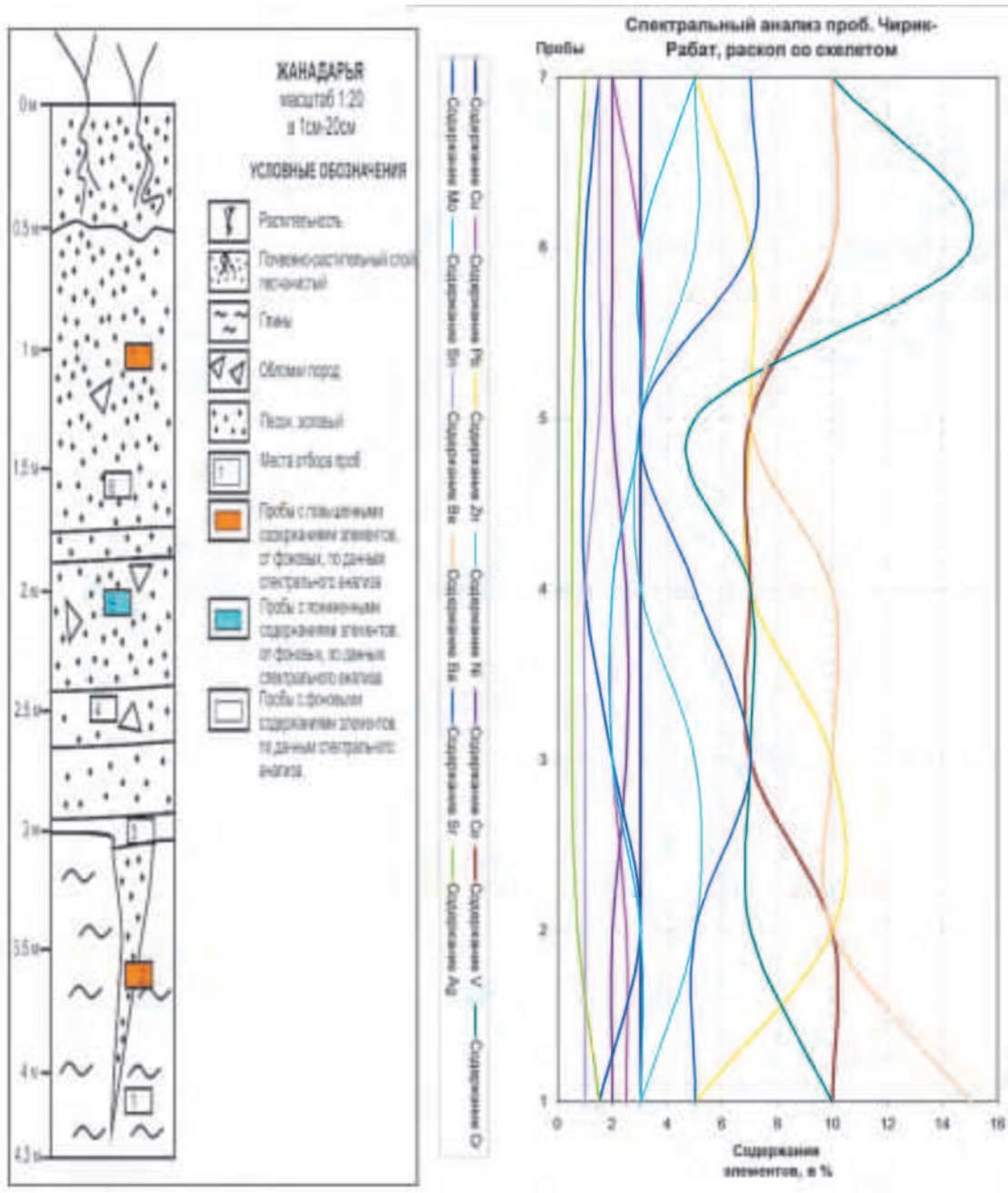

Рис. 6. Разрез Жанадарьи с результатами спектрального анализа

Рис. 7. Общий вид траншеи. Хорошо виден наклон слоев от стены в центр объекта

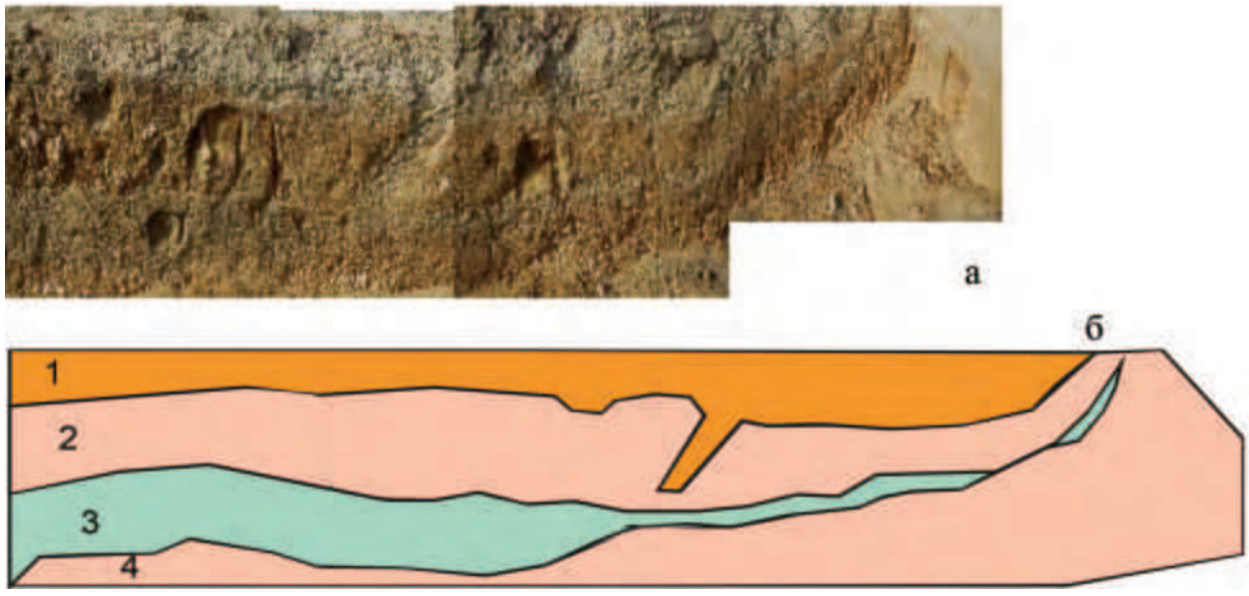

Рис. 8. Геологический разрез траншеи (а – фото, б – интерпретация)

Рис. 9. Работы на внешней стороне стены

вала возможность поддерживать платформу около стены с внутренней стороны в сухом состоянии, а глина дает хорошую твердую поверхность для передвижения.

Спорово-пыльцевые спектры из отобранных проб имеют смешанный состав пустынной растительности, что связано с перемешиванием отложений во время строительства.

С наружной стороны пройденная траншея показала, что глубина выемки грунта вдоль стены на этом участке более глубокая (возможно, ров, рис. 10), чем с внутренней стороны. Выемка постепенно заполнилась глинисто песчаными (эоловыми) отложениями. На рис. 9 показаны места отбора проб и остатки очага.

Рис.10. Поперечный профиль отрицательной формы (возможно, ров) с внешней стороны стены. На дне сохранился очаг

МАВЗОЛЕЙ

Мавзолей имеет сложное строение. Документация была проведена, по просьбе археологов, на центральной части раскопа, где предполагалось найти погребение. Оставленная бровка на центральной части показала, что в центре насыпи, перекрывающей сооружения, была яма (по всей видимости, грабительская воронка), не была засыпана и она постепенно заполнялась отложениями. Накопление отложений происходило в двух условиях: в условиях водоема, когда в яме держалась вода и накапливались горизонтальные тонкозернистые отложения, и в периоды, когда вода высыхала. В это время яма заполнялась обломочными комковатыми глинисто-суглинистыми отложениями, сформировавшимися за счет осыпания, ветрового переноса и оплывания в период выпадения редких дождей, и хорошо видными на фото (рис. 11).

Оставленная бровка позволяет детально рассмотреть разрез ямы над той частью сооружения, где гипотетически могло быть захоронение.

Для полноты картины делается следующий монтаж:

А. Показывается разрез;

Б. Показывается интерпретация разреза и фотография стенки.

Рис. 11. Общий вид на раскоп мавзолея.
На заднем плане видна наружная стена Чирик-рабата

Здесь в разрезе оставленной бровки можно выделить следующие этапы накопления осадков (рис. 12, 13):

Слой 10. Основа из бурых глин.

Слой 2. Отложения, накопившиеся в водной среде. Слоистый горизонтально залегающий слабовогнутый суглинистый слой, состоящий из светло-серых и более темно-серых слоев. Генезис этого слоя – отложения неглубокого водоема, образовавшегося в результате накопления воды в яме.

Слой 3. Отложения, накопившиеся в сухой период за счет обрушения и осыпания. Этот мощный слой осыпной, образование которого связано с длительным осыпанием и смыванием в яму отложений со склонов.

Слой 4 и 5. Отложения, накопившиеся в водной среде. Это горизонтально залегающие в центральной части и подогнутые вверх в краевой части отложения, аналогичные слою, описанному выше. Слоистый слой, который указывает на постепенное перемещение водоема вверх по разрезу за счет более интенсивного смывания отложений с правого склона.,

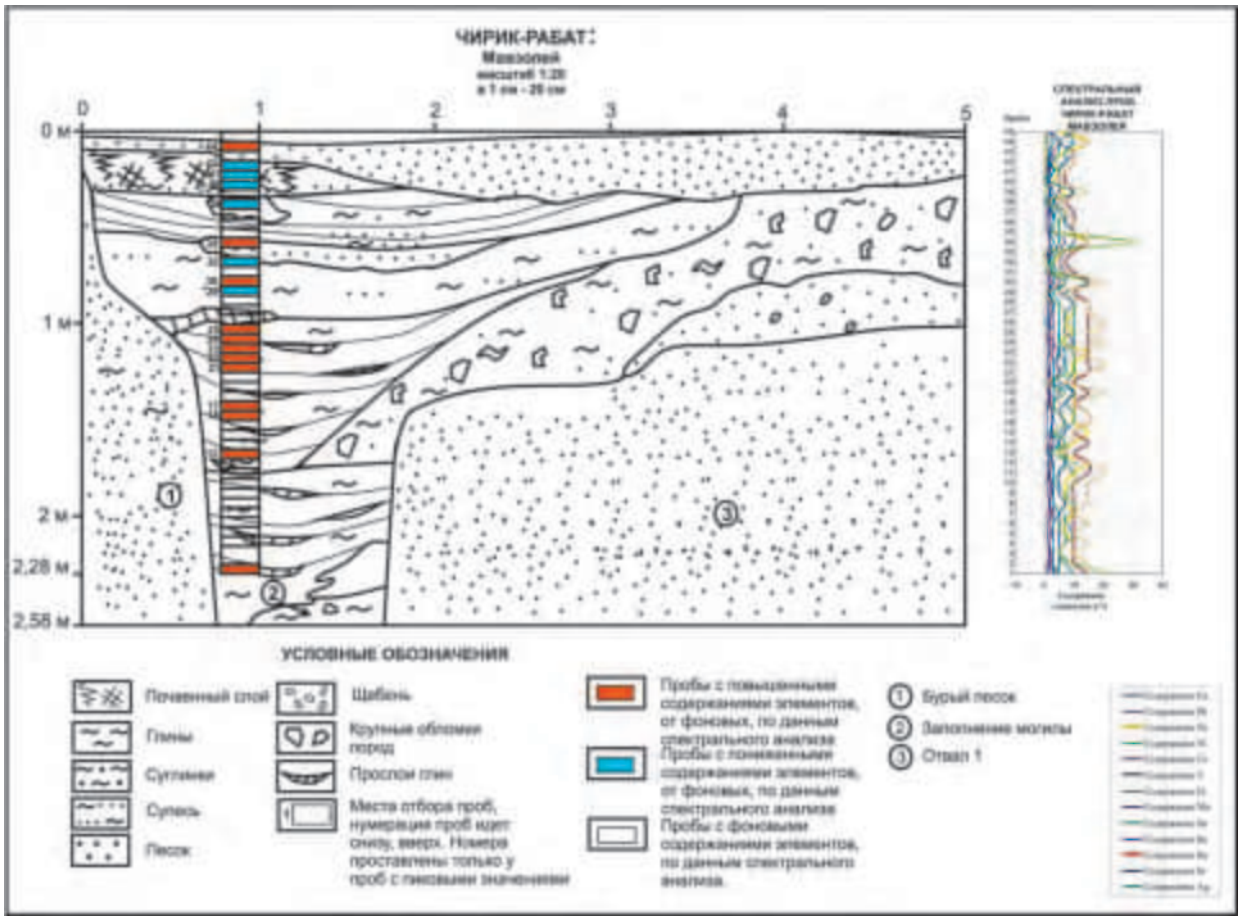

Рис. 12. Разрез стенки раскопа и данные спектрального анализа, полученные по пробам из стенки раскопа

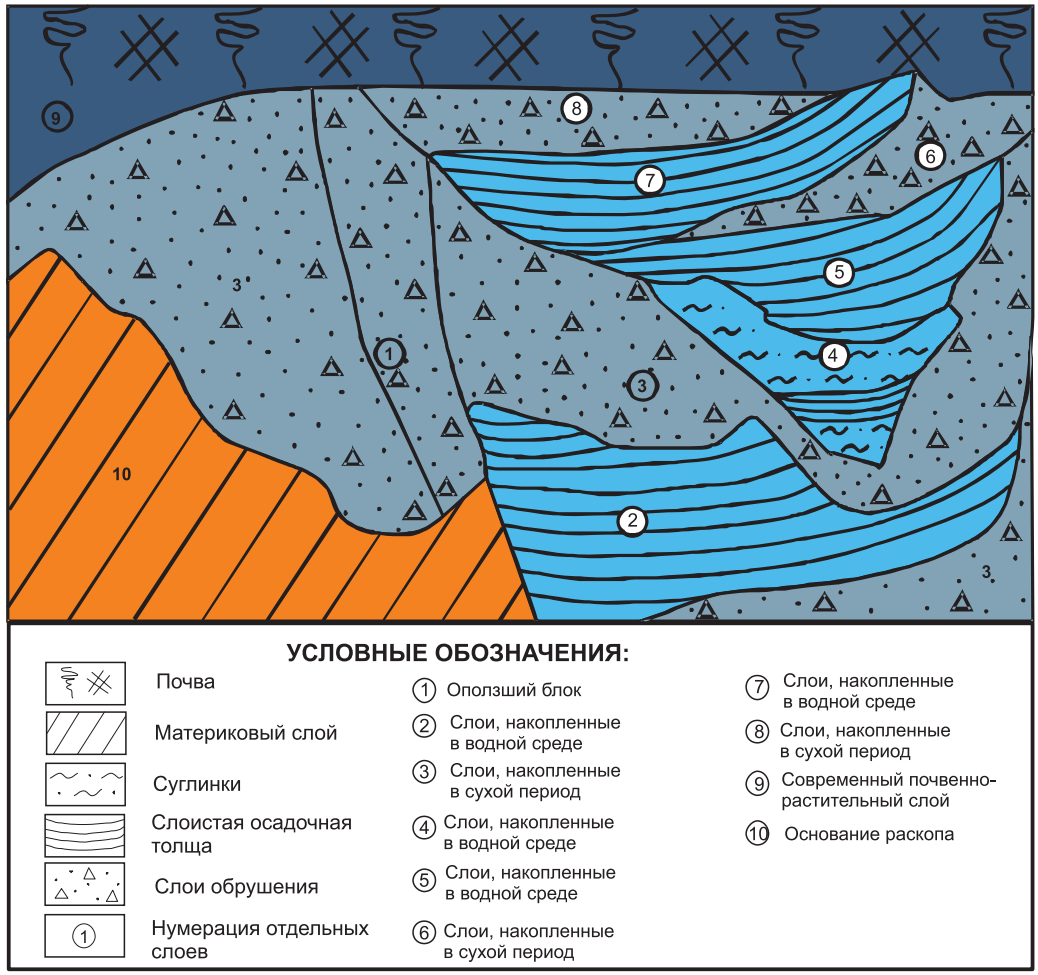

Рис. 13. Принципиальная схема соотношения отложений, накопленных в водной среде (голубой цвет) и в условиях сухого периода (серый цвет). Коричневый – цвет отложения основания. Рисунок выполнен по фотографии (рис. 14).

Рис. 14. Фото разреза. Красными линиями показаны контуры различных типов отложений

Слой 6. Отложения, накопившиеся в сухой период за счет обрушения и осыпания.

Слой 7. Отложения, накопившиеся в водной среде.

Слой 8. Отложения, накопившиеся за счет оползания и эоловых процессов после прекращения существовании водоема, и свидетельствует о постепенном уменьшении глубины ямы в центре мавзолея. Отложения несут следы переработки почвенными процессами.

Слой 9. Суглинистый, сложен супесями и современным пустынным почвенным слоем, который венчает разрез.

На фото хорошо виден также клиновидный блок (оползший блок) смешанных отложений (слой 1).

Вывод из данного разреза следующий: данная отрицательная форма сформировалась в результате либо перекопа. Эта отрицательная форма на протяжении длительного времени находилась под открытым небом и естественным путем заносилась материалом со склонов ямы. В весеннее – зимнее время, после таяния снега и выпадения дождей, здесь образовывались временные водоемчики (лужи), в которых накапливались тонкослоистые горизонтально – слоистые отложения. Этот водоем за счет постепенного обрушения со склонов рыхлого материала постепенно мелел.

По разрезу не видно, чтобы, кроме естественного процесса заполнения, имелись следы антропогенового вмешательства (рис. 12, 13).

Заключение

Корреляция климатических событий и реконструкция палеогеографической обстановки

Реконструкция палеогеографической обстановки на период существования городища Чирик-рабат произведена, исходя из результатов небольшого количества материалов, собранных в 2008 г.

Принципиальная схема строения этого участка дельты реки Сырдарья с протокой Жанадарья показана ниже, на рис. 15.

Протока имеет следующее строение: широкое русло, над которым возвышается два уровня поймы 1,5 и 3,0 метра.

Все впадающие в протоку притоки в настоящее время имеют сухие русла, а в местах слияния – небольшой перепад, слабо выраженный в рельефе. Этот перепад обусловлен периодическим действием протоки Жанадарьи, скорость донной эрозии которой, больше, чем у притоков.

Выше расположена первая надпойменная терраса, высота которой более значительна и достигает 5–8 метров. Ее поверхность через небольшой перегиб соединяется с пространствами основной дельты.

На первой террасе располагается городище Чирик-рабат.

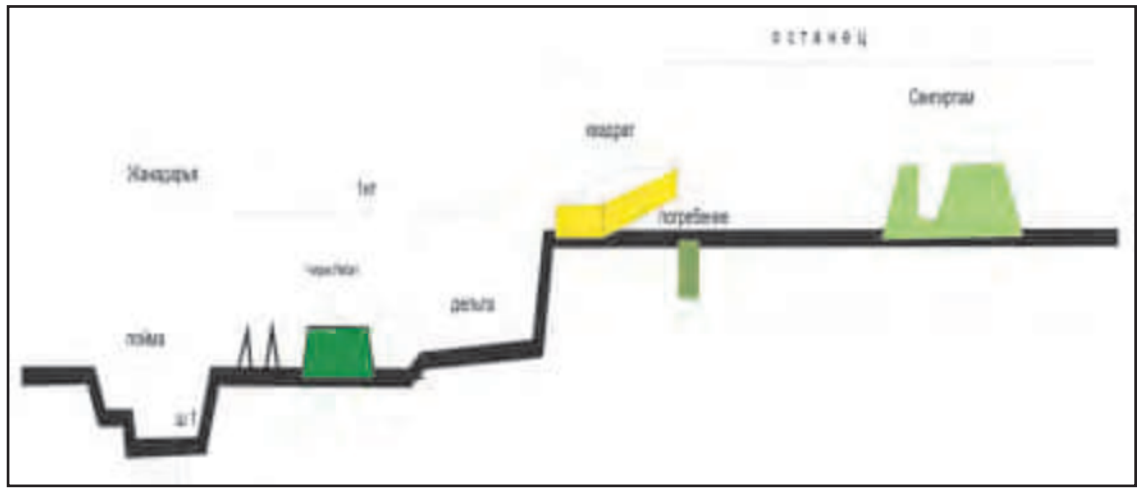

Рис. 15. Схема строения участка с археологическими объектами

В пределах внутренней части, огороженной двумя стенами, расположены крупные «царские» курганы поздне-сакского времени (рис. 17).

Таким образом, сакские (рис. 17) объекты определяют верхнюю границу формирования этой террасы. Что же касается поймы, то они имеют возраст от конца сакского времени до средневековья, во время которого здесь располагалось крупное средневековое городище.

То есть в средние века Жанадарья была полноводной, способной обеспечить водой значительное количество людей в этой пустынной местности. Об этом же свидетельствуют и спорово-пыльцевые спектры верхней половины разреза шурфа 1.

Судя по размеру дворцового строения и большому количеству

Рис. 16. Разрез внешней стены Чирик-рабата

Рис. 17. Курган сакского периода

помещений, и с учетом многочисленного обслуживающего персонала, и большого количества скота, необходимого для пропитания этого средневекового города, русло должно было быть полноводным на протяжении достаточно длительного времени.

Дно Жанадарьи после прекращения активного стока по ней стало постепенно зарастать и изменять свой рельеф. Однако периодический сброс воды по руслу корректировал эти процессы. Отложения, которые сформировались в русле до глубины 2,5 м, вероятно, накопились в течение исторического времени. Обширная низменная поверхность дельты со слабовыраженными протоками постепенно заносилась отложениями, приносимыми поверхностным стоком и эоловыми процессами, и сейчас практически не выделяется в рельефе. И только небольшие, слабовыраженные в рельефе, перегибы бывших береговых уступов и расположение на них артефактов разных эпох позволяет в ряде случаев реконструировать эти протоки.

Что же касается мнения об их антропогенном происхождении, то этот вопрос без раскопок решить нельзя.

Над дельтой, в разных ее частях, возвышаются останцы палеогеновых отложений, сложенных глинами со слоями кварцевых песков и песчаников, и прикрытых маломощными элювиальными (суглинки) и эоловыми песками, имеющими форму вытянутых гряд, ориентированных в субмеридиональном направлении. Именно на поверхностях этих останцов располагается участок с археологическим объектом Сенгиртам. Эта древняя поверхность останцов возвышается над окружающими низменными равнинами, и именно здесь сохранился пока крупный шлаковый курган Сенгиртам и огромный, примерно 200×200, огороженный стеной участок (ограда) квадратной формы. По своему времени, вероятно, относится к эпохе бронзового века?

Для корреляции разреза ниже приводятся материалы по Аральскому морю и Балхашу.

Можно предположить, что наиболее неблагоприятные климатические условия в Арало-Балхашском регионе падают на период 1100–1200 (см. рис. 25). После этого был благоприятный период на уровне 1500–1600. Возможно, в это время и позже восстанавливался сток по руслу Жанадарьи и условия жизни около нее становились благоприятными.

Кратковременные исследования на объекте Чирик-рабат показали сложное строение этого участка древней дельты и сложное взаиморасположение археологических памятников. Для реконструкции палеогеографической обстановки времени существования археологических объектов необходимо более детальное обследование района не только русла Жанадарьи, но и других русел в области древней дельты р. Сырдарьи, а также более полное опробирование и проведение различных анализов.

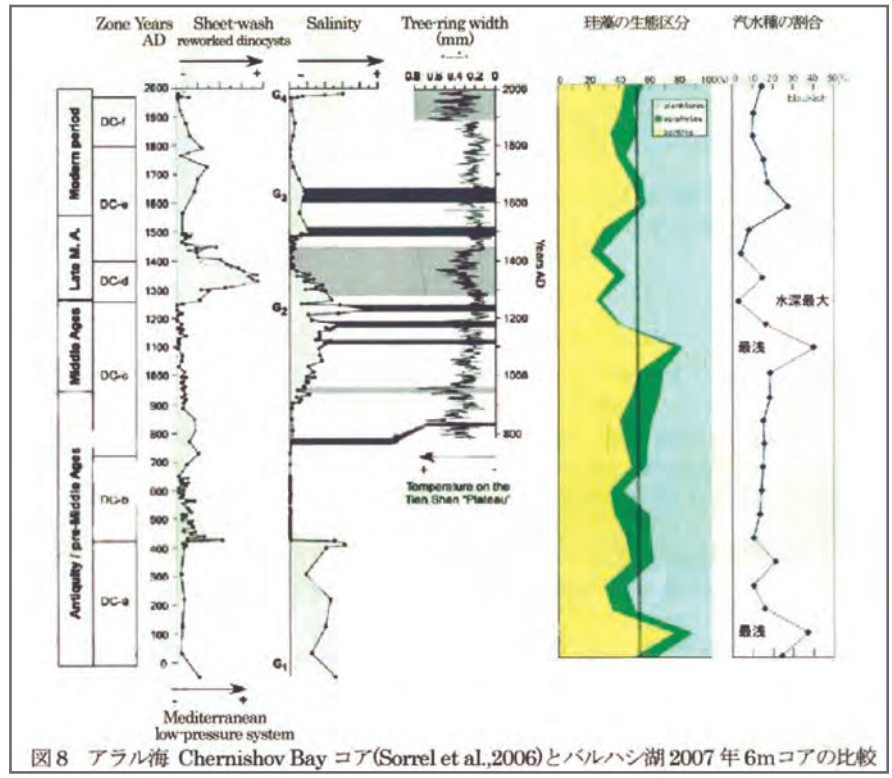

Рис. 18. Схема сопоставления колебания солености и изменения фауны в Арало-Балхашском регионе по материалам Сорел (Сорел, 2006) и Ендо (Ендо и др., 2008)

Литература

1. *Endo K., Komori J., Sohma H., Haraguchi T., Chiba T., Yoshinaga Y., Miyata K., Nakayama Y., Ogino S., Sugai T., Kubota J., Aubekerov B., Sala R., Deom J-M.* Preliminary report on level change deduced from the Balkhash Lake core 2007.

2. *Boroffka N., Oberhansli H., Sorrel P., Demory F., Reinhardt C., Wunnemann B., Alimov K., Baratov S., Rakhimov K., Saparov N., Shirinov T., Krivonogov S. K. and Rohl U.* (2006) Archaeology and climate: settlement and lake-level changes at the Aral sea. Geoarchaeology, 21, 7, 721–734.

3. *Sorrel P., Popescu S. M., Head M. J., Suc J. P., Klotz S. and Oberhansli H.* (2006) Hydrographic development of the Aral Sea during the last 2000 years based on a quantitative analysis of dinoflagellate cysts. Paleogeography, Paleoclimatology, Paleoecology, 234, 304–327.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Об изучении археозоологической коллекции из памятника Бабиш-мола 7 (2017 г.)

К. б. н. Гимранов Д. О.
(Уральский Федеральный Университет)

Всего изучено 507 костей млекопитающих и одна кость птицы. До вида определено 487 кости или 96,1 % (табл. 1). Большая часть собранных костей принадлежит домашним видам, дикие виды представлены единичными остатками сайги, архара и зайца. Установить принадлежность костей птицы и верблюда к домашним или диким формам этих животных, на имеющимся материале, затруднительно. Костей рыб в исследуемых материалах не обнаружено. Соотношение костных остатков домашних животных по площади вскрытых отложений (раскопы 1–3) памятника выглядит примерно одинаковым (табл. 2). Несколько отличаются раскопы 1 и 3 от раскопа 2 по соотношению количества КРС и лошади. Несмотря на это, доминирующим видом во всех раскопах является МРС. Нужно принять во внимание значительно меньшее число костных остатков в раскопах 1 и 3, в отличие от раскопа 2, который является самым богатым по количеству костей.

Крупный рогатый скот – *Bos taurus*

Этому виду принадлежит 50 костей (9,9 % от общего количества), минимально от 5 особей (табл. 1). Как видно из таблицы 3, кости большей частью раздроблены (76 %). Среди отделов скелета преобладают кости верхнего и нижнего отделов конечностей (табл. 4). Возрастной состав забиваемых животных определялся по состоянию зубной системы и прирастанию эпифизов к трубчатым костям. Из таблицы 5 видно, что в основном происходил забой взрослых животных (67 %). Это указывает на то, что большая часть стада крупного рогатого скота содержалось для получения молочного сырья. Одну треть стада составляют полувзрослые и молодые животные, которые, видимо, использовались в пищу.

Мелкий рогатый скот – *Ovis aries* et *Capra hircus*

Этой группе принадлежит 375 кости (74 %), минимально от 24 особей (табл. 1). Основываясь на данные таблицы 3, можно заключить, что степень раздробленности костей МРС большая (около 74 %). Эта цифра является заниженной, т. к. большее количество целых костей составляют таранные кости, которые являются одними из самых плотных и крепких костей. Среди трубчатых костей почти нет целых экземпляров. Часто от кости оставалась только средняя часть или верхняя и нижняя эпифизарные части, что косвенно может указывать на использование костного мозга в пищу. Среди отделов скелета преобладают кости нижнего отдела конечностей

(табл. 4). Этот показатель является завышенным из-за большого количества таранных костей, которые могли использоваться в сакральных целях, хотя следов обработки на них не обнаружено. Если посчитать соотношение костей отделов скелета МРС без учета таранных костей, то можно заметить достаточно выравненные показатели всех отделов скелета, что свидетельствует о том, что кости мелкого рогатого скота являются кухонными остатками. Возрастной состав забиваемых животных определялся по состоянию зубной системы и степени прирастания эпифизов к костям. Из таблицы 5 видно, что в основном происходил забой полувзрослых и молодых животных (78 %). Высокий процент этой возрастной группы животных указывает на то, что основное стадо мелкого рогатого скота содержалось для получения мясной продукции. Нужно отметить, что по роговому стержню удалось определить домашнюю козу в количестве одной особи. Определить точную видовую принадлежность других костей МРС пока затруднительно, но можно предположить, что большая часть костных остатков принадлежит овце.

Лошадь – *Equus caballus*

К этому виду отнесено сходное с КРС количество костей 52 экз. (10,2 %), минимально от 3 особей (таб. 1). Как видно из таблицы 3, степень раздробленности костей лошади наибольшая (86 %) среди трех групп домашних животных. Среди отделов скелета преобладают кости нижних отделов конечностей (табл. 4). Это может быть связано с тем, что в эту группу входят самые компактные и прочные кости, которые хорошо сохраняются. Возрастной состав, как и у других видов, определялся по состоянию зубной системы и прирастанию эпифизов к телу кости. Из таблицы 5 видно, что все кости принадлежат взрослым животным. Скорее всего, лошадей использовали, в первую очередь, как рабочую силу, а потом уже как источник питания. Возможно, население, оставившее этот памятник, самостоятельно лошадей не разводило, либо это происходило в другом, достаточно отдалённом месте, о чем свидетельствует отсутствие костей молодых животных.

Осел – *Equus asinus*

Этому виду принадлежит 2 кости – фрагменты метаподии и нижней челюсти, минимум от одной особи (табл. 1). Все кости принадлежат взрослому животному.

Верблюд – *Camelus sp.*

Определено 4 кости – фаланга 1, фаланга 2, позвонок и фрагмент зуба. Все кости, за исключением зуба, являются целыми и принадлежат взрослому животному. Установить домашней или дикой форме принадлежат костные остатки не представляется возможным.

Дикие животные

Архару (*Ovis ammon*) принадлежит верхняя часть лучевой кости, по имеющемуся фрагменту судить об индивидуальном возрасте животного достаточно сложно. Сайга (*Saiga tatarica*) представлена целой первой фалангой, судя по степени срастания верхнего эпифиза, кость принадлежит взрослому животному. Одна кость определена как большая берцовая зайца (*Lepus tolai*), верхняя часть кости взрослого животного.

Заключение

Большую часть определимых костных остатков составляют кости домашних копытных животных (95 %). Среди них основную часть занимают кости мелкого рогатого скота, что составляет 74 %. Второе место по количеству костей делят крупный рогатый скот (9,9 %) и лошадь (10,2 %). Можно заключить, что основой животноводства, у населения оставившего памятник, было разведение мелкого рогатого скота для получения мяса. Крупный рогатый скот выращивался в целях обеспечения населения молочной продукцией.

В материалах изученного нами поселения, как и в других памятниках раннего железного века Южного и Юго-Восточного Казахстана (Акишев, 1972; Benecke, 2003; Горячев, Егорова, 2015), доминирующей группой домашних животных является мелкий рогатый скот. Но в связи с достаточно малым количеством КРС и лошади, поселение Бабиш-мола 7 по структуре домашнего скота не может сравниться ни с одним синхронным памятником Казахстана и близлежащих территорий, где доля КРС и лошади значительно выше.

Список литературы

Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 31–46.

Горячев А.А., Егорова Т.А. Поселение раннего железного века в ущелье Бутаковка (юго-восточная окраина г. Алматы) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии / Сборник научных статей, посвященных памяти археолога К. А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 90–99.

Benecke N. Iron Age economy of the Inner Asian steppe. *A bioarchaeological perspective from the Talgar Region in the Ili River Valley* (Southeastern Kazakhstan). Eurasia Antiqua № 9. 2003. P. 63–84.

Виды	**Количество костей/особей**	**Количество костей в %**	**Количество костей в %, без неопределимых**
Крупный рогатый скот *(Bos taurus)*	50/5	9,9	10,2
Мелкий рогатый скот *(Capra* et *Ovis)*	375/24	74,0	76,8
Коза домашняя *(Capra hircus)*	1/1	0,2	0,2
Лошадь *(Equus caballus)*	52/3	10,2	10,7
Осел *(Equus asinus)*	2/1	0,4	0,4
Сайга *(Saiga tatarica)*	1/1	0,2	0,2
Архар *(Ovis ammon)*	1/1	0,2	0,2
Верблюд *(Camelus sp.)*	4/1	0,8	0,8
Заяц толай *(Lepus tolai)*	1/1	0,2	0,2
Птица *(Aves)*	1/1	0,2	0,2
Млекопитающие, не определимые	19	3,7	
Всего:	507	100,0	488

Таблица 1. Видовой состав костных остатков с поселения Бабиш-мола 7

Виды				
	Лошадь	**КРС**	**МРС**	**Неопределенные кости**
Раскоп 1				
Абс.	2	7	26	12
%	4	15	55	26
Раскоп 2				
Абс.	45	30	306	5
%	12	8	79	1
Раскоп 3				
Абс.	2	12	39	1
%	2	22	72	2

***Таблица 2**. Характеристика видового состава костных остатков в соответствие с участком раскопа*

	Крупный рогатый скот		**Мелкий рогатый скот**		**Лошадь**	
	Ц*	**Ф***	**Ц**	**Ф**	**Ц**	**Ф**
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
Череп		2		19		2
Нижняя челюсть		5	5	25		2
Зубы	5		13	7	14	16
Атлант			1	1		
Эпистрофей			1	2		1
Позвонки		3	3	39		1
Ребра		6	1	48		4
Лопатка	1	1	5	7		
Плечевая		5	1	16		
Лучевая		2		8		2
Локтевая			3	1		
Метаподия	1	5	3	11	1	1
Таз		1	2	9		1
Бедренная				28		
Большая берцовая		5		20		1
Коленная чашечка	1		2			
Таранная	2		48			

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Пяточная	2		9			
Мелкие кости запястья и заплюсны	2		6		4	
Фаланга 1			3	19		1
Фаланга 2	1			9	1	
Абс. экз. (без учета зубов)	11	35	93	269	5	32
Абс. %	24	76	26	74	14	86

*Ц – целые и условно целые кости; Ф – фрагменты.

***Таблица 3**. Состав элементов скелета крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади*

Отдел скелета	Крупный рогатый скот		Лошадь		Мелкий рогатый скот	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Голова	7	17	4	25	49	16
Туловище	9	22	6	38	96	30
Верхний отдел конечностей	12	29	3	19	48	15
Нижний отдел конечностей	13	32	3	19	123	39
Всего:	41	100	16	100	316	100

***Таблица 4.** Соотношение отделов скелета лошади, крупного и мелкого рогатого скота (изолированные зубы не учитывались)*

Возраст	Вид
	Крупный рогатый скот
Старые особи	2
Взрослые особи	67
Полувзрослые и молодые особи	31
	Мелкий рогатый скот
Старые особи	0
Взрослые особи	22
Полувзрослые и молодые особи	78
	Лошадь
Старые особи	0
Взрослые особи	100
Полувзрослые и молодые особи	0

Таблица 5. *Возрастной состав крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади (%)*

Возраст	**Вид**
	Крупный рогатый скот
Старые особи	2
Взрослые особи	67
Полувзрослые и молодые особи	31
	Мелкий рогатый скот
Старые особи	0
Взрослые особи	22
Полувзрослые и молодые особи	78
	Лошадь
Старые особи	0
Взрослые особи	100
Полувзрослые и молодые особи	0

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Минералого-петрографическое описание изделий из камня

Инженер-геолог Габитова У.
(Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева)

I. Бабиш-мола 7
под. мат.

Средне-крупнозернистый песчаник розовато-серого цвета на кремнистом цементе.

II. Бабиш-мола 7.
Раскоп 2

Среднезернистый рассланцованный песчаник на глинисто-карбонатном цементе палевого цвета с красноватым оттенком. Реакция на HCl бурная. Порода обогащена окислами железа.

III. Бабиш-мола 7.
Раскоп 2

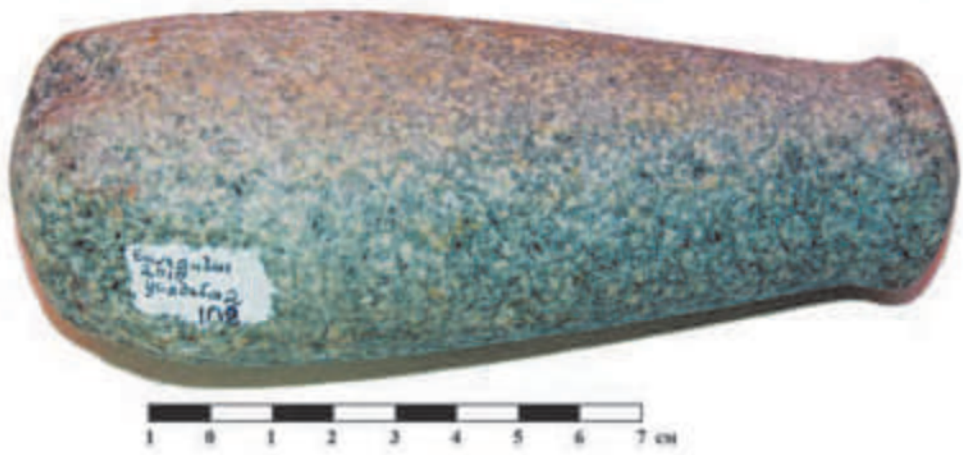
Среднезернистый песчаник светло-серого цвета на карбонатном цементе. Реакция на HCl бурная.

IV. Баланды.
Усадьба 2

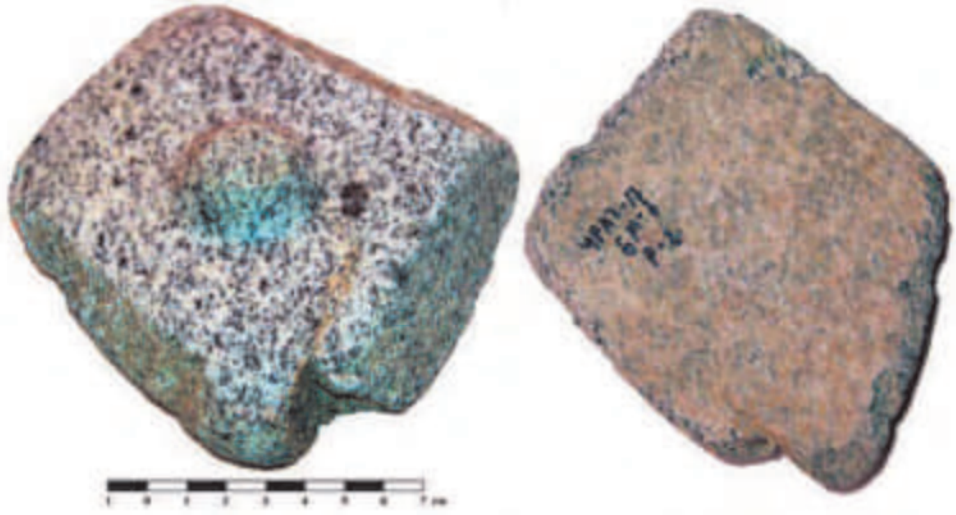
Алевролит темно-серого цвета. Порода плотная, равномернозернистая со следами первичной слоистости.

V. Баланды.
Усадьба 2
102

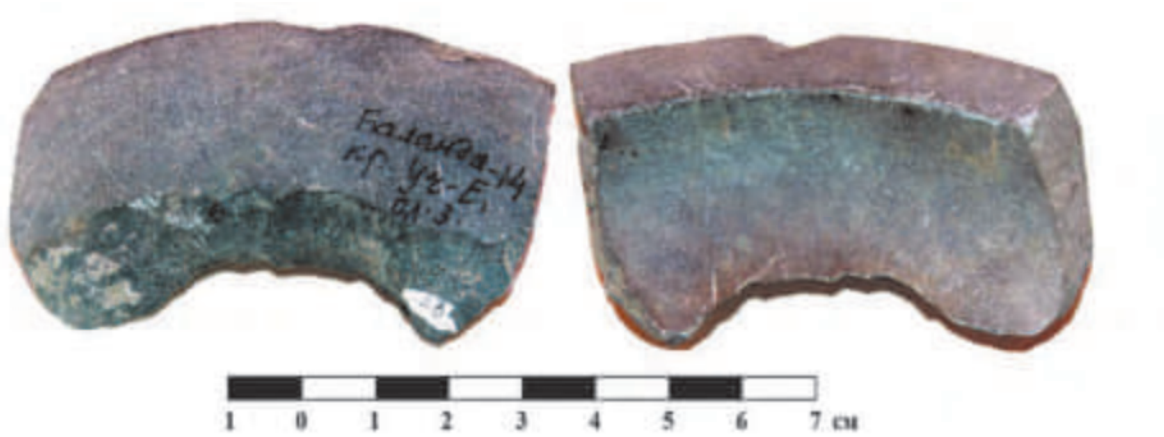
Порода, из которой изготовлен образец (пестик), представляет собой гранит серого цвета, сложена калиевым полевым шпатом и кварцем, а также зернами кислого плагиоклаза – альбит-олигоклаза. Количество темноцветного минерала около 20 %. Структура среднезернистая. Текстура массивная.

VI. Бабиш-мола 7.
Раскоп 2

Порода, послужившая материалом для изготовления обр. II, полностью аналогична описанной выше (обр. I). Карбонатная корочка, наблюдаемая на внутренней стороне изделия, вторична, образована уже на изделии.

VII. Баланды.
Кр. уч. Е, слой 3

Алевролит темно-серого цвета. Порода плотная, мелкозернистая, равномернозернистая, текстура массивная. Есть следы вторичных изменений – ожелезнение, хлоритизация.

Песчаники, из которых изготовлены «жернова» (обр. I–III), весьма разнообразно и широко представлены на изучаемой территории. Выходы же пород (Алевролит), послуживших материалом для изготовления элемента посуды (обр. IV), не характерны для данной области. На основании чего можно предположить, что данный предмет утвари был изготовлен далеко за пределами изучаемой стоянки. Косвенным доказательством чего является и сильно отличающийся технологический уровень обработки материала.

Граниты, из которых изготовлены первые два образца (обр. V–VI), весьма широко представлены на изучаемой территории. Выходы же пород (Алевролит), послуживших материалом для изготовления элемента посуды (обр. VII), не характерны для данной области. На основании чего можно предположить, что данный предмет утвари был изготовлен далеко за пределами изучаемой стоянки.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛҒЫ СӨЗ 7

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

INTRODUCTION 11

ВСТУПЛЕНИЕ 13

ГЛАВА 1. Освоение человеком Юго-Восточного Приаралья в древности. Краткий очерк. 23

ГЛАВА 2. Поселение Баланды (Буланды) 40

ГЛАВА 3. Археологические исследования на территории Бабишмолинского оазиса 96

ГЛАВА 4. Керамика чирикрабатской культуры по материалам раскопок поселения Бабиш-мола 7 182

ГЛАВА 5. Земледельцы низовьев Сырдарьи в системе древних культур Центральной Азии во второй половине I тыс. до н. э. 237

ЛИТЕРАТУРА 262

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Технико-технологический анализ керамики Баланды и Бабиш-молы 7 *(Калиева Ж. С.)* 273

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. О таксономической принадлежности фрагментов растений из археологического объекта Бабиш-мола 7 *(Нигматова С. А.)* 286

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Результаты анализа стабильных изотопов на материалах памятников Бабиш-мола 7, Баланды, Чирик-рабат *(Ананьевская Э.)* 288

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Природные условия и палеогеографические процессы района археологического памятника Чирик-рабат *(Аубекеров Б. Ж., Нигматова С. А., Перевозов С. В.)*. 294

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Об изучении археозоологической коллекции из памятника Бабиш-мола 7 (2017 г.) *(Гимранов Д. О.)* 311

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Минералого-петрографическое описание изделий из камня *(Габитова У.)* 317

Научное издание

Труды Института археологии им. А. Х. Маргулана, том I

Курманкулов Жолдасбек
Болелов Сергей Борисович
Утубаев Жанболат Раймкулович

ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ НИЗОВЬЕВ СЫРДАРЬИ

Компьютерная верстка и дизайн
Храмовская О. А.

На обложке рисунок
С. Садыкова

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А. Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 26.10.2021 г. Формат 84×108 1/16
Усл. печ. л. __,__. Гарнитура «Times New Roman»
Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии

Для заметок

Для заметок